

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ **N4(82)**

МОСКВА 2012

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2012. № 4. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.э.н., проф. В.М. Сологубов (Екатеринбург);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нипа,*

С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,

e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

<http://www.econ.msu.ru/cd/311/>, <http://www.css.msu.ru>

Тираж 1000 экз.

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2012 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
С.Н. Булгаков: век одиночества (к столетию выхода в свет работы С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» и защиты им в Московском университете одноименной докторской диссертации)	9
<i>Н.И. Усик</i>	
Исследовательская значимость категории «хозяйство» в современном обществе	17
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
О движущих силах общественного развития	25
<i>А.А. Соболевская</i>	
Софиология С.Н. Булгакова в контексте Февральской революции 1917 г.	31
<i>В.С. Сизов</i>	
Библия как учебник управления	47
<i>А.И. Субетто</i>	
Ноосферная революция в системе научного мировоззрения на проблематику инновационного развития экономики в России и в мире	59
<i>Г.В. Христокин, Л.С. Воробьева</i>	
Православная теология начала XX века в поисках новых парадигм развития	64
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о принципах субсидиарности и солидарности на уровне государства	74
<i>П.М. Золин</i>	
Философия раннего отечественного предпринимательства	79
<i>С.В. Бирюков</i>	
«Госкорпорация по развитию Сибири и Дальнего Востока» и перспективы развития сибирского региона	86
<i>А.Э. Сидорова, В.А. Твердислов</i>	
Методология активных сред как основа обобщенных представлений об управлении в природно-антропогенных системах	97
<i>С.К. Казакова</i>	
К вопросу о критериях качества произведения современного искусства в контексте хозяйственной культуры	111
Раздел II	
Экономическая теория	
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Кризис глобализации и его системные последствия	123
<i>С.А. Дятлов</i>	
Энтропийная экономика: теоретико-методологический аспект	135
<i>С.С. Слепаков</i>	
Политико-экономические перемены — главный фактор инновационного обновления России	153
<i>С.Ю. Румянцева</i>	
Пропорции либерализма и дирижизма при стимулировании инновационного развития с учетом карты экономической конъюнктуры	161

<i>Н.В. Половинкина</i>	
Методологические основы исследования координации экономической деятельности.....	180
<i>К.В. Маркарян</i>	
Рациональная экономика: институциональный аспект	188
<i>О.В. Брижак</i>	
Российские корпорации: акторы и их интересы.....	199
<i>Н.М. Хабалашвили</i>	
Неадекватность применения некоторых экономических терминов и понятий в современных условиях	206
<i>И.С. Золкин</i>	
Внешнеэкономическая безопасность России: содержание, угрозы и оценка состояния.....	211
<i>Ю.С. Беккер</i>	
Интерпретация понятия «социальный капитал» в современной экономической теории и социологии.....	221
<i>Е.Ю. Мирошина</i>	
Поведение потребителя: заповеди М.В. Ломоносова в современной России.....	230
Раздел III	
Актуальная философия	
<i>К.В. Патырбаева</i>	
Макдональдизация и постиндустриализм: противоречия современности и философия Дж. Ритцера	237
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Отчуждение (тезисы)	243
<i>М.А. Зубанов</i>	
Постсовременность как новая стадия развития личного потребления.....	247
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Концепт антропологического хаоса в двух философских манифестах России XX века	253
<i>А.С. Нилогов</i>	
Проблема различения свободы мысли и свободы слова	266
Раздел IV	
Рецензии и отклики	
<i>В.А. Кутырёв</i>	
Бытие или Ничто	277
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Невесомость гранита	285
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
О Софии.....	290
Наши авторы	299

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

S.N. Bulgakov: Century of Solitude

(To the Centenary of Publication of «Philosophy of Economy»

by S.N. Bulgakov and His Presentation of the Same Title Ph.D. Dissertation

in the Moscow University)..... 9

N.I. Usik

Study the Significance of the Category «Economy» in Modern Society 17

T.Yu. Yakovets

On The Driving Forces of Social Development 25

A.A. Sobolevskaya

S.N. Bulgakov's Sophiology in February Revolution of 1917 Context 31

V.S. Sizov

The Bible as a Management Textbook..... 47

A.I. Subetto

Noosphere Revolution in the System of Scientific Worldview on the Issues of

Innovation Development of Economics in Russia and in the World..... 59

G.V. Christokin, L.S. Vorobieva

Orthodox Theology in the Beginning of the 21st Century

in Search of the New Paradigms of Development..... 64

R.Ye. Sokolov

Modern Canonical Philosophy of Economy in Catholicism:

to the Role of Subsidiary And Solidarity Principles on a State Level 74

P.M. Zolin

Philosophy of Early National Entrepreneurship..... 79

S.V. Biryukov

«The State Corporation for the Development of Siberia And the Far East » And

Prospects of Development of the Siberia Region..... 86

A.E. Sidorova, V.A. Tverdislov

The Methodology of Active Environments as the Basis of the Common

Understanding of the Management of the Natural And Human Systems 97

S.K. Kazakova

Quality Criteria for Contemporary Art in the Cultural Context 111

Part II

Economic Theory

V.T. Ryazanov

Crisis of Globalization And Its System Consequences 123

S.A. Dyatlov

The Entropy Economics: Theoretical And Methodological Aspects 135

S.S. Slepakov

Political and Economic Changes as a Main Factor of Innovative

Process in Russia 153

S.Yu. Rumyantseva

Economic Conjuncture Map as a Tool of Choice of Liberal or Dirigist

Innovative Strategies..... 161

<i>N.V. Polovinkina</i>	
Methodological Foundations of Investigation of Coordination of the Economic Activities.....	180
<i>K.V. Markaryan</i>	
Rational Economy: the Institutional Aspect.....	188
<i>O.V. Brizhak</i>	
Russian Corporations: Actors and Their Interests.....	199
<i>N.M. Khabalashvili</i>	
Inadequacy of Application of Some of the Economic Terms And Concepts in Modern Conditions.....	206
<i>I.S. Zolkin</i>	
Foreign Economic Safety of Russia: Content, Threats And Condition Assessment.....	211
<i>Yu.S. Bekker</i>	
Concept Interpretation of «Social Capital» in the Modern Economic Theory And Sociology.....	221
<i>E.Yu. Miroshina</i>	
Consumer Behavior: M.V. Lomonosov's Commandments in Modern Russia.....	230
Part III	
Actual Philosophy	
<i>K.V. Patyrbaeva</i>	
The Mcdonaldization of Society and Postindustrialism: Contradictions of Modernity and G. Ritzer's Philosophy.....	237
<i>A.Yu. Gorbachev</i>	
Alienation (Theses).....	243
<i>M.A. Zubanov</i>	
Postmodern as New Stage of Development of the Personal Consumption.....	247
<i>N.N. Rostova</i>	
The Theory of Anthropological Chaos in Two Philosophical Manifestos of Russia of XX Centuries.....	253
<i>A.S. Nilogov</i>	
Problem of Distinction of Freedom of Thought And Freedom of Speech.....	266
Part IV	
Reviews and Responses	
<i>V.A. Kutyrev</i>	
Being or Nothing.....	277
<i>I.G. Shevchenko</i>	
Granite Weightlessness.....	285
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
About Sophia.....	290
Our Authors	299

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

С.Н. Булгаков: век одиночества

(к столетию выхода в свет работы С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» и защиты им в Московском университете одноименной докторской диссертации)

Аннотация. Оценивается оригинальный творческий путь выдающегося русского мыслителя Сергея Николаевича Булгакова (о. Сергия) в связи со столетием выхода в свет его работы «Философия хозяйства», положившей начало новому плодотворному направлению гуманитарной мысли — философии хозяйства.

Ключевые слова: философия хозяйства, С.Н. Булгаков, философия, политическая экономия, теоретическая экономия, гуманитарное знание.

Abstract. Original career of an outstanding Russian philosopher Sergei Nikolaevich Bulgakov (Father Sergius) is estimated in connection with the centenary of the publication of his work «Philosophy of Economy», which had marked the beginning of a fruitful new direction of classical thought — the philosophy of economy.

Keywords: philosophy of economy, S.N. Bulgakov, philosophy, political economy, theoretical economy, humanities knowledge.

Сто лет назад, в 1912 г., в Москве, в России, родилась *философия хозяйства*, что произошло вследствие опубликования С.Н. Булгаковым своего труда «*Философия хозяйства*» и защиты его в Императорском Московском университете в качестве докторской диссертации. Это было исключительное событие, и даже не потому, что Булгаков открывал какое-то новое направление мысли, а по причине того, что это «открытие» грозило немалыми проблемами для ставших уже обыденными политической экономии и научной (позитивной) философии.

Как само произведение Булгакова, так и его защита перед ученым сообществом, совсем не склонным к возрождению метафизики, идеализма и креационизма, тем более к обращению к Софии Премудрости Божией, не говоря уже о самом Господе Боге Творце, явно выходили за рамки общепризнанных в тогдашней научной среде представлений о мире, природе, человеке, хозяйстве, экономике, знании, творчестве, восходивших к стихийно-материалистической, физикалистской в ос-

нове трактовке образования и эволюции Вселенной, появления в ней человека, его природно-неприродного бытия и такого же рода хозяйственной деятельности.

Несмотря на столь явное противоречие с официальной наукой, защита необычной диссертации прошла для ее автора вполне успешно: сказались, наверное, пошатнувшаяся в ходе кризиса западной цивилизации и характерного для нее сциентизма уверенность в непоколебимой правильности физико-материалистического подхода к обществу, человеку, сознанию, как и не полный еще переход ученой общественности на позиции атеизма и богоборчества, а также наличие у Булгакова некоторого числа выдающихся союзников из среды прежде всего философов. В общем, то ли Булгакову тогда повезло, то ли он и в самом деле смог в чем-то убедить оппонентов — хотя бы в необходимости расширения заинтересованного объекта внимания для познающего и размышляющего ума, обогащения исходной аксиоматики, перехода к какой-то иной парадигматике.

Философия хозяйства родилась-то родилась, а вот возрастая и развиваться вслед за рождением ей как-то не очень пришлось: не было ни подходящей для этого ученой атмосферы, хотя размыслительная почва уже явно имела место, ни сформировавшегося и приемлемого субъективного фактора, ибо Булгаков не столько просветил и убедил коллег по научно-экономическому цеху, сколько смутил и озадачил, как раз ровно настолько, чтобы признать возможность философии хозяйства, но не признать ее... необходимости. Пусть будет, — как бы порешил ученый мир, но лишь... в самом Булгакове, а не в университетском пространстве, где продолжали доминировать сциентизм, физикализм, материализм, позитивизм, а соответственно — научно-материалистическая философия, политическая экономия, социальный экономизм, где набирали силу кантитатизм и математизм.

Сам же Булгаков, захваченный уже не только философским идеализмом, но и, скажем так, теизмом («богоискательством»), как было принято ехидничать по такому поводу в «просвещенной» интеллигентской среде, оставил разработку собственно философии хозяйства, перейдя на общефилософскую и, выразимся так, светско-богословскую тематику. В конце концов, он, принявший в 1918 г. священнический сан, занялся полноценным, так сказать, уже не светско-, а свято-, богословием, в частности — богословской софиологией, что, правда, принесло ему больше колких терний, чем мягких лавров, но это уже особая — не философско-хозяйственная — проблема, не подлежащая здесь обсуждению.

Хорошо известно, что контрполитэкономическое, как и «контрэкономизменное», антимарксистское в основе своей учение Булгакова не

только не было широко поддержано в университетской и публицистической среде, но и было в конце концов, уже по приходу к власти большевиков-марксистов, попросту устранено из общественного размыслительного обихода, сама же булгаковская работа «Философия хозяйства» попала в мемориально-библиотечный спецхран, т. е. была подвергнута своеобразному интеллект-аресту.

Есть сведения (Ю. Семенов), что большевистский вождь И.В. Сталин был неплохо знаком с трудами Булгакова (надо полагать, и с «Философией хозяйства»), которые ему больше нравились, чем те же бердяевские, ибо стиль Н.А. Бердяева напоминал Сталину стиль Л.Д. Троцкого, а последнего, как известно, Сталин терпеть не мог вместе с его трудами. Так что большевики, видно, хорошо понимали, чьи труды понадежнее упрятать в тайный «чулан», кого из неугодных мыслителей высылать за границу (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин), кого периодически сажать в тюрьму (того же Бердяева) или же попросту расстреливать (П.А. Флоренский). Общее неприятие большевиками и тем же Сталиным булгаковской философии хозяйства не означало, что вожди российской компартии ничего не почерпнули полезного из трудов Булгакова, ибо строили «советско-социалистическое» хозяйство пусть и не по Булгакову, но и... sic!.. не по Марксу: они строили и построили не что иное, как освященное якобы марксизмом тотально-государственное хозяйство, которое хоть и не соответствовало взглядам Булгакова, но было все-таки ближе к реальности, чем разоблаченные Булгаковым марксо-марксистские утопии. Ах, если бы большевики услышали идейно-духовные мотивы в творчестве Булгакова, возможно, все было бы у них и по-другому, более органично, устойчиво и перспективно, но... не услышали, не хотели услышать, да и не могли, ибо, быстро отказавшись от «солнечных» утопий и отдав временное должное ненавистному капитализму (нэп), занялись построением хозяйственно-политической «чрезвычайки» — плановой, или, точнее, плано-административной системы хозяйства, отличавшейся повышенной мобилизованностью, армейскостью, дисциплинированностью, репрессивностью, «тюремностью», но никак не хозяйственной свободой и непреодолимой экономической предопределенностью. Это был не капитализм, который тоже не нравился Булгакову, а ежели это и был социализм, то как раз тот самый — «казарменный», который тем более не нравился Булгакову, согласившемуся как-то, как бывший марксист, лишь на христианский социализм, впрочем, тоже весьма утопический.

Булгаков не выдвигал никакого системного действенно-политического проекта, он стоял лишь за вслушивание возможных проектантов в природу и прислушивание их к Богу, к Софии Премуд-

рости Божией, как раз для того, чтобы не попадать ни в зависимость от стоимости — денег и капитала, как на Западе, ни в капкан азиатского, милитарно-ордынского, тотально-государственного, как на Востоке, обустройства хозяйственной жизни. Разумеется, в своих размышлениях Булгаков тогда не полагал ни факта мировых войн, ни факта убийственного противостояния европейского фашизма с советским социализмом, ни вообще разошедшегося в XX в. агрессивного империализма. Видя кризис Западной Европы и той же Российской империи, Булгаков все-таки не исходил из возникавшей на его глазах остро-апокалиптической евромировой ситуации, требовавшей не спокойно-мирного, а напряженно-милитарного разрешения.

Булгаков проявлял себя сторонником христианского по духу хозяйствования, когда человек исходит не из личного эгоизма и не из общественного понуждения, а из Софии Премудрости Божией, пытаясь вести хозяйство и обустраивать жизнь на принципах уважения себя и себе подобных, хотя и не одинаковых и не равнозначных относительно друг друга, а также уважения природы, общественных ценностей, общего долга, общей ответственности, а главное — уважения, скажем так, Сакрала, или же попросту Господа Бога, что не исключало ни частной собственности и личной инициативы, ни экономики с ее деньгами, оценками и даже капиталами, но все это на основе и в рамках христианского солидаризма.

Булгаков не хуже других «реалистов» понимал, что в этом его побуждении немало было и утопического, но, во-первых, он не видел другого выхода; во-вторых, исходил не из конкретной практической модели человеческого жизнеотправления, а из приемлемой для выживания человечества идеологии; в-третьих, прекрасно понимал, что построение «правильного» общества — дело отдаленного будущего; в-четвертых, стремился отвести человека от надвигавшихся раздоров и разрывов, как и показать, что без возвращения к Богу и Софии у человека ничего путного никогда не получится, как не получилось у него с капитализмом, как и не получится с социализмом.

Булгаков выступил против безбожного гуманизма, доминационного экономизма, антисофийного предпринимательства и безмерного творчества, желая внести в человеческое хозяйство высший — *иномирный* — критерий, отводящий от слишком уж человеческих крайностей и ведущий человека трудящегося и творящего по-софийному — с соблюдением природной и сакральной меры — пути.

Фактически это была попытка возрождения... нет, не средневековья вовсе, а скорее, первохристианства, причем возрождения вполне творческого — софийного, вовсе не догматического.

Чем-чем, но догматизмом Сергей Булгаков, он же о. Сергей, никак и никогда не страдал — ни в тенетах политической экономии, ни в тисках философии, ни в рамках богословия, за что, видно, и получил тройственное прозвание еретика — политэкономического, философского, богословского. Философско-хозяйственный прорыв Булгакова не оценен по достоинству ни политэкономами, ни философами, ни богословами. Экономисты не видят в Булгакове продуктивного экономиста-теоретика, философы — доказательно-утвердительно философа, богословы — приемлемого для церковной систематики мыслителя.

Выходит, был некий страстный возмутитель научного, философского и богословского спокойствия, носивший имя Булгаков, что-то такое острое и говорил, но... как бы для себя только и говорил, не воспринятый и не признанный специализированными умственными сообществами, кроме, разумеется, отдельных их представителей. И никто из отрицателей необычайного вклада Булгакова в человеческую (не гуманитарную и не обществоведческую, а именно человеческую!) мысль не задумывается над тем, почему же Булгаков не удовлетворился добытым человеком или же данным человеку знанием, а кинулся на размыслительный простор, ища новых решений уже за пределами научной, философской и даже богословской догматики, но что при этом примечательно: не отрицая вообще ни науки, ни философии, ни догматического богословия.

Важно иметь в виду, что Булгаков совсем не пытался дополнить, подправить или как-то усовершенствовать уже признанное знание, он устремился к воистину новому, во многом уже и *иному* (не инаковому, другому, а именно *иному* — от *иномирья*) знанию — об окружающем мире, человеке, хозяйстве, экономике, даже и о самой Софии Премудрости Божией, делая, возможно, не во всем и не всегда верные шаги, допуская какие-то ошибки, но тем не менее упорно идя первопроходцем то ли по чудесным образом избранному им, то ли его промыслительно избравшему, пути.

Это был по-настоящему великий творческий подвиг — подвижнический, жертвенный, аскетичный, который мог совершить только искренний, мужественный, образцово подготовленный и явно призванный свыше человек-титан, не убоившийся упреков в обскурантизме и поповщине, в лженаучности и том же еретизме, не замерший перед непониманием и не спасовавший перед обвинительными в свой адрес филиппиками. Тут ведь важно не то, что Булгаков сказал буквально, а то, чем не удовлетворился Булгаков и к чему устремился его беспокойный гений, какой путь он открыл или же какой путь ему сам открылся. И судьей здесь не научные, философские и даже богословские

истины-догматы, а сама *реальность*, а реальность-то как раз явно была далека от того, чтобы огульно отрицать пронизательное видение Булгакова и его выдающийся творческий вклад в сознание человека и его мысль.

И вовсе не догматическим должно было бы быть отношение думающих потомков к булгаковскому размыслительному наследию, в котором больше побуждений и порывов, чем конечных заключений и утвердительных формул. Философия хозяйства, по Булгакову, — более возможность мыслить в ином, чем в общественной науке и в позитивно-материалистической философии, направлении — идеально-метафизическом, — это более всего иной, совершенно свободный ход рассуждений, чем стройно систематизированное и влюбленное в себя готовое знание, всюду претендующее лишь на безоговорочное себя усвоение. И дело тут не в том, что Булгаков не разработал своего учения до пропедевтической кондиции, а в том, что любое метафизического толка философско-хозяйственное учение принципиально не может стать научной *теорией* — замкнутой на саму себя системой законченных-де понятий, категорий и формул, обычно в университетах и преподносимой, ибо философия хозяйства не отворачивается как наука с позитивной философией от *трансцендентности* мироздания природы, человека, хозяйства, а с удовлетворением их трансцендентность признает, как и в себя ее включает. Вот почему философию хозяйства нельзя менторно преподнести и легко ученически усвоить, в философию хозяйства можно лишь войти — и удастся это, увы, совсем немногим.

Много званых, да мало призванных!

Отсюда проще отвергнуть Булгакова с его философией хозяйства, высокомерно указав на его незначимость для высокой экономической теории и изысканной интеллект-философии, как и неважность и ошибочность его богословских изысканий, чем реально вникнуть в булгаковскую идейно-духовную, полную не одних лишь посылок и догадок, но и вполне определенных суждений. И разве весь XX в. не является практическим подтверждением, с одной стороны, реализации того, от чего так пытался отойти Булгаков, а с другой — нереализации того, к чему Булгаков так отчаянно стремился, — однако реализации и нереализации во вред вовсе не Булгакову, а человеку вообще?

Не истина булгаковская должна привлекать внимание потомков, а булгаковское движение к истине, но вовсе не к булгаковской истине, а к Божией, что и дает метамыслителям и цель, и задачу, и размыслительный простор. Булгаков тут был первым (ну, пусть одним из первых, не так это уж и важно), и как первый достаточно за это первенство пострадал: и от непонимания и непризнания, и от догматического

критицизма, и основательной попытки забвения, и от постбулгаковского отрицания булгаковского вклада в общечеловеческую мысль.

Как ни крути, но в сердцевине булгаковского наследия находится его *философия хозяйства*, хотя сам он, наверное, более склонялся к тому, чтобы считать за оную *софиологию*. Последняя, надо полагать, все-таки вершина творчества Булгакова, а вот философия хозяйства — явная, целостная и пружинистая сердцевина. Булгаков сначала шел к философии хозяйства — как искатель новой универсальной парадигмы, затем из нее весь и вышел — как уже творец новой универсальной мысли.

Вот почему философия хозяйства — не отрасль науки и не раздел философии, тем более богословия, а самостоятельная сфера человеческой мысли, в ядре своем способной, как чудесный ларец, вбирать в себя все и вся, служить, как какой-нибудь магический кристалл, просмотру и осмыслению всего и вся, и, наконец, быть, как сказочный плодотворный очаг, источником мысли для всего и вся. Это-то и показал Булгаков, хотя это-то менее всего и было современниками и потомками замечено и достойно оценено.

Несмотря на вполне социабельную личную жизнь: учеба в университете, семья, профессорство, журналистика, депутатство, дружество с коллегами-мыслителями, участие в ученых форумах и церковных собраниях, полнокровная православная жизнь, священство, деканство в Париже, Булгаков-творец не мог не остаться и таки остался в *одиночестве*, опять же не потому, что не имел сторонников, одобрителей и последователей, а вследствие того, что его творческий путь не мог не стать и таки стал кремнистой дорогой творца-одиночки. И даже кем-то понятый и признанный, поддерживаемый и защищаемый, он всегда оставался и остается до сих пор одинокой мерцающей звездой на софийно-размыслительном небосклоне — и опять же не потому, что его не знают как крупного мыслителя, не читают его примечательных книг и не доносят до слушателей его уникального мыслиезъявления, а лишь потому, что он, как истинно своеобразный творец, выбивающийся из всех возможных знаниевых миров-систем, должен был остаться при жизни, остается сейчас и навсегда останется мастером-одиночкой, не тиражируемым, широко не пропагандируемым и не развиваемым уникалом, причем уникалом вполне универсального покроя.

Можно, наверное, стать булгаковедом, но вряд ли полностью адекватным булгаковскому наследию; можно считать себя булгаковистом, но никак, надо полагать, не стать при этом ни его аналогом, ни ему адекватным подражателем; можно быть даже ярким критиком Булгакова, его умственно-духовного наследия, но, несомненно, очень неудачливым критиком, ибо булгаковская мысль за пределами обыденности и

столь же обиденной критики. Остается принимать Булгакова и его мысль такими, какие они есть, не стремясь ни к «памятничеству», ни «подхватничеству», ни «разоблачительству», но при этом вполне достойно воодушевляться от Булгакова и вполне продуктивно питаться его искрометной мыслью, ничего из им содеянного не превращая ни в священный догмат, ни в конечную истину, ни в неприкасаемый музейный экспонат. Но зато ничего не объявляя ни домыслом, ни заблуждением, ни ошибкой. Тут достаточно личного несогласия, но с той оговоркой, что несогласие это должно быть вполне обосновано, причем на том же творческо-поисковом уровне, что и у самого Булгакова. Отрицать Булгакова, используя небулгаковские знания и подходы, непозволительно, тем более, что вокруг... реальность, да еще и с ее всегдашним критическим вниманием к человеческим измышлениям.

Посетившее и посещающее до сих пор Булгакова и его творческое наследие одиночество никак не унижает и не оскорбляет великого русского мыслителя, лишь выделяя его из текущего обиденного контекста, подчеркивая оригинальное место в отечественной и мировой идейно-духовной истории. Внимающий да внемлет, а остальное неважно: тщета никогда не одолеет вечности! Мысль Булгакова принадлежит вовсе не какому-то текущему историческому моменту, а самой трансцендентной вечности, среди которой и одиночество уже не одиночество, а... всеобщность!

Что ж, случился-таки век булгаковского одиночества, что и придется сегодня констатировать, но где век, там и... вечность — и не отринуть «булгаковщину» за ненужностью, не закрыть ее как несостоятельность, не отмахнуться снисходительно как от чудачества, ибо Булгаков со своим наследием принадлежит *иному миру*, который имманентному человеческому суду вполне и недостижим!

Ставя и решая трудные вопросы, которые принято называть вечными, о. Сергей Булгаков, прожив в целом, несмотря на утеснения, отвержения и страдания, счастливую творческую жизнь, на что-то ответив, перед чем-то лишь замерев в недоуменном восхищении, ушел, смиренный, в вопрошаемую им вечность — стойкий, сосредоточенный, непоколебимый!

По документальному свидетельству очевидцев, лик о. Сергия просиял перед кончиной страстотерпца каким-то нездешним светом, а благоговевший перед творческим духом о. Сергия митрополит Евлогий, бывший главой православной церкви в Париже, по кончине Булгакова высказал догадку, что в момент своего просветления о. Сергей предстал перед Господом, и, отдавая должное творческому подвигу о. Сергия, позволил себе назвать о. Сергия Булгакова апостолом.

Н.И. УСИК

Исследовательская значимость категории «хозяйство» в современном обществе

Аннотация. Исследовательская значимость категории «хозяйство» проявляется в нахождении возможного пути позитивного развития современного общества: горизонтах видения решения проблем кризисов и границ развития рыночного хозяйства. Показана эволюция принципа координации в экономике от максимизации прибыли к максимизации добавленной стоимости. Предлагаемая автором общая институциональная модель может создать экономические условия хозяйствования.

Ключевые слова: хозяйство, границы, общая институциональная модель.

Abstract. Study the significance of the category «economy» is to find a possible way the positive development of modern society: horizons vision solutions to crises and the boundaries of the development of market economy. Shows the evolution of the principle of coordination in the economy of profit maximization to maximize added value. Proposed by common institutional model can create economic conditions.

Keywords: economy, borders, general institutional model.

Современное развитие экономики различных стран не вполне стыкуется с вопросами развития общества, социума, отдельной личности. Поэтому все более актуальными для мыслящего научного сообщества становятся исследования категории «хозяйство». По аналогии с границами рыночной экономики, которые не решают социальные вопросы, вопросы естественных монополий, образования (среднего, высшего, фундаментального), здравоохранения, инфраструктуры, наверное, надо исследовать и содержание, и границы хозяйства. Определяющим в исследовательской значимости категории «хозяйство» является утверждение Ю.М. Осипова: «“Хозяйство” явно не сводимо к “экономике”, оно значительно богаче и сложнее по смыслу... Экономика — частный случай хозяйства, его особая реализация, специфическая организация» [1, 110—111].

Продолжаются научные поиски экономических теорий, поскольку существующие не дают ответа на вопросы социальной справедливости, всестороннего развития личности и т. п. В наше время мейнстрима, основанного на индивидуализме и «невидимой руке» рынка, мы вновь и вновь возвращаемся к тем же задачам, что и век назад пытался решить С.Н. Булгаков в своей книге «Философия хозяйства». Ю.М.

Осипов актуализировал исследование категории «хозяйство», связанной с производством самой жизни и самого человека, не склоняясь «перед “гражданским” гедонизмом и “демократическим” гламуризмом» [2, 17].

Попытки размышлять о возможностях нахождения выхода из тупика, в котором находится мировая экономика и экономическая наука пока результатов не дали. Юрий Михайлович объяснил такое положение, выделив «науку-воззрение» и «науку-функцию». По его мнению, «наука теперь только фактор, только средство, только орудие... У такой науки нет воззрения, у нее лишь одни инструменты — воздействия, влияния, внушения, управления, помешательства» [3, 4]. Отсюда и его выводы об управленческом тоталитаризме. В мировой экономике появились такие инструменты, как курс валют, банковский процент, внедрение инноваций, с помощью которых осуществляется взимание глобальной финансовой ренты. Теперь уже стали говорить, что финансовые кризисы будут происходить не через десять лет (как было до настоящего времени), а каждые три-четыре года. Научно-физический подход к экономике привел к описанию реальности, пренебрегая ее концептуальным объяснением.

В условиях неопределенности Постмодерна рычаги воздействия на объект, так же как в Модерне, не всегда срабатывают. Это связано с тем, что в современном мире, наряду с причинно-следственными связями, существуют недетерминированные связи, когда следствие проявляется раньше причины. Исследование таких связей осуществляется с 1970-х гг. (Г. Хакен) как синергетический подход, основывающийся на концепции регулирующих (управляющих) параметров, т. е. небольшого числа наиболее важных характеристик, определяющих основные свойства и поведение системы. Такой подход отличается от рычагов воздействия менеджмента Модерна. Например, ожидания уменьшения объемов добычи сырой нефти в современном мире ведут к росту цен на нее. Проблемы энергетической и экологической безопасности стран приводят к активизации поисков возобновляемых источников энергии и зависимости от основных поставщиков. В менеджменте этот процесс можно назвать «конструирование будущего» на основе изменения управляющих параметров. Он основывается не на прошлых достижениях, а на будущих оценках. В таком случае будущее определяет настоящее, а не прошлое, как было в постиндустриальную эпоху. Таким процессам отвечает манипулирование управляющими параметрами (денежно-кредитная политика, ставки процента и технологические инновации) в глобальной экономической системе, отражающей меняющийся постиндустриальный мир, конструирующий будущее.

Так, при смене курса доллара в ту или иную сторону, в глобальной экономике дешевеют или дорожают ресурсы (финансовые, материальные, трудовые). Изменение процентной ставки Федеральной резервной системы (ФРС) США влияет на темпы роста ВВП и инфляцию в странах мира. Технологические инновации позволяют опережать конкурентов в борьбе за производство и сбыт товаров. Поэтому сильные страны мира привлекают высококвалифицированных специалистов со всего мира, чтобы контролировать процесс внедрения технологических инноваций.

Формирующиеся новые модели хозяйственного развития на базе творческого фактора, знаний и информации выдвигают на первый план гибкие организационно-управленческие методы, способные адаптироваться к изменяющимся правилам (институциональным условиям). Внешние воздействия со стороны различных субъектов глобального порядка на то или иное национальное хозяйство приводят к тому, что подрывается основа воспроизводственного процесса отдельно взятой экономической системы. Поэтому исследование в современных условиях необходимо переносить из области поиска оптимальных параметров развития национальной экономики как целостной самовоспроизводящейся системы в область поиска оптимального направления развития национальной экономики как части глобальной мирохозяйственной системы.

Фактической оперативной единицей становится деловой проект, осуществляемый сетью. Деловые проекты осуществляются в разных областях деятельности, таких как продуктовые линии, организационные задачи, территории. В американских компаниях обычно используют модель единой глобальной стратегии. Похоже, побеждает проект с учетом стран БРИК. В ближайшие десятилетия отношения взаимодействия между исторически сложившимися политическими институтами и все более глобализируемыми экономическими агентами будут важнейшими в моделях развития.

Прорывные исследования Ю.М. Осипова в области философии хозяйства показали научному сообществу, что «экономика в наиболее адекватной самой себе, т. е. наиболее экономической, выраженности, это, прежде всего деньги и цены, а эти последние вовсе не материальны и не механичны, а потому и не особенно научно-математически трактуемы и моделируемы... Деньги вовсе не в карманах и не в банковских хранилищах, а прямо в головах людских, и являются они вовсе не осязаемыми вещами, а всего лишь виртуальными цифрами...» [4, 12]. Экономика — не физический по своей сути объект познания, поэтому внедряемые экономические технологии не привели к выходу из кризиса науки, представляющей собой социально-гуманитарную

систему. Границы как для теоретической, так и практической (технологически-физикалистской) экономики давно обозначились, поэтому и случилось обращение к философии и категории «хозяйство». Поскольку философия хозяйства — мировоззренческое знание (Ю.М. Осипов), то исследование категории «хозяйство» вполне актуально, в том числе и для определения границ рыночной экономики. Ярким примером служит кризис неоклассической либеральной теории, определенный А.Г. Дугиным, как эвапоризация («испарение») фундаментала — баланса спроса и предложения. Рост цен на товары и услуги во всем мире в последние годы показал испарение этого фундаментала. Во-первых, Всемирная торговая организация (ВТО) устанавливает нормы и правила торговли во всем мире, тем самым ликвидируя рыночный принцип конкуренции. Во-вторых, в каждой отрасли появляются стратегические игроки, определяющие цены на товары и услуги, а производители подчиняются такому диктату. В-третьих, мировой рынок использует элементы государственного управления (налоговую, кредитно-валютную, таможенную политику, механизм регулирования цен, режим поведения внутренних и внешних инвесторов, финансово-денежную стабилизацию, структурную политику и т. п.) в качестве факторов функционирования рынка. В таком случае манипулирование государственной политикой в рамках национального государства не поглощает его, оно сохраняется как институт. При этом происходит структурное разделение мирового и национального уровней экономики и политики. Глобализация укрепляет позиции государства в его старой функции субъекта рационализации экономики и всех сфер жизнедеятельности, но при условии политической воли и ответственности руководства стран.

Ю.М. Осипов, продолжая научные поиски С.Н. Булгакова, предлагает обратиться к еще одному фундаменталу — к хозяйственному богословию, поскольку философия хозяйства — сакральное знание-размышление. На наш взгляд, преодоление границ рыночной экономики в его физикалистски ограниченном глобальном центре и выход к новым горизонтам связаны с метафизической мудростью [2, 20]. Расширение границ рыночной экономики до хозяйства, на наш взгляд, возможно в рамках предлагаемой нами общей институциональной модели, создающей экономические условия хозяйствования на основе комплекса условий, организующих экономическую деятельность в России: обеспечения институционального механизма ограничения экономической власти элит, использующей методы вне рыночного принуждения, что ограничивает конкуренцию и снижает эффективность; создания условий для превращения краткосрочных капиталов в долгосрочные; выработки принципов поддержания конкурентоспособ-

ности для применения технологических и нетехнологических конкурентных преимуществ. Модель базируется на совокупности конституирующих и регулирующих принципов В. Ойкена (1947), означающих законодательно закрепленные нормы и правила хозяйствования, изменяющиеся под воздействием результатов реализации установленных целей. Конституирующие принципы нацеливают политику государства на роспуск или ограничение экономических властных группировок; политико-экономическая деятельность государства должна быть направлена на создание форм экономического порядка, а не на регулирование экономического процесса. Если государство диктует валютный курс или устанавливает уровень заработной платы, то оно вовлекается в борьбу заинтересованных группировок [5, 60, 426]. Регулирующие принципы определяют роль правительства в защите конкурентности. Эти принципы согласуются с принципами разделения властей. Указанное положение вещей отражало этап развития стран в 1950-х гг. В настоящее время все национальные экономики переплетены различными кооперационными (корпоративными) взаимосвязями и образуют глобальную экономическую систему.

Социальная рыночная экономика является либеральной концепцией, отличающейся от классического либерализма принципом экономического соревнования, согласно ордолиберализму В. Ойкена, когда экономический порядок с рамочным планированием гарантирует соревнование, приближающее рыночное хозяйство к модели совершенной конкуренции, исключая возможность установления власти над рынком со стороны монополий и картелей...» [6, 566]. Но ее социальная направленность должна быть обеспечена целенаправленным вмешательством извне, носящим характер регулирования со стороны государственной экономической политики, корректирующей «провалы» рынка. Происходит сближение либерализма с дирижизмом на современном этапе развития общества.

Ю.М. Осипов отмечает чрезвычайно важное обстоятельство, связанное с существованием в российской экономике проблемы взаимосвязи рыночной трансформации и глобализации, в рамках которой отрабатывается системообразующая роль финансового капитала. Эта проблема, по его мнению, связана с тем, что западная наука ошибочно формирует хозяйство не ради производства или потребления, а ради денег. Поскольку это противоречит целям развития государств, то приводит к кризисам. Он считает, что наступила эпоха глобальной финансовой ренты [7, 26].

Горизонты видения решения проблем кризиса как науки, так и экономики связаны, в нашем понимании, с указанной общей институциональной моделью, ставящей преграды перерастанию идеи эффектив-

ности рыночной экономики в идеологию тотального рыночного общества. Рыночные законы не действуют там, где результат не имеет денежного выражения, где предложение ограничено или действует распределительная система. Это так называемые «провалы рынка», означающие его границы. Применение конкурентного механизма, основанного на критерии меньших затрат [8], к социальным институтам не гарантирует наилучших результатов, ведь самая дешевая школа или больница еще не обязательно лучшая.

Вместе с тем существование некоторых монополий является неизбежным, поскольку дублирование таких объектов, как трубопровод, линия электропередачи, железнодорожные и автомагистрали или занимающаяся исследованиями клиника, привели бы к неоправданным расходам. Стоимость привлекаемых дополнительно ресурсов превысила бы потенциальную выгоду от наличия конкуренции. В таких ситуациях главную роль играет регулирующий орган, призванный обеспечить то, чтобы данный объект был доступен всем желающим по разумной цене (социальный аспект). Однако регулирующие органы не всеведущи и не всезнающи. Принадлежащая им самим монополия на власть и так не всегда используется честно. Кроме «провалов» рынка, появляются «провалы» экономической политики, еще раз показывая границы экономики.

- *Компенсация так называемых «провалов» рынка и экономической политики.* Например, современный рынок России не может обеспечить стабилизацию уровня цен, и без вмешательства государства инфляция будет расти и дальше. Кроме того, существуют такие отрасли экономики, в которые частный капитал не «идет». Это особенно характерно для России, где становление рынков было связано с получением сверхприбылей для частных компаний (топливно-энергетический комплекс, оптовая и розничная торговля и др.). Никто, кроме государства, не может обеспечить импульс развития инфраструктуры на бескрайних просторах России, фундаментальных исследований, доведения получаемых результатов до уровня коммерческого использования, освоение космоса и т. п. Обеспечить инвестиционный климат в масштабах всей России может только государство путем создания институтов (в пределах отрасли это могут и компании-лидеры) и т. д.

- *Проведение определенного курса развития.* Придать заданную общую направленность экономике рыночный механизм не может. Достаточно вспомнить, к чему пришла стихийная российская экономика к середине 1990-х гг.: олигархический раздел рынков, стагнация всех основных отраслей, снижение жизненного уровня, автаркизация

регионов и неуправляемость экономики в целом. Сейчас в России утвержден план развития до 2020 г. на инновационной основе.

- *Самосохранение, защита государства.* Как правило, государства не осознают этой цели, но от этого она не исчезает. Функции государства в России состояли на первом этапе в переходе от командной к рыночной экономике, в создании институтов (структур) по координации деятельности субъектов создаваемых рынков товаров и услуг. Затем наступило время создания условий для формирования конкурентной среды. Государство — социальный институт управления обществом, возникающий в результате консолидации человеческого сообщества, его правил, норм общения, убеждений и верований относительно самих себя и мира. Лучше сказать не институт, а совокупность социальных институтов.

Хозяйствование во все времена было связано с соперничеством, с борьбой за рынки сбыта товаров, что получило название «конкуренция». В основе данного процесса принцип координации. Мы делаем вывод о наступлении новой эпохи, характеризующейся четвертым этапом эволюции принципа координации в экономике, осуществляемой конкуренцией. Первый этап представлял собой так называемую «невидимую руку» рыночной координации А. Смита (Великобритания) и выражался в снижении издержек массового производства координируемых рынком вертикально специализированных промышленных предприятий.

Второй этап Альфред Чандлер (1977) назвал «зримой рукой» иерархической координации, использующей организационные инновации команды менеджеров США.

Третий этап — решение проблемы путем совершенствования внутренней организации фирмы, а не производительности (снижении издержек). Такая позиция противоречит сложившемуся в 1990-е гг. в США и Великобритании представлению об экономике как объекте политики управления спросом центрального правительства.

Мы выделяем четвертый этап, основанный не на получении конкурентных преимуществ путем снижения издержек (первый и второй этапы) или получении стратегических преимуществ путем постоянного усовершенствования производственного процесса и продукта (третий этап), а путем использования системы экономической координации, в которой реализуется механизм согласования интересов бизнеса и целей развития общества [9].

Поиски выхода и значимость научных исследований категории «хозяйство» в экономической литературе обозначаются как изменения управленческих традиций от максимизации прибыли компаний к мак-

симизации добавленной стоимости. Хозяйство же нацеливает на производственный, а не финансовый труд [10, 33—38].

Стала очевидной необходимость выстраивания противовесов субъективным устремлениям получения все большей прибыли, характерным для развивающихся рынков. В России 1990-х гг. правительство вместо того, чтобы адаптировать рынок к социальным отношениям, сами эти отношения радикальным образом стали подгонять под требования рынка. Резкий уход государства из экономики породил деградацию всей социальной сферы. Возникший частный средний и крупный бизнес отказался от социальной сферы: ведомственного жилищного фонда, в том числе общежитий; детских дошкольных учреждений; домов отдыха, спортивных залов и т. д. Из-за нерешенности социальных вопросов экономика развивается крайне медленно. Мировые экономические рейтинги России по разным классификациям показывают главный провал экономической политики. Экономика показала свои границы невозможности решения социальных проблем. Исследовательская значимость же категории «хозяйство» проявляется в нахождении возможного пути позитивного развития современного общества, а значит, исследования в этой области будут продолжаться и категория «хозяйство» обогатит экономическую науку.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Хозяйство и экономика: единство, противоречие... антагонизм? // *Философия хозяйства*. 2002. № 3.
2. *Осипов Ю.М.* Мировой кризис и мир (непрошенные мысли) // *Философия хозяйства*. 2010. № 1.
3. *Осипов Ю.М.* Между временем // *Экономическая теория на пороге XXI века* — 6: В 2 кн. Кн. 1. *Философия хозяйства*. Кн. 2. *Теоретическая экономия* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2002.
4. *Осипов Ю.М.* Знание об экономике под присмотром естествознания и опекой философии // *Философия хозяйства*. 2010. № 6.
5. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики: М., 1995.
6. *Рих А.* Хозяйственная этика. М., 1996.
7. *Осипов Ю. М.* Экономика в лучах философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2003. № 2.
8. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказания услуг для государственных и муниципальных нужд. Федеральный закон РФ № 94-ФЗ от 21.07.2005.
9. *Усик Н.И.* Механизм функционирования принципа координации в экономике // *Электронный научный журнал СПбГУНиПТ*. Сер. Эко-

номика и экологический менеджмент. 2011. № 1. Режим доступа: <http://www.open-mechanics.com/journals> свободный.

10. Усук Н.И. Модель оптимизации добавленной стоимости предприятия // Экономический анализ: теория и практика. 2006. 24 (81). Дек.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

О движущих силах общественного развития

Аннотация. Рассматриваются триединые движущие силы общественного развития — духовные, морально-нравственные и материальные.

Ключевые слова: движущие силы общественного развития, национальный дух, система социокультурных ценностей, система социальных ролей, совесть, космические циклы, научно-технический прогресс, культурный процесс, исторический процесс, общественное сознание, общественное бытие.

Abstract. The article analyses the threefold driving forces of social development, namely spiritual, moral and material.

Keywords: driving force of social development, national spirit, system of social and cultural values, the system of social roles, conscience, cosmic cycles, technological change, cultural process, the historical process, social consciousness, social existence.

В марксистско-ленинской философии движущей силой общественного развития признавали классовую борьбу. Однако очевидно — возникла необходимость нового взгляда на развитие и движение общества, что предполагает переосмысление данной истины.

Анализ общественного движения начнем с рассмотрения особенностей составляющих его элементов — отдельных людей как первичных элементов системы «общество».

Будем придерживаться взгляда на человека как единство духа, души и тела (триединая сущность), высказанного в книге известного врача, св. Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого) [1]. Другой известный врач, имеющий четыре докторских степени, Г.Н. Сытин, в своих работах по духовно-воспитывающей медицине [2] основывается именно на таком взгляде, и его методика хорошо работает.

Поэтому, поскольку мы тоже считаем, что каждый элемент системы «общество — человек» состоит из духа, души и тела, полагаем, что

и вся общественная система имеет триединую сущность — духовную, душевную и материальную. Поэтому у общества триединые движущие силы общественного развития — его дух, морально-нравственная составляющая и материальный компонент. Рассмотрим в отдельности каждый из этих компонентов движущих сил.

О силе народного духа как основном факторе победы в войне с Наполеоном пишет Лев Николаевич Толстой в романе «Война и мир». Категория духа описывается и в философских работах Гегеля. Так, Гегель выделяет категории субъективного, объективного и абсолютно-го духа. Кроме того, он пишет и о национальном духе. *Принципом исторического развития является национальный дух*. Особое место в философской системе Гегеля отводится государству. Он пишет, что всей духовной реальностью, которой обладает человеческое существо, оно обладает только благодаря государству. «Государство есть божественная идея, как она существует на земле... Государство есть духовная идея, проявляющаяся в форме человеческой воли и ее свободы» [3, 767]. Таким образом, национальный дух существует в государственной форме. При этом *под национальным духом мы понимаем состояние национального сознания*. Его упадок ведет к социальной катастрофе, а подъем — к победе в освободительных войнах.

Национальное сознание существует в государственной форме, оно отражается в науке, религии, культуре, философии, политике, праве. В светском государстве большое значение для национального сознания играет идеология. В современной России отрицается какая-либо господствующая идеология, зато поддерживается многоконфессиональная целостность нашего государства как основа духовного единства российского общества. Философ хозяйства Ю.М. Осипов так характеризует дух российского государства: «Дух-то неопределенный, красочный, буйный. Он и небесный, и земной, и человеческий, и звериный, ибо Россия — страна духа вольного, рожденного на просторах, в беспределье» [4, 347].

Таким образом, одна из важнейших составляющих движущих сил общественного развития — движение национального духа.

Следующая компонента движущих сил общественного развития — душевная, т. е. морально-нравственная. Мы исходим из того, что *человек есть одухотворенное общественное животное*. Поэтому он отличается от обычного животного наличием мотиваций: как внешней (общественной), так и внутренней. Общественная мотивация — системы социокультурных ценностей и социальных ролей, которые задает человеку общество. Внутренняя мотивация — это, прежде всего, его совесть.

Первый компонент общественной мотивации — *системы социокультурных ценностей* — которые обуславливают основные различия между цивилизациями Земли (они включают в себя религию, науку, образование, культуру, этику, идеологию). Питирим Сорокин сгруппировал их в три большие группы: идеациональную, чувственную и идеалистическую (интегральную) системы ценностей [5]. При исчерпании потенциала системы ценностей — как идеациональной, так и чувственной — наблюдается духовный кризис. В России такие кризисы перерастали в социальные катастрофы. Так, социальная катастрофа Смутного времени начала XVII в. протекала при кризисе идеационального средневекового строя, революционная социальная катастрофа начала XX в. соответствовала этапу кризиса чувственного социокультурного строя. Социальная катастрофа в России в конце XX в. соответствует этапу зарождения *виртуальной* системы социокультурных ценностей, о которой Питирим Сорокин не мог писать, так как при его жизни этот феномен еще не существовал. С появлением Всемирной паутины — Интернета произошел отрыв виртуальных социокультурных ценностей от реальных. Еще рано говорить об основных особенностях виртуальной системы социокультурных ценностей — она только формируется. Можно сказать только одно — эта система изменяет привычный пространственно-временной порядок коммуникаций и систему мотиваций человека.

Система социальных ролей — второй компонент общественной мотивации человека. В каждый конкретный момент времени в рамках государственной структуры задается определенная система социальных ролей, которая отражает особенности сложившейся в стране системы общественного разделения труда. Система социальных ролей консервативна, она формирует у жителей страны профессиональную мотивацию. Но в период социальных катастроф происходит слом сложившейся системы социальных ролей, и в мотивации граждан усиливаются криминальные установки.

Питирим Сорокин, анализируя кризисные этапы развития общества, вывел *закон моральной поляризации общества* [6, 198] на этих этапах. Это справедливо и для периодов социальных катастроф. Но для периода созревания социальных катастроф характерна особенность слома системы социальных ролей — обычно социальная катастрофа происходит после периода насильственного уничтожения части населения страны, ее геноцида, происходящего под руководством главы государства, имеющего антисоциальные мотивационные установки. Именно такие действия являются *государственным терроризмом*. Так было и при Иване Грозном, и при Ленине, и при Сталине. Соответственно после периодов политики государственного терроризма в Рос-

сии происходили социальные катастрофы: начала XVII в., начала XX и конца XX в. Такой подход коренным образом отличается от приведенного в книге Е.Т. Гайдара «Смуты и институты». Криминализация государственной власти в России вызывает резкое нарушение в системе общественной мотивации граждан, в том числе политику двойных стандартов, что приводит к формированию предкатастрофического состояния страны, к социальному хаосу. Для выхода же из социальной катастрофы, наоборот, требуется создание новой государственной системы социальных ролей.

Внутренняя мотивация человека — это, прежде всего, его *совесть*. Философ Владимир Соловьев в своем труде «Оправдание добра» [7] писал, что человеку изначально присущи три чувства: стыд, жалость и преклонение перед высшим авторитетом. Они формируют основу совести человека. Кроме того, совесть человека отражает нравственную систему координат, в которой он самовыражается. Формирование совести на первоначальном этапе жизни человека происходит в семье. Но по мере взросления человека все большую роль начинают играть общественные условия. Поэтому в период социального хаоса и общественной моральной поляризации происходит уменьшение влияния совести на мотивацию человека, и вследствие этого растет общая криминализация населения страны, что приводит к социальной катастрофе. Этому процессу способствует политика двойных стандартов, возникающая вследствие проведения политики государственного терроризма. Поэтому выход из сложившейся ситуации — создание нормального морально-нравственного климата в стране. *Таким образом, вторая составляющая движущих сил общественного развития — морально-нравственная.*

Третья составляющая движущих сил общественного развития — *материальная* — находится под воздействием законов материального мира. Прежде всего, она подвержена *циклическим колебаниям*. Циклы пронизывают буквально всю материальную жизнь на планете Земля. В работе «Земное эхо солнечных бурь» А.Л. Чижевский обосновал, что энергетическая активность Солнца прямо воздействует не только на органические тела, но и на социальные процессы и ход исторического прогресса. Кроме Солнца, циклические процессы на Земле порождает Луна. Выявлены 23, 28 и 33 дневных лунных биоритма, которые охватывают физическую, эмоциональную и интеллектуальную сферы деятельности человека. (Наличие трех лунных биоритмов косвенно подтверждает гипотезу о триединой сущности человека как совокупности духа, души и тела.) Лунно-солнечные циклы дополняются воздействием на землян других циклических процессов, происходящих во Вселенной. Поэтому можно сказать, что материальная жизнь человечества

пульсирует в ритме космических процессов. Таким образом, *космические циклы влияют на материальную жизнь общества.*

Материальное развитие общества — это научно-технический прогресс, культурный и исторический процессы.

Каждый этап *научно-технического прогресса* начинается с изменений в общественном сознании — системе социокультурных ценностей. Сначала меняется их культурная компонента, возникает новый взгляд на человека, природу, общество (например, художники конца XIX в. начали передавать на своих картинах состояние воздуха). Это порождает новые научные открытия (например, в начале XX в. начались поиски законов преодоления силы земного притяжения с помощью воздушных потоков). Происходит накопление в мировом «банке знаний». При создании определенных условий в режиме общественного воспроизводства эти знания превращаются в *инновации* (например, в 1903 г. — первый самолет братьев Райт). Под влиянием инноваций научно-технический прогресс переходит на новый уровень. Такие уровни НТП в индустриальную эпоху С.Ю. Глазьев назвал *технологическими укладами (ТУ)*, каждый из которых соответствует длинному циклу экономической конъюнктуры, открытому Н.Д. Кондратьевым (*Кондратьевскому циклу*).

Внедрение нового ТУ начинается только тогда, когда созревает для этого система социальных ролей общества. Кроме того, инноваторы должны получить высокую оценку в морально-нравственных устоях общества. Только при наличии таких изменений в общественном сознании процесс модернизации может успешно протекать при высоком уровне национального духа.

При внедрении очередного ТУ общество переходит на новый уровень своего бытия, и это отражается на состоянии его сознания. Новые технические условия создают новые системы социокультурных ценностей. Так, на наш взгляд, в настоящий момент общество переходит к *виртуальной системе социокультурных ценностей*. Все началось с фотографий — технических картин. Потом появился киноэкран («резьбы наяву»). Киноиндустрия породила телеэкран. От него перешли к экрану ЭВМ. Виртуальный мир стал отрываться от реального. Это позволило перейти в наномир, начался новый виток НТП. Таким образом, переход к шестому ТУ связан, прежде всего, с переходом общества к виртуальной системе социокультурных ценностей.

Следующую составляющую материальной компоненты движущих сил общественного развития — *культурный процесс* — мы можем рассматривать как динамику смены *цивилизаций* [8]. Сейчас выделяется пятое поколение цивилизаций. Данная цивилизационная модель мира описывает цивилизации со всеми присущими материальному миру

закономерностями. Российские авторы этой теории делают оптимистический вывод о движении человечества к гуманистически-ноосферной цивилизации.

И, наконец, третий компонент материальной составляющей движущих сил общественного развития — *исторический процесс* — Л.Н. Гумилев рассматривает как динамику *этногенеза* [9].

Подведем итог. На наш взгляд, существуют следующие движущие силы общественного развития — его сознания: национальный дух, система социокультурных ценностей, система социальных ролей, морально-нравственные устои общества — и его бытия: научно-технический прогресс, культурный и исторический процессы. Сознание общества определяет общественное бытие. В свою очередь, общественное бытие влияет на общественное сознание, создавая условия для его дальнейшего развития (или угасания).

Приведенные выше размышления были необходимы нам для выявления сущности *социальных катастроф в развитии России*. В заключение отметим, что к социальной катастрофе приводят негативные тенденции сразу в большинстве факторов общественного сознания и общественного бытия и выход из нее возможен только путем кардинального преломления этих негативных тенденций.

Литература

1. *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*. Дух, душа, тело. М.; Клин, 2003.
2. *Сытин Г.Н.* Энциклопедия исцеляющих омолаживающих настоев для всей семьи. СПб., 2010.
3. *Рассел Б.* История западной философии. М., 2000.
4. *Осипов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
5. *Питирим Сорокин*. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М., 2009.
6. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М., 1997.
7. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М., 1996.
8. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 1. М., 2006.
9. *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2010.

А.А. СОБОЛЕВСКАЯ

Софиология С.Н. Булгакова в контексте Февральской революции 1917 г.

Аннотация. В статье исследуется связь софиологии С.Н. Булгакова с его либеральными взглядами на Церковь и на монархию. Ее падение он считал неизбежным — «софийно детерминированным». Рассматривается его роль в политических событиях 1917 г.

Ключевые слова: софиология, Церковь, русская монархия, цезаропапизм, синод, собор.

Abstract. In the article it is researched the connection between S. Bulgakov's sophiology and his liberal notions at the Church and the Monarchy. According his opinion the Russian Monarchy's fall was predetermined. It is considered his role in 1917 political events.

Keywords: sophiology, Church, Russian monarchy, cesaropapizm, synod, council.

Только что мы отметили печальную дату 95-летия Февральской революции, ознаменовавшую крушение монархии, связанной тысячелетней связью с Православной церковью. У революции было несколько основных ударных сил, и одной из них, как это не покажется на первый взгляд странным, оказалась сама Церковь. Определенная часть епископата Церкви совместно с «религиозной общественностью» на протяжении многих лет стремилась к ее «реформации», одним из пунктов которой было освобождение от «цезаропапизма» — «зависимости» Церкви от государства. Этому были привержены либеральные круги, а в то же время монархически настроенные священники, как, например, митрополит Антоний (Храповицкий), говорили о вековой «симфонии властей».

Товарищ (заместитель) обер-прокурора Священного Синода ПРЦ князь Н.Д. Жевахов, смещенный с этой должности Временным правительством, писал, что, если бы иерархи Церкви не связывали восстановление патриаршества с созывом Собора, да еще в такое смутное и тяжелое время, а предоставили бы самодержавной власти Помазанника Божия возвести на патриарший престол достойнейшего, то, возможно, Россия имела бы давно своего Русского православного патриарха. Такой патриарх, будучи советником царя, явился бы и для всех православных дорогим и желанным. Но в идею восстановления патриаршества враги Церкви вкладывали мысль о ее разрыве с государством, мечтали создать в лице патриарха оппозицию самодержавной власти и опору своим революционным вождям. «В предреволю-

ционное время, — заключал Жевахов, — натиск на Царскую Россию вели не только пиджаки и мундиры, но и смиренные рясы», а сама российская революция «явила всему миру портретную галерею революционеров, облеченных высоким саном пастырей и архипастырей Церкви» [1, 278].

Булгаков не был тогда еще пастырем Церкви, но его портрет тоже мог бы висеть в этой галерее. Он возглавлял Московское религиозно-философское общество, которое было менее политически радикальным, нежели его двойник в Петербурге, где распоряжались Дмитрий Мережковский и его супруга Зинаида Гиппиус, сотрудничавшие с правым крылом эсеров и оправдывавшие революционный террор. Но по существу Булгаков, как в целом оба отделения религиозно-философского общества, вел атаку на царизм через церковную реформаторскую деятельность. Характерен рассказ Булгакова о том, как и когда он принял сан иерея. Мысль об этом зрела в его душе около десятилетия, но были к тому препятствия разного рода, которые, казалось, исчезли к 1917 г. «Но существовало для меня еще препятствие, силами человеческими также непреодолимое: то была связь православия с самодержавием, приводившаяся к унижительной и вредоносной зависимости церкви от государства и цезаропапизма. <...> Это препятствие внезапно отпало в 1917 году с революцией: церковь оказалась свободна, из государственной она стала гонимой. На Всероссийском соборе (которого я был членом) Церковь в лице патриарха Тихона, получила достойного и неустрашимого главу. Собор же явился каноническим органом церковного управления. Вместе с ней и я получил для себя свободу действия» [2, 347].

Булгаков приписывает Божественному промыслу «освобождение» Церкви, но забывает рассказать, сколько он лично предпринял усилий для такого «освобождения» от «цезаропапизма», которое привело в конце концов к падению монархии. Он считал, что «самоубийство самодержавия было предопределено до его (Николая II. — А.С.) рождения и вступления на престол», как в античной трагедии — без личной вины, но с трагической судьбой. Во всех этих рассуждениях была, так сказать, метафизическая подкладка своеобразного сознания Булгакова, считавшего исторический процесс, как и собственное отношение к Богу, «софийными», т. е. по существу — «божественно» запрограммированными, когда события истории и личная воля человека — ничто по сравнению с действиями Божественной Софии. На этот важный аспект булгаковской философии указывал Н.А. Бердяев, писавший в 1916 г., что христианский платонизм Булгакова превращает мировой процесс в комедию (см.: [3, 555]).

Одним из главных моментов недовольства монархией и своеобразным ядром его кристаллизации была личность Распутина. Об этом много писал и Булгаков в своих воспоминаниях, причем зачастую противоречащих одно другому, как-то упуская то, что интеллигенцию, архиереев и причастных к Церкви наподобие Булгакова лиц умело подталкивали к нужным настроениям, формирующим общественное мнение, и решениям. О.А. Платонов вполне аргументированно показал в книге «Заговор царевичей», что во главе организации травли Распутина стояло масонство вместе с журналистами и адвокатами из еврейских кругов. О целесообразности этой акции в 1909 — 1910 гг. Верховный совет российских масонов получает инструкцию масонской Всемирной ассамблеи в Брюсселе. Но это — только видимый слой, были и другие структуры, у которых существовали определенные планы переустройства общественной жизни и ликвидации монархии. Очернение Распутина нужно было для дискредитации царской династии. И это вполне удалось, о чем, в частности, свидетельствуют и воспоминания Булгакова.

Наступление на Распутина развернулось в виде хорошо организованной кампании, главными козырями которой явились сфабрикованный в Тобольской консистории доклад о принадлежности Распутина к секте хлыстов (чего на самом деле не было), а позднее — выдуманные обвинения монаха-расстриги Илиодора, который позже стал сотрудником ЧК. Начало кампании было положено выходом в свет брошюры М.А. Новоселова, основанной на обвинении Распутина в хлыстовстве, ложность которого можно было бы доказать при гласном расследовании. Но брошюра была изъята, чем был спровоцирован нездоровый интерес в обществе. Эту брошюру, как и ее изложение в газете «Голос Москвы», подпольно перепечатывают за большие деньги. Во многих левых газетах вдруг начинают публиковаться выдуманные письма «жертв» Распутина. Центром этой кампании становятся газеты «Речь» и «Русское слово», руководящее место в которых занимали масоны. Гучков, Маклаков, Гессен, Винавер, Амфитеатров, братья Долгорукие умело разрабатывали распутиниаду, всячески демонизируя личность Распутина, приписывая ему то, чего вовсе не было. Председатель Совета министров того времени Коковцев отмечает в своих воспоминаниях организованный характер газетных кампаний против Распутина, которые не предвещали ничего хорошего. «Они разрастались все больше и больше, и, как ни странно, вопрос о Распутине невольно сделался центральным вопросом ближайшего будущего и не сходил со сцены почти все время моего председательства в Совете министров...» [4, 83].

Большая группа депутатов либерального и левого толка делает правительству по поводу Распутина в Государственной думе запрос, в котором полностью приводится статья в газете «Голос Москвы», изъятая из-за отсутствия доказательств и содержащая «голос возмущенной совести» все того же М.А. Новоселова: «Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя? Почему молчат стражи Израилевы, когда в письмах ко мне некоторые из них откровенно называют этого лжеучителя — лжехлыстом, эротманом шарлатаном? Где его святейшество, если он по нерадению или малодушию не блюдет чистоты веры Божией и допускает развратного хлыста творить дело тьмы под личиной света?» и т. д. и т. п. [4, 84] Этим запросом, таким образом, было возбуждено подозрение к тем архиереям, которые как бы были связаны с «нечестивым» Распутиным. И когда Февральская революция свершилась, одним из первых шагов Синода было увольнение их «на покой».

Газета «Голос Москвы» издавалась на деньги московских промышленников во главе с масоном А.И. Гучковым, а редактором был его родной брат. Инициатором запроса в Госдуме был тот же Гучков, а по пункту спешности запроса — он же и другой видный масон, ставший обер-прокурором Синода, В.Н. Львов. Председатель Госдумы М.В. Родзянко подготавливает доклад для царя, в котором излагает все известные ему «факты», представленные Гучковым, Новоселовым и рядом других лиц. Факты — подложные, а брошюра Новоселова по делу о хлыстовстве Распутина неубедительная. Но Родзянко этого не видит.

В своих воспоминаниях «Пять лет», написанных в 1923 г., по дороге в Европу, в отрывке «Агония» Булгаков пишет и о своих чувствах к царю, и мучительных переживаниях по поводу влияния Распутина. Пишет, что не верил во всякую грязь по поводу этого влияния, во многом связанного с помощью Распутина в болезни наследника — гемофилии, что впервые услышал о нем именно от М.А. Новоселова, выразившего «сомнения в мистической доброкачественности этого совершенно особенного человека». Позже Новоселов «со свойственной ему ревностью о вере, начал собирать материалы о нем и готовить печатное его обличение, однако задержанное полицией». Влияние распутинской «темной силы» ощущалось в церковной жизни и вообще — «это был позор, позор России и царской семьи», и «это роковое влияние никак нельзя было ни защитить, ни оправдать, ибо все чувствовали все руку дьявола» [5, 331 — 333].

Таким образом, клеветническая кампания, развязанная врагами монархии, удалась. В общественном сознании сформировался образ Распутина как дьявола во плоти. Травля не прекращалась ни на один день.

Появлялись десятки фальшивых документов, поддельные дневники, фотографии. Происходили же эти «документы» из кругов, близких Керенскому. Морально Григорий Распутин был раздавлен раньше физического убийства, совершенного якобы во имя спасения монархии. Но, возможно, истинными убийцами Распутина, были все-таки не «монархисты» Феликс Юсупов, вел. кн. Дмитрий Павлович и Пуришкевич. В 2004 г. отставной сотрудник Скотленд-Ярда Ричард Каллен и историк Эндрю Кук на основании новых документов и судебно-медицинских исследований об убийстве Распутина пришли к выводу, что оно в 1916-м было спланировано тремя офицерами британской разведки, между которыми и князем Юсуповым существовала тесная связь. Третий, смертельный, выстрел в Распутина был произведен, по версии Каллена и Кука, британским разведчиком Освальдом Рейнером.

Британцев якобы толкнула на этот шаг навязчивая идея Распутина заключить перемирие между воюющими Россией и Германией. Учитывая его огромное влияние на царя и царицу, это вполне могло бы стать реальностью. Англичане этим были крайне обеспокоены. Существует документ, из которого явствует, что Распутин шантажировал британское правительство: он просил передать англичанам, что, если они не выплатят 3 млн р., Россия пойдет на сепаратный мир с Германией. В случае заключения сепаратного перемирия Германия смогла бы перебросить с восточного на западный фронт сотни тысяч солдат. И тогда франко-британские войска вряд ли смогли бы оказать эффективное сопротивление новому германскому наступлению. Более того, Антанта наверняка потерпела бы поражение в войне [6].

О возможности такого поворота событий и о действиях не только британских, но и французских разведок и масонских структур в отдельные периоды ведения войны для их предотвращения довольно широко известно. Первая мировая война по целям и последствиям для России с самого начала была актом самоубийства. Кажется, только Столыпин и Дурново понимали немыслимость шага вступления в войну. И еще — «темный» мужик Распутин, но он скорее чувствовал, чем понимал. По свидетельству Витте, именно Распутин еще в 1912 г. отодвинул Первую мировую на два с половиной года. Один из немногих, Витте видел в Распутине необыкновенного и доброго человека, считавшего войну грехом [4, 117].

Убийство Распутина, совершенное якобы во имя спасения монархии, развязало руки революции. На повестке дня стоял вопрос об устранении царя. Были разные планы такого устранения, вплоть до убийства. На поверхности главными действующими лицами стали масоны. Отречение царя также было организовано ими: начальник генерально-

го штаба генерал Алексеев и генерал Рузский целенаправленно подвели Николая к такому решению. Прибывший в Ставку вместе с председателем Госдумы Родзянко масон Гучков по сути угрожал в случае отказа расправиться с царской семьей. Именно Гучков и Родзянко несколько месяцев назад играли ключевые роли в деле Распутина. И вот теперь они во главе поворотного момента в судьбе монархии и России.

В конце 1990-х гг., незадолго до смерти, русский епископ Василий Родзянко, живший в США, был приглашен служить литургию в Царском Селе в храме Федоровской иконы Божией Матери — том самом, который был детищем Николая II. После службы он вышел к народу и принес покаяние за вину, к которой ощущал себя причастным с детства, потому что был внуком председателя Государственной думы Михаила Васильевича Родзянко. Владыка сказал: «Мой дед хотел только блага для России, но, как немощный человек, он часто ошибался. Он ошибался, когда послал своих парламентариев к Государю с просьбой об отречении. Он не думал, что Государь отречется за себя и своего сына, а когда узнал это, горько заплакал, сказав: “Теперь уж ничего нельзя сделать. Теперь Россия погибла”. Он стал невольным виновником той екатеринбургской трагедии. Это был невольный грех, но все-таки грех. И вот сейчас, в этом святом месте, я прошу прощения за своего деда и за себя перед Россией, перед ее народом и перед царской семьей. И как епископ, властью, данной мне от Бога, прощаю и разрешаю его душу от этого невольного греха»¹. Этот рассказ свидетельствует о чувстве ответственности за свои действия отца и внука. Такое бывает не часто.

Современный автор Лев Регельсон писал, что главным и основным мотивом действий духовенства во время революционных событий февраля — марта 1917 г. явилось осознание «исторической миссии» Церкви, заключающейся «в борьбе за прекращение народной распри и вражды, за прекращение партийных и социальных раздоров, за сохранение в России подлинно христианского, подлинно православного духа миролюбия». Это, конечно, было. Но движущим мотивом определенной части духовенства, и это видно даже из названия первой части книги «У истоков церковной свободы», было освобождение от опеки монархического государства [8, 27].

Церковь и царь на протяжении веков были скованы единой цепью, которую не сумел разорвать даже Петр I своими реформами, и разрыв этой связи был важнейшей причиной гибели монархической государственности в России. Первое после государственного переворота официально-торжественное заседание Синода состоялось 4 марта. На нем

¹ Этот случай рассказал арх. Тихон (Шевкунов) (см.: [7]).

председательствовал митрополит Киевский Владимир и присутствовал новый синодальный обер-прокурор В.Н. Львов, накануне назначенный Временным правительством. Митрополит Владимир и члены Синода (за исключением отсутствовавшего митрополита Питирима) выражали искреннюю радость по поводу наступления новой эры в жизни Православной церкви. Тогда же из зала заседаний Синода по инициативе обер-прокурора было вынесено в архив царское кресло, которое в глазах иерархов ПРЦ являлось «символом цезарепапизма в Церкви Русской», т. е. символом порабощения Церкви монархическим государством. Причем князь Н.Д. Жевахов, ссылаясь на слова не называемого им очевидца этого события, говорит, что кресло было вынесено непосредственно обер-прокурором, которому помогал один из церковных иерархов член Синода. Кресло было решено передать в музей.

На следующий день, 5 марта, Синод распорядился, чтобы во всех церквях Петроградской епархии многолетие Царствующему дому «отныне не провозглашалось». Очевидно, что эти действия Синода имели символический характер и свидетельствовали не только о желании его членов «сдать в музей» кресло царя, но «отправить в архив» истории и саму царскую власть. Если различные политические партии и социальные группы общества, двигавшие революционный процесс, были заинтересованы в свержении авторитарной власти российского самодержца, то духовенство было заинтересовано не только в уничтожении монархии, но и, в первую очередь, в «десакрализации» царской власти. Духовенство (в частности, Синод ПРЦ) стремилось доказать, что между царской властью и какой-либо формой народовластия нет, по сути, никаких различий: «всякая власть — от Бога». Именно выполнение условия «десакрализации» царской власти было одним из основных этапов в разрешении вопроса «священства — царства» в пользу превосходства священства над мирским царством. В необходимости десакрализации монархии (в создании доказательства того, что земное царство подобно брэнной плоти, а священство подобно вечному духу; обосновании тезиса: «дух выше плоти и должен подчинить ее себе») заключался один из основных «революционных» мотивов духовенства.

Члены Петроградского религиозно-философского общества во главе с Мережковскими, обсуждая на своих заседаниях 11 — 12 марта 1917 г. церковно-государственные отношения и говоря о харизматической природе царской власти, постановили довести до сведения Временного правительства следующее: «Принятие Синодом акта отречения царя от престола по обычной канцелярской форме “к сведению и исполнению” совершенно не соответствует тому огромной религиозной важности факту, которым церковь признала царя в священнодей-

ствии коронования помазанныком Божиим. Необходимо издать для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу таинства царского миропомазания, по аналогии с церковными актами, упраздняющими силу таинств брака и священства» [9]. Все-таки мережковцы кое-что понимали в силе таинства царского миропомазания, не считая его «символическим» актом. Не даром Мережковский в предреволюционные годы написал роман о Петре I с названием «Антихрист», пытаясь увидеть уже в его действиях нечто противоречащее Богопомазанию. Так философия и даже богословие сомкнулись с революцией.

Одним из немногих, кого отрезвили события февраля — марта 1917 г., был Розанов, которого все так критиковали за его неправильные взгляды на православие, на его каноны. В 1914 г. он был фактически исключен из Петроградского религиозно-философского общества, но только уже за дело Бейлиса. И самое удивительное то, что в этом деле его особенно защищали священники, а исключили по требованию либералов Мережковского и Карташева. Последний станет во Временном правительстве министром исповеданий, а позже — коллегой Булгакова в Парижском богословском институте. Так что к резолюции о «раскрепощении народной совести» Василий Васильевич отношения не имел. Потрясенный исполнением своих апокалиптических пророчеств после Февральской революции 1917 г., он признал порочность самого замысла религиозно-философских собраний (предшественниц Общества), в которых он принимал первостепенное участие, их запрограммированную неудачу и принесенный ими вред. У всех участников собраний «реформа церкви горела в душе». Многих, как Грингмута, на собрания не пускали, а должны были бы быть приглашены «мужики, бабы, купцы, коим всем *церковь нужна*, и как же их лишить права подать голос в вопрос: *нужно ли или не нужно реформировать то, что им нужно*, чем они кормятся, чем просвещаются, чему привыкли верить, как единому святому и безгрешному на земле?.. Во-вторых, мы все были *не святые*. Умные — да, «хорошие люди» — да. Но ведь церковь основана «святыми», «двигалась дальше» — святыми и вообще «сделана» и «составлена» святыми, по слову Спасителя и Писания, но, однако, по разумению этого Слова и этого Писания *святым сердцем и святым умом...* И мы, в сущности, *узурпировали в претензиях права вечности и всемирности*» [10, 87 — 89].

Вторым актом событий, начатых Февральской революцией, был открытый 15 августа 1917 г. в Успенском соборе Московского Кремля Всероссийского церковно-поместного Собора Православной российской церкви.

Как точно заметил оппонент Булгакова в теме о софиологии о. Георгий Флоровский, «Собор 1917 — 1918 годов не был последним решением — это стало началом длинного опасного и туманного пути. И на Соборе было слишком много противоречий, неразрешенность и даже неразрешимость которых с такою очевидностью вскрылась в восстании “живой церкви” и во всей дальнейшей истории “обновленческого” движения и церковных расколов. В одном только смысле Собор имел замыкающее, заключающее значение. Окончился Петровский период русской церковной истории. И было восстановлено патриаршество» [11, 499].

Сегодня многие православные священнослужители и публицисты идут дальше, считая Собор 1917 — 1918 гг. «обезглавленным» и «клятвopеступленным», как назвал его священник Роман Зеленский, потому что на нем собрались люди, которые нарушили присягу, данную на верность Государю, а значит, и Господу Богу. В 1613 г. была дана Клятва верности роду Романовых, причем дана была русским народом, всеми сословиями. Но в 1917 г. духовенство захотело свободы, свободы от самодержавия. И как раз в этом роковом 1917 г. они собрались, причем вопреки воле Богопомазанника — царя Николая Александровича. К тому же в 1917 г. Государя арестовывают и ссылают в Тобольск, епископат же, поддержавший Февральскую революцию, а по сути, и арест царской семьи, вопреки всему все-таки собирается и начинается собор без своего главы. Собрались люди, казалось бы, которые должны были верно служить царской семье, но собрались они не для этого. Они решили избрать вместо царя своего патриарха. О. Зеленский подчеркивает, что и сам-то собор был созван вопреки исторической традиции восточно-кафолической церкви, по которой только императоры имели право созывать Церковный Собор. Потому и произошла духовная подмена: вместо главы церкви — царя, избирают главой церкви — патриарха (см.: [12]).

На открытии этого собора присутствовали такие масоны, как Керенский, Львов, Авксентьев, Карташов — министр исповедания. Этими людьми, которые служили мировой закулисе, была дана большая денежная ссуда (два миллиона рублей), на то, чтобы состоялся этот революционный собор. На этом Соборе архиереи и духовенство сделали попытку отменить само Богопомазанничество. Они четко понимали, что Николай II отрекся от престола, но остался Богопомазанником, потому дерзнули поднять вопрос, чтобы это Богопомазанничество было аннулировано. Это была попытка аннулировать Волю Всевышнего, Благодать Его Святую, изливающуюся на царя. Именно этого требовали члены Петроградского религиозно-философского общества во главе с Мережковскими и все тем же Карташовым.

Священник Александр Федоров, отвечая на вопросы православного журналиста Николая Земцова, утверждает, основываясь на исторических фактах и документах, следующее. Когда сегодня нашими иерархами превозносится и ставится на великую высоту Собор 1917—1918 гг., а также празднуется его память согласно календарю, ими совершается «хуление Богопомазанника Государя Императора Петра Великого, который по Воле Божьей установил в Церкви Святейший Правительствующий Синод, т. е. Собор епископов». И этот Синод утвердили все вселенские патриархи, для того чтобы в Русской православной церкви не было бы ереси папизма, когда народ и сами патриархи противопоставляли себя Богопомазаннику императору всероссийскому, Священному лицу, главе Церкви. В лице патриарха Никона мы видим пик этого противопоставления, когда тот заявил, что власть патриарха подобна Солнцу, а власть государя подобна Луне. Иначе, Никон свою власть, свое служение поставил выше власти православного царя, тогда как именно самодержец является Живой Иконой Бога Вседержителя; патриарх же просто первый среди равных ему епископов и должен подчиняться государю.

И второй праздник, который недавно был установлен — это избрание на престол святейшего патриарха Тихона. Тут надо отметить, что никогда не было такого праздника. Ни одно избрание патриарха не объявлялось церковным праздником. И хотя в истории Православной церкви было немало святых патриархов, интронизация патриарха никогда не возводилась в церковное празднование. Поэтому из всего вышесказанного можно сделать вывод, что этими новыми праздниками отделяется историческая Греко-Российская православная императорская церковь от новой демократической юрисдикции, которая обрела свободу от «самодержавного гнета», как сейчас преподается в духовных семинариях и академиях. Фактически утверждается мысль, что Церковь была поставлена Петром Великим в зависимость от светской государственной власти, а в период революции, именно начиная с Собора 1917—1918 г., она обрела некую свободу и подавленную свободу [12].

Выражая «патриотический» замысел Собора, арх. Иларион (Троицкий) с ликованием произнес свою знаменитую речь: «Орел Петровского, на западный образец устроенного, самодержавия выклевал это русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный собор Церкви Российской от Бога данной ему властью поставить снова Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском

соборе — тогда будет великая радость на земле и на небе» [8, 31]. Получалось, что Императорский трон м. Владимир вынес из зала Священного Синода в Петербурге, заодно поставив крест и на царском троне Иоанна Грозного в Успенском соборе, а патриаршее место было занято патриархом, так что он вроде бы и стал царем, столь любимым русским народом. Что на самом деле произошло и с Церковью, и с ее иереями, в том числе с м. Владимирским (был убит в Киеве в 1918 г.), с арх. Иларионом (расстрелян в 1929 г.), с патриархом Тихоном (умер в 1925 г., скорее всего, был отравлен) и с русским народом, прошедшим Гражданскую войну, массовые репрессии и пр., хорошо известно.

На Соборе 1917 — 1918 гг. в душах революционного епископата идея республики победила, идея, противоположная Царству Небесному и земному. Что было естественно, поскольку власть была уже в руках большевиков. Потому на этом соборе подымались такие вопросы, как переход с Юлианского календаря на Григорианский. Ставилась задача перехода богослужебных книг на русский язык с церковнославянского. Подвергалась сомнению даже душеполезность церковнославянского языка, нужность того языка, которым Русская церковь говорила с верующими на протяжении веков. И хотя эти решения не прошли, но рационалистическое зерно обновленчества, модернизма сохранилось, чтобы дать всход [12].

Одним из ростков, проросших из зерна модернизма, явилась софиология Булгакова, который очень гордился участием в Соборе и не раз писал о нем. В своей «Докладной записке м. Евлогию» относительно «Указа Московской Патриархии» по поводу его (Булгакова) учения о софиологии он пишет о себе в третьем лице: «Автор “Света Невечернего” — тогда еще светское лицо, участвовал в трудах Высшего Церковного Совета, пользовался личным доверием Свт. патриарха Тихона, и с его благословения был рукоположен в иереи в 1918 г. еп. Феодором, который был знаком с сочинениями С.Н. Булгакова. Никто из членов Собора, в том числе и сам м. Сергей не выражал недоверия или сомнения в его правоверии». Булгаков пытался таким образом защититься от обвинений того самого митрополита Сергея Страгородского, который ранее был вроде бы «лоялен» к его сочинениям. Вл. Лосский по этому поводу сделал два замечания. Во-первых, обвинение в ереси срока давности не имеет: осуждение некоторых моментов учения Оригена произошло много лет спустя после его смерти. Во-вторых, объяснимо терпимое отношение Церкви к книге «Свет Невечерний». Она написана русским интеллигентом, прошедшим долгий путь возвращения к вере отцов, и можно было ожидать, что ее несовершенства и даже ложные мнения отпадут при духовном возрастании философа-богослова в Церкви. Но написанный почти через 20 лет

«Агнец Божий» — это книга «пленного своей философией и извращающего ради нее православное учение, восставая против Отцов», пресвитера Церкви [13, 16].

О. Сергей Булгаков и м. Сергей Страгородский к 1935 г. состояли уже в разных юрисдикциях и были заняты разными делами. Булгаков сражался за влияние своей Софии за рубежом, а Страгородский пытался спасти церковное стадо в России, в том числе именно от модернизма. Основным догматическим заблуждением о. С. Булгакова м. Сергей видит в смешении личности и природы, что (в кратком виде) устанавливается следующими моментами: учение о Божественной природе как личном начале, субстанциональной «Софии»; смешение Лиц Св. Троицы с природными свойствами и энергиями; перенесение свойств тварной природы (мужское и женское) на Божественные Ипостаси; смешение личности и природы в понятии «образа», превращающего человека в «ипостась тварной Софии», духовного главу всей твари; смешение личности человека с человеческим духом и следующее отсюда поглощение личности софийно-природным процессом, уничтожающим свободу; замена Промысла Божьего, предполагающего нравственно-волевое отношение личностей, природно-софийным «детерминизмом»; восприятие зла как коренящегося в несовершенстве самой тварной природы, а не в свободном самоопределении личности, приводящем к перенесению ответственности за падение творений на самого Творца; смешение искупления природы подвигом Христовым с конечной целью обожения личностей благодатью Св. Духа и следующее отсюда восприятие нашего спасения как космического «Богочеловеческого» процесса; смешение Логоса с человеческим духом во Христе, приводящее к смешенному природно-личному началу «Богочеловечества» и отсюда к природному, а не нравственно-волевому пониманию кенозиса (умалению, унижению Христа), к перенесению Гефсиманских борений и «духовной смерти» на само Божество Сына и к утверждению к участию в страданиях Христовых всей Св. Троицы; наконец, смешение Христа, Главы Церкви, с Церковью в понятии «Богочеловечества», упраздняющую всякую еклесиологию (учение о Церкви и ее строении), возможную лишь при различении между личностью и природой.

Автор книги времен перестройки Лев Регельсон пишет, что Собор «завершал» собой период Константиновской эпохи существования Церкви. Без малого 1600 лет назад император Константин принял духовное покровительство христианской Церкви над земным государством, что было унаследовано Русским царем после падения Византии. На Русскую церковь пала вся тяжесть окончательного (как хотелось бы определенной части мирового и нашего сообщества) разрыва госу-

дарства с христианством как духовной основой. На самом деле, именно монарх как глава земной церкви и Богопомазанник брал над ней покровительство. Регельсон считает, что «благодатное единодушие Собора в решении основных, узловых вопросов превращают этот Собор в одно из тех незыблемых оснований, на которых строилась и продолжает строиться Русская Церковь». Противореча себе же, он тут же пишет о том, что до сих пор Русская церковь и Россия разорваны на враждующие части.

Говоря о 1917 — 1918 гг. как о критическом моменте истории христианства, моменте разрыва церковно-государственной симфонии в России, Регельсон воспроизводит довольно туманную софийную догматику Булгакова для того, чтобы оправдать этот разрыв. «Глубокая сакрализация идеи земного царя, связанная с остро-софийным восприятием символа, вплоть до потери ощущения различия между символическим и реальным воплощением Первообраза, приводило к тому, что православное народное сознание склонно было видеть Церковь и Царство как реальности, расположенные в одной плоскости бытия, забывая о том, что Церковь, как тело Христово, онтологически укореняется в Самом Боге, тогда как земное царство — какому бы церковному освящению оно не подвергалось, есть реальность ветхого человека, и в лучшем случае — реальность прообразовательная» [8, 21]. Имеется в виду, что царь, хотя и помазанник, но является только «софийным символом» настоящего Помазанника — Христа. Одним словом «символ», взятым из арсенала о. Павла Флоренского, уничтожается Таинство Помазания на престол царя.

Еще более удивительны слова о том, что «Церковь, как тело Христово, онтологически укореняется в Самом Боге», происходящие из арсенала Соловьева — Булгакова. Церковь никак не может «войти в Бога», потому что Бог есть Троица: Отец, Сын и Дух Святой, четвертой Ипостаси в Троице быть не может. Это все тот же порок софиологии Булгакова, заключающийся в смешении Христа, главы Церкви, с Церковью в понятии «Богочеловечества», в отсутствии различия между личностью и природой. Как можно видеть, не так уж далеко от реальной жизни стояли размышления Сергея Николаевича по поводу Софии, если ими так умело пользовались и пользуются до сих пор для оправдания стремления к церковной свободе «без конца и без края». Именно за эти старания патриарху Сергию досталось столько упреков от Зарубежной церкви и его недоброжелателей вроде Регельсона. Последний, похоже, написал свою книгу, чтобы «обличить» Владыку Сергия, сумев даже митр. Иоанна Снычова, защитника монархическо-

го правления и церковной позиции митр. Сергия, представить в роли их обвинителя [8, 15].

Сегодня идет внушение в семинариях и академиях будущим пастырям мысли о том, что только Собор 1917 — 1918 гг. принес свободу и полноценную жизнь Церкви Христовой, и что главой Церкви является Патриарх Московский и Всея Руси. А император — просто светский человек и никакого отношения к священному сану не имеет. И это подтверждается мнением, что литургийная молитва «Едиnorodный Сыне» была написана и введена светским лицом императором Юстинианом. Только при этом забывают, что Юстиниан был Святым Императором, Богопомазанником, который являлся главой Церкви, вождем церковной иерархии. Нынешний епископат не согласен с тем, что Богопомазанники всегда являлись Хранителями православной веры, законодателями по отношению поведения иерархии и вообще духовенства в целом. Поэтому с февраля 1917 г. все они убеждены, что император есть светское лицо, а только лишь патриарх может быть и должен быть главой Церкви.

Конечно, высказать всю истину о роли императора в Русской церкви необходимо. Но при этом нельзя не согласиться с тем, что избрание на Соборе патриарха, причем в лице такой личности, как Тихон, было для нее настоящим спасением, можно сказать, Чудом Божиим [14, 155, 156]. Это чудо спасло от закрепления власти обновленцев, жаждущих освобождения церковной жизни от епископата. С 1906 г. обновленцы выпускали журнал «Красный звонарь», а в 1917 г. в их руках оказался официальный орган Синода журнал «Церковно-общественный вестник. Для закрепления узурпации церковной власти обновленцам нужен был Поместный собор, о созыве которого объявил практически полностью обновленный Священный Синод. Для его подготовки был образован предсоборный совет, куда был введен ряд либеральных профессоров. Среди них были С. Булгаков и Е. Трубецкой, во многом наставлявший Сергея Николаевича по части софиологии. На Синод, казавшийся демократом даже в своем обновленном составе слишком консервативным, постоянно оказывалось давление для введения в церковную жизнь радикальных реформ, не дожидаясь их соборного одобрения. Все было за то, что на Соборе произойдет окончательное закрепление власти в руках церковных духовных революционеров. Но Господу было угодно, чтобы были установлены начала нового церковного управления в лице патриарха Тихона. Несмотря на страшные гонения на Церковь, то усиливающиеся, то несколько затихающие, она выстояла.

И одним из тех, кто внес ощутимый вклад в великое дело сохранения православия, был митрополит Сергей, хотя его и обвиняли «анти-сергианцы», в числе которых, или на стороне которых, был и Лев Регельсон. В отличие от «сергианца» митр. Иоанна (Снычева), считавшего священным долгом российского государства со времен падения Византийской империи быть хранителем и защитником Вселенского православия, Регельсон видел в данном выборе «историческую трагедию» православия. Исходя из этого положения, он обвиняет митр. Сергия в «превышении полномочий», когда тот навязывал свою Декларацию 1927 г., в которой тот высказал лояльность по отношению к советской власти, всей Церкви [8, 627, 628]. Без всякого сомнения, Регельсон продолжил здесь идеи Булгакова и Бердяева, которые всегда оставались главными учителями либеральной интеллигенции. Про них митрополит Иоанн (Снычев) сказал, что многие русские мыслители болели страшной родовой, наследственной болезнью русской интеллигенции: интеллектуальной гордыней, лишаящей человека способности смиренно и благоговейно воспринимать тысячелетний церковный опыт выстраданного и прочувствованного христианского мировосприятия. Поэтому для них и Церковь, и Святая Русь, и православное богословие так навсегда остались тайной за семью печатями. Для них непреодолимым препятствием на пути духовного возрастания стала проблема личного подвижничества, церковного послушания. Их души не созрели для принятия истин веры, и они упорно не желали «подклонить выю своего высокоумия и своеволия под иго церковного увещевания, вразумления и послушания» [15, 303 — 304].

В свое время ядром критики митр. Сергия софиологии была идея, сформулированная им в качестве подведения итогов этого учения: смешение Христа как главы Церкви с Церковью в понятии «Богочеловечество», упраздняющем возможность всякого церковного устройства, а вместе с тем необходимости церковной иерархии и управления. Христианская личность, о которой так печется Регельсон, возрастает именно в Церкви. Путь к обоженью открывается в Церкви через личный подвиг, причем в Церкви, *конкретной, осязаемой, с ее таинствами, иерархией, каноническим строем и отношениями к миру*. Превращение Церкви в «богочеловеческую духовную энергию» или растворение ее в космосе, в «тварной Софии», фактически ведет к угасанию осознания ее как места спасения, к бесчисленным расколам и разделениям. История каждый день подтверждает, что основной догматической темой нашего времени является не богословие вообще, не свобода человеческой личности, а Церковь и учение о ней. И ее главой является Иисус Христос.

Софиология Булгакова, таким образом, существенным образом связана с его либеральными взглядами на Церковь и на государство, т. е. на политическое устройство. Именно либеральная позиция Булгакова в богословии привлекает до сих пор к его работам, особенно за рубежом. Правда, как пишет Р. Берд из Чикаго, привлекает не столько само учение, сколько «творческий метод Булгакова, который показывает его приверженность либеральным понятиям свободного, одинокого творчества» [16, 69]. Как видно, духом церковной соборности здесь и не пахнет. Поэтому не так уж неожиданно название булгаковской антологии, вышедшей под редакцией и с комментариями Роуна Уильямса: «Сергий Булгаков: к русскому политическому богословию».

Литература

1. *Жевахов Н.Д.*, князь. Воспоминания. Т. 2. М., 1993.
2. *Булгаков С.Н.* Тихие думы. М., 1996.
3. *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 1, М., 1993.
4. *Платонов О.А.* Терновый венец России. Заговор царевубийц. М., 1996.
5. *Булгаков С.Н.* Пять лет (1917 — 1922). Агония // Булгаков С.М. Тихие думы. М., 1996.
6. Московские новости. 2004. 24 сент.
7. *Тихон (Шевкунов)* Несвятые святые. М., 2011.
8. *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917 — 1945. Крутицкое Патриаршее Подворье. М., 1996.
9. *Бабкин М.* Февральская революция и Синод // patriom.ru / 31 дек. 2010 г.
10. *Розанов В.В.* Мимолетное. М., 1994.
11. *Прот. Георгий Флоровский.* Пути русского богословия. Париж, 1983(1937); Киев, 1991.
12. <http://rusprav.org/2011/April/DecapitatedCouncil1917.html>.
13. *Лосский В.* Спор о Софии. М., 1996.
14. *Митрополит Иоанн.* Русь Соборная. Очерки христианской государственности. СПб., 1995.
15. *Митрополит Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа. СПб., 1994.
16. С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь. Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения, 5—7 марта 2001 г. М., 2003.

В.С. СИЗОВ

Библия как учебник управления

Аннотация. Современные технологии управления порочны. Библия дает исчерпывающие ответы на сложные вопросы и управления, и подчинения. Иисус Христос кроме прочего являлся руководителем. Своими поступками Он демонстрирует образцы правильного, богоугодного руководства и подчинения, основанного на любви. Притчи Иисуса Христа несут в себе образцы точной организации и управления в соответствии с Божественными установлениями.

Ключевые слова: современные технологии управления; управление, основанное на любви; власть как духовное испытание.

Abstract. Modern management technologies are vicious. The Bible gives irrefragable answers to complex questions of management and subordination. Among other things, Jesus Christ was a leader. His actions show examples of the proper, God-pleasing management and obedience based on love. Jesus' parables reveal the exact patterns of organization and management in accordance with the divine precepts.

Keywords: modern management technology, management based on love, power as a spiritual test.

Сегодня существуют десятки научных школ управления. Они базируются на отличных друг от друга концептуальных основаниях, и у каждой есть свои достоинства и недостатки. Однако для всех научных школ управления характерен единый недостаток: в той или иной степени манипулирование людьми, выступающими в качестве объектов управления, т. е. использование людей только в качестве средства достижения целей, которые ставит перед собой управляющий субъект. В этом отношении с христианской точки зрения современная теория и практика управления в основном греховны. Оговоримся, что речь, прежде всего, идет об управлении людьми, а не машинами и механизмами, однако в более широком смысле, чем «управление персоналом». Это в том числе управление гражданами и горожанами, выбором и мировоззрением людей и т. д. Порочность современных технологий управления проявляется в преднамеренном игнорировании управляющим субъектом христианской истины о том, что главными целями земной жизни человека является Спасение и обретение спасенным человеком Царствия Небесного, т. е. соединения с Богом. Следовательно, любое действие христианина — руководителя или подчиненного — должно быть согласовано с этой целью. Однако даже люди воцерковленные, безусловно, знающие об этой главной цели, в своей повсе-

дневной практической деятельности руководителя или подчиненного часто о ней забывают либо не знают, как эту цель реализовать.

Одним из уникальных, никогда не устаревающих источников христианской мудрости, учебником по всем вопросам жизнедеятельности человека, является Библия. Ее сюжеты устанавливают моральные стандарты и являют примеры нравственного поведения. Библия дает исчерпывающие ответы в том числе и на сложные вопросы управления и подчинения. Величайшие мыслители человечества путем логических рассуждений приходили к выводам, которые обычные люди, исповедующие православную веру, понимают боговдохновенно. Так, например, выдающийся немецкий философ Иммануил Кант в своем учении об этике пришел к следующему заключению, названному им категорическим императивом: «всегда относиться к человеку в лице других и самого себя как к цели, а не только как к средству».

Подобное отношение одного человека к другому как к цели, а не как к средству в христианстве называется «любовью к ближнему». В Нагорной проповеди Иисус Христос говорит об этом: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6, 31). Настоятель Свято-Данилова монастыря архимандрит Алексий сказал о сущности христианского управления: «Управление должно быть основано на любви, которая может проявляться в строгости, во взыскательности, но и в снисходительности». Кроме того, руководитель должен во всем являться образцом подражания для своих подчиненных, сам же руководитель должен подражать Христу [1, 18].

Именно через любовь Иисус Христос общался со своими учениками и с теми, кто приходил за исцелением или просвещением. Они признавали в Нем — Равви — духовного учителя, того, кто может наставлять в действиях и поступках, т. е. руководить твоей жизнью. В притчах «о заблудшей овце» (Мф. 18, 11—14), «о блудном сыне» (Лк. 15, 11—24), «о милосердном самарянине» (Лк. 10, 25—37) и др. Иисус Христос раскрывает, какие любовь и милосердие должны иметь место между людьми. Еще более наглядно демонстрируют эту любовь сам Спаситель своими деяниями: превратив воду в вино на браке в Кане Галилейской (Ин. 2, 1—11), насытив тысячи людей несколькими хлебами и рыбой (Мф. 14, 14—21), не осудив и простив женщину, взятую в прелюбодеянии, Он спас ее от верной смерти (Ин. 8, 3, 10—11). *О безмерной любви Иисуса Христа к людям свидетельствуют его дела: прощение грехов, исцеление кающихся и даже воскрешение из мертвых. Он оказывал помощь любому, кто к Нему обращался, не взирая на социальный статус и тяжесть совершенных проступков. И люди отвечали ему взаимной любовью, тысячами следуя за ним и внимая каждому его слову.*

Иисус Христос не только осуществлял духовное водительство, но и являлся руководителем в смысле, принятом для обозначения управленцев. Приступая к евангельскому служению, Он призвал двенадцать учеников, которыми руководил на протяжении нескольких лет. Своими поступками, а также примерами из притч Иисус Христос демонстрирует образцы правильного, богоугодного руководства и подчинения.

Дать один лишь совет «управлять через любовь» — еще не означает научить руководителя, как ему действовать практически в реальной ситуации и с конкретными подчиненными. Как правильно использовать заповедь «о любви к ближнему», говорит Сам Иисус Христос: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15, 13). Известный библиист Б.И. Гладков поясняет это так: «Христос понимал под именем друзей всех вообще ближних, а под словом душу — жизнь. Заповедуя нам проявлять высшую степень любви к ближним — пожертвование собственной жизни для спасения их от зла, Он тем самым указал, что в борьбе со злом или злым, нельзя останавливаться на полпути из опасения самому пострадать, а надо действовать с готовностью, в случае надобности, и душу свою положить за начатое доброе дело» [2]. Итак, для православного руководителя — ближние и друзья — это его подчиненные. На нем лежит ответственность заботиться как об их телесной жизни, так и духовной, т. е. их воспитании в вере и удержании от зла.

Обращаясь к рыбакам, ремесленникам, мытарям, к представителям религиозных течений, к священникам, Иисус Христос всегда подбирал понятные, взятые из жизни, примеры, пронизанные житейской мудростью, через которые, в том числе раскрываются правила управления. Порою притчи Христа несут в себе образцы точной организации тех или иных процессов и управления в соответствии с Божественными установлениями.

В качестве примера обратимся к притче «о светильниках» (Мф. 25, 1—13). В ней говорится о десяти девах, ждущих жениха. Никто из них не знал, когда придет жених, а он сильно задерживался. Пять дев оказались мудрыми и взяли с собою не только светильники, заправленные маслом, но еще и сосуды с маслом про запас. Другие пять дев взяли только светильники, но без запаса масла. К тому времени, когда жених явился, масло в их светильниках закончилось, они не смогли встретить жениха достойно, и в результате не попали на брачный пир. В притче эти девы именуется неразумными.

Духовное значение этой притчи подробно раскрывает блаженный Иероним Стридонский, который в итоге делает следующий вывод: «Так как мы все не знаем дня судного, то заботливо приготовили себе свет добрых дел и чтобы судья не пришел, пока мы находимся в бес-

печном состоянии» [3]. Б.И. Гладков рассматривая эту притчу указывает, что «заповедуя всем бодрствовать, Иисус сравнил ожидание Второго Пришествия Его и открытия Царства Небесного с обычным у евреев ожиданием жениха, приходящего за невестой в дом ее родителей» [2].

С точки зрения управленческой практики в этой притче говорится о необходимости планирования, запасливости, бережливости и терпения. В современной жизни бывает так, когда у предприимчивого человека появляется хороший проект, разработан подробный бизнес-план. Однако, как говорил авторитетный эксперт в области менеджмента Питер Друкер, «дела всегда идут не совсем так, как планировалось», и проект в намеченные сроки почему-то не реализуется. Обнаруживается масса затруднений и непредвиденных факторов. Стоимость проекта оказывается гораздо выше проектной, а сроки реализации более долгими. Случаи, когда проекты реализуются в срок и согласно проектной стоимости, скорее исключение, чем норма.

Евангелист Лука передает нам следующие слова Иисуса Христа: «Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начал строить и не мог окончить? Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостоять идущему на него с двадцатью тысячами?» (Лк. 14, 28—31).

На деле это означает, что, открывая свое дело или берясь за некий привлекательный проект, следует приступать к его реализации лишь после тщательной экспертизы и наличия двойного, а то и тройного запаса прочности, под которым разумеются финансы, стройматериалы, люди, время и иные ресурсы.

Иисус Христос говорит о необходимости планирования, предварительных расчетов, коллегиальности и разумности принимаемых решений, как о действиях само собой разумеющихся. Он не призывает — надеяться только на Бога. Безусловно, человек должен уповать на содействие Бога в своих делах, но может не сразу получить его или не получить вовсе. Причины этого могут быть разными. Порою люди просят помощь в делах, которые способны погубить их бессмертную душу. Святой апостол Иаков говорит об этом: «Просите, и не получаете, потому что просите не на добро» (Иак. 4, 3). С другой стороны, Господь может испытывать крепость веры человека, как это было с праведным Иовом. Св. Ефрем Сирийский говорит о прощении у Бога так: «Он — такой Податель, у Которого сокровищница — обильный источник благ и Который никогда не отказывает в дарах. Если же и отказывает иногда

до времени, отказывает для того, чтобы дар стал драгоценнее для приемлющих и чтобы приемлющий был прилежнее молитве. Если бы дар подаваем был тотчас, то прекратилась бы молитва [4, 157].

Богатство, которое дается от Бога, как правило, приходит к человеку не чудесным образом, а постепенно, через испытания веры и только в том случае, если оно послужит во спасение вечной души его обладателю. Человек для обладания даже и не богатством, а только малым достатком должен трудиться, помня при этом, что любые блага, достаток, а тем паче богатство человек получает по милости Божией. Полученное богатство или достаток никогда не даются человеку по заслугам. Бог всегда дает гораздо больше, чем человек заслуживает. Возникает вопрос: а как же усердие в труде? Для жизни в достатке — трудолюбие — условие, конечно, необходимое, но недостаточное. Главными условиями являются вера и обращение в молитвах к милосердию Божьему по поводу любых нужд и проблем.

Обратимся еще к одной евангельской притче — «о мехах и вине» и проведем ее «управленческий» анализ. В споре с фарисеями Иисус говорит: «никто не приставляет заплатки к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплатка от новой. И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое» (Лк. 5, 36—38).

Традиционным толкованием этой притчи является понимание под «ветхой одеждой» и «ветхими мехами» старая иудейская религия, в которую невозможно встроить новое евангельское учение, принесенное Иисусом Христом. Однако для нашего исследования в данном случае интересны примеры вполне конкретных управленческих правил, с помощью которых Спаситель доводит до слушателей Свою идею. А правила эти просты и понятны.

1. Не следует поддерживать извне то, что неэффективно и не приносит результата или «плода», о чем также говорится в притче о «смоковнице» (Лк. 13, 6—9). Например, на убыточное предприятие, выпускающее на устаревшем оборудовании неконкурентоспособную продукцию бессмысленно перебрасывать для его спасения лучшие кадры, ресурсы и оборудование, забирая их у здорового предприятия. «Отжившие свой век» предприятия не смогут использовать переданные им ресурсы с должной эффективностью. Зато «здоровые» предприятия, недополучившие часть ресурсов из-за их неэффективного перераспределения, безусловно, ослабеют.

2. Следует менять плохо работающую систему полностью, не ограничиваясь сменой руководства или собственника. Лучше построить

новое предприятие (или цех на предприятии) с новыми технологическими линиями производства и выпускать современную продукцию, чем вкладывать средства в обновление оборудования с устаревшими технологиями, выпускающими неконкурентоспособную продукцию. Любой строитель знает, чем реконструировать старое здание под современные требования, проще его снести и на его месте построить новое здание.

Однако не следует забывать о словах Иисуса Христа: «И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого; ибо говорит: старое лучше». Люди привыкают к месту работы, к коллективу, в котором работают, к выполняемым трудовым функциям, наконец, к самой атмосфере, именуемой сегодня «корпоративной культурой», присутствующей на предприятии. Они опасаются перемен. Большинству людей любые изменения кажутся хуже, чем та жизнь, которой они до того жили. Если в организации с устоявшимися порядками происходят быстрые изменения, люди сопротивляются им, часто воспринимая новшества как ухудшение своего положения. Следовательно, для осуществления масштабных изменений требуется полная реорганизация, включающая не только установку новых технологических линий и оборудования, но, и замену людей со старыми представлениями и установками.

Рассмотрим знаменитую притчу «о талантах» (Мф. 25, 14—30). В ней рассказывается о человеке, который, отправляясь в чужую страну, оставил свое имение на рабов, дав каждому таланты по его силам — кому пять, кому два, иному один. Следует пояснить, что талантом в Античные времена называли очень крупную номинальную денежную единицу, весом в десятки килограммов серебра. Так в Древней Греции за 1 талант можно было купить 120 быков, или 50 лошадей, или 400 овец [5]. После долгого времени господин вернулся и потребовал отчета от рабов об употреблении его богатства. Тот, кому было вверено пять талантов, вернул десять талантов, кому было вверено два, вернул четыре. Обрадованный господин сказал каждому из них: «хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Мф. 25, 21, 23). Подошел и получивший один талант. Он сказал, что, убоявшись, скрыл полученный талант в земле и ныне возвращает его своему господину. Однако господин прогневался на него и сказал: «лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 25, 26—30).

Возникает вопрос — справедливо ли поступил господин, жестоко наказав раба, который пусть и не приумножил его богатство, но зато сохранил его в целостности и сохранности, что, надо полагать в те времена было так же непросто? Есть только один ответ на этот вопрос. Сам Иисус Христос объявляет, что когда придет Сын Человеческий (имея ввиду Второе пришествие Христа), то *Он поступит* как человек, который отправляясь в чужую страну призвал рабов своих и поручил им имение свое» (Мф. 25, 13, 14).

За духовным значением этой притчи вновь обратимся к толкованию Блаженного Иеронима Стридонского. Он пишет: «...Тому, который имеет веру и благое произволение о Боге, если бы он, по человеческой немощи (*ut homo*), имел даже менее других в делах, [такому] от благого Судии будет дано. А тот, кто не имел веры, утратит даже и те блага и прочие добродетели, которые от природы он, по-видимому, имел» [3]. Б.И. Гладков продолжает эту мысль так: «Справедливый Бог не требует от человека ничего чрезмерного или непосильного; Он дал людям различные способности и имущественные средства для исполнения воли Его, и от того, кому дал мало, не потребует многого. Но, надеясь на милость Божию, нельзя оправдывать свое ничегонеделание своею бедностью и отсутствием особых дарований, которыми блещут другие. Тебе мало дано, с тебя мало и взыщется, но все-таки взыщется, если предстанешь на Суд вовсе без добрых дел, хотя бы и малых» [2].

Итак, слова Спасителя подтверждают: кто работает или служит, обязан не просто сохранять, но посильно приумножать богатство того, кому он служит (человека, предприятия или государства). Из слов Иисуса Христа, сказанных в данной притче, можно увидеть, как должны выстраиваться правильных, т. е. богоугодных взаимоотношений между правителем (руководителем) и подданными (сотрудниками). А именно:

1. Каждый работник обязан трудиться во благо того, кому он служит или на кого работает, всеми силами стараясь приумножать вверенные ему ресурсы.

2. Свободные средства следует направлять на развитие дела или отдавать под проценты тем, кто с ними лучше управится. Потому что все от Бога, и если не знаешь, как распорядиться малым богатством, имеющимся у тебя, как смеешь просить у Бога большего?

3. Начальство должно давать сотрудникам возможность проявить себя в деле и возвышать (продвигать по карьерной лестнице) тех, кто приносит больше пользы, а не тех, с кем имеет родственные узы или дружеские связи.

4. Того, кто не способен приумножать богатства собственника ресурсов (предпринимателя или государства) или не хочет этого делать

по зависти либо по злобе, следует изгонять, т. е. увольнять. Это не проявление бессердечия, но подлинная справедливость.

5. Люди не должны осуждать администрацию предприятий, где они трудятся, руководителей города, региона и страны, в которой они проживают. За свои действия каждый, кто имеет власть, будет сам держать ответ перед Богом. Однако сотрудники или подданные должны молиться о вразумлении и даже смещении руководителей, творящих беззакония.

Известный современный проповедник и библист протоиерей Олег Стеняев по этому поводу пишет так: «Молитва — это доброе дело, но для нечестивых тиранов и эксплуататоров собственного народа она может оказаться началом их гибели. <...> Посему усилим наши молитвы за правителей и властей, при их благочестии эти молитвы принесут им благословение, равно как и при их злочестии принесут им смерть и проклятие» [6, 32—33].

Распространенная ныне пословица, которой нерадивые управленцы любят оправдывать свою бездарность: «Начальник всегда прав» вовсе не несет в себе зерна правды. Она есть парафраз переименованного в советские времена библейского правила: «*Всякая власть от Бога*», которое в свою очередь опирается на слова апостола Павла: «*Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены*» (Рим. 13, 1).

Этот апостольский текст давно привлекает внимание различных толкователей, поскольку реальность, в которой мы живем, как будто бы входит в противоречие с утверждением, что «всякая власть от Бога». Сегодня основные споры ведутся вокруг того, как следует понимать это утверждение, принимать ли его или не принимать (ввиду якобы ошибочного перевода), а если принимать, то насколько². Неужели и впрямь всякий начальник поставлен от Бога?

Однако святоотеческая мысль давно дала подробнейшее изъяснение мысли святого апостола Павла. Святитель Иоанн Златоуст поясняет его слова: «Не то говорю я, отвечает апостол. У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. <...> Так как равенство часто доводит до ссоры, то Бог установил многие

² По убеждению автора, если церковь принимает текст Священного Писания в том или ином виде, не взирая на начальное его написание, то в этом проявляется Божий Промысел, и нет смысла тратить время на разбирательства ошибок, якобы допущенных в тексте, а следует принимать его таким, каким он перед нами предстает. Сомнения и поиски ошибок в Священных текстах — это соблазн и первый признак развивающегося греха сомнения в бытие и всемогуществе Божиим.

виды власти и подчинения, как-то: между мужем и женой, между сыном и отцом, между старцем и юношей, между рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. <...> Тоже самое можно заметить и у бессловесных: у пчел, у журавлей, в стадах диких овец. <...> А безначалие везде есть зло и бывает причиной беспорядка. <...> подчиняющийся властям подчиняется Богу. <...> кто не повинуется начальнику, тот противится Богу, узаконившему это. <...> мы не дарим властям повиновения, но исполняем долг» [7].

Власть — понятие конкретное: это способность одних людей навязывать свою волю другим людям (вне зависимости от используемых при этом средств). Однако только Бог наделяет способностью властвовать над людьми без всяких средств, которые необходимы обычным правителям в форме законов или традиций, денег или иных ресурсов, силы (охраны, оружия, полиции, армии). Эта власть являет себя через слово. Пример тому Нагорная проповедь (Мф. 5—7). Евангелист Матфей описывает воздействие на людей проповеди Иисуса Христа: «И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф. 7, 28, 29). Но, может быть, только Спаситель как Сын Божий был наделен подобной властью? Из христианской истории мы знаем, что Бог наделял и простых глубоко верующих людей творить, по их словам, чудеса, т. е. наделял властью над материей физической и духовной: таковыми были все апостолы, особенно же апостолы Петр и Павел, Иоанн Креститель, Николай Мир Ликийский, Акакий Мелитинский, Венедикт Нурский, Иоанн Златоуст, Авраамий Ростовский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский, десятки печерских монахов-чудотворцев и еще тысячи христиан. Слова людей глубоко верующих, во всем доверяющих Богу, имеют реальную власть, ибо за ними стоит Сам Господь.

Может ли достичь такого уровня власти любой руководитель, управляющий людьми? Принципиально это возможно, если руководитель обратит свое сердце к Богу и будет пребывать с ним в постоянной молитве. Однако многим руководителям далеко до такого духовного состояния, оттого их власть держится на иных основаниях, чем Слово. Тем не менее, Господь допускает их власть. Почему? Поскольку любое действие Бога по отношению к человеку имеет своей целью Спасение души, следовательно, правители и руководители наделяются властью (либо она попускается Богом), прежде всего для испытания и наставления в вере, для осознания греха и его преодоления.

Эту идею хорошо раскрывает библеист Б.Ю. Гладков через притчу «о благоразумном домоправителе» (Лк. 12, 42—48), которому поручено раздавать хлеб слугам. При этом под «домоправителем» следует понимать любого руководителя или правителя. Гладков пишет: «Господин поручил своему домоправителю раздавать своевременно хлеб слугам. Если домоправитель верен и благоразумен, то будет поступать так, как ему приказано, притом поступать так всегда, в какое бы время ни возвратился господин его, и за это получит величайшую награду. Но если он, надеясь на продолжительное отсутствие господина своего, станет обижать слуг, не давать им того, что должно, а сам будет предаваться беззаботному веселью, то придет господин его в такой день и час, в какой он и не ждал его, и подвергнет его участи, какую заслуживают неверные и неблагоразумные рабы. Но не только такой беспечный домоправитель, а и рабы господина подвергнутся наказанию за неисполнение воли его, хотя не все одинаковому: кто знал волю господина своего и не был готов во всякое время встретить его, тот заслужит строжайшее наказание, а кто не знал воли господина и потому встретил его неподготовленным, тот будет наказан не так строго» [2].

Власть ведь является одним из самых сложных духовных испытаний, которое, как и любое иное испытание, посылается Богом для духовного совершенствования человека. Пройдя испытание властью, человек может духовно очиститься и спастись. В Русской православной церкви немало святых, которые в своей мирской жизни имели светскую власть (князь Владимир Святославич, князь Александр Невский, князь Михаил Ярославич, адмирал Федор Ушаков, император Николай II и др.). Еще больше святых среди тех, кто обладал властью духовной — патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов.

Руководитель, который управляет плохо, неправильно — грешит, отдаляясь от Бога и Царства Небесного. Уместен вопрос: что значит «неправильное управление»? «Неправильное», в первую очередь — это не праведное, не соответствующее Божьим Заповедям и церковным установлениям. Но не только. Нерадивое управление, не приумножающее, не продвигающее дело, которым руководит человек, согласно притче «о талантах», также является неправильным управлением.

Почему власть является суровым испытанием? Потому что она относится к разряду духовных испытаний, невидимых, которые обычно не вызывают ощутимых телесных страданий. В отличие от телесных в духовных испытаниях «мучителем» предстает совесть или «глас Божий» в человеке. Однако разные люди имеют неодинаковую остроту «духовного слуха», который, в отсутствие духовного развития и при

душевной черствости, может и вовсе отсутствовать. Человек может и не подозревать, что его должность и власть, с нею связанная, являются не привилегией и не заслугой, а суровым духовным испытанием, попущенным ему Богом. Только вот ответ на Страшном Суде за подобающее использование власти все равно придется нести.

Существует немало людей, которые всеми силами стремятся к власти. Уместно предположить, что власть влечет людей неправедных, с какими-то духовно-психологическими изъянами. Духовно развитый человек не пожелает для себя испытания властью, хорошо понимая, ее тяжелое бремя. Христианин не может управлять, не испытывая при этом мучительных угрызений совести. Святитель Тихон Задонский писал: «Всякая власть для христианина — не покой и честь, но большой крест, большими и многими трудами, заботами и постоянным терпением обремененный, чего никто не пожелает» [8, 326]. Однако нередко руководящая должность предлагается сотруднику вышестоящим начальством. Существует много выборных должностей, на которые человека может выдвинуть коллектив. Тогда, когда человек не рвется к власти, не идет ради нее «по головам», существует возможность, что к руководству может прийти честный, ответственный и духовный человек.

Православному руководителю приходится постоянно принимать те или иные решения, и он обязан думать об их соответствии Божественным установлениям. Это относится не только к взаимоотношениям с подчиненными, но также с заказчиками, поставщиками, контролирующими органами и вышестоящими властями. А еще необходимо преодолевать искушения, в виде всякого рода «преимуществ», которые дает власть, удерживаться от желаний использовать властный ресурс не по назначению и т. д.

Поэтому человек православный, духовно развитый, должен принимать на себя власть лишь по благословению лица, имеющего духовный сан. И чем выше уровень руководства, на который претендует человек, тем более высокий чин в церковной иерархии должен иметь священнослужитель, от которого следует получить благословение.

В духовной традиции российского самодержавия существовало понимание, какое серьезное испытание взваливает на свои плечи царь или император, принимая всю полноту государственной власти. Ибо Христос предупреждал: *«И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут»* (Лк. 12, 48). Поэтому над будущим монархом проводился специальный церковный обряд «помазания на царство», целью которого являлось получение даров Святого Духа, необходимых для управления страной. Но и в

этом случае бывало, когда престолонаследники, понимая всю тяжесть бремени императорской власти, добровольно отказывались от нее. Пример из истории России: цесаревич Константин отказался от престола в пользу своего младшего брата Николая, указав в качестве причины свою «неспособность к государственному управлению».

Итак, каждому православному руководителю, какую бы должность он не занимал — высокую или малую, следует осознавать, какое испытание он несет. И никто не имеет власти по своей воле, но только по Божьему Промыслу или попущению. Тем самым Господь, который любит каждого человека, дает возможность даже самым нерадивым руководителям, узурпаторам и самодурам на духовное развитие и Спасение. Что же касается людей, которым приходится им подчиняться и жить в их правление, то и это попущено Господом для преодоления различных греховных наклонностей, во множестве имеющихся у каждого человека. Все, что ни делает Господь — все во благо и во Спасение бессмертной человеческой души.

Литература

1. *Архим. Алексей*. С надеждой на Божью милость // Экономические стратегии. 2009. № 4.
2. *Гладков Б.И.* Толкование Евангелия // http://krotov.info/library/04_gla/dkov_11.htm.
3. *Иероним Стридонтский* Толкование на Евангелие от Матфея // <http://agios.org.ua/>.
4. Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. Т. 5. Сергиевъ Посадъ, 1912.
5. http://krotov.info/slovari/T/A/wrd_39556.htm.
6. *Прот. Олег Стеняев*. Беседы на Евангелие от Матфея. изд.3. М., 2009.
7. *свт. Иоанн Златоуст* Беседы на послание к Римлянам. Полное собрание творений. Т.9. Ч.2. <http://predanie.ru/lib/book/read/68218/>
8. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. Приложение // Архимандр. Иоанн Маслов. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Дисс. ... магистр. Загорск, 1981.

А.И. СУБЕТТО

**Ноосферная революция в системе научного мировоззрения
на проблематику инновационного развития экономики
в России и в мире**

Аннотация. Ноосферная революция в системе научного мировоззрения, ноосферный экологический духовный социализм — тотальная неоклассическая модель будущего бытия России и человечества.

Ключевые слова: ноосфера, ноосферизм (социализм).

Abstract. Noosphere revolution in the scientific world system, noosphere ecologic spiritual Socialism — total neoclassical model of Russia and mankind future existence.

Keywords: noosphere, noospherism (socialism).

Дискуссия о судьбе диалектики парно-критериальной оппозиции «либерализм — дирижизм», за которой прячется диалектика оппозиции «рыночная экономика — плановая экономика», в начале XXI в. в своей постановке не отвечает истинной онтологической дилемме мира, которая звучит так: или погибнуть в пучине глобальной экологической катастрофы при сохранении логики стихийной, спонтанной истории на базе институтов рынка, частной капиталистической собственности и либеральных идеологем, или перейти к «подлинной», управляемой истории, но не в марксистской парадигме, хотя она и сохраняется, а в ноосферной парадигме — в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества. Фактически речь идет о *тотальной неклассической модели будущего бытия России и человечества*, связанной не только с расширением «принципов дополнительности (дополнения)» и «антропных принципов» в системе научного мировоззрения и общей картине мира, но, самое главное, с *принципом управляемости*.

По нашей оценке, единственной возможной моделью устойчивого развития человечества на Земле является управляемая социоприродная эволюция, в которой человеческий разум становится «управляющим Разумом», или общественным интеллектом, качество которого в ноосфере как новом состоянии биосферы постоянно тестируется качеством управления. При этом само управление также становится неклассическим. Речь идет о новой, расширительной, ее можно назвать ноосферной, парадигме управления, в «образ» которого включается не только целевое, но и ценностно-ориентированное, «мягкое» управление, управление циклическое, встраиваемое в гомеостатические механизмы биосферы и планеты Земля как суперорганизмов. В этом кон-

тексте «дирижизм» есть один из моментов новой парадигмы управления, связанной с функцией координации, причем координации разной — функциональной, организационной, целевой, ценностной, оптимизационной (в последнем случае «координатор» трансформируется в «оптимизатор» в структуре управляемой системы — общественного интеллекта).

Человечество на рубеже 1980-х — 1990-х гг. уже вступило в первую фазу Глобальной экологической катастрофы, обозначившей пределы рынку, либерализму, капитализму, социальным институтам, обслуживающим строй капиталократии. Фактически Россия и человечество, не замечая этого, «въехали» в эпоху Великого эволюционного перелома и одновременно в эпоху Краха рынка, либерализма и капитализма.

Трагичность переживаемой ситуации состоит в том, что реакция человеческого разума, следовательно, науки, культуры, образования, религиозных институтов, отстает от высокой скорости нарастающих негативных экологических изменений в биосфере как планетарной экосистеме, «здоровье» которой определяет потенциал выживания человечества в XXI в. Это состояние мы назвали *Глобальной интеллектуальной черной дырой*. Примерам такого отставания в осознании «пределов» и «запретов», которые диктует Ее Величество Природа, несть числа.

Еще в 1991 г. в аналитическом докладе, подготовленном по заказу Мирового банка реконструкции и развития под руководством известных экономистов-экологов Гудленда, Дейли, Эль-Серафи, было указано, что в экологически насыщенной нише, которую занимает человечество, рынок давно исчерпал себя. К близкому выводу, за 20 лет до этого доклада, пришел Б. Коммонер в работе «Замыкающийся круг» (в СССР книга в русском переводе была опубликована в 1973 г.). По его оценке, технологии на базе частной собственности (имеется в виду частная собственность на средства производства) уничтожают главное богатство человечества — экосистемы. И что же? Произошло осознание человечеством и российским обществом в его составе, что капиталистическая система, частная капиталистическая собственность, рынок экологически и, следовательно, ноосферно несостоятельны? Нет. Человечество, руководимое антиразумом мировой финансовой капиталократии, упоенным осознанием своей военной мощи и властью над финансовым потоками мировой экономики, с ускорением продолжает «падать» в «пропасть» Глобальной экологической катастрофы. Единственной альтернативой этому трагическому сценарию истории XXI в., который может привести, по прогнозу А.П. Федотова, к двойному коллапсу (коллапсу от столкновения между бедной и богатой

частями человечества вследствие катастрофического уровня глобальной поляризации и коллапсу экологическому) в 2025±5 г., является *ноосферный экологический духовный социализм, или ноосферизм.*

Иными словами, на повестку дня XXI в. история человечества поставила ноосферную социалистическую революцию, причем именно как революцию социальную и цивилизационную, которая и составит, по нашей оценке, позитивное содержание эпохи Великого эволюционного перелома как эпохи перехода к новой, ноосферной, парадигме истории — истории управляемой, но управляемой не в «пространстве» внутренней логики социального развития (ВЛСР), как определил будущую «подлинную» историю в форме коммунизма К. Маркс, а в «пространстве» большой логики социоприродной эволюции, т. е. как управляемой социоприродной гармонии и соответственно эволюции.

Такая Ноосферная социалистическая революция XXI в., конечно, в качестве предпосылочного этапа опирается на уже происходящую вернадскианскую, или ноосферную, революцию в системе научного мировоззрения [1], которая, по нашей оценке, меняет и научное мировоззрение на всю проблематику инновационного развития экономики в России и в мире.

Любая более или менее масштабная инновация, внедряемая в социально-экономическую логику развития любого общества, проходит тест самой истории, тест на ее соответствие основаниям логики самой истории — внутренней логики социального развития и большой логики социоприродной эволюции. Этот тест есть испытание инновации на ее соответствие или *Онтологической Правде*, или *онтологической лжи*, диалектику которых в их историческом движении хорошо показал В.Г. Комаров в работе «Правда: онтологическое основание социального разума» (2001). Онтологическая ложь, генерируемая в мире «общественных видимостей», проистекающих из товарных отношений и фетишизации бытия капитала и капиталократии, в конечном итоге проявляется в разрушении основ бытия человека на Земле и в расчеловечивании самого человека. Л.Н. Гумилев в своей необычной работе «Апокриф» показал, что ложь превращает бытие в небытие, жизнь — в смерть, что во лжи Зло находит свою силу. «Ложью можно преодолеть ход времени (имеется в виду не космическое, а биолого-психологическое время как ощущение мыслящего существа), доказав, что прошлое было не таким, каким оно воспринималось и каким оно сохранилось в памяти. Ложью легко превратить свободную волю в несвободную, подчиненную иллюзиям. Ложь ломает пространство, создавая облики (или призраки) далеких вблизи, а близких отдаляя от общения. Ложь делает бывшее небывшим, небывшее облакает в призрачное бытие на пагубу всем живым существам». Поэтому инновация, формируемая интеллектом, находящемся в плену Онтологической

лжи, превращается в свой антипод, в инновацию, увеличивающую деградацию экономики, основ бытия социума, экологическую деградацию. Анти-разум, т. е. разум, подчиненный иллюзиям онтологической лжи бытия капитализма, — разум, онтологически самоуничтожающийся [3], производит антиинновации, или инновации, «работающие» на усиление «соскальзывания» человечества в «пучину» своей экологической гибели в XXI в.

Итак, в нынешнем пространстве эпохи Великого эволюционного перелома возникает вопрос о подлинности инновационного развития экономики в мире и в России, т. е. о его соответствии онтологической правде истории, что означает соответствие ноосферному императиву — императиву перехода к ноосферному социализму. Здесь уместно вспомнить предупреждающее замечание К. Маркса: «разум — существовал всегда, только не всегда «в разумной форме» [4, 380]. Ноосферизм, по нашей оценке, и есть существование разума в разумной форме, которая обеспечивает реализацию онтологической правды — правды истории — в виде управляемой социоприродной эволюции [5, 319]. Ноосферный человек, ноосферное образование, их духовно-нравственная система, ноосферизм как научное мировоззрение есть, в нашей оценке, прорыв к правде жизни и к правде истории, т. е. к ноосферному будущему, к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

Инновационное развитие мировой экономики и экономики России в XXI в. диктуется императивом выживаемости человечества и его перехода на модель устойчивого развития в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества. При этом нужно осознать, что оно формируется под воздействием «инновационного давления», диктуемого логикой движения онтологической правды — правды истории, имеющего ноосферно-социалистический вектор.

Общественный идеал, который программирует такое инновационное развитие экономики в мире и в России, имеет следующие «измерения»:

- образовательное общество и соответственно образовательная экономика, в которых образование становится базисом базиса духовного и материального воспроизводства и соответственно инновационной экономики и ноосферного развития; это означает, что образование и наука становятся производительной, движущей силой, а экономика приобретает статус наукоемкой, интеллектоемкой, образованиеемкой, качественной экономики, в которой в регулирующем контуре наблюдается смещение доминант от закона стоимости к закону потребительной стоимости, т. е. наблюдается процесс становления потребительно-стоимостной экономики;

- плано-рыночная экономика с нарастающей тенденцией смещения в «диалектике доминант»: от доминанты рынка к доминанте плана (планового сектора экономики), с одновременным ростом длиннопериодной составляющей воспроизводства экономики и общества, увеличением доли мобилизационной экономики (под давлением «диктатуры лимитов» природы);

- государственное управление инфраструктурой — транспортной и энергетической;

- подчинение специфическим законам развития России как локальной евразийской общинной, самой «холодной» с самым большим «пространством-временем» цивилизации, в том числе действию закона энергетической стоимости;

- сохранение ландшафтно-географического, цивилизационного (социокультурного), этнического разнообразия как важнейшего качества мировой экономики, ее гетерогенности, диктуемой гетерогенностью биосферы и планеты Земля как суперорганизмов;

- ноосферно-ориентированная технологическая революция, направленная на создание ноосферного технологического базиса, имеющего природосохраняющие характеристики (который в первую очередь будет тестироваться проблемами экологии Арктики, Сибири и Антарктики);

- ноосферная экономика и ноосферное общество, становление которых и есть главная критериальная база качества инновационного развития.

Возвращаясь к диалектике оппозиции «либерализм — дирижизм», отметим, что эта диалектика носит частный характер, но ее постановка отражает в себе уже происходящую ноосферную революцию и давление онтологической правды на происходящие в XXI в. процессы, в том числе в умах людей, в науке, культуре.

Литература

1. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения — поиск ноосферной модели будущего человечества и России в XXI веке / Под ред. А.И. Субетто. СПб., 2003.

2. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 2004.

3. Субетто А.И. Разум и Анти-Разум (Что «день грядущий» нам готовит?). СПб., 2003.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1.

5. Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб., 2010.

Г.В. ХРИСТОКИН, Л.С. ВОРОБЬЕВА

Православная теология начала XX века в поисках новых парадигм развития

Аннотация. В статье показано, что парадигмой современной православной теологии есть неопатристика — возвращение к теологии отцов Церкви. Усвоение теологами неопатристики современных философских концепций обусловило возникновение трех основных богословских течений.

Ключевые слова: софиология, неопатристика, С. Булгаков, Г. Флоровский, В. Лосский, современная православная теология.

Abstract. The article shows that the paradigm of modern Orthodox theology is neopatristika — return to a theology of the Church Fathers. The assimilation of modern theologians neopatristiki philosophical concepts behind the emergence of three major theological currents.

Keywords: sophiology, neopatristika, S. Bulgakov, Florovsky, V. Lossky, a modern Orthodox theology.

Известно, что в конце XIX — начале XX в. в православной теологической мысли были две основных парадигмы: академическая теология — наиболее распространенная форма теологии, которую представляли профессора духовных академий, и русская религиозная философия — представленная плеядой православных мыслителей русского возрождения. Академическая теология России и Греции XVII—XIX вв. в основном была систематическим выражением христианских догматов с помощью упрощенной методологии объективного идеализма платоновского типа по содержанию и школьной метафизикой по форме. В начале XX в. проводилась активная модернизация академической православной теологии, происходил отход от наследования форм и методов схоластического мышления в направлении освоения форм и методов протестантского теологизирования. В академической традиции постепенно менялись акценты: от признания Откровения как внешнего человеку авторитета, на основе которого необходимо выстраивать систему теологии, к обоснованию возможности индивидуального восприятия откровения верой и разумом [1].

В свою очередь русская религиозная философия была попыткой применить для обоснования христианского учения кроме платонизма еще и методологию немецкой идеалистической философии. Взгляды В. Соловьева, П. Флоренского, Е. Трубецкого и С. Булгакова определялись утопической и романтической идеей «цельного знания» (в котором якобы сочетаются разум и вера, наука и религия, философия и

мистика). Только С. Франк в работе «Непостижимое» смог выйти за пределы парадигмы утопий коллективного сознания и отбросить идеализацию «цельного знания» [2]. Православные теологи начала XX в. видели беспомощность академической теологии, постоянно критиковали ее за «схоластичность», но не осуществляли открытой критики русской религиозной философии. Это объясняется тем, что многие православные богословы находились под ее влиянием (Флоренский, Булгаков), а также тем, что богословские построения русских религиозных философов не претендовали на догматический статус. И только дискуссия относительно учения С. Булгакова о Софии стала первой осознанной критикой русской религиозной философии с православных позиций и позволила осознать необходимость новой парадигмы развития православной теологии [3, 61—69].

С самого начала С. Булгаков развивал свое учение о Софии преимущественно в форме построений религиозной философии, но в 1920-е гг. он создает собственную православную догматическую теологию как софиологию. Софиологический проект С. Булгакова интересен не только своими философскими идеями, но и неутомимым стремлением к модернизации православной теологии, попыткой преодолеть консерватизм православной мысли и предложить новые перспективы для ее развития. Надо признать, что одними из главных задач творчества С. Булгакова были поиск новых парадигм теологического развития православия и христианства вообще, осмысление места и роли православия в современном мире. Философ предложил такие теологические интерпретации догматических идей, которые дали бы возможность создать современную православную неоортодоксию [4, 284—302].

Осознавая методологический примитивизм платонизма школьной православной теологии, Булгаков создает новый синтез христианства с платонической и неоплатонической философией. Базовыми методологиями для него являлись русская религиозная философия (Соловьев), немецкая классическая философия (Шеллинг), мистическая теософия (Беме) [5, 336, 339, 340, 342]. При этом Булгаков не понял и творчески не использовал как методологию традиционный христианский неоплатонизм отцов Церкви (как это сделал Флоровский). Вообще его осведомленность в творчестве святых отцов восточного христианства была достаточно ограниченной. В результате у Булгакова формируется ряд неоортодоксальных идей. Среди них наиболее значительны учения о сверхбытийственном Абсолюте (Ничто), сотворении мира из Ничего, Всеединстве, Софии. На основе этих по сути неоплатонических философских концепций Булгаков создает новую православную космологию, христологию и еклизиологию (в трилогии «О Богочеловечестве»).

Как известно, большинство указанных концепций вызвали серьезные замечания со стороны православных теологов, поскольку привели фактически к новому толкованию догматов христианства. Творчество Булгакова спровоцировала реакцию со стороны молодых православных богословов, в дискуссии с которыми была не только дана православная оценка софиологии, но и начата работа по созданию новой парадигмы православной теологии — неопатристики.

Появление теологии Булгакова заставила молодого философа и теолога Георгия Флоровского переосмыслить всю русскую религиозную философию. Результатом переосмысления стал его выдающийся труд «Пути русского богословия» (1937), в котором он приходит к выводу, что зависимость русской религиозной философии от немецкого идеализма обусловила ее неправославный характер. Г. Флоровский доказывает, что российскими религиозными философами искажаются православная теогносия, космология, антропология, методология, гносеология, социальное учение, теология истории. Согласно Флоровскому, академическая теология и русская религиозная философия принципиально не могут быть настоящими православными теологиями по причине ошибочности собственных методологий. Последнее, по мнению Флоровского, вызвано зависимостью от западной теологии и философии. Иначе говоря, принципиальная ошибочность заложена уже на стадии формирования «парадигм» академической теологии и русской религиозной философии. Г. Флоровский убежден, что православное мировоззрение невозможно адекватно выразить в теологии, опирающейся на методологии, заимствованные из западной философии, — как схоластической, так утопически-идеалистической [6, 506].

Г. Флоровский предлагает создать «неопатристический синтез» — реконструировать систему теологии греческой патристики в современных условиях. По его мнению, настоящая православная теология должна быть развитием Предания отцов Церкви. Их произведения, особенно греческая патристика, являются образцовой теологией, нормативным выражением христианского вероучения. Понятийная и концептуальная верность греческой патристике не была характерна ни для академической теологии XVII—XIX вв., ни для русской религиозной философии. Такое явление порождало определенный разрыв между религиозной практикой (культ, духовная жизнь) и теологией Церкви, и даже больше — порождало постоянный кризис православия [6, 506].

Осознание необходимости формирования новой теологии было достижением не только Г. Флоровского, но и В. Лосского. Последний был главным критиком софиологии С. Булгакова, забрасывая ей принципиальное различие с патристикой [7]. Собственно, именно Флоровский и Лосский, создавая проект «неопатристики», формируют новую

парадигму православной теологии. Неопатристика противостоит софиологии как парадигме православной теологии, предложенной Булгаковым. Историческое развитие православной теологии от 1920-х гг. до настоящего времени является осуществлением именно неопатристического проекта. Неопатристика стала основным содержанием и формой православной мысли — собственно современной православной теологией, фактически полностью вытеснив русскую религиозную философию. Все выдающиеся православные богословы XX в. принимают эту парадигму [8].

Впервые англиканский богослов Р. Уильямс и русский историк теологии С. Хоружий фундаментально проанализировали формирование неопатристической парадигмы в православной теологии. С. Хоружий называет два достижения, которые сформировали неопатристику. Во-первых, это сама идея неопатристики — «новое осмысление православного отношения к патристике и Преданию, что нашло выражение в концепциях “христианского эллинизма” и “неопатристического синтеза”» [9, 420]. Во-вторых, это «неопаламизм» — «новое осмысление теологического значения духовного опыта, исихастской аскетической практики и учения св. Григория Паламы» [9, 420]. Первое достижение С. Хоружий приписывает о. Г. Флоровскому, а второе — Василию (Кривошеину), В. Лосскому и И. Мейендорфу. В эти суждения Хоружего нужно внести определенные коррективы. Действительно, автором идеи неопатристики был Г. Флоровский, но выделение «неопаламизма» как отдельного явления современной православной теологии является не оправданным. Во-первых, учение Григория Паламы является частью патристики, а во-вторых, неопаламизм есть часть неопатристики [10]. Формирование современной православной теологии Р. Уильямс считает заслугой трех мыслителей — С. Булгакова, В. Лосского и Г. Флоровского [11, 502]. По мнению архиеп. Роуэна, Булгаков был наиболее укоренен в русской традиции и находился под определяющим влиянием идей В. Соловьева и славянофилов [11, 503—505]. Дальнейшее развитие современной православной мысли заключалось в постепенном преодолении такого воздействия и формировании оригинальной теологии. Г. Флоровский и В. Лосский, основывая неопатристику как разновидность «неотрадиционализма», пытались творчески решить те проблемы, которые не удалось решить С. Булгакову и другим русским мыслителям. «Неотрадиционализм — это реакция на тупик русской религиозной философии, на вопиющие противоречия между волюнтаризмом и детерминизмом, персонализмом и органическим коллективизмом — реакция, принявшая форму всестороннего отказа от категорий, принятых в “классической” русской философии;

но этот отказ должен освободить путь для более удовлетворительного решения тех же противоречий» [11, 510].

В последние годы появляются новые исследования неопатристики на Западе. В работах православных богословов, вошедших в «Компендиум по православной теологии», тоже доказывается, что современная православная теология есть неопатристикой. Авторы соглашались с тем, что формирование этой парадигмы осуществлялось в дискуссии с софиологией, учение которой фактически носит неправославный характер [12].

Анализ идеи неопатристики — так, как она была заявлена Г. Флоровским, — дает возможность увидеть сильные и слабые стороны его позиции. Доктрина Флоровского предусматривает наличие принципиально единой системы теологии греческой патристики, которую, по убеждению Флоровского, якобы возможно и необходимо реконструировать. Но сам Флоровский смог реконструировать только учение отцов о сотворении мира и о спасении («Тварь и тварность», «О смерти крестной»). По нашему мнению, нельзя считать полноценной реконструкцией системы теологии греческой патристики, как это делают многие, книгу В. Лосского «Очерк мистического богословия Восточной Церкви» (1944). В действительности, эта довольно тенденциозная книга является памятником одному из направлений неопатристики — неопаламизму, точнее неопатристическому экзистенциализму. Фактически первой попыткой полноценного исследования философии отцов Церкви в украинской науке стала работа Ю. Черноморца, в которой система отцов показана как христианский неоплатонизм. Исследование автора ставит под сомнение интуицию Флоровского о единой системе теологии греческой патристики, доказывая наличие значительного разнообразия философской составляющей патристики [13].

Так же достаточно тенденциозным является мнение Флоровского, согласно которому, только система понятий греческой патристики может быть основой для построения православной теологии. К сожалению, богослов нигде не реконструирует этой системы понятий и не доказывает ее преимуществ. Флоровский подчеркивает, что понятийный аппарат теологии необходимо развивать, но, оставаясь в системе понятий греческой патристики, богослов выступает «против любых попыток переформулировать догматы в категориях современной философии» [14, 156]. Как это будет показано далее, развитие современной теологии осуществляется вопреки установке Г. Флоровского, использование понятий и концепций современной философии стало характерным для многих представителей неопатристики. Они заимству-

ют и осуществляют переосмысление категорий современной философии, аналогичное тому, которое когда-то совершили греческие отцы.

А теперь стоит рассмотреть *существенные черты неопатристики*, хорошо осознавая, что неопатристика в действительности оказалась не тем «неопатристическим синтезом», который задумал Флоровский, а скорее своеобразным аналогом неотомизма. Первая существенная черта неопатристики — это систематическое обращение к средневековой теологии, которая считается образцовой. В неотомизме — это система Аквината, а в неопатристике — греческая патристика. Но если неотомисты видят в системе Фомы образцовую теологию потому, что она является «вечной философией», идеально обоснованной и реалистичной метафизикой, то представители неопатристики считают, что произведения греческих отцов Церкви является образцовым Преданием. При этом они ссылаются не на принципы образцовой теологии, а на «дух отцов», «опыт отцов».

Вторая существенная черта неопатристики, что делает ее также аналогичной неотомизму, это активное использование понятий и концепций современной философии. Как уже говорилось, эти понятия и концепции становятся новой формой для выражения якобы неизменного содержания православной теологии. В действительности, использование понятий и концепций современной философии может существенно изменять содержание теологии, что достаточно очевидно в случаях с системами В. Лосского, Х. Яннараса, И. Зизиуласа. Сохранение традиционного содержания теологии при использовании новой философской методологии — это сложная задача для православных мыслителей, и с ним в действительности справились только Г. Флоровский и Д. Станилоаз. Результатом такого заимствования с необходимостью становится реформирование православной теологии путем синтеза теорий и понятий греческой патристики с концепциями и понятиями современной философии. Только как исключение в неопатристике встречаем таких мыслителей, как св. Иустин Попович, который вообще не использовал понятий современной философии.

Третья существенная черта неопатристики — постоянное стремление преодолеть трудности в концепциях представителей греческой патристики, некоторые (часто воображаемые) недостатки их теорий. На этом пути возникают новые формы неопатристики — своеобразные «неопаламизм», «неомаксимилианство», «неоареопагитизм». Как и в неотомизме, такие попытки бывают или относительно удачными, или вовсе неудачными. К примеру, неопаламизм — распространенная, но внутренне противоречивая тенденция неопатристики. Он заиклен на «богословии энергий» Г. Паламы, наследуя все трудности и внутрен-

ние противоречия этой доктрины. Те случаи, когда теология зациклена на апофатике как едином методе богопознания, являются примером негативного использования концепции Ареопагита, тогда как опора на теологию Максима Исповедника — очень важная богословская перспектива для неопатристики.

Итак, неопатристический синтез, о котором мечтал о. Георгий Флоровский, все еще не реализован и неизвестно, будет ли это достигнуто в будущем. Но вместо «неопатристического синтеза» возникла неопатристика — господствующая парадигма современного православного богословия с ее основной идеей «возвращения к отцам». Эта парадигма с самого начала противостояла богословской парадигме Булгакова, который выдвигал иной лозунг — «вперед от отцов». Конфликт неопатристики и софиологии и стал на первых этапах истоком идей Флоровского и Лосского, дал возможность выработать новые подходы в православной теологии.

Критикуя софиологию за использование современных философских идей, основатели даже не подозревали, что с самого начала в неопатристике возникнет несколько течений, между которыми существует разница в методологии, онтологии, гносеологии, антропологии и теории теогносии. То есть основой разделений в неопатристике стала зависимость от различных идей и категорий современной философии.

Первое течение, основателем которого является Г. Флоровский, пытается использовать объективно идеалистическую систему понятий и идей мыслителей греческой патристики. Но это направление не может достичь полного повтора учений патристики, ведь адекватной реконструкции учений греческой патристики так и не было осуществлено. Ориентация на развитие понятий и концепций мыслителей греческой патристики приводит к подражанию основным чертам теологии и философии греческой патристики. Этими чертами являются: объективный идеализм в онтологии, интеллектуальный и мистический интуитивизм в гносеологии, классический психофизический дуализм в антропологии, метафизика как способ построения знания в методологии [15].

Как отмечал Иларион Алфеев, потребность в неопатристике интуитивно ощущалась многими православными теологами [16, 455]. Фактически Флоровский сумел лишь четко сформулировать новую теологическую парадигму, в ключе которой независимо начали работать некоторые православные теологи. Так, самостоятельный вариант неопатристики разрабатывал выдающийся сербский православный теолог о. Иустин Попович. Следует отметить, что с помощью синтеза теологических понятий греческой патристики и языка мистической

поэзии о. Иустин сумел создать такой вариант неопатристики, который является «по духу» наиболее близким к собственно теологии греческой патристики. По сути, теология христианского неоплатонизма сербского богослова непосредственно продолжает христианский неоплатонизм греческих отцов, особенно Макария Египетского и Исаака Сирина. Этого же направления придерживается выдающийся мыслитель русского зарубежья о. Софроний Сахаров. Теология последнего очень похожа на теологию Симеона Нового Богослова, являясь христианским неоплатоническим мистицизмом, выраженным посредством языка персонализма. В рамках неопатристики творят современные богословы этого направления — греческие мыслители Теодор Стилианопулос, мыслители с американской православной церкви — Джон Бер, Джон Брек, греческий богослов И. Манузакис, современные русские мыслители В. Лурье, А. Нестерук, С. Хоружий и др.

Основателем *второго течения* в неопатристике был В. Лосский, представители которого используют учения экзистенциализма. Взгляды Лосского стали отправным пунктом для радикального православного экзистенциализма греческого философа и теолога Х. Яннараса и митрополита Иоанна Зизиуласа. Использование В. Лосским, Х. Яннарасом и И. Зизиуласом языка современной философии экзистенциализма (в основном Н. Бердяева, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра) приводит к отходу от основных черт учения мыслителей греческой патристики во всех областях теологии. Основными чертами православного экзистенциализма является субъективный идеализм экзистенциализма в онтологии, антропологии, гносеологии, методологии и теории теогносии.

Недостатки обоих направлений неопатристики очевидны не для всех, но непредубежденные исследователи все-таки могут их четко определить — объективный идеализм Г. Флоровского и его последователей не может быть ответом на смысложизненные вопросы современного человека, а православный экзистенциализм слишком свободно интерпретирует христианские догматы, а иногда даже отходит от православного вероучения. Православная теология нуждалась в принципиальном обновлении, которое смог осуществить выдающийся румынский богослов о. Думитру Станилоэ, ставший основателем *третьего синтетического направления* в неопатристике. Его теология построена на основе использования достижений философской антропологии М. Шеллера, онтологии Н. Гартмана, католической теологии «аджорнаменто». Станилоэ создает современную православную теологию, которая отвечала запросам эпохи Постмодерна.

В целом в рамках неопатристики выделяются слишком разные тенденции, в ней, согласно Х.У. фон Бальтазару, можно выделить как «космологические редукции» объективного идеализма, так и «антропологические редукции» экзистенциализма. И только отдельным теологам удастся частично перейти к постсовременной парадигме теологического мышления. Соответственно мы можем условно говорить о трех течениях неопатристики как о трех ее внутренних парадигмах. Но в этих случаях понятие парадигмы используется для обозначения не глобальных общехристианских парадигм (как у Кюнга и Бальтазара), а для обозначения локальных теологических «программ» (как у Куна и Лурье). Эти программы возникли из-за принятия в качестве очевидно истинных определенных «штампов» философского мышления. Такими очевидно истинными для современных теологов стали концепции объективного, субъективного идеализма и попытку сформировать новую теологию, которая бы отвечала запросам эпохи Постмодерна. И именно это обусловило разделение неопатристики на три течения: православный объективный идеализм, православный экзистенциализм и синтетическую теологию Д. Станилоаэ.

Итак, мы установили, что в диалоге и конфликте теологических парадигм православной академической теологии, русской религиозной философии (особо софиологии) и неопатристики в действительности современной и самой распространенной можно считать лишь неопатристику. В то же время заслугой софиологии Булгакова можно считать инициативу обращения к философской методологии с целью модернизации православия, но очевидным ее недостатком стала зависимость от нехристианских концепций, которые искажали православное учение, а также несоответствие основной христианской интуиции начала XX в. — возвращение к истокам. Усвоение богословами неопатристики современных философских учений с целью лучшей интерпретации наследия отцов Церкви привело к появлению нескольких основных течений, которые только укрепили позиции неопатристики как современной парадигмы православной теологии. В то же время развитие православного богословия в начале XXI в. требует поиска и обоснования новой парадигмы для его плодотворного развития.

Литература

1. *Панков Г.Д.* Философская апологетика религии: из истории православно-академической мысли XIX—нач. XX ст.: опыт философско-теологического обоснования религии (В.Д. Кудрявцев-Платонов, П.Я. Светлов, В.И. Несмелов, М.М. Тареев). Харьков, 2005.

2. *Тихолаз А.Г.* Платон і платонізм в російській релігійній філософії др. пол. ХІХ—поч. ХХ ст. К., 2002.
3. *Христокін Г.В.* Неопатристика як парадигма сучасної православної теології // Українське релігієзнавство. 2007. № 43.
4. *Вальєр П.* Софиология как диалог Православия с современным миром // Дружба: ее формы, испытания и дары: Успенские чтения. Киев, 2008.
5. *Евлампиев И.И.* История русской метафизики в ХІХ—ХХ веках. Русская философия в поисках абсолюта. Ч. II. СПб., 2000.
6. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. К., 1991.
7. *Лосский В.* Спор о Софии. «Докладная записка» прот. С. Булгакова и смысл Указа Московской Патриархии // Богословие и боговидение: Сб. ст. Под ред. В. Пислякова. М., 2000.
8. *Гаврилюк П.* Неопатристический синтез. Доклад на летнем богословском институте в Лишне // <http://www.youtube.com/watch?v=76Vcmell0qk>.
9. *Хоружий С.* Опыты из русской духовной традиции. М., 2005.
10. *Христокін Г.* Неопаламизм — основной тренд православной теологии ХХ столетия // <http://www.religion.in.ua/main/bogoslovyia/13838-neopalamizm-8722-osnovnoj-trend-pravoslavnoj-teologii-xx-stoletiya.html>.
11. *Williams R.* Eastern Orthodox Theology // The Modern Theologians. In Introduction to Christian Theology in the Twentieth Century / D.F. Ford (ed.). University of Cambridge, 1997.
12. The Cambridge Companion to Orthodox Christian Theology / M.V. Cunningham, E. Theokritoff (eds.). Cambridge, 2008.
13. *Чорноморець Ю.* Візантійський неоплатонізм від Діонісія Ареопажита до Геннадія Схолярія. К., 2011.
14. *Блейн Э.* Жизнеописание о. Георгия / Георгий Флоровский: Священнослужитель, богослов, философ. М., 1995.
15. *Христокін Г.В.* Вчення про богопізнання в інтелектуальному інтуїтивізмі Г. Флоровського // Українське релігієзнавство. К., 2010. № 54.
16. *Иларион (Алфеев).* Православное богословие на рубеже эпох. М., 2002.

Р.Е. СОКОЛОВ

**Современная каноническая философия хозяйства
католицизма: о принципах субсидиарности и солидарности
на уровне государства**

Аннотация. Статья посвящена католической концепции институциональной трансформации общества в целях упорядочивания социально-экономического развития государства.

Ключевые слова: государство, ответственность, сотрудничество.

Abstract. Article is devoted to catholic concept of institutional society transformation, aiming to ordering social and economic development in state.

Keywords: the state, responsibility, cooperation.

1. Принцип субсидиарности. Принцип делегирования ответственности от государственной власти субъектам хозяйства как от вышестоящей к нижестоящей и подчиненной структуре получил название принципа субсидиарности. Он был сформулирован Ватиканом в энциклике *Regrum Novarum* (1891) и официально представлен в «*Quadregesimo Anno*» (1931) как требование по отношению к вышестоящей форме сообщества не брать на себя задачи, исполнить которые способно и нижестоящее сообщество. Задача вышестоящей организации, в частности, государства, состоит лишь в том, чтобы помочь подчиненной организации — хозяйствующим субъектам — решить ее задачи. Таким образом, основной нелиберальный принцип минимального государственного вмешательства в экономику был выдвинут Ватиканом более чем на полстолетия до появления этого направления.

Святой престол подчеркивает тот факт, что помощь вышестоящей организации в лице государственной власти должна оказываться всем субъектам хозяйства, но в первую очередь наиболее обездоленным. Необходимость заботы о материальных нуждах основных производителей благ — трудящихся — провозглашал и иезуит Освальд фон Нелль-Бройнинг, который считал, что если не будут предприняты необходимые меры, чтобы у людей была возможность подняться на более высокий уровень жизни, то они будут видеть в имуществе других орудие своей эксплуатации и рано или поздно захотят его сокрушить. Когда желания «эксплуатируемых» осуществляются, экономический порядок будет нарушен. Предприниматели не смогут получать прибыль, государство лишится налогов, а население — необходимых товаров. Потребуются большие усилия и финансовые средства для восстановления экономики.

Однако принцип субсидиарности, подразумевающая наличие некоей общественной иерархии и отношений внутри нее, поддерживает эту иерархию и сохраняет различия внутри нее. Еще основатель канонической философии хозяйства Лев XIII говорил о необходимости существования определенных различий и неравенств среди членов общества, так как именно это позволяет обществу развиваться. Обществу нужны как руководители, так и исполнители, но оно в лице правительства должно заботиться о насущных интересах каждого, особенно рядовых работников как непосредственных создателей валового продукта и национального дохода страны (*Regrum Novarum*).

2. *Принцип солидарности: заработная плата работника.* Когда каждый член общества уверен в существовании возможностей обеспечения себя и своей семьи, равно как и улучшения своего благосостояния, то он начинает их использовать. Как известно, основным источником дохода является заработная плата, и именно с ее помощью человек удовлетворяет большинство своих потребностей. В свете требования структурного построения общества каноническая мысль указывала на некоторые рамки, в которых она должна находиться.

Во-первых, рабочие должны были иметь возможность обеспечить свое существование согласно их семейному статусу, полу и возрасту. Причем матерям семейств следовало заниматься их домашними обязанностями, в том числе воспитанием детей, так как в противном случае общество не могло вырастить воспитанных добропорядочных граждан (*Quadregesimo Anno*). В «*Laborem Exercens*» Иоанн Павел II писал, что заработная плата должна быть справедливой, независимо от того, в какой экономической системе осуществляется труд. Основным критерием справедливости понтифик считал вознаграждение за труд каждому работнику, обеспечивающее его доступ к общему благу, т. е. возможность семьи приобрести на данную заработную плату все необходимые блага для ее полноценного развития. Это могло достигаться посредством выплаты либо жалования только главе семьи («семейного жалования»), либо, если оно было недостаточным, пособия на неработающую мать или на семью в целом, пока семья не сможет встать на ноги.

Что касается несправедливости в деле заработной платы, то такая, с точки зрения Святого престола, возникает тогда, когда члены семьи, в частности мать семейства, не могут посвятить себя выполнению своей прямой моральной обязанности — воспитывать полноценных членов общества. Однако Иоанн Павел II подчеркивал, что если женщина, мать семейства, может заниматься какой-либо работой без ущерба для своих материнских обязанностей, то никто и ничто не должно ее в этом ни ограничивать, ни, тем более, дискриминировать.

Кроме того, критерий справедливой заработной платы каноническая философия хозяйства видит в наличии наравне с достаточной для существования семьи работника заработной платой определенных социальных выплат и условий труда, к которым Иоанн Павел II относил пособия по медицинскому обслуживанию, пенсии, пособия по инвалидности, а под условиями труда он понимал еженедельный и ежегодный отпуск и условия работы, не наносящие физического и морального вреда здоровью работника.

Если же зарплата оказывалась недостаточной вследствие отсутствия в обществе возможности трудиться для трудоспособных работников, оно, по словам Пия XI, должно было исправить ситуацию, предоставляя таким работникам необходимые пособия. Чуть позже Иоанн XXIII писал, что прямой обязанностью государства должен стать контроль над тем, чтобы у всего экономически активного населения была соответствующая возможность трудиться.

Во-вторых, рабочим не следовало добиваться слишком больших зарплат, иначе тем самым они могли поставить предпринимателя под угрозу банкротства и в итоге лишиться себя всего заработка. Но Пий XI подчеркивал, что падение производительности из-за неудовлетворительного управления фирмой не должно возмещаться снижением заработной платы работникам.

В-третьих, важным моментом в деле формирования заработной платы Иоанн XXIII считал продолжительность рабочей недели. Работая все больше и больше, работник, особенно во второй половине XX в., имел возможность получения большего дохода, что позволяли и предусматривали трудовые кодексы европейских стран. Однако если бы работник, глава семьи, работал всю неделю без выходных, то у него не оставалось бы времени ни на должное восстановление тела и духа, ни на полноценное общение со своей семьей.

Профессор теологии и морали Карл Хайнц Пешке подходил к данной проблеме с другой стороны, говоря о необходимости приемлемых цен. Для индивида это значит возможность купить нужные товары, а для предпринимателя — покрыть понесенные издержки и профинансировать расширение бизнеса.

Итак, величина заработной платы рабочего — главы семьи — должна была, с одной стороны, давать ему и его домочадцам все необходимое для благочестивой жизни и воспитания детей, а с другой — обеспечивать предпринимателю возможность нормального ведения бизнеса. Поскольку обе указанные позиции должны приниматься в расчет, то все члены общества должны увязывать свои интересы друг с другом, а помочь им в этом призвано государство, с помощью которо-

го при необходимости должно быть найдено решение любого спорного вопроса.

3. *Солидарность субъектов хозяйства внутри государства.* Общеизвестно, что работник заинтересован в потенциальной зарплате, а предприниматель — в качественном труде работника. Качество труда возрастает, когда для этого создаются все необходимые условия: соответствующая заработная плата, продолжительность и интенсивность труда. В итоге получается, что работник старается хорошо работать на предпринимателя, а последний старается заботиться о доступе своего работника к общему благу. Подобный симбиоз возможен лишь при условии честного исполнения своих обязанностей обеими сторонами, которые подробно прописываются в трудовом контракте. И если каждый хозяйствующий субъект делает все, что должен делать в интересах общего блага, то в конечном итоге удовлетворяются интересы всех хозяйствующих субъектов всего общества. Из этого отношения взаимного «подчинения», которое присуще обществу, вытекает общая ответственность по взаимным обязательствам, в результате которой хозяйствующий субъект или член общества должен отвечать за благополучие целого, а целое отвечает за благополучие членов. Не секрет, что как предприниматель, так и наемный работник не всегда полностью исполняют свои обязательства. Тогда нарушенные права пострадавшей стороны призвано восстанавливать государство.

Принцип увязывания интересов труда и капитала получил название *«принцип солидарности»*, согласно которому член общества в своем существе подчинен этому обществу, а общество в свою очередь подчинено своим членам. Суть этого принципа была озвучена еще в конце XIX в. Львом XIII. А до них еще Адам Смит, крупный представитель либерализма, говорил именно о солидарности интересов работников и их нанимателей.

Лев XIII довольно четко указал принципы, на которых должны строиться отношения между «трудом» и «капиталом», в том числе принцип морального сдерживания, пропагандируемый церковью, настаивая на поддержании взаимного уважения и ответственности и требуя от хозяев средств производства распределять обязанности, работу и заработок между работниками сообразно их возможностям и стараниям, предупреждая всякое злоупотребление с обеих сторон. Иоанн XXIII добавлял, что отношения между работниками и предпринимателями должны строиться и на взаимном доверии, выражавшемся в совместном управлении предприятием. Также он говорил о насущной необходимости грамотного управления фирмой, ссылаясь на быстрый научно-технический прогресс и соответствующую потребность в повышении квалификации работников. В силу того, что повышение ква-

лификации подразумевает отрыв от работы или занятия во внеурочное время, возникла потребность в большем объеме свободного времени, а значит, в сокращении продолжительности рабочей недели.

Способность предпринимателя, или предпринимательский талант, попала в сферу исследования канонической философии хозяйства относительно недавно и стала рассматриваться только Иоанном XXIII (1961), который подчеркивал, что современная экономическая система не мыслима без частной инициативы граждан, сотрудничающих друг с другом. Австрийский правовед и политик Йоханнес Месснер указал на предпринимательство наравне с квалификацией работников и образованием капитала как на основной фактор развития хозяйства в мировом масштабе. Иоанн-Павел II фактически назвал предпринимательство силой, дающей импульс социально-экономическому развитию общества и подавляемой в централизованной экономической системе.

В 1991 г. Иоанн-Павел II легитимировал прибыль как доход от реализации управленческой информации и организаторских способностей. Однако основной целью деятельности предприятия понтифик называл не столько прибыль, считая ее лишь индикатором его эффективности, сколько устойчивое функционирование компании как сообщества работников, выступающее гарантом стабильности в будущем. Месснер указывал на прибыль как на социальное обязательство фирмы, без которой она вредит общему благу.

В отношении прибыли в католической хозяйственной философии выдвигается ряд тезисов. Кардинал Йозеф Хоффнер в своем учебнике «Христианское социальное учение» выделяет три источника предпринимательской прибыли: творческая активность, монопольный статус и рыночная конъюнктура. Исходя из этого, он указывает на положительные формы получения прибыли в виде творческих, или пионерских, конъюнктурных, социальных, рекламных прибылей, если действия предпринимателя не вводят людей в заблуждение и созидают общее благо, и отрицательные формы в виде монопольной, или спекулятивной прибыли. Пешке рассматривает прибыль как связующее звено капитала и труда, которая появляется у первого благодаря последнему и финансирует развитие как предприятия, так и всей экономики. Отсутствие прибыли ведет к закрытию предприятия и его рабочих мест. Значит, солидарность интересов собственников и сотрудников должна строиться не только на законах, порой чрезмерно затрудняющих работу предприятия, но и на их лояльности друг ко другу.

Говоря о взаимосвязи интересов труда и капитала, канонисты, в частности Нелль-Бройнинг, предлагали проект введения так называемой «инвестиционной зарплаты», или «обратной зарплаты», при которой часть заработанных средств отчисляется для приобретения мелких

акций, сертификатов и других ценных бумаг. Такая система «солидаризма», нацеленная на приобщение наемных работников к прибыли фирмы, была схожа с точкой зрения Карла Маркса о передачи работникам заработанных ими средств. Однако в отличие от марксизма, который практически ушел с мировой арены, она не требовала национализации средств производства. Более того, XX в. показал, что средняя доходность по ценным бумагам, особенно акциям, была довольно высокой, несмотря на спад во время Великой экономической депрессии и 1970-х гг., а их держатели смогли существенно повысить свое благосостояние. Первые годы российской хозяйственной практики XXI в. продемонстрировали, что среднегодовой доход по некоторым акциям составил более 100%, особенно при выходе из финансового кризиса 2008—2009 гг. Именно посредством внедрения проекта инвестиционной заработной платы, с нашей точки зрения, распространялась система участия работников в управлении фирмами, объединяющая интересы и усилия субъектов хозяйства в лице труда и капитала.

Итак, в конце XIX — начале XX в. Ватикан разработал концепцию органической реконструкции хозяйства, под которой понималось такое строение общества, при котором хозяйствующие субъекты автономно сотрудничают, решая все свои проблемы самостоятельно на каждом уровне общественной иерархии в рамках существующего законодательства. Если же какое-то сообщество оказывалось не в состоянии решить проблему само или для решения подобной проблемы этому сообществу не хватало необходимой компетенции, то на помощь должно было прийти государство как вышестоящий орган. Таким образом, государство не только поощряло субъектов хозяйства к развитию своей хозяйственной инициативы, служащей оплотом устойчивого экономического роста, но и делегировало работникам и предпринимателям социальную ответственность.

П.М. ЗОЛИН

Философия раннего отечественного предпринимательства

Аннотация. Утверждается, что относительно примитивная философия предпринимательства (активной хозяйственной деятельности), связанная с первобытным хозяйствованием людей современного типа, возникла в верхнем (позднем) палеолите. На землях современной России это подтверждают комплексы Костенок, Сунгири, Зарайска, сибирской Мальты и других археологических памятников. В Антично-

сти (досредневековые) известны высказывания о предпринимательстве Токсариса, Анахарсиса, Сфера и других мыслителей, происходящих с земель Северного Причерноморья и Приазовья.

Ключевые слова: экономика, палеолит, философия, предпринимательство, территория, Россия.

Abstract. Argued that the relatively primitive philosophy of business (active economic activities) associated with the primitive housekeeping modern humans, appeared in the upper (later) Paleolithic. On the lands of present-day Russia is confirmed complexes Kostenki, Sungir, Zaraysk, Siberian Malta and other archaeological sites. In ancient times (dosrednevekove) are known sayings about entrepreneurship Toksarisa, Anacharsis, Sphere and other thinkers, originating from the land of the Northern Black Sea and Azov Sea.

Keywords: economics, Paleolithic, philosophy, business, territory, Russia.

Развитие методологии и теории предпринимательства как важнейшего ресурса экономики любого уровня вплоть до глобального является актуальной научной проблемой. Без такого развития невозможно должное осмысление данного ресурса, обеспечивающего и национальную безопасность. Философия предпринимательства концентрирует знание закономерностей и тенденций ведения хозяйства на инициативной, рискованной основе с целью получения дохода активными собственниками.

Публикации журнала «Философия хозяйства» за период его существования достаточно подробно отражают проблематику и методологии, и теории предпринимательства, анализируют множество соответствующих этой проблематике работ. Надо отметить, что философия предпринимательства — комплексная проблема, привлекающая внимание философов, культурологов, экономистов и ученых ряда других наук. Например, А.Е. Куделин тщательно изучил именно философский аспект. Он определил предпринимательство как общеисторический феномен, как осуществление практического исторического творчества. И справедливо указал на предпринимательство первобытных племен и его перерастание в предпринимательство отчужденных личностей [1].

Здесь отчасти отразились идеи Б. Санто [2]. Близки подходы А.Б. Курлова [3].

А.Ю. Помпеев особо акцентировал внимание на культурологических аспектах проблемы.

По этой версии, историческая культурология способна превратить богатый опыт человеческого хозяйствования на земле во внутреннее богатство индивидов, способных воплотить его в собственной соци-

ально-культурной деятельности, направленной на преобразование всей природы и самого человека.

Нами представлены основные процессы зарождения, становления и развития торгового, промышленного и банковского предпринимательства в России IX—XX вв. В данной статье покажем, что философия отечественного предпринимательства — народов на землях нынешней России и ее ближайших соседей — началась задолго до IX в. н. э. [4].

Впечатляет массив исследований по проблеме Ю.М. Осипова. Его достижения отражают монографии «Опыт философии хозяйства» (1990), «Очерки философии хозяйства» (2000), «Философия хозяйства» (2001), «Время философии хозяйства» (2003), брошюры «Философия хозяйства. Тезисы» (2006) и «Философия хозяйства как достойное размышляющего человечества» (2008), учебное пособие «Курс философии хозяйства» (2005) и «Примерная программа философии хозяйства» (2003). Автор является создателем и руководителем научно-образовательной школы философии хозяйства, истоки которой зародились в Московском университете в 1912 г. в связи с защитой докторской диссертации С.Н. Булгакова «Философия хозяйства».

Философию хозяйства автор трактует как самостоятельное, открытое для разнообразного творчества, течение мысли, отчасти постнаучное (с преодолением позитивистской науки) и во многом метафизическое (с восприятием трансцендентного), вместе с тем — не как отрасль философии и не как раздел экономики. От такой философии хозяйства — один шаг к обновленному целостному общественному [5].

Очевидно, что понятие «философия хозяйства» (даже с учетом основных экономических ресурсов) заметно шире понятия «философия предпринимательства», хотя и последнее может трактоваться более широко. Предприниматель (деятельный, деловой) — основной актор в любом хозяйстве. Ныне с учетом достижений нестратической теории и популяционной исторической генетики прошлое людей современного типа сравнительно надежно прослеживается на глубину в несколько десятков тысячелетий. Существенную базу реальных фактов для теоретических построений создали археология, антропология, мифоведение и некоторые другие науки.

Выявленные лингвистами тысячи слов и корней, близких для ранних этносов на всей планете, позволяют говорить о ранней философии уже в позднем (верхнем) палеолите [6].

Интернет предоставляет немало подробностей об уровне развития людей в палеолитических Костенках, Сунгири, Зарайске, сибирской Мальте и в ряде других селениях — ныне обозначениях отечественных археологических памятников. Эти пращуры россиян умели строить жилища, вели сложную хозяйственную деятельность, признавали

двойственность мира (уже использовали 40 — 20 тыс. лет назад разнообразные погребальные обряды). Философию промысла отражают разнообразные мифы, включая миф о деятельном Прометее. Его родные земли в округе реки Орел севернее Кавказа (Скифской скалы) упоминались в античных источниках³.

Историки философии знают о палеолитических погребальных обрядах на российских землях, к примеру, представленных ярчайшими археологическими памятниками Костенков и Сунгирия. Они иногда любят живопись Каповой пещеры, другими яркими артефактами времен наших далеких пращуров-земляков. Но вот учитывать их в началах отечественной философии многие никак не решаются.

Более тысячи лет назад, в конце X в., византиец Лев (Васильевич) Диакон подробно рассказал о словено-русах (скифах, тавроскифах) князя Святослава. По примеру ряда авторов той поры он считал скифов (отсюда и русов) потомками библейских Гога и Магога, «князя Роса». Примерно так же считали еще в начале эры Иосиф Флавий и иные иудейские писатели, которым в осведомленности было не отказать. По мере христианизации Скифию византийцы все чаще называли Росией, а словено-русов — по многовековой традиции — нередко именовали скифами и тавроскифами, гиперборейями и другими древними этнонимами. Справедливо считали, что население северной державы свято хранит и развивает многотысячелетние традиции своей духовной культуры.

Диакон поведал, в частности, следующее: «Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияние по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса, то ли у соратников Ахилла (последнему и посвятил поэму Гомер. — П.З.)...» (цит. по: [6]).

³ В данной статье нет возможности привести массу важных деталей. Их, к примеру, представляет труд К. Леви-Стросса «Первобытное мышление» (М., 1994). Существует немало и других работ этого плана: Абрамова З.А. Первобытное искусство (Новосибирск, 1971); Анисимов А.Ф. Исторические особенности первобытного мышления (Л., 1971); Боас Ф. Ум первобытного человека (М.: Л., 1926); Борисковский П.И. Начальный этап первобытного общества (Л., 1975); Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР (М., 1976); Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка (М., 1963); Леруа-Гуран А. Первобытное искусство (Новосибирск, 1971); Мириманов В.Б. Первобытное и традиционное искусство (М., 1973); Окладников А.П. Утро искусства (Л., 1967); Семенов С.А. Понятие и слово (Л., 1958); Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства (М., 1985); Тайлор А.Б. Первобытная культура (М., 1989); Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР (М., 1966).

В Античности и Средневековье являлось общеизвестным, что Ахилл был скифом, пращуром — по сути — и словено-русов (как тавроскифов), родом из города Мирмикион (Муравьево) на берегу Азовского моря (священной Меотиды в древности). Его скифское происхождение тогда доказывали светло-синие глаза и русые (белокурые) волосы, умение сражаться на коне и пешим, плащ-накидка с характерными застежками (фибулами). Одним из царей Скифии представляли Ахилла и видные мыслители Античности.

К сожалению, религиозным версиям истории России удалось вбить устойчивый клин в историко-философское сознание россиян, в подавляющем большинстве считающих скифов и близкие им этносы каким-то чуждым народом. А почти все русские летописи при описании раннесредневековых славянских княжений и землячеств на юге Руси или участников похода 907 г. князя Олега на Царьград подчеркивали: «этих всех называли греки “Великая Скифь”». По основным — территории обитания и облику населения, языкам и культурам, по другим — факторам общеисторического развития — преемственность между народами Великой Скифии и их потомками на Руси Великой прослеживается все строже и четче. Безусловно, выявляется и немало различий, продолжают жаркие научные споры.

Пояснений самого слова «скиф» — десятки. Среди них сближение некоторыми славяноведами этого слова со славянским «скит» (скиталец) оказывается почти курьезным. Но примеров чередований «ф/т» языкознание знает массу. Да и, по существу, для контроля огромной земли население Скифии тысячи лет — со времен освоения лошадей и активизации судоходства — было вынуждено постоянно перемещаться, кочевать, «скитаться», создавать временные поселения, вести самую разную деятельность. Проявлять разнообразную предприимчивость. Аргументы в пользу этой версии смысла слова тоже накапливаются весьма основательные.

Кто-то принципиально не хотел бы видеть начал философии в России даже ранее XVIII в., хотя в том веке лишь происходил процесс международной унификации философской терминологии неомасонства (включавшего и «мастерового Петра»). Унификация проявлялась в европеизации словарного запаса русского языка, насаждении в нем заимствований из других языков. Кто-то до сих пор однозначно считает Средневековую Русь VIII — XI вв. древней, хотя «древний мир» на планете завершился около V в. н. э. крахом Римской империи и началом активного развития Византии (во многом при мощном участии народов Скифии). Есть и иные догмы и ограничения, в итоге обслуживающие разные идеологические и политические интересы не в пользу нашей страны. ИНИОН АН СССР еще в 1972 — 1980 гг. выпустил добротные указатели литературы «История зарубежной домарксист-

ской философии» и «История русской философии», где указаны публикации хотя бы с 1917 г. Там обозначены сотни полезных изданий, затем отчасти отраженных многотомной «Историей философии». Все это прошло мимо внимания апологетов «средневековой древнерусскости».

Какие бы споры не вызывала знаменитая фраза Диогена Лаэртца (Лаэртского), стоит ее при изучении истоков любомудрия помнить: «Занятия философией, как некоторые полагают, начались впервые у варваров». И исходный счет времени шел на десятки и — иногда — сотни тысячелетий. Если скифы, по данным времен Римской империи, доказывали свою особую древность по сравнению с египтянами, то возникает вопрос об истоках философии хотя бы у египтян.

По античным данным допускалось, что начинателем философии, хранимой жрецами и пророками, был Гефест (у египтян: сын Нила; бог Птах-бык; его «треугольник Промысла» — с глазом — остается одним из ведущих в мировоззренческой символике). От этого Гефеста до Александра Македонского указывали 48863 года, 373 солнечных и 332 лунных затмений.

Наряду с полным отрицанием примерно такой глубины философии может быть и принятие подобной глубины с некоторыми оговорками. У магов персов и платоников шел счет в 5000 лет между Зороастром-старшим (его родину ныне упорно определяют в округе Урала, севернее древнего Аркаима, округи Перми) и падением Трои. Одного из последующих Зороастров (пророков авестизма было до двадцати) связали уже с VII — VI вв. до н. э. У истоков философии указывались и Замолксис (иногда как фракиец), ливиец Атлант (его победил Геракл, родоначальник скифов), афинянин Мусей (сын Евмолия). Отметим — много позже царь славян Мусукий (с именем, созвучным первофилософу Мусею) отличался в борьбе с византийцами у низовий Дуная уже в VI в. н. э.

От Лина — сына Гермеса и музы Урании — якобы взяли Анаксагор (подобное имя известно и Северному Причерноморью с VI в. до н. э.) свое учение о мире, где все возникло «совокупно (хаотично), лишь затем явился Ум и внес в хаос Порядок». Анаксагор по эпической значимости и созвучному имени близок былинному богатырю Святогору. Лин умер на Евбее от стрелы Аполлона (тот бог в идеологии во многом замещен Христом), ежегодно бывавшего на севере у гипербореев. От стрелы, но родного брата Савлия, погиб во времена Анаксора скифский мудрец Анахарсис.

«Сторонники варварского происхождения философии описывают и то, какой (особый. — П.З.) вид она имела у каждого из народов». Это замечание Лаэртца тоже требует внимания. Привычный счет начал философии со времен Фалеса Милетского (или 624 г. до н. э.), даже

Платона и Сократа, явно занижает возраст любомудрия и несколько нивелирует виды философии у каждого из народов в угоду современному космополитизму (история ничто, величина моего капитала — все!). С эпохи эллинизма космополиты считают, «где хорошо (нам, мне), там и родина». Но нередко в местах своего исходного обитания вольно или невольно устраивают «все плохо» для остальных.

Даже если признавать финикийца Фалеса Милетского «первым философом», то необходимо сделать несколько попутных замечаний. Ранее его рождения, около 644 г. до н. э., киммерийцы («гомеры» Библии), ушедшие некогда из Скифии, взяли столицу Лидии город Сарды и убили царя Гигеса. Лидия тогда начала чеканку первых на планете монет, а вскоре — чуть более чем через век — собственную чеканку уже развивали и приазовский города. Скифы от Приазовья господствовали в ведущих странах Азии, диктовали свою волю мидийскому царю Киаксару, зятем которого был знаменитый Навуходоносор (он вместе с северными наемниками захватывал Иерусалим). Почти одновременное рождение Фалеса, скифских мыслителей Токсариса и Анахарсиса происходило в условиях такого скифо-киммерийского господства северян, достигавшего, как и во времена гигесов, — Египта. В этом было одно из проявлений ратной предприимчивости северян.

Милетский город на острове Борисфен-Березань у низовий Днепра и Буга основан примерно в 645 г. до н. э. Через полвека недалеко возникает и город Ольвия. Выходцы из Милета у низовий Днестра создали и город Тиру (ныне выше по реке стоит Тирасполь). Вскоре созданные совместно с греками крепости возвышаются по многим южным рубежам Скифии, активно торговавшей с Грецией, Египтом и другими странами. Скифы со времен Токсариса и Анахарсиса составляют заметную часть населения многих южных городов, славятся как отличные стражники в Афинах, известны своими предприимчивостью и талантами.

Понятно, уже тогда многие философы страдали пустопорожними разговорами. Аристотель, в схолиях (пояснениях) к работам которого есть понятие «скифы-рос», сетовал на увлеченность афинской знати беседами с гостями именно от Днепра или округи Кавказа: «Народные ораторы (риторы) проводят целый день на представлениях фокусников (скоморохов, этим известна Русь и ныне. — П.З.) и в болтовне с приезжающими из Фасиса (туда за руном ходили аргонавты) или Борисфена (Днепра), не знают ничего, кроме обеда Филоксена (афинский философ, ученик очередного Анаксагора, кутила и развратник. — *перев.*), да и то не целого».

К сожалению, добиблейский, дохристианский и доисламский уровень философии в России зачастую упорно игнорируется в философской литературе. Хотя элементы осознания многотысячелетий челове-

ческой мудрости есть. Например, в книгах П.П. Гайденко, М.Н. Громова, «История философии» (в нескольких выпусках), В.В. Зенковского «История русской философии», В.Я. Киселя «Античная философия (логоидеогаммы, концепты, вопросы)», известные работы М.К. Мамардашвили, Г.Г. Почепцова, Б. Рассела «История западной философии», А.Д. Сухова «Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы», Е.А. Фролова «История средневековой араб-исламской философии», А.Н. Чаньшева «Курс лекций по древней философии» и ряд других. Но специальных работ о философах Скифии и скифской философии крайне мало. Нет осознания многотысячелетних корней отечественной мудрости, включая и раннюю философию отечественного предпринимательства. Изложение подробностей по теме хотелось бы продолжить.

Литература

1. *Куделин А.Е.* Философия предпринимательства. Н. Новгород, 2004.
2. *Санто Б.* Философия предпринимательства // Проблемы теории и практики управления. 1990. № 3.
3. *Курлов А.Б.* Философия предпринимательства. Уфа, 2000.
4. *Помпеев Ю.А.* История и философия отечественного предпринимательства. СПб., 2002.
5. <http://www.econ.msu.ru/cd/313>. 3.01.2012. 18.30.
6. *Золин П.М.* Античные истоки отечественной философии как стержня культуры и этики // http://window.edu.ru/window_catalog/files/t22062/zolin03_04022003.pdf.

С.В. БИРЮКОВ

«Госкорпорация по развитию Сибири и Дальнего Востока» и перспективы развития сибирского региона

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможных альтернативных стратегий развития, которые могут быть положены в основу качественно новой региональной политики России. Автор рассматривает эту проблему в контексте заявленного недавно федеральными властями мегапроекта по созданию «Госкорпорации по развитию Сибири и Дальнего Востока». Автор анализирует данный проект с точки зрения его способности обеспечить поступательное развитие сибир-

ских и дальневосточных регионов, обеспечить гибкое согласование общефедеральных и региональных интересов.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, регионализм, региональная стратегия, региональное развитие, региональная политика, Госкорпорация, технократия, централизм.

Abstract. The article is devoted to consideration of possible alternative development strategy which can be based on qualitatively new regional policy of Russia. The author contemplates this problem in a context of the mega-project declared by recently federal authorities on creation «State corporations for development of Siberia and the Far East». The author analyzes this project from the point of view of its ability to provide the Siberian and Far East regions in forward development and to stimulate the flexible coordination of federal and regional interests.

Keywords: Siberia, Far East, regionalism, regional strategy, regional development, regional policy, State corporation, technocracy, centralism.

Региональное развитие: проблема выбора стратегии

Российская власть решила уделить внимание Сибири и Дальнему Востоку, предложив вниманию общественности новый проект по освоению восточной части страны — проект создания Госкорпорации с поистине исключительными полномочиями. Данный проект выделяется в ряду сходных инициатив федерального Центра (вызвавший мощный резонанс проект создания 20 агломераций). Все аналогии, которые пытаются проводить в данном случае эксперты, — «Ост-Индская компания» Британской империи и даже знаменитый сталинский «Дальстрой» — не более чем условны. Ибо речь идет о гигантской структуре с целью обеспечения инвестиционной деятельности, которая призвана действовать в качественно иных условиях.

Отвечая на вопрос о «вписываемости» указанной Госкорпорации в систему интересов, связанных с долгосрочным развитием России и ее регионов, мы неизбежно должны будем поставить вопрос о связи этого проекта с определенной стратегией регионального развития.

В зависимости от избранной *стратегии управления* следователи выделяют три основных типа региональной политики с присущим каждой из них набором технологий: *техницистский*, *технократический* и *регионалистский*.

Техницистский тип предполагает, что отраслевые органы управления руководствуются исключительно технико-производственной информацией при принятии решений. Технократическая модель, в свою очередь, предполагает, что сначала отраслевые органы на основе «своей» технико-производственной информации создают основу для реше-

ний, а затем к ним подстраиваются территориальные органы с их социально-культурными запросами.

Технократический тип региональной политики, в частности, получил свое выражение в рамках концепции «полюсов роста», авторами которой являлись французские экономисты Ф. Перру, М. Козье и А. Сови. Ее авторы полагали, что развитие «не осуществляется равномерно в пространстве и во времени: его импульсы возникают в определенных полюсах роста и затем распространяются по различным каналам от центра к периферии» (цит. по: [1, 36]). Этими «полюсами роста» — центрами экономических, научно-технических и социокультурных новаций — должны были выступать крупные города.

При этом осуществление по настоящему эффективной и сбалансированной территориальной политики возможно лишь в рамках регионалистского типа региональной политики, ибо, как указал представитель школы политических исследований А. Марка в Ницце Ф. Кински, централизм «не принес ни большего равенства, ни большей эффективности: напротив, он содержит в себе изначально репрессивные и антигуманные начала. Централизм опирается на презрение к человеку и недоверие к нему, провоцируя коррупцию и беспорядок» (цит. по: [2, 15]). Регионалистский тип региональной политики исходит из того, что «основной целью территориального управления является сочетание территориальных и народнохозяйственных интересов» [3, 1]. При ней территориальные органы задают параметры социально-культурного развития региона, а отраслевые органы решают, как им вписаться в них. Именно при таком соотношении может быть преодолена технократическая практика и обеспечены социальные приоритеты развития. Очевидно, что регионалистский тип региональной политики для своей реализации требует резкого расширения прав территорий, новых отношений между регионами и Центром. Она предполагает, что каждый регион с учетом запросов населения, особенностей среды, традиций, ресурсных возможностей формирует на основе отношений с центром и отраслями комплексный план регионального развития» [4, 133—134].

Как же выглядит проект создания упомянутой Госкорпорации с точки зрения опыта использования различных стратегий регионального развития России? Как отмечает цитированный выше Р.Ф. Туровский, понятие «региональная политика» обычно ассоциируется в политологии с современностью. Однако внимательный анализ исторических материалов показывает, что в том или ином виде такая политика существовала всегда, как существовал баланс отношений между центром и территориями. На каждом историческом этапе были силы, региональное самосознание и система защиты региональных интересов и

было государство, которое пыталось консолидировать территорию, обеспечит ее единство (см.: [5, 125]).

Модели региональной политики зависят от исторической и политико-правовой специфики конкретных стран. В свое время французские политологи Б. Бади и П. Бирнбаум предложили общую классификацию, попытавшись установить различия, ставшие классическими, между «обществами, где государство пытается распоряжаться социальной системой, укрепляя себя с помощью бюрократии (идеальный тип — Франция; по сходной траектории развивались Пруссия, Испания и Италия), и там, где организованность гражданского общества делает бесполезным появление мощного государства (идеальный тип — Великобритания; сходная траектория существует у США и так называемых *консоциальных демократий*, примером которых может служить Швейцария)» [6, 172]. Если первый тип тяготеет к *централизованной системе управления территориями* с ограниченной степени автономии для региональных администраций, то второй — к *децентрализованному управлению*, наиболее полно проявляющему себя в федеративных государствах.

В свою очередь, место региональной политики в системе политических идей и управленческих решений зависит от особенностей данного конкретного государства. Главными чертами Российского государства, как отмечает Г.В. Марченко, уравнивающими его большие территориальные размеры и дефицит организационных и людских ресурсов, были не добровольность и относительная свобода сосуществования составляющих его частей, а *жесткая централизация власти с ограничением целого ряда общественных свобод* [7, 152].

В силу этих обстоятельств Россия, как считают некоторые исследователи, была обречена в течение многих веков проводить *унитарно-централистскую региональную политику*, в которой регионы были лишь объектами централизованного воздействия. Однако, опять же учитывая огромные территориальные масштабы нашей страны, централизованное управление всей страной из столицы было затруднено, что порождало коррупцию, административный произвол и иные злоупотребления на местах.

С учетом упоминавшегося ряда природно-климатических обстоятельств (огромные размеры территории, неблагоприятный климат в большинстве зон хозяйствования, сложность поддержания в работоспособном состоянии системы коммуникаций в экстремальных природных условиях, ограниченные сроки сезона земледелия) некоторые исследователи полагают, что Россия фактически обречена на *редистрибутивную модель* (централизованно-распределительную) — модель региональной экономической политики.

Сам термин «редистрибуция» широко употреблялся основоположником субстантивистского направления в экономической антропологии Карлом Поланьи [8]. Этот термин обозначает натуральный и неэквивалентный «вертикальный» продуктообмен в виде принудительного изъятия и концентрации центральной властью прибавочного, а иногда и части необходимого продукта с целью его последующего натурально-уравнительного перераспределения.

Как полагают некоторые историки, редистрибутивный, квазитоварный, сектор господствовал в России всегда, даже в XIX — XX вв., сочетаясь с гораздо менее влиятельным рыночным сектором [9, 139—140]. Советская экономика также была редистрибутивной. Перевод же государственной региональной политики на сугубо «рыночные» основания и принцип самообеспечения регионов в условиях России грозят экономической, техногенной и в конечном итоге — демографической катастрофой. Ибо, согласно критериям потребительской цивилизации Запада, Россия — перенаселенная страна. Российский демограф В.В. Тимаков в своем сравнительном исследовании выделил в западном мире такие районы, которые по своим климатическим характеристикам соответствуют районам России (с точки зрения параметров температурного режима, увлажненности, удаленности от морских путей сообщения) и сравнил плотность населения в них. Вывод исследователя оказался достаточно характерным: «Если считать по западным стандартам, Россия перенаселена. Ее население должно сократиться примерно втрое. И этот процесс уже начался... Уже задействованы все три механизма сокращения: снижение рождаемости, рост смертности, выезд за границу» [10]. Так или иначе, вопрос о формировании государственной региональной политики, максимально соответствующей реалиям России, является вопросом не просто качественного развития, а выживания страны и народа. Именно поэтому политика центральных властей в отношении Сибири всегда выступала определенным «индикатором» для оценки их намерений в отношении всей остальной страны. Ситуация с созданием «Госкорпорации по развитию Сибири и Дальнего Востока» является показательным в том отношении.

«Сибирский полигон»

Следует признать, что проблемы социально-экономического отставания и «проседания» Сибири стали слишком уж очевидными. При этом само намерение федеральных властей скоординировать процессы социально-экономического развития выглядит безусловно обоснованным и справедливым — у Сибири и Дальнего Востока явно не хватает собственных ресурсов для развития

Как признают сегодня многие эксперты, уровень развития инфраструктуры, численность и качество населения за Уральским хребтом для этого явно недостаточны.

Так, большинство регионов Сибири и Дальнего Востока сегодня малопривлекательны для инвестиций из-за «глубоко континентального» расположения, неразвитости системы коммуникаций, деградации кадрового потенциала и отрицательной миграции, и «дефективного менеджмента» на многих из территорий. Так, следует помнить, что до сих пор значительные территории, особенно на Севере и Дальнем Востоке, так и остались неосвоенными да и вряд ли когда-нибудь смогут быть освоены силами одной страны, несмотря на богатство их природных ресурсов. Например, расчеты, проведенные в начале 1980-х гг. ныне уже не существующим Центральным научно-исследовательским экономическим институтом тогдашнего Госплана РСФСР для Удоканского медного месторождения в Забайкалье (содержание меди в руде — 30 %), показали, что затраты на его освоение окупятся только через 40 лет.

Обжитые территории за Уралом и через столетия после начала их освоения представляют собой лишь узкую полосу на юге вдоль Транссибирской магистрали, шириной в некоторых местах 100 — 200 км.

Экономически освоенные и обжитые ареалы не слитны, между ними находятся обширные практически не заселенные пространства — юг Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края и Амурская область) — от Забайкалья и т. д.

Как показывает опыт регионального развития и региональной политики последних 20 лет, в отношении сибирских и дальневосточных территорий не работают уже апробированные ни сепаратистская стратегия, ни отраслевой подход, ни либерально-рыночный (фактически попустительский) подход 1990-х гг., который привел в состояние глубокого кризиса производственную и социальную сферы большинства регионов. Важно определить в том числе причины такого отставания.

Первая причина — хроническое недофинансирование социальной сферы сибирского региона в годы его интенсивного промышленного освоения. Так, по данным известного социолога Ж.Т. Тощенко, если за 1970—1980-е гг. население Сибири выросло на 20%, то мощности инфраструктуры увеличились только на 1,5% [11, 276]. И даже там, где ведомства в силу крайней необходимости финансировали строительство жилья, все остальное — магазины, больницы и ясли — они оставляли на усмотрение не имеющих необходимых финансовых ресурсов местных властей. (При этом Сибирь еще со времен царя Алексея Михайловича несла своеобразную «тюремную повинность», поскольку именно с XVII в. законодательство предусматривало высылку сюда

опасных преступников, больных, искалеченных, что накладывало неизгладимый отпечаток на сибирский генофонд [12, 12].)

Вторая причина — масштабный обвал производства и социальной сферы, вызванный общероссийскими экономическими катаклизмами последних десятилетий (в числе которых — деиндустриализация, разрыв технологических цепочек и хозяйственных связей, концентрация финансовых ресурсов в столичных центрах, деградация промышленного потенциала и социальной сферы регионов в результате односторонней стратегии финансовой стабилизации без необходимых структурных и институциональных предпосылок, неблагоприятный инвестиционный климат, отсутствие у федеральных и региональных властей продуманной стратегии стимулирования экономического роста). Все это отбросило сибирские территории по уровню социально-экономического развития на десятки лет назад. Так, согласно прогнозу ученых новосибирского Академгородка, сделанному еще в 2001 г., Сибирь даже в случае реализации обсуждаемой сегодня общегосударственной программы сможет достичь экономических показателей 1989 г. лишь к 2022 — 2025 гг. [13].

Третья причина — территориальная удаленность от рынков Европы и Центральной России (что особенно ощутимо в ситуации с неурегулированными транспортными тарифами), а также не слишком благоприятный для ведения интенсивной хозяйственной деятельности климат (см.: [14, 101—105; 15, 37—52]). Так, из-за суровых климатических условий 30% себестоимости единицы производимой продукции уходит на отопление, а транспортировка на большие расстояния добавляет еще 15 — 20% расходов. В итоге все это находит свое выражение в цене, а конкурентоспособность сибирских товаров оказывается в полтора раза ниже, чем в среднем по России.

Четвертая причина — преимущественно сырьевой характер развития Сибирского региона, надолго превративший его в сырьевой придаток европейской части России. Как следствие — централизованное вложение средств в ограниченное число «монокультурных производств» с одновременным хроническим недофинансированием всей социальной сферы — медицины, образования, науки и культуры; последнее возвращается бумерангом, до сих пор снижая возможность адаптации региона к новым рыночным условиям. И сегодня сибиряки по социальной обеспеченности отстают от населения европейской части страны на 15%.

Сохранение этих условий, по нашему глубокому убеждению, ведет только к дальнейшему обнищанию Сибири, которое будет сопровождаться уменьшением численности населения (вследствие уменьшения рождаемости и миграции в Центральную Россию), разрушением про-

мышленного, научного и образовательного потенциала. А поскольку природа, как мы знаем, не терпит пустоты, такое ослабление региона сделает его объектом пристального внимания со стороны сопредельных держав, заинтересованных в обладании дешевым углеводородным сырьем. Планы раздела восточной части российской территории на сферы влияния между региональными державами рассматриваются американским политологом и внешнеполитическим стратегом З. Бжезинским [16, 234—246].

В то же время сохранение Сибирского региона, его благополучие и стабильность — безусловно в интересах России. Однако решение этой задачи невозможно как в рамках «либерально-монетаристской», так и в рамках «колониально-сырьевой» стратегий. В качестве необходимых для этого практических мер может быть названа реализация концепции развития Сибири, которая еще в 2001—2002 гг. была разработана по инициативе Президента России В.В. Путина при активном участии аппарата представителя Президента в Сибирском федеральном округе (СФО), ученых СО РАН и деловых кругов региона. Программа предполагала переход от сырьевой к высокотехнологичной структуре экономики Сибири, с приоритетным развитием «локомотивных» отраслей промышленности (минерально-сырьевой комплекс, софт-продукция, лазерные, электронно-лучевые, каталитические и иные высокотехнологичные отрасли), создание технопарков (Новосибирск, Томск, Красноярск, Иркутск), развитие коммуникаций (достройка БАМа и модернизация Транссиба), выход на мировой и внутренний рынки с наукоемкой продукцией мирового уровня. Очевидно, что без федеральной поддержки переход экономики на инновационный путь развития в Сибири невозможен, поскольку в регионе отсутствует достаточный платежеспособный спрос на инновации со стороны предпринимателей, низок платежеспособный спрос населения и ограничены возможности стимулирования экономического роста властями большинства его территорий.

К сожалению, разработанная учеными, политиками и бизнесменами стратегия развития Сибири наталкивалась на неприятие ряда видных фигур российской политики, считающих ее «недопустимой роскошью». В итоге после долгих дискуссий в 2003 г. правительство России утвердило Стратегию развития Сибири. Пройдя многочисленные этапы согласований в федеральных министерствах, Стратегия осталась по сути декларативным документом. Полагают, что она должна войти в качестве составной части в будущую программу развития Сибири [17], однако твердых гарантий ее реализации в обозримом будущем нет.

В то же время подход, де-факто снимающий с федерального Центра ответственность за состояние социальной сферы Сибирского и других регионов, представляется надуманным и лишь консервирует их отсталость и депрессивное состояние, делая угрозу утраты Сибири вероятной уже в краткосрочной перспективе.

Сегодня патерналистско-распределительная политика «тучных» 2000-х гг. в отношении регионов практически исчерпала себя — для нее просто кончаются ресурсы. Центры роста в большинстве регионов так и не созданы. В то же время обсуждаемая сегодня многими экспертами децентрализация власти и управления вызывает у федерального Центра известные опасения, что побуждает искать некоторое «промежуточное решение», которым и является создаваемая «Госкорпорация по развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока». По замыслу, она будет обладать колоссальными правами и полномочиями.

Госкорпорация по своему усмотрению формирует перечень реализуемых инвестиционных проектов и их исполнителей, предоставляя Правительству на согласование уже готовый реестр, что способно усложнить жизнь местным предпринимателям. Помимо этого, Госкорпорация не подпадает под действие закона о госзакупках, а следовательно, может выбирать себе поставщиков по собственному усмотрению. Крупный бизнес, так или иначе аффилированный с госкомпанией, получает привилегии по сравнению с местными предпринимателями с рынка, оставляя им не самые выгодные заказы и подряды.

Проблему безработицы, остро стоящую перед жителями Сибири, деятельность госкорпорации решит едва ли. Собственно и задачи такой разработчики законопроекта перед собой не ставили. Основная ставка делается на мигрантов, приглашенных из стран ближнего и дальнего зарубежья. Для последних предусмотрены различные льготы и преференции вплоть до обеспечения жильем и получения гражданства. Предусмотрены определенные льготы и для граждан России, решивших переехать в Сибирь. Всего в Сибирь планируется привлечь более 5 млн мигрантов. Для самих сибиряков никаких льгот не предусмотрено, что само по себе вызывает вопросы. Проблемы демографии, экологии, развития социальной сферы сибирских регионов просто не ставятся в повестку дня. В то же время очевидно, что проблемы «качества миграции» и регулирования межнациональных отношений станут в этом случае более насущными для сибирских и дальневосточных территорий.

Отдельно стоит остановиться на взаимоотношениях создаваемой госкорпорации и администрациями регионов. Механизм согласования интересов не выглядит до конца проработанным. В рамках обнародо-

ванного проекта «Госкорпорация» региональные власти обязываются ему содействовать, а гарантии их интересов в нем четко не прописаны.

Существенно изменится ситуация с налогообложением на местах. Напомним, что сегодня налоговые поступления региональных властей складываются из налога на землю, налога на имущество, транспортного налога и частично налога на доходы физических лиц. Для компаний — участников избранных госкомпанией проектов — из всего этого перечня остаются лишь поступления НДС, по всем остальным налогам участники проекта либо имеют существенные льготы, либо освобождаются полностью. При этом госкорпорация имеет приоритетные права при подключении к действующим коммуникациям, которые в Сибири и без того находятся в кризисном состоянии. Следует предположить, что сами компании, ориентированные на эксплуатацию природных ресурсов и быструю отдачу от вложений, едва ли будут заинтересованы в развитии инфраструктуры. Как следствие, региональные власти уже в ближайшей перспективе столкнутся с заметным ростом нагрузки на существующие сети, возможными проблемами для окружающей среды, возрастающей миграцией и ростом криминала, а также необходимостью по-новому выстраивать отношения с бизнес-структурами, связанными с госкорпорацией. Последним, напомним, в течение последующих 2—5 лет будут переданы активы, вложенные в его развитие государством, включающие в себя земельные участки, объекты инфраструктуры и лицензии на разработку полезных ископаемых.

Отдельно нужно отметить, что, согласно законопроекту, госкорпорация выводится из под юрисдикции не только региональных властей, но и федеральных государственных органов и подчиняется лично Президенту РФ. Все это, с учетом особого правового статуса этой структуры и ее территориальной «привязки», создает, по сути, уникальную для современной России властно-управленческую и правовую ситуацию. Таким образом, мы можем констатировать создание властно-управленческой структуры, которой будет трудно отразить многообразие условий масштабного региона и адаптировать проекты под условия конкретных территорий. Целью этой структуры фактически является продвижение отдельных инвестиционных проектов вместо комплексного развития территорий.

Именно поэтому необходимо дополнение деятельности компании реализацией долгосрочных программ регионального развития с участием региональных властей, регионального бизнеса, всей системы межрегиональных горизонтальных связей, которые наработали межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия в 1990-е гг.

Альтернативой этому очевидно являются мегаломания и все издержки одностороннего лоббизма.

В этой связи следует обратить внимание на комплексную стратегию развития, которая была предложена новосибирскими учеными из Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН для регионов Западной Сибири еще в 2006 г. Рассматриваемый в рамках стратегии 20-летний период делится на две десятилетки. Причем, если в первой есть понимание структуры экономики, то вторая является своеобразной «зоной неопределенности». При этом, планируя развитие различных отраслей экономики Сибири, как считают разработчики стратегии, следует учитывать возрастающую роль внутререгиональных стратегий. Так, в большинстве краев и областей Сибирского федерального округа еще в середине 2000-х гг. прошло обсуждение программ стратегического развития на 2020—2030 гг. Особенно примечателен комплексный подход, используемый авторами всех представленных на суд общественности программных разработок. Так, дополнением к региональной стратегии для каждого из сибирских регионов служат долгосрочный план развития на 10 лет, среднесрочный план на пятилетку, а также текущие годовые планы.

Таким образом, стратегия развития Сибири, стимулирующая создание стратегических планов отдельных регионов и призванная повысить экономическую самостоятельность территории, должна способствовать возвращению центров принятия решений, а также основных «рычагов» социально-экономического развития на территорию России. Подобные поддержка и поэтапное «выращивание» региональных инициатив в области социально-экономического развития оставляют надежду на возможность дополнить общефедеральную региональную политику за счет консолидации усилий на «местах» вместо «видоизмененной централизации».

Литература

1. *Панарин А.С.* Философия политики. М., 1996.
2. *Макарычев А.С.* Регионализм и федерализм: исследования в Ницце // Полис. 1993. № 5.
3. *Сосин Ю.* Как управлять Кузбассом? // Кузбасс. 1991. 5 апр.
4. *Ильин В.В., Панарин А.С.* Философия политики. М., 1994.
5. *Туровский Р.Ф.* Проблема централизации и модели русской региональной политики в 13 — 16 вв. // Полис. 2004. № 1.
6. *Badie V., Birnbaum P.* Sociologie de l'Etat. P., 1979.
7. *Марченко Г.В.* Какую Россию мы обретаем? // Октябрь. 1995. № 2.

8. *Polanyi K.* The Livelihood of Man. N.Y.; San-Francisco; L., 1977.
9. *Россия.* 1917 год: выбор исторического пути. М., 1989.
10. *Тимаков В.В.* Черная дыра потребительского общества // Русский Восток. 1995. № 13.
11. *Тоценко Ж.Т.* Социальные резервы труда. М., 1989.
12. *Шинкарев Л., Полежаев Л.* На наш век хватит... // Литературная газета. 2006. № 34—35.
13. *Прокопьев Ю.* Через 25 лет Сибирь вернется к уровню 1989 года // Коммерсант-Сибирь. 2001. № 18.
14. *Стариков Е.Н.* Схватка бульдогов под ковром // Наш современник. 1996. № 9.
15. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. М., 2000.
16. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
17. *Квашинин А.* Жить одним днем — значит выживать // Континент — Сибирь. 2001. № 18.

А.Э. СИДОРОВА, В.А. ТВЕРДИСЛОВ

Методология активных сред как основа обобщенных представлений об управлении в природно-антропогенных системах

Аннотация. Глобальная природно-антропогенная экосистема Земли рассмотрена как эволюционирующая иерархия активных сред, способных сопряженно сменять череду регулярных и иррегулярных состояний в физико-химических, экологических и социально-экономических системах. Современные природно-антропогенные экосистемы характеризуются экстремальностью антропогенных нагрузок, усложнением в ходе эволюции сети положительных и отрицательных обратных связей, несоответствием характерных времен и масштабов развития природной и антропогенной подсистем, множественностью режимов самоорганизации и вследствие этого сложностью оперативного и стратегического управления ими. Авторы обсуждают синергетические предпосылки к созданию модели рационального управления природно-антропогенными экосистемами.

Ключевые слова: самоорганизация, природно-антропогенная экосистема, урбоэкосистема, активная среда, нелинейность, управление, устойчивость.

Abstract. Global natural and anthropogenic Earth considered as evolving hierarchy of active environments that can be replaced by series regular

and irregular structures: from physico-chemical-ecological and socio-economic. Modern natural and man-made ecosystems are characterized by *ekstremal'nost'û* of anthropogenic stresses complexity during the evolution of the network of positive and negative feedbacks, lack of time and extent of development of natural and man-made subsystems, a multiplicity of regimes, self-organization and complexity of operational and strategic management. Authors discuss the synergetic assumptions to create models for sustainable management of natural and man-made ecosystems.

Keywords: self-organization, urban ecosystems, active environment, nonlinearity, biocenoses, management, stability.

Сколько бы важным и критичным не представлялся нам современный пролонгированный финансово-экономический кризис, в основе своей и в перспективе он носит еще более глубокий характер — это *цивилизационный экологический кризис*. Экологический — не в узком природоохранном аспекте или аспекте рационального природопользования, а в представлении об экологии как о фундаментальном знании относительно коэволюции живой и неживой природы в условиях несбалансированного антропогенного прессинга. Но, как и всегда, решить проблему, находясь в границах ее пространства, невозможно. Экологический кризис не может быть преодолен только в рамках природоохранных мероприятий и рационального природопользования. Он может быть разрешен человечеством лишь вместе с преодолением определенных этапов межгосударственных, национальных и политических противоречий, кризисов в культуре, образовании, демографии, морально-этической сфере и т. д. Глобализация наших проблем и необходимость их глобального решения — явления объективные, и понятие ноосферы как модели — это не просто удобный научный образ для обсуждения накопившихся проблем, а адекватный инструмент в руках человечества. Поэтому гармоничное развитие ноосферы, согласно Н.Н. Моисееву, включает, во-первых, необходимое сохранение способности природных комплексов к саморегуляции и, во-вторых, активную позицию человечества в области управления устойчивым развитием «...как необходимое условие для обеспечения его будущего» [1].

Самоорганизация в глобальной экосистеме

На Земле существуют две развивавшиеся длительное время достаточно независимо глобальные иерархические структуры — геобиосфера и глобализованная социально-экономическая система. Геобиосфера Земли — самоорганизующаяся открытая термодинамическая система,

«научившаяся» за миллиарды лет существования регулировать энергетические, материальные и информационные потоки. Сформированная человеком антропосфера также является открытой системой, но, в отличие от природной экосистемы, она не самодостаточна, поскольку самоорганизуется только за счет потребляемых природных ресурсов. При этом важным критерием уровня самоорганизации антропосферы является уровень ее экономического развития.

Существенно, что обе системы — естественная и созданная человеком — могут быть сопряжены лишь при наличии общих переменных, но проблемы возникают уже на уровне управляющих параметров (в математическом смысле), формирующих связи внутри геобио- и антропосферы (рис. 1). В первом случае это вещественно-энергетическая сфера, во втором — финансовая сфера. И если естественный круговорот вещества и энергии в геобиосфере выверен и эффективно сопряжен в пространстве и времени в ходе миллиардов лет эволюции, то природа в принципе не способна регламентировать потребление ресурсов в ходе антропогенеза посредством рынка: финансовые потоки не являются управляющими параметрами геобиосферы. И какие бы глобальные масштабы не приобрела искусственно созданная техносфера, она менее устойчива, чем геобиосфера, поскольку не самостоятельна. Поэтому сопряжение между однонаправленным финансовым потоком и потоками вещества и энергии в глобальной экосистеме — их деградации в процессе антропогенного природопользования — осуществляется исключительно через вещественную компоненту с крайне низким КПД. При этом и во всемирной социально-экономической системе, и между двумя системами по мере истощения жизненно необходимых природных ресурсов и несбалансированного антропогенного воздействия отчетливо проявляются биотические взаимоотношения «хищник—жертва», только в более контрастной и не присущей природным системам форме, определяемой не насущными потребностями выживания, а стремлением к доминированию отдельных государств за счет переподчинения ресурсов геобиосферы. Современные примеры тому наглядны, и наблюдаемый процесс может приводить к системной неустойчивости. В то же время устойчивое развитие этих глобальных систем возможно только при условии сбалансированной коэволюции.

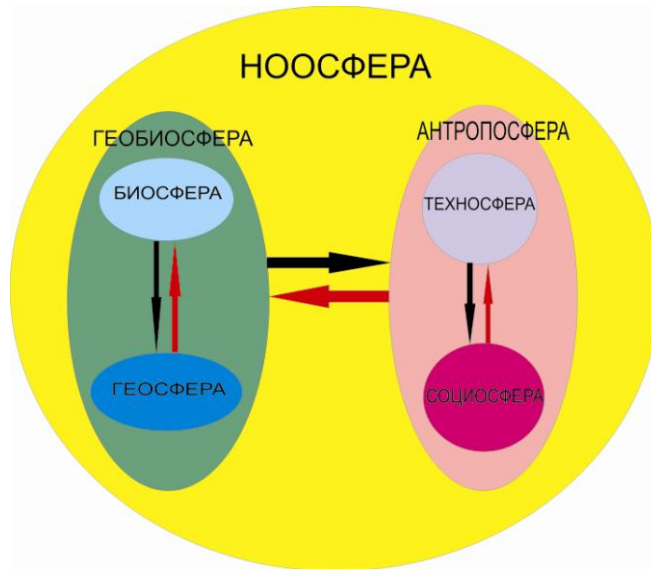

Рис. 1. Структурно-функциональные связи в Ноосфере

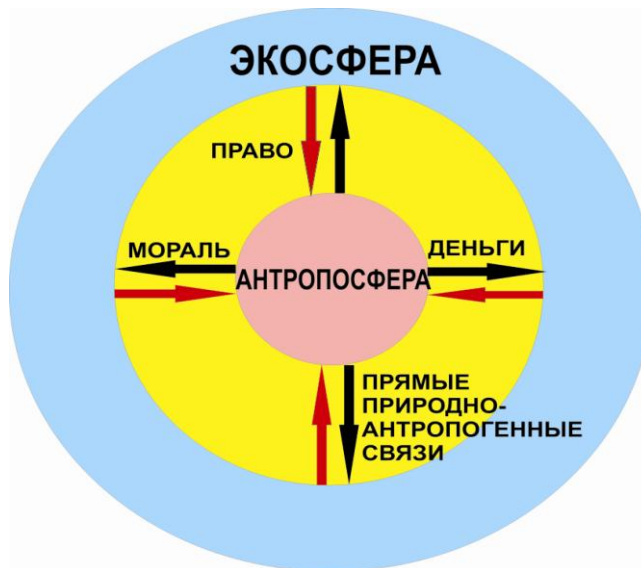

Рис. 2. Структурно-функциональные связи регулирования в системе «экосфера — антропосфера»

Формы кооперативного поведения, свойственные отдельным живым системам, распространяются и на сложные природно-антропогенные системы. Однако, в отличие от биотических самоорганизующихся систем, которые, создавая системную иерархию, «движимы желанием» получить максимум «выгоды» при минимальных «затратах», человечество сконструировало свою искусственную иерархию: есть страны с развитой экономикой и есть слаборазвитые страны — поставщики природных и трудовых ресурсов. И это искусственно созданная система руководствуется в первую очередь не принципами симбиоза — основы биотического взаимодействия в природных экосистемах. Доминирующим принципом стал тип отношений «хищник—жертва», нерациональность и ущербность которого создала социально-экономическое неравноправие в антропосфере, а также нерациональное использование природных ресурсов. Следовательно, необходимой предпосылкой возникновения эффекта самоорганизации в границах природно-антропогенных экосистем является соразмерность резервов устойчивости геобиосферы масштабам антропогенного воздействия. И чем выше способность систем к гомеостазу, характеризующаяся балансом между интенсивностью антропогенного воздействия и эффективностью отклика природной подсистемы, тем больше шанс для системы исключить необратимые процессы, сохранить экологическое равновесие и приблизиться к состоянию устойчивости.

Среди связей в системе «человек — экосфера» наиболее очевидно взаимодействие, непосредственно обусловленное процессом жизнедеятельности человечества (прямые природно-антропогенные связи) (рис. 2). Со стороны человеческого сообщества эти воздействия регламентируются моралью и правом, но, как показывает исторический опыт, этого заведомо недостаточно для сохранения глобальной экосистемы. Формально мы живем в эпоху постиндустриального общества, но от состояния всеобщей гармонии по-прежнему далеки. В этом заключается пагубность выстраивания несбалансированного технического прогресса, основанного на неограниченном удовлетворении желаний «сверхчеловека». Поэтому, несмотря на пространственно-временную вариабельность природно-антропогенных взаимодействий, их суммарный вектор направлен в сторону нарушения баланса общего геобиосферного круговорота.

В соответствии с общей теорией систем для устойчивого развития системе необходимо оптимальное количество элементов, связей и уровней. Возрастание структурной сложности эволюционирующих систем с необходимостью сопровождается стратификацией (возникновением иерархических уровней), возрастанием числа горизонтальных

и вертикальных (прямых и обратных) связей и, как следствие, минимизацией числа выделенных интегрирующих степеней свободы. Под степенями свободы мы подразумеваем направление возможного движения системы по разным переменным в процессе эволюции. Минимизация числа степеней свободы канализирует направления движения системы по траектории устойчивого развития и снижает вероятность отклонений. Выделенные степени свободы отличаются от разрозненных статистических так же, как в физике механические степени свободы в машинах отличаются от статистических (хаотических) тепловых степеней свободы. Чтобы «сбить» систему с движения по траектории, соответствующей выделенной степени свободы, требуется значительная надпороговая энергия. Фактически это способствует переходу от рассыпания в хаос, наблюдаемого при увеличении числа степеней свободы, к структурной упорядоченности динамической системы. Мы полагаем, что самоорганизующиеся сложные системы группируют составляющие их элементы в иерархические структуры следующим образом. В общем случае усложнение системы по мере ее развития характеризуется суммарным увеличением числа внутренних связей — разрозненных степеней свободы. При этом стратификация системы (по мере перехода на более высокий структурный уровень) приводит к объединению этих внутренних связей, сопровождающемуся уменьшением числа «старых» и «новых» выделенных степеней свободы. Лишь в этом случае система может попасть на устойчивую траекторию развития, и устойчивость системы определяется не максимальным или минимальным, а необходимым и достаточным количеством прямых и обратных связей.

По мере увеличения структурной сложности социально-экономических систем возрастают число и взаимовлияние системных связей (социально-экономических, демографических, культурных, экологических) — признак структурно иерархичной глобализации. И по мере подъема по иерархической лестнице системы снижается не только энергопотребление на каждом из уровней, но и энергообмен между ними. В то же время возрастают информационные потоки, направленные на согласование горизонтальных и вертикальных процессов, иначе говоря, самоорганизация охватывает и сами горизонты, и сеть связей между ними. Здесь «работают» определенные свойства систем: неаддитивность; «принцип домино» (каждый уровень и элемент системы способен оказать влияние на общесистемные процессы); наличие прямых и обратных связей.

Значительное число биологических объектов, биоценозы, экосистемы, а также социальная сфера общества могут рассматриваться как иерархии сопряженных протяженных систем, каждая из которых явля-

ется активной средой, поддерживающей энергией развитие происходящих в ней процессов на всем ее пространстве. *Основой процессов самоорганизации в активных средах является возможность возникновения в них автоколебательных и автоволновых режимов, приводящих к эволюционированию систем, их пространственно-временной регуляции.*

Допустим, в какой-то области пространства протекает некий процесс со своим характерным временем (например, время смены поколений организмов или производственный процесс). Между соседними областями происходит перенос компонентов или продуктов процесса. Если характерное время основного процесса значительно больше времени переноса, то мы имеем дело с *сосредоточенной, или точечной, системой*. Процессы в такой системе синхронны (синфазны). Со стороны она выглядит как единое целое, хотя в ней могут происходить непостоянные во времени процессы, например, колебательные. Когда же времена переноса сопоставимы с характерными временами самих процессов или превышают их, система становится *распределенной*. Термодинамически неравновесная активная среда содержит распределенный источник или запас энергии. Ресурс может быть однократным или возобновляемым. От водителей ритма распространяются волны. Водитель ритма с самой высокой собственной частотой постепенно «съедает» всех своих конкурентов, захватывая их «территорию», и втягивает всю систему в работу со своей частотой вплоть до полного истощения запаса свободной энергии в системе. Это — пример конкуренции в эволюционирующей заведомо неживой системе. В активных средах, если это точечные (однородные по пространству) системы, могут возникать колебательные режимы, а в распределенных системах могут распространяться незатухающие возмущения — волны активности, автоволны. Энергия автоволной не переносится, а высвобождается. Автоволны — яркий пример диссипативной структуры, имеющий непосредственное отношение к самоорганизации в экосистемах.

Основные свойства активных сред можно определить следующим образом:

- наличие распределенного источника энергии (вещества, информации), способного питать идущие в системе процессы в каждой точке пространства;
- нелинейное взаимодействие составных элементов;
- наличие различных динамических режимов: регулярных автоколебательных и автоволновых, а также нерегулярных — хаотических;
- в однородной среде скорость распространения, длина и форма автоволны постоянны и не зависят от начальных и граничных условий;

- распространяясь, автоволны не изменяют своей амплитуды, как это бывает с волнами в пассивной среде, где они затухают (как, например, звуки в воздухе);

- автоволны не проходят друг сквозь друга, а аннигилируют при столкновении (за автоволной находится рефрактерная зона, где активная среда восстанавливает свой ресурс);

- изменение внутреннего состояния экосистемы — активной среды, определяемое звеньями (сетями) прямых и обратных (положительных и отрицательных) связей, приводит к неустойчивому состоянию неравновесной системы, что вызывает динамический процесс самоорганизации — появление новой структуры.

Активные среды есть биофизическая основа процессов самоорганизации в биосфере, проявляющихся в образовании регулярных динамических структур в сложных системах и характеризующихся устойчивыми или же неустойчивыми режимами развития. Данный подход носит общий характер и объединяет описание пространственно-временной эволюции распределенных открытых экосистем. В схематизированном представлении ноосфера включает, как минимум, три сопряженные обратными связями активные среды: гео-, био-, социосферу. И если на базовом геобиосферном уровне соседствующие локальные трансформаторы энергии в активной среде напрямую связаны процессами преобразования энергии и вещества (типа автокатализа), то на социальном уровне взаимодействие энергопреобразующих подсистем обусловлено преимущественно «низкоэнергетическими» информационными связями (при этом зона их взаимодействия существенно увеличивается, а времена сокращаются). На биосферном уровне взаимодействия носят смешанный характер (есть трофические цепи, но есть и сигнальные взаимодействия).

О системе управления природно-антропогенными системами, в том числе урбоэкосистемами в представлении теории активных сред

Главная особенность экосферы на современном этапе состоит в том, что малые возмущения способны приводить к значительным и даже необратимым отклонениям от стационарного состояния — устойчивого неравновесия глобальной экосистемы. Одной из таких «болевых точек» в настоящее время является *урбоэкосистемы (УЭС)* — разновидность природно-антропогенных экосистем, численность населения которых составляет около 60% (!) от населения Земли, и их крайнее проявление — мегаполисы. Как открытые системы УЭС характеризуются обменом энергией, веществом и информацией. При этом все потоки продуцируются как природными элементами, так и

антропогенными факторами и характеризуются разными скоростями (скорости антропогенных процессов значительно превышают скорости природных!) на всех иерархических уровнях, что инициирует нелинейный рост потоков.

Нелинейные взаимодействия в открытых системах связаны с зависимостью критических параметров системы от свойств взаимодействующих подсистем. В представлении активных сред нелинейность УЭС формируется экстремальностью антропогенных нагрузок, несоответствием характерных времен и масштабов эволюции природной и антропогенной компонент, а также наличием сложной системы положительных и отрицательных связей. Следует особо отметить контринтуитивный характер реакции природных систем на внешнее (антропогенное) воздействие, определяемый степенью структурно-функциональной сложности системы: чем сложнее структура системы, тем большему количеству перемежающихся устойчивых и неустойчивых стационарных состояний одновременно она может быть подвержена (мультистабильность).

Отсюда вывод: в своем неконтролируемом росте УЭС, и особенно мегаполисы как самоорганизующиеся подсистемы более крупных региональных природно-антропогенных образований, не «руководствуются» соображениями оптимальности или эффективности общей системы, а следуют объективным динамическим закономерностям, основанным на автокатализе, что приводит к лавинному наращиванию энерго- и продуктопотребления, а также к агрессивному территориальному распространению. Важно отметить, что мегаполисы в принципе не способны самостоятельно обеспечить оптимальные условия естественной самоорганизации: воспроизводство основных компонентов природной среды и сбалансированное соответствие степени биогеохимической, гидрологической и физической устойчивости экосистемы уровню техногенного воздействия.

Теоретической базой описания рассмотренных особенностей УЭС является системный анализ устойчивости на базе синергетических закономерностей, что позволит целенаправленно перевести «урбанизацию биосферы как фактор риска» в область устойчивого развития. Так, синергетическая закономерность, свойственная развивающимся системам различной физической, химической, биологической и т. д. природы, заключается в том, что эти системы проходят стадии одинаковой с точки зрения симметрии организации. Нечто подобное наблюдается при рассмотрении проблемы формирования человеком центров поселения, где проявляется общий степенной характер зависимостей, характеризующих эту систему. Так, например, зависимость между числом жителей города и его рангом (номером в списке городов, упорядо-

ченном в порядке убывания населения) представляет собой обратную пропорциональность (закон Ауэрбаха, в других областях знания — закон Ципфа или закон Парето), т. е. имеет степенной вид. Существенно, что эта закономерность «работает» для более 42 тыс. разномасштабных городов России, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга — мегаполисов, для которых характерны иные социально-экономические и экологические закономерности [2]. Высокая плотность населения и повышенная интенсивность преобразования энергии и «вещества» (материальных ресурсов) в мегаполисах требуют перенапряженных режимов функционирования транспортных систем, вследствие чего вся инфраструктура мегаполиса становится относительно неэффективной. Эти условия нарушают динамическое равновесие потоков, снижают «буферную емкость» природных подсистем и увеличивают нелинейность, а значит и неустойчивость (неоднозначность), системных процессов.

Системы, в которых происходят процессы отслеживания, наведения, самоорганизации чаще всего функционируют в колебательном режиме. В пространстве пассивной среды это волновой режим, а в активной среде, где самой системой поддерживается устойчивость, — автоволновой. При этом единство УЭС определяется общностью геопространства и интегрирующими свойствами распределенного характера неравновесных процессов с возможным формированием устойчивых и неустойчивых режимов поведения. Известно, что экономические системы регионов и крупных УЭС способны и даже склонны входить в колебательный режим, и для нас не представляется странным возникновение пространственных автоколебаний — автоволн. Видимо, имеет смысл воспринимать представление о «водителях ритма» в активных средах как о центрах экономического роста (хозяйственные, финансовые неоднородности) регионов или мегаполисов. Если в рамках нашего подхода рассматривать в качестве локальных процессов производственные процессы, в качестве процессов переноса — транспортные перевозки или передачу информации, в качестве энергии — энергетические, демографические, материальные и финансовые ресурсы, требующие возобновления, то подобная распределенная система действительно является активной средой. В ней могут возникать драматические конкурентные взаимодействия между локальными водителями ритма: водители ритма с наибольшей частотой захватывают территории более медленных водителей с помощью «опережающих» концентрических автоволн. Вместе с тем спиральные автоволны образуют стабильные соседствующие участки среды, т. е. кинетически разделенные зоны. Поведение хаотических режимов в пространстве и времени не прогнозируемо.

Автоволновые системы только в простейших случаях с малым числом параметров и компонентов поддаются точному количественному моделированию. Тем более это относится к рассмотрению сложнейшей двумерной иерархической активной среды — хозяйственному механизму. Действительно, экономический потенциал отдельных регионов и мегаполисов, их экономическая активность и демографическая структура, природные условия и т. д. делают рассматриваемую систему крайне гетерогенной, что принципиальным образом затрудняет детальные расчеты. Поэтому не имеет смысла искать какие-либо буквальные аналогии между относительно регулярными химико-биологическими примерами и географическими или экономическими привязками.

В настоящее время сложилась критическая ситуация: УЭС, особенно мегаполисы, характеризуются значительной фрагментированностью и обеднением биоценозов и ландшафтов, размытостью системных границ, подавляющим количеством необратимых системных процессов, значительным ухудшением условий проживания населения. Причиной этого в значительной степени является мировоззренческая несостоятельность управленческих подходов. И в основе проблемы лежит традиционное линейное рассмотрение сложных систем.

В.И. Арнольд рассматривает управление сложными социально-экономическими системами следующим образом [3]. Пусть потребление ресурсов x , согласно управленческому решению руководителя низшего ранга, должно происходить с определенной скоростью ($dx/dt=y$). На втором управленческом уровне данное уравнение, ввиду ряда субъективных и объективных причин, будет скорректировано ($dy/dt=z$), и т. д. вверх по управленческой лестнице (ранга n) будет происходить корректирование изначальных условий. При этом высший иерархический уровень в данной модели реализует обратную связь, поскольку он способен влиять на руководителя предыдущего ранга как в положительную сторону (если запланированный уровень x не достигнут), так и в отрицательную (если этот уровень превзойден). Согласно данной модели, многоступенчатое управление при $n > 3$, неустойчиво, двухступенчатое управление приводит к периодическим колебаниям, а стабильную устойчивость обеспечивает только одноступенчатое управление. Самые общие математические модели этой сильно нелинейной ситуации приводят здесь к простейшим качественным выводам: чем более многоступенчата вертикаль управления, тем менее она эффективна; рыночная экономика, в отличие от жесткой административной, позволяет включать на определенных этапах развития нивелирующие параметры. Иными словами, более «живучей»

становится та система управления, которая способна более гибко реагировать на изменяющиеся параметры хозяйствования.

Рассмотренная система «вертикали власти» относится к заведомо неустойчивым и рациональна только в военных условиях или в экстраординарных гражданских ситуациях, когда допустим режим «ручного управления». В условиях эволюционного развития устойчивость будет обретена системой только тогда, когда она станет иерархической и двумерной на каждом уровне организации, причем эти уровни должны быть связаны трехмерной сетью положительных и отрицательных обратных связей. Так, в самой устойчивой из известных стратифицированных макросистем — биосфере — в массиве биоразнообразия имеется значительное количество трофических и регуляторных обратных связей, причем каждый верхний уровень не «руководит», но лишь «регулирует» нижележащий. Так, медведь в лесу не старается руководить муравейником в ручном режиме, однако лес как сложный биоценоз — система чрезвычайно устойчивая.

Эффективное управление сложными и недостаточно изученными нелинейными системами, к которым относятся экосистемы всех уровней, подтверждает, что сама по себе рыночная экономика — не панацея, и эта односторонность может в принципе привести систему в состояние хаоса [4]. В системе антропо/биосферы хаос — это наблюдаемые в последние годы глобальные и локальные климатические изменения, истощение природных ресурсов, демографические проблемы и т. д., в системе УЭС — численность и плотность населения, подавляющее количество необратимых системных процессов и т. д. Опыт показал, что «линейное» планирование и «ручное управление» в экономике макросистем в принципе малоэффективны: при попытке залатать одну «дыру», тут же всплывают другие, а простые, интуитивно разумные, представляющиеся вполне логическими, экстраполяции не работают — эти сложные системы существенно нелинейны. Поэтому необходимо выработать и исполнять программу действительно рационального управления глобальными процессами, одним из которых являются УЭС.

Существенно, что не минимально достаточное, а, казалось бы, избыточно большое число взаимодействующих популяций в какой-либо экосистеме, определяет не только ее биоразнообразие и сложную, вариативную трофическую сеть, но и приводит к более устойчивому функционированию такой экосистемы (достаточно вспомнить, насколько неустойчивы бедные по биоразнообразию искусственные биоценозы). По этой причине не столько размеры однородной (точечной, сосредоточенной) системы определяют характерное для данной

территории биоразнообразия, сколько ее пространственная неоднородность.

Распределенные в пространстве неоднородные системы, пусть даже упрощенные в моделях активных сред, позволяют выделить пространственно-временные особенности реальных экосистем, связанных сетью прямых и обратных (положительных и отрицательных) связей. Такими управляющими параметрами нелинейного ответа системы на внешние возмущения в УЭС, являются природные и антропогенные факторы: фрагментированность и сокращение площадей биоценозов, техногенные поля, численность и плотность населения, несбалансированная застройка, радиальная структура транспортной системы (прямоугольная сетка инфраструктуры в большей степени способствует «ламинарному» режиму городского хозяйствования) и т. д. И чем выше способность УЭС к гомеостазу, определяемая интенсивностью антропогенного разрушения и эффективностью отклика природной подсистемы, тем больше шанс для системы избежать необратимых процессов, сохранить экологическое равновесие и приблизиться к состоянию устойчивости.

С позиций синергетики можно высказать одно утверждение общего характера: *по мере истощения сырьевого резервуара и увеличения числа и типов каналов потребления природных ресурсов техносферой в условиях нарастающей конкуренции нелинейные эффекты в ноосфере усиливаются, приводя к изменениям периодичности, возникновению трудно прогнозируемых стационарных состояний или хаосу.*

В глобальном масштабе суть стратегии устойчивого развития сводится к двум взаимосвязанным задачам: создание рациональной структуры производства и потребления, а также оптимального существования человеческого общества как разумного биологического вида посредством удовлетворения его материальных и интеллектуальных потребностей. При этом переход к устойчивому развитию, согласно концепции ООН, может происходить двумя путями: сквозь череду затухающих возмущений социально-экономического и техногенного характера или в плавном асимптотическом приближении к оптимальному режиму. По мнению авторов, исходя из общих закономерностей эволюции сложных систем, «плавный асимптотический переход к оптимальному режиму» устойчивого развития в принципе нереален. Путь может быть только колебательным, через кризисы-бифуркации. Усиленное потребление ресурсов приводит на определенном этапе к материальному благополучию общества, но одновременно ухудшает экологическую ситуацию. Далее следует обратный процесс. Эти колебания имеют самопроизвольный характер, т. е. не являются вынужденными. И только социально-экономически и экологически выверенные

политические решения, демпфирующие эту колебательную систему и не дающие ей «уйти вразнос», способны поддержать необходимую траекторию коэволюции. Существенно, что, как и в модели «хищник — жертва», в данном рассмотрении вся система «стягивается» к точечной модели. При этом устойчивость ноосферы как качественно новой структурно-функциональной организации и УЭС как наиболее активного ее компонента не могут определяться исключительно биосферными механизмами гомеостаза. Настоятельно необходим *научно обоснованный выбор траектории коэволюции вдали от точек бифуркации и потери устойчивости биосферы.*

Различные международные организации предлагают системы показателей устойчивого развития, в основу которых, как правило, положены экономические и финансовые регуляторы природопользования [5, 117; 6, 132—133]. Но основным рычагом в системе «человек—производство—природа—управление» является именно управление, что позволяет рационально решать стратегические задачи устойчивого развития. Управление следует воспринимать как регулирование, а не командование (скоропалительные приказы не спасают систему, эффективна лишь гибкая система обратных связей). В условиях товарно-денежных отношений, независимо от типа государственного строя, геобиосфера не способна выступать в качестве активного участника рыночных отношений. Но именно финансовое регулирование природопользования может стать инструментом рационального управления ноосферой в границах ее устойчивого развития. По нашему мнению, *важный принцип экологически безопасного антропогенного развития может быть сформулирован следующим образом: успешное претворение коэволюционной концепции устойчивого развития возможно только при условии обеспечения баланса потоков вещества и энергии в геобиосфере с участием глобальной информационной сферы.*

Как мы наглядно убеждаемся на примере последних финансово-экономических кризисов, нынешняя антропоцентричная в своей основе экономика низводит природу до «окружающей среды» и изнутри, сама по себе, не способна озаботиться проблемой коэволюции *человечества и биосферы.* В этом она — продукт системы «мышления неолитического этапа» развития общества. Поэтому «одноходовая» по своей сути рыночная экономика, оценивающая успех развития исключительно по уровню доходности, — не панацея, поскольку она способна приводить не к желаемой устойчивости, а к хаосу.

Для рационального регулируемого выживания человечества необходимо выработать и исполнять единую (в перспективе — глобальную) программу устойчивого развития. Оперативная составляющая этого управления линейна, а стратегическая — нелинейна. И именно

граничная неравновесная область между природной геобиосферой и антропосферой — самая уязвимая и наиболее трудно моделируемая часть экосферы.

Литература

1. *Моисеев Н.* Человек и ноосфера. М., 1990.
2. *Подлазов А.В.* Теоретическая демография. Модели роста народонаселения и глобального демографического перехода // Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. М., 2002.
3. *Арнольд В.И.* Теория катастроф. М., 1990.
4. *Твердислов В.А., Сидорова А.Э.* Политика хозяйства: от концентрированного выражения экономики к концентрированному выражению экологии // Философия хозяйства. 2008. № 6.
5. *Towards Sustainable Development: Indicators to Measure Progress.* OECD. 1998.
6. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко. М., 2001.

С.К. КАЗАКОВА

К вопросу о критериях качества произведения современного искусства в контексте хозяйственной культуры

Аннотация. В статье анализируется влияние хозяйственной культуры общества на критерии искусства соответствующей эпохи. По наблюдению автора, кардинальные изменения в материально-техническом базисе (например, такие как вытеснение ремесленного труда) сопровождаются революционными преобразованиями художественного языка. Учитывая ключевую роль науки в современном обществе, ее влияние не только на производственную сферу, но и на культуру общества в целом, автор делает вывод о значительном потенциале развития научного искусства как целостного и мощного художественного направления, отвечающего важному критерию — адекватности мировосприятию современной эпохи.

Ключевые слова: культура, хозяйственная культура, современное искусство, научное искусство, критерий качества произведения искусства.

Abstract. The article reveals how changes in the technological basis of human civilization may affect — directly or indirectly — art criteria of a certain historic period. The academic art crisis since the XIX century is considered in parallel with the process of replacing handicraft by industrial production. Proceeding on the role of science in the modern society the «Science art» is regarded as a major art trend with high potential to create an integrated language adequate to the contemporary human culture.

Keywords: culture, contemporary art, science art, quality criteria for contemporary art.

Одна из актуальных задач, стоящих перед искусствознанием сегодня, заключается в научном обосновании оценки произведения современного искусства. Специалисты согласны, что ко множеству художественных течений XX—XXI вв. не приложимы критерии качества в прежнем его понимании. Ожидания сегодняшнего зрителя предполагают в произведении искусства такие черты, как новизна, интеллектуальная игра, изобретательство и даже вызов и жест, допустимо входящие до скандала.

В этой связи возникает вопрос: являются ли критерии качества произведения искусства исторически неизменными или они трансформируются от эпохи к эпохе? Если признать их постоянство, то логично было бы обратиться к искусству старых мастеров и пытаться ретроспективно выявить новые компоненты качества в их творчестве. В этом направлении предлагает двигаться Д.В. Сарабьянов [1, 14—15]. Если же предположить, что содержание понятия качества художественного произведения исторически подвижно, то следует искать причины и закономерности этих изменений. В докладе предлагается соотнести критерии качества произведения искусства с ключевыми типологическими характеристиками материальной культуры конкретной эпохи.

В истории цивилизации можно наблюдать, как художественная деятельность человека в определенной мере усваивала некоторые характерные черты и ценности сферы материального производства. Рассмотрим несколько примеров.

Древний Египет представляет собой классическую модель так называемой речной цивилизации. Вся жизнь древнеегипетского общества была связана с Нилом и фактически зависела от эффективности ирригационных и водозащитных сооружений. Гидротехнические объекты по необходимости отличались масштабностью и высоким качеством работ, обеспечивающих надежность и долговечность сооружений. Это определило существенные особенности хозяйственной культуры Древнего Египта — коллективную организацию труда при проведении

строительных работ; крупные хозяйственные единицы; непосредственную опору производственной деятельности на научно-технические достижения; высокий уровень знаний, умений и навыков в сфере строительства.

Легко заметить, что черты хозяйственной культуры Древнего Египта, связанные с масштабностью гидротехнических работ, отразились на других видах деятельности. Гигантомания характерна для художественных доминант древнеегипетской цивилизации. Пирамиды, храмовые и дворцовые комплексы, статуи и настенные рельефы отличались грандиозными параметрами. При этом градация их размеров имела знаковый характер. Таким образом, те модели и оценки, которые были вызваны жизненной необходимостью в хозяйственной культуре Древнего Египта, в художественной деятельности приобрели символический смысл, не связанный с непосредственной практической целесообразностью.

Другую модель организации производственной деятельности человека представляет собой городская торгово-ремесленная культура. Имеется в виду ремесло, ориентированное на заказ или рынок (в отличие от домашних промыслов, которые развиваются в условиях натурального хозяйства в дополнение к сельскохозяйственному производству для обеспечения внутренних нужд). Торгово-ремесленная культура представлена в различные эпохи, в том числе в греко-римской (античной) цивилизации, а также в Западной Европе, начиная от периода разложения натурального хозяйства до промышленных переворотов середины XVIII — первой половины XIX в. Торгово-ремесленная хозяйственная культура имеет собственную специфику. В ней преобладают мелкие производственные единицы (мастерские), которые объединяются в сообщества (цехи или гильдии); регламентация трудовой деятельности довольно жесткая. К ценностям ремесленной хозяйственной культуры относятся личное мастерство и знание технологических секретов, которые передаются из поколения в поколение. Сам продукт ремесленного производства отличается высоким качеством исполнения и тщательностью отделки, нередко достигая высокохудожественного уровня. В этой связи интересно вспомнить, что первое значение слова «шедевр» относится именно к ремесленной культуре и означает образцовое изделие, которое во многих средневековых цехах должен был представить ремесленник для получения звания мастера.

Периоды расцвета торгового ремесла соотносятся с теми эпохами в искусстве, когда господствует культ технического мастерства художника. В это время наблюдается общность организационных форм, а также некоторых оценочных ориентиров ремесла и искусства. На протяжении нескольких веков критерии качества художественного произ-

ведения непосредственно увязывались с совершенством исполнения — виртуозностью владения кистью, резцом, смычком, голосом и т. д. В определенных случаях техническое мастерство само по себе служило обоснованием искусства, т. е. считалось не только необходимым, но и достаточным критерием качества художественного произведения. Например, в так называемых «обманках» (произведениях живописи или графики, в которых использовались визуальные эффекты максимально точного подражания натуре) ценилась иллюзорность как таковая.

Сходные черты ремесла и искусства можно выделить также в способах и механизмах воспроизведения и трансляции хозяйственной и художественной культур (проще говоря, в обучении). В Западной Европе художественное образование развивалось сначала в рамках цехового метода (т. е. в полной аналогии с хозяйственной сферой). Потом на смену цеховому обучению художников пришла академия. Как пишет искусствовед О.Б. Дубова, посвятившая специальное исследование проблемам художественного образования в Западной Европе, академическая система «сохранила полное уважение к самой идее наследования профессиональных навыков» [2, 137]. Иными словами, механизмы воспроизведения художественной культуры в Западной Европе — и в рамках цехового обучения, и в рамках академического обучения — были укоренены в ремесленном базисе.

Развитие капиталистических отношений в экономической сфере привело к подрыву ремесленной культуры. Сначала мануфактура разделила процесс производства на отдельные операции и тем самым заменила квалифицированный индивидуальный труд на простые действия, не требующие высокого мастерства. Решающий удар по ремеслу нанесло машинное производство. Оно окончательно вытеснило ручной труд, что вызвало существенные изменения в хозяйственной культуре соответствующей эпохи.

Экономический процесс вытеснения искусного ремесленного труда соотносится с кризисом академической художественной школы. На протяжении XIX в. искусность и тщательность отделки художественного произведения неуклонно теряли значение необходимого критерия его качества. Шел активный поиск нового художественного языка, который не был бы привязан к классической школе. В изобразительном искусстве второй половины XIX столетия мы наблюдаем многочисленные успешные попытки компенсировать недостаток академической выучки пластической и колористической выразительностью.

Таким образом, параллели в тенденциях развития хозяйственной и художественной культур вполне очевидны. Вопрос заключается в определении природы этих «созвучий» и установлении наличия причинно-следственных связей. Выделим три аспекта анализа и в соответст-

вии с ними рассмотрим проблему модификации критериев оценки современного искусства. В данном случае речь идет о критериях, позволяющих оценить меру адекватности художественного языка искусства ключевым характеристикам эпохи.

I. *Первый аспект* анализа связан с непосредственным влиянием технологического базиса и хозяйственной культуры на искусство. Поскольку искусство производит некий продукт творческой деятельности, теоретически его можно рассматривать как часть производственной сферы. И в этом своем качестве — как производительная человеческая деятельность — искусство *непосредственно* воспринимает доступные обществу средства труда, материалы, технологии, а также формы и образцы хозяйственной культуры (как было показано выше, искусство Древнего Египта активно опиралось на высокоразвитое строительство, а искусство Античности или Возрождения — на ремесленный базис).

Современная экономика зиждется на научно-техническом прогрессе; наука превратилась в важнейшую непосредственную производительную силу современного общества. Сегодня искусству доступны новейшие достижения в области науки и техники, применяемые в экономике. Современные материалы и технологии способствуют созданию новых видов и жанров искусства (например, лазерное шоу); также они проникают в привычные виды творчества, более или менее мирно уживаясь с традицией. Примером использования новой изобразительной техники в рамках обычной творческой задачи может служить «живопись» на iPad Дэвида Хокни.

Вызванные научно-техническим прогрессом новые явления в искусстве еще не означают радикальной смены художественного языка и отказа от накопленного опыта. В отличие от экономики, в искусстве значительная роль принадлежит традиции. Как утверждал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883—1955), «в искусстве трудно преувеличить влияние прошлого на будущее». По мнению Ортеги, «художник никогда не остается с миром наедине, художественная традиция — в качестве посредника — всегда вмешивается в его связи с миром» [3, 254—255]. Современное отечественное искусствознание наделяет художественную традицию самостоятельной ценностью и определяет ее как «механизм сохранения культурных ценностей и смыслов, как возможный способ обретения идентичности художника» [4, 157].

Таким образом, расширение технико-технологического базиса современного искусства означает принципиальную *возможность выбора* художественных средств, но само по себе не содержит *необходимости* смены критериев оценки художественного произведения.

II. Новые критерии в искусстве обусловлены не столько технико-технологическими возможностями, сколько сменой культурных моделей успеха, которые в значительной мере задаются хозяйственной деятельностью, непосредственно связанной с жизнеобеспечением человеческого общества. Это — *второй аспект* анализа взаимодействия хозяйственной и художественной сфер деятельности человека. Он связан с исключительной особенностью культуры человеческого общества — ее способностью к символизации.

Формы и ценности хозяйственной культуры представляют собой наиболее успешные образцы мысли, действий, взаимоотношений, которые обеспечивают реализацию жизненных целей человеческой общности (на фактор успешности в определении хозяйственной, или экономической, культуры обращает внимание, в частности, культуролог Ю.А. Помпеев) [5, 197]. Как и любой другой элемент культуры, модель успеха в хозяйственной деятельности функционирует в символическом контексте. Обладая исключительной ролью в жизнеобеспечении человеческого общества, эта модель неизбежно приобретает дополнительные смыслы за пределами собственной сферы. В то же время, как только хозяйственная модель перестает быть эффективной, она утрачивает силу примера и образца для построения отношений в других видах деятельности. Поэтому когда ремесленный труд и связанные с ним представления о длительном обучении, высоком индивидуальном мастерстве и т. д. перестали быть фактором успеха в хозяйственной сфере, критерии оценки художественного произведения стали подвергаться пересмотру — поскольку в конечном счете они были основаны на образцах и ценностях ремесленного производства.

Сегодня истории успеха в экономике формируют образцы и ценности, ориентированные на интеграцию с наукой, модернизацию, инновацию, выработку нестандартных решений. Критерии качества, предъявляемые к способу и продукту производства, на удивление легко накладываются на современное искусство. Новаторство стало важнейшим мерилем творчества — нынешнее искусство должно удивлять и даже будоражить зрителя новизной и неожиданностью подходов.

Современное искусство все активнее вступает в непосредственное взаимодействие с наукой. В современных проектах, находящихся на стыке науки и искусства, принимают участие не только художники, музыканты, скульпторы и т. д., но и ученые. В зависимости от характера взаимодействия науки и искусства можно выделить три группы проектов.

1. Результаты научных наблюдений и экспериментов непосредственно приобретают статус эстетического объекта в результате их оценки и отбора по художественным критериям. Так происходит, на-

пример, в ежегодном конкурсе «Искусство в науке» (США). В конкурсе участвуют изображения (фотографии, схемы, модели и т. п.), которые были получены в исследовательских целях и имеют научную ценность.

2. Произведение искусства создается на основе творческой обработки научных данных. К этой группе можно отнести, в частности, ДНК музыку, космическую музыку, визуализацию звука посредством киматики (например, проекты Эвана Гранта) и т. д.

3. Произведение искусства «симулирует» процесс научного исследования, при этом непосредственного научно-практического значения не имеет. В качестве примера можно привести проект «Небесная арфа» (The Cloud Harp), знакомый московской публике. Лазерное устройство «считывает» определенные параметры плывущих по небу облаков (скорость движения, плотность, температура и т. д.), цифрует полученные данные и цифровую информацию преобразует в музыку. Корпус прибора — деревянная конструкция — разрабатывается в различных вариантах. Объект экспонируется в городских публичных пространствах (в парках, садах, на площадях). Проект «Небесная арфа» соотносится с принципами организации научной деятельности. Во-первых, над «Небесной арфой» работал коллектив ученых под руководством канадского архитектора, физика, художника Николаса Ривза. Во-вторых, функционирование объекта фактически имитирует одну из фаз научного познания — процесс научного наблюдения. Идут сбор и обработка параметров, полученных с помощью современных измерительных приборов. Наконец, по аналогии с научным экспериментом, проекту «Небесная арфа» придается характер объективности, роль субъекта минимизируется — он устанавливает только правила сбора и обработки данных, а результат их обобщения — т. е. звуковой ряд — заранее непредсказуем.

Таким образом, современное искусство впитывает качественные критерии и модели, выработанные инновационной хозяйственной культурой эпохи научно-технической революции. Глобальным переменам в материальной сфере человеческого общества отвечает становление нового направления — так называемого научного искусства. При этом возникающие критерии искусства сталкиваются с традицией, которая сохраняла свою жизнеспособность на протяжении многих столетий.

III. Вопрос о противостоянии силы художественной традиции и значимости новых критериев для дальнейшего развития искусства связан с *третьим аспектом* исследования. Он касается степени влияния производственной сферы не на отдельные модели человеческой деятельности, а на тип культуры в целом. Такая постановка вопроса бази-

руется на фундаментальном представлении о человеческой культуре как целостном организме, внутри которого можно выделить связанные между собой подсистемы. В современных исследованиях тем видам культурной деятельности, которые непосредственно связаны с материальным производством, нередко придается определяющее значение. В качестве источников подобных воззрений можно назвать работы авторитетного американского ученого, одного из основателей культурологии Лесли Уайта (1900—1975). Внутри культуры Лесли Уайт вычленил три подсистемы: технологическую, социальную и идеологическую [6, 389]. При этом технологический фактор (т. е. орудия труда вкупе с технологией их использования) Уайт называл детерминантой культурной системы в целом и ключом к ее пониманию [6, 391]. В то же время, искусство определенной эпохи (рассматриваемое как феномен культуры, а не как деятельность гениев-одиночек) говорит на том языке, который этой эпохе созвучен и адекватен. Поэтому в той мере, в какой сфера материального производства определяет и объясняет сущность и дух конкретного типа культуры, в той же мере — косвенно — она воздействует на язык и критерии искусства.

Сегодня наука — не только инструмент познания природы и непосредственная производительная сила общества. Наука определяет ключевые типологические черты, дух и стиль современной цивилизации. Известный американский философ Джеймс Керн Фейблман определил общество, в котором мы живем, как научный тип культуры. Основной вопрос, который оно задает субъекту: «Насколько ты любознателен?». Идеальная личность научной культуры, согласно Фейблману, одержима поиском тайн природы бытия [7, 218].

Дух и сущность научной культуры отражают «научное искусство». Произведения «science art» объединяют ощущение тайны мироздания, предчувствие разгадки или восторг открытия. Возможно, мы являемся свидетелями становления, если не художественной доминанты, то, по крайней мере, целостного и мощного художественного направления, отвечающего важному критерию — адекватности мировосприятию современной эпохи.

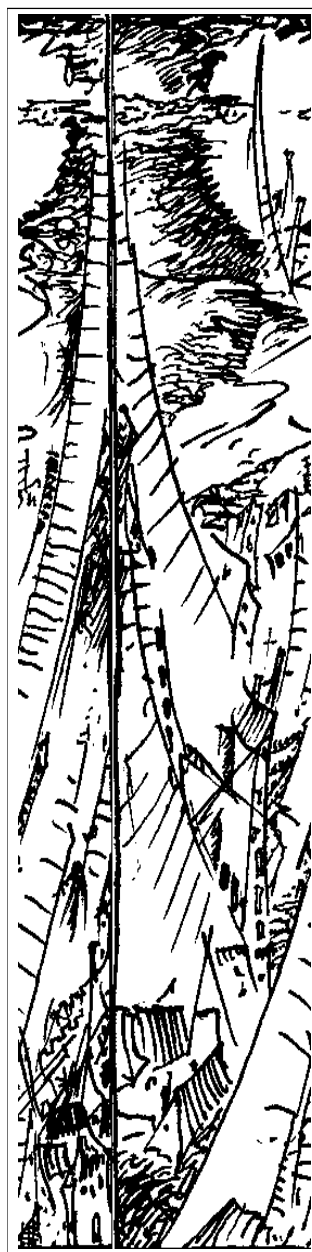
Литература

1. Некоторые методологические вопросы искусствознания в ситуации исторического рубежа. Круглый стол // Вопросы искусствознания. 1995. № 1—2.
2. Дубова О.Б. Становление академической школы в западноевропейской культуре. М., 2009.

3. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991.
4. *Гор В.* Классическое в неклассическую эпоху. Эстетические аспекты модификации языка изобразительного искусства. М., 2010.
5. Теория культуры / Под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. СПб., 2008.
6. *Уайт Л.* Избранное: Наука о культуре. М., 2004.
7. *Фейблман Дж.* Типы культуры // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб., 2006.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.Т. РЯЗАНОВ

Кризис глобализации и его системные последствия

Аннотация. В статье рассматривается современный мировой кризис как системный и в то же время кризис неолиберальной модели глобализации. Выход из этого кризиса предполагает изменения в характере взаимодействия экономических регуляторов. Анализируются возможности и проблемы развития регионализации в мировом хозяйстве на примере ЕС. Конечный вывод автора сводится к тезису о действии тенденции усиления роли государств и его национальных регуляторов в постглобальной экономике.

Ключевые слова: глобализация и кризис, наднациональные и национальные регуляторы, глобализация и регионализация, европейская интеграция, Соединенные Штаты Европы, национальные регуляторы.

Abstract. The major aspects of modern crisis as system crisis or crisis of neoliberal globalization are reviewed. The recovery of world economy suppose of chance of interaction economic regulators. Subject to analysis are opportunities and problems of developing regionalization in world economy: cases of EU. The final conclusion of his reflection boil down to a thesis on action of tendency intensification of role state and his national regulators in post-global economy.

Keywords: globalization and crisis, supranational and national regulators, globalization and regionalization, European integration, United States of Europe, national regulators.

Современный этап развития мирового сообщества чаще всего обозначают как необратимое наступление эры глобализации. В еще большей степени это относится к характеристике мирохозяйственного устройства. Обратим внимание на то, что само понятие «глобализация экономики» изначально возникло в 1970—1980-е гг. для описания относительно нового феномена в мировой торговле, связанного со стремительным распространением так называемых «мировых брендов» и соответственно с разработкой новых маркетинговых стратегий завоевания рынков, базирующихся на принципах узнаваемости, предсказуемости, фирменного стиля и агрессивной рекламы. Иначе говоря, товарная экспансия предопределяла последующие ее формы в виде экспансии капитала, форм хозяйствования, образцов массовой культуры и т. д.

Самым ярким символом такой экономической глобализации стала хозяйственная деятельность компании «McDonald's», создавшей после Второй мировой войны сеть стандартизированных ресторанов быстрого питания вначале в США, а затем с 1970-х гг. распространив ее по всему миру. О глобальном масштабе в деятельности этой сетевой компании свидетельствуют следующие данные: она имеет 33 тыс. своих филиалов в 118 странах мира с численностью персонала почти в 400 тыс. человек. Ее капитализация превышает 70 млрд дол., а выручка составила 24 млрд дол. (2010). Отметим, что в РФ, по данным на 2012 г., насчитывается 314 предприятий в 85 городах, в которых 30 тыс. сотрудников обслуживают более миллиона посетителей каждый день. Не случайно, что одно из образных определений глобализации получило название «макдональдизация», введенное американским социологом Дж. Ритцером [1]. В данном понятии не просто фиксируются особенности концепции «быстрого питания», а отражается произошедший перелом в базовых принципах организации всей социальной жизни в направлении усиления рациональности и стандартности экономического поведения людей, внедряемых благодаря искусственному формированию так называемой надкультурной общности, особенно в варианте молодежной субкультуры. Также вполне закономерно, что эти сетевые рестораны как зримый символ разрушения национальной культуры и традиции становятся главной мишенью атак антиглобалистов в самых разных странах.

В дальнейшем само понятие глобализации экономики приобрело более развернутое и емкое содержание уже применительно ко всему мирохозяйственному устройству. Причем многими исследователями глобализация понимается с объективистской позиции, как отражение ранее действующих долговременных факторов, но с большей силой. Они же связаны с возвышающейся потребностью в развитии международного обмена¹, дальнейшем укреплении сотрудничества и взаимозависимости национальных экономик, усилении интеграционных тенденций и т. п. Тогда глобализация отождествляется с растущей интеграцией и взаимопереплетением обществ (государств) и экономических систем, противостоя тем самым национально-государственной замкнутости и изоляционизму. В конечном счете глобальная экономика в этом случае трактуется в контексте создания единой хозяйственной системы, способной работать в режиме реального времени в масштабе всей планеты.

¹ Так, уже с середины 1960-х гг. происходит резкое увеличение темпов роста внешней торговли. По данным ВТО, в период 1965—1990 гг. она начинает расти в среднем в 13% в год вместо 3% в предшествующий период.

Однако такой расширительный и объективистский подход к экономической глобализации вызывает возражение. Дело в том, что принципиальная ее новизна связана с появлением особого качества в мирохозяйственных отношениях, ранее в таком объеме не существовавшего. Его следует определить как последовательную политику замещения государств и национальных хозяйственных систем наднациональными регуляторами и интегрированным экономическим пространством. Неизбежным результатом такого процесса становится растворение национального в глобальном, вплоть до исчезновения первого, что предполагает исключение национально-цивилизационных факторов из числа факторов, влияющих на экономическое развитие. Такого рода подход сопровождается призывами к необходимости разрыва с *национальной аксиоматикой* или с *методологическим национализмом*, вместо которого предписывается поставить в центр теории и политики *методологический космополитизм*. Особая их направленность связана с выступлением против так называемого ресурсного национализма, преследующая цель устранить национальный суверенитет над минеральными ресурсами и прежде всего над углеводородным сырьем.

Можно ли согласиться с тем, что происходящее вытеснение национальных государств наднациональными (глобальными) управляющими центрами из экономики относится к числу объективных закономерностей? На наш взгляд, в этом явлении скорее присутствует волюнтаристские действия политиков и транснационального финансово-го капитала, преследующих свои корыстные цели.

Для глобалистов опорным пунктом в их стремлении к демонтажу государства является гипотеза о якобы произошедшем разрыве единства территории, экономического пространства с его ресурсами, нации и государства. Причем в этой концепции глобализации замена национальных (государственных) регуляторов была связана не с появлением «глобальных регуляторов», действующих вне рынка, а с рождением по сути дела новой диктатуры — диктатуры так называемых глобальных рынков. За этим скрывалась экспансия базовой неолиберальной установки об эффективных рынках, которые при переходе к глобальному их формату становятся еще более эффективными. То, что не удалось в полной мере реализовать в масштабах национальных экономик, было дополнено новым рычагом — господством глобальных рынков, которые своей большей мощью призваны были додавить государства, обеспечивая окончательное их вытеснение из экономики. Результатом непрекращающегося действия наращивания глобалистской тенденции должно было стать формирование не просто однородного глобального пространства, а такого, в котором доминируют характеристики сво-

бодного и открытого рынка. Потому постулировалось, что рыночные принципы важнее национальных границ, институтов и регуляторов.

Подчеркнем, что форсированное замещение государственного регулирования наднациональным раскрывает главный содержательный смысл глобализации. Именно такой подход к ее определению как к реальному процессу и в то же время как к проводимой политике более чем оправдан. Ведь введение нового термина — в данном случае глобализации — всегда преследует цель привнесения нового значения в устоявшиеся процессы. В противном случае не надо было бы его вводить, имея в наличии широкий набор понятий, раскрывающих мирохозяйственный аспект экономических отношений (международное разделение труда, интернационализация производства, мировой рынок, международная интеграция и т. д.).

Если содержательный смысл глобализации определять как форсированную попытку замещения национальных государств глобальными рынками и их институтами, то тогда одной из важнейших характеристик произошедшего мирового экономического кризиса 2008—2009 гг. становится то, что он предстает как *кризис неолиберальной глобализации*. По существу данный вывод равнозначен признанию провала упорно внедряемого глобального проекта.

Каковы его главные причины?

Во-первых, изначально были преувеличены значение и масштабы глобализации. Во многом это объясняется переоценкой роли информационных технологий в экономике. Действительно, они придают хозяйственным процессам новое качество, но оно по-настоящему присутствует всего лишь в финансовой сфере, в которой произошло реальное формирование однородного и открытого пространства. На этой основе возникла иллюзия, что такое слияние информационных возможностей и хозяйственной деятельности распространилось на все экономическое пространство. То, что они пересекаются и взаимодействуют, — это так, но это не означает их полного взаимопроникновения. Подавляющая часть хозяйственной деятельности, производства и движения его продуктов, не говоря уже о работниках, по-прежнему осуществляется в привязке к территории, оставаясь включенным в национально воспроизводственные контуры.

Во-вторых, ошибкой было представление о действии тенденции глобализации как непрерывно действующей, более того, с нарастающей силой и с последовательным расширением масштаба и сфер проникновения. Недооценено было всеобщее свойство цикличности, присущее не только производственной деятельности в капиталистической экономике, но и выбору вариантов экономической политики, режимов хозяйствования и т. п. В истории капитализма регулярно наблюдаются

смены периодов социализации периодами капитализации, вместо государственного регулирования приходит дерегулирование и т. д. В равной степени свойство цикличности должно быть применено к чередованию фаз усиления и ослабления тенденции глобализации. Можно уверенно утверждать, что свойство цикличности и на данном этапе окажет свое влияние. Поэтому наступление нынешнего этапа после кризиса с высокой вероятностью может быть охарактеризовано как наступление фазы *деглобализации* мировой экономики².

В-третьих, еще большей ошибкой является представление о глобализации с точки зрения осуществимости ее конечной цели. Ведь глобализация как процесс должна когда-то завершиться, достигнув своей вершины. Таковой является формирование гомогенного экономического пространства, характеризующегося открытостью всех рынков, едиными правилами хозяйствования, налогами, юридическими нормами, институтами и наднациональными регуляторами и т. п. В свою очередь, оно должно быть дополнено симметричным построением глобальной политической власти.

С точки зрения завершения экономической глобализации одним из ее значимых результатов должно стать появление некой глобальной суперкорпорации или в другом варианте взаимосвязанной сети мегакорпораций, базирующейся на перекрестном владении акциями, взаимными поставками, согласованными экономическими интересами, плотным хозяйственным взаимодействием и т. п. Казалось бы, именно в этом направлении происходят изменения. Достаточно сослаться на то, что уже на современном этапе обнаруживается прообраз такой формирующейся глобальной экономической сети.

Так, по оценкам экспертов Цюрихского университета, в выявленной ими глобальной экономической структуре имеется ядро, состоящее из 147 финансовых и инвестиционных компаний, контролирующих 40% глобального рынка. При всей жесткости конкуренции у них действительно есть общий интерес, но он имеет одну и узкую направленность — стремление обеспечить для себя максимальную независимость от любого контроля и вмешательства в их деятельность, чтобы получать сверхприбыли и властвовать. При этом такая формирующаяся глобальная сеть ТНК все же главным образом ограничивается финансовой сферой и даже при высокой степени сетевого взаимодействия остается иерархически организованной с ограниченной возможностью проводить согласованную политику и управлять глобальными рынками из единого центра, особенно при наступлении кризисных явлений. Последний мировой кризис демонстрирует, сколь высоки

² Об этом подробнее см.: [2].

системные риски в случае возникновения обрывов в ее отдельных звеньях. Известно, что разворачиванию мирового кризиса способствовала практически полная беспрепятственность распространения локального финансового кризиса по всему глобальному пространству. Банкротство банка «Lehmann Brothers» в 2008 г., а он занимал 34-е место в ядре этой сверхкорпорации, привело к запуску цепной (неуправляемой) реакции распада всей глобальной финансовой сети с последующим поражением всего мирохозяйственного устройства.

Укажем на еще один серьезный довод в объяснении недостижимости конечной цели экономической глобализации. Дело в том, что позиция ТНК как главных носителей духа глобализма двойственна. С одной стороны, они заинтересованы в формировании единого глобального рыночного пространства для обеспечения свободного движения товаров и денежных ресурсов. С другой — сами ТНК могут успешно функционировать и получать высокие сверхприбыли в условиях сохранения локальных и неоднородных рынков труда с принципиально разными условиями и правилами игры, особенно при наличии зон с низкими заработками. Ведь нынешние сверхприбыли возникают именно на такой основе³. Получается, что сами ТНК не столь и заинтересованы в достижении завершающей фазы развития глобализация.

Что касается политического оформления экономической глобализации, то венцом мечтаний глобалистов является фантастическая идея о создании мирового управляющего центра («мирового правительства»). В этом случае ее кажущаяся техническая достижимость рождает иллюзию, что когда-то и при должном упорстве она будет воплощена в жизнь. Казалось бы, для этого всего-то предстоит выработать согласованные общие правила хозяйствования, принять общемировой коммерческий кодекс, установить единую налоговую шкалу, сформировать и даже выбрать мировое правительство и т. д. Однако не следует забывать о неустранимой в обозримом будущем разнородности, разнородности в развитии и разномасштабности мирового хозяйства, что предопределяет его несводимость к какому-то универсальному стандарту.

Ограничимся приведением двух примеров. Так, душевое производство ВВП в США (42 тыс. дол.) в 106 раз превышает аналогичный по-

³ Достаточно привести такой пример. Большинство из двух миллионов человек, занятых в швейной промышленности Бангладеш, составляют женщины, и они являются одними из наиболее низко оплачиваемых работников текстильной промышленности в мире, зарабатывая 25 дол. США в месяц, что примерно соответствует среднечасовой ставки заработной платы в американской экономике.

казатель в Зимбабве (395 дол.). Или самая населенная страна в мире КНР с численностью 1,35 млрд человек, в то время как Республика Науру, расположенная на коралловом острове площадью 21,3 км² в Тихом океане, имеет население в 11,3 тыс. человек. При этом эти два государства являются членами ООН, и каждое из них располагает одним голосом на заседаниях Генеральной Ассамблеи.

И это еще не все. Не исключено, что самым сильным противодействием глобалистской тенденции является то, что сегодня в мире нет объединяющего все страны даже общего представления о будущем, которое можно было бы выразить в обобщенных характеристиках социально-экономического устройства мирового сообщества. Более того, современный мир — это острое и конфронтационное столкновение не только разных образов будущего, но и противостоящих альтернатив развития, за которыми скрываются разные, а по своей сути, противоположные идеологии, культуры, религии и, в конечном счете, национальные интересы. Поэтому по мере усиления глобалистской тенденции в экономике, а ее продвигает лидирующий экономический центр (США и страны Запада), будут симметрично нарастать сопротивление и отторжение ее разными сообществами людей, отвергающими стандартизацию и глобальное всевластие, защищающими свое право на самобытность в самых разных сферах жизни. И вряд ли эту тенденцию удастся навязать даже силой, создавая, к примеру, Мировую либеральную империю или любую другую.

Таким образом, выход из кризиса глобализации предопределяет неизбежность серьезного системного разворота. Он предполагает осуществление назревшего пересмотра характера взаимодействия наднациональных и национальных регуляторов в посткризисной экономике. Ведь, по идее, в глобально организованном мировом хозяйстве именно наднациональные институты должны были первыми активно включиться в борьбу с кризисом, разработав согласованную стратегию с набором эффективных антикризисных инструментов, если уж они и не смогли предотвратить его развертывание. Но этого не случилось. Самые авторитетные глобальные институты — МВФ и ВБ — фактически ограничились общими декларациями о вреде протекционизма и необходимости согласованных действий, а также в ряде случаев предоставили дополнительные денежные средства особо пострадавшим государствам. Такие стандартные меры помогали, хотя и не всегда, при наступлении локальных кризисов в отдельных странах или регионах. При этом сфера ответственности этих международных структур не распространялась на антициклическую деятельность, а потому в условиях наступления всеобщего кризиса они оказались малоподготовленными к нему.

И это произошло вполне закономерно. Теоретически деятельность международных регуляторов предполагает замену или дополнение к национальным регуляторам, встроенным в механизм государственного управления. Для этого должны были быть созданы не только сами институты прямого и косвенного глобального управления, но и разработаны соответствующие инструменты для регулирования в глобальном экономическом пространстве, действующие по аналогии с макроэкономическими инструментами на уровне государств. Однако ставка на политику дерегулирования фактически блокировала теоретическую разработку принципов действия глобальных регуляторов при изменяющейся мировой конъюнктуре, не говоря уже об их реальном применении. Получилось так, что международные управляющие центры в условиях доминирования постулатов неолиберальной идеологии и политики занимались не столько созданием наднациональных инструментов регулирования, сколько лоббированием политики дерегулирования, реализуя рекомендации в рамках так называемого Вашингтонского консенсуса.

Почему произошел такой крутой сбой в деятельности глобальных институтов? Почему они оказались столь малоэффективными в тяжелой кризисной ситуации?

Во-первых, абсолютизация принципа саморегулирования рынков в хозяйственной деятельности полностью дискредитировала себя. Неолиберальное представление о том, что *провалы рынка* в национальных экономиках удастся преодолеть за счет экспансии рынков вширь и вглубь, не подтвердилось. Ставка на глобальные рынки обернулась их глобальным разрушением. В итоге опора на «эффективные рынки» закономерно приводит к действию принципа: бизнес присваивает доходы, государство (общество) оплачивает его убытки.

Во-вторых, предпринимаемые экстренные антикризисные меры, направленные на установление контроля и регулирующего влияния межгосударственных институтов над финансовыми операциями и хозяйственными процессами, также не смогли эффективно сработать из-за недостаточной их легитимности. То, что в подавляющем своем масштабе они носили рекомендательный характер, резко снижало их применительную силу. К тому же предлагаемые решения, вырабатываемые путем непростого и длительного согласования позиций участников переговоров, отличающиеся несовпадающими интересами и представлениями, неизбежно носят половинчатый характер, не позволяющий осуществлять назревшие коренные реформы. С этим связаны постоянное запаздывание в подготовке даже рекомендательных решений и фактически неспособность договориться о радикальных преобразованиях.

Неповоротливость и низкая эффективность глобальных регуляторов, проявленные в условиях кризиса, предопределили первую реакцию на кризис глобализации. Вместо «большой глобализации» акцент переносится на «малую глобализацию» в варианте регионализации мирового хозяйственного пространства.

Каковы возможности и перспективы «малой глобализации»?

Пример ЕС как наиболее амбициозного интеграционного проекта подтверждает, что мало для этого убрать барьеры на пути движения товаров, денег и людей, перейти на единую валюту и непрерывно расширяться. Мировой кризис показал, что даже это, казалось бы, состоявшееся объединение не устояло перед ним, продемонстрировав свои зоны уязвимости, которые характеризуют общие трудности регионализации экономики при «незавершенной интеграции». Ведь острота нынешнего долгового кризиса в еврозоне порождена фактическим демонтажем внутренних денежных инструментов в проведении макроэкономической политики антициклического регулирования, которое не было компенсировано полноценной работой наднациональных регуляторов⁴.

Последние события, которые происходят в ЕС, раскрывают попытку реанимировать альтернативный сценарий, нацеленный не на замораживание, а на углубление интеграционных процессов. Сразу же следует подчеркнуть, что при всей оправданности предлагаемых мер с точки зрения интеграционной логики этот вариант представляется запоздалым, а потому с проблематичными шансами на успех.

Анализируя возможность осуществления этой идеи, стоит вспомнить о том, что сама она не нова. В начале XX в. ее уже выдвигали в числе стратегических приоритетов в европейской политике. Так, в 1914 г. К. Каутским была предложена *концепция ультраимпериализма*. В ней обосновывалась гипотеза о его переходе на стадию интернационализации хозяйственной деятельности, которая должна сопровождаться отказом от насилия, господства и войн в разрешении возникающих экономических и политических противоречий в пользу формирования ненасильственных межгосударственных отношений. Одним из результатов такого развития должно было стать объединение Европы в единое государственное образование — Соединенные Штаты Европы, а в более отдаленной перспективе прогнозировалось образование всемирного картеля, управляющего мировым хозяйством при помощи установившегося господства транснационального финансового капитала.

⁴ Подробнее см.: [3].

По сути дела К. Каутского можно рассматривать в качестве провозвестника современной концепции глобализации. Не стоит забывать, что эта инициатива закончилась войнами и революциями, радикальным образом изменившими архитектуру мирового сообщества.

Во всяком случае, ясно, что нынешний мировой кризис подтвердил необходимость учета важнейшей предпосылки обеспечения прочности и устойчивости региональной интеграции, способной эффективно противостоять экономическим бурям. Она состоит в том, что интеграция, даже экономическая, не может долго оставаться односторонней и должна в равной степени быть глубокой и синхронно продвинутой во всех сферах деятельности государств (экономика, финансы, госбюджет, социальная сфера и т. д.). Одновременно не менее важно для нее иметь единую и централизованную систему управления общим народнохозяйственным комплексом. В конечном счете, историческая жизнеспособность любого экономического союза определяется тем, насколько ее участники готовы в перспективе завершить процесс хозяйственной интеграции образованием единого и жизнеспособного государства. Экономика с общей валютой и единым управлением — всегда более прочное и надежное образование, а это только подкрепляет вывод о неизбежности полноценного возвращения государства как главного регулятора в экономику.

Подведем итоги. Преодоление кризисных процессов в мировой экономике и выход в фазу посткризисного развития потребуют существенной коррекции в оценке тенденции глобализации. Государство и используемые им регуляторы представляют собой наиболее отработанные и легитимные инструменты упорядочения стихийных рыночных процессов, роль которых существенно возрастает в условиях экономической нестабильности. Усиление роли государства и его регуляторов равнозначно восстановлению контроля и регулирования рыночных отношений, приходящему на смену безграничной либерализации. На данный момент другой реальной альтернативы нет, и вряд ли она появится в ближайшей перспективе.

Что же в результате ждет тенденцию глобализации в мировой экономике?

Конечно, при нынешнем переплетении и взаимозависимости национальных экономик не обойтись без межгосударственных структур, что предопределяет необходимость сохранения глобальной координации в хозяйственной деятельности, особенно в сфере торговли и международного экономического сотрудничества. Сама по себе глобализация, имея основание в закономерности расширения интернационализации производства и экономической интеграции, отражает потребность в формировании «больших пространств», при помощи которых

преодолеваются узкие рамки национальных рынков, сдерживающих экспансию производства, без которой капиталистическая система хозяйства не может существовать. Поэтому глобализация теоретически может получить свое продолжение в создании «больших государств», успешно завершая тем самым логику развертывания успешных региональных интеграционных союзов. Насколько такой успех практически возможен в каждом конкретном случае, будет определяться множеством факторов и условий, носящих не только экономический, но и геополитический характер. Его может дополнительно подталкивать как обостряющаяся общая конкуренция в мировой экономике, так и нарастающие противоречия в мире, связанные с усиливающейся нехваткой таких ключевых ресурсов, как нефть и другие энерго- и минеральные ресурсы, продовольствие и вода, обуславливая жесткую борьбу за контроль над ними.

Тенденция к формированию «больших государств» на основе развития региональных союзов — это долгосрочная тенденция, которая к тому же имеет и противодействующие факторы, не исключающие действие противоположной тенденции, ведущей к разрушению неоправдавших свои ожидания региональных союзов и даже «больших государств». В этом случае важно учитывать назревшие системные последствия от кризиса глобализации, носящие более краткосрочный характер. Речь, в частности, идет о судьбе наднациональных (межгосударственных) институтов, созданных после Второй мировой войны. Они требуют радикального реформирования. Это не означает свертывания мирохозяйственных отношений с переходом к закрытости и замкнутости в границах национального рынка. Международное экономическое взаимодействие и дальше должно развиваться, устраняя ненужные ограничения и развивая многообразное сотрудничество между странами на взаимовыгодных условиях и новых международных стандартах организации хозяйственной жизни. Фактически речь должна идти о замене политики замещения экономического суверенитета государств, основанного на массивном внедрении наднациональных регуляторов, на политику международной координации и точечные меры в хозяйственной сфере, которые уже давно назрели и требуют согласованных действий всего мирового сообщества. При всей сложности согласования и принятия такого рода документов было бы вполне логично в рамках перестраиваемой системы мирового рыночного хозяйства добиться реализации ряда назревших международных форм регулирования экономики по таким направлениям, как внедрение в практику «налога Тобина» (налога на спекулятивно-финансовые трансакции), расширение экологических ограничений в контексте развития идеологии Киотского протокола, ужесточение международного

контроля и в перспективе закрытия оффшорных зон, активизация борьбы с бедностью в мире.

Что же касается государства, то оно не может не быть национальным (мононациональным или многонациональным), объединенным цивилизационной общностью (или хотя бы совместимостью), взаимными интересами, историческими связями и т. п. Этим определяется доминирующее значение национальных экономических интересов в проводимой политике и в организации международной экономической деятельности. Вместе с тем возвращение государству центральной роли в выработке национальной экономической стратегии с выполнением им стимулирующей и регулирующей функций требует решения ключевой задачи — обеспечения высокого качества государственного управления. Это тем более важно в связи с тем, что используемые государствами стандартные антикризисные меры не принесли значимых результатов. Поэтому приоритетным направлением формирования и развития инновационной экономики должно стать внедрение инноваций в сфере государственного управления. Возможное их направление, как свидетельствует накопленный хозяйственный опыт, предполагает переход к политике *нового дирижизма*.

Его реализация предполагает поиск обновленных и более эффективных форм государственного вмешательства, которые не ограничиваются ставшими уже традиционными мерами по созданию государственного сектора в экономике и отработанными методами прямого и косвенного государственного регулирования. Предстоит, с одной стороны, осуществить назревшую перестройку экономического устройства, направленную на демонтаж финансово-спекулятивной модели и восстановление значимости реальной экономики и ее атрибутов (авторитета и привлекательности производительного и творческого труда, науки, образования и т. д.); с другой — выработать более гибкие методы регулирования, позволяющие обеспечить эффективное сочетание государственного и рыночного регулирования, плана и рынка, общественных и частных интересов, одновременно усилив внимание к мониторингу, надзору и контролю в хозяйственной сфере в интересах как усиления антибюрократической защиты, так и активизации борьбы с монополизмом.

Литература

1. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М., 2011.
2. Рязанов В.Т. Деглобализация, или регулирование вместо дерегулирования // Экономист. 2010. № 10.

3. Рязанов В.Т. Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности // Вестник СПбГУ. Сер. Экономика. 2012. Вып. 2.

С.А. ДЯТЛОВ

**Энтропийная экономика:
теоретико-методологический аспект***

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическому аспекту современной экономики, находящейся в системном гуманитарно-цивилизированном организационно-управленческом, финансово-экономическом кризисе.

Ключевые слова: современная экономика, энтропийность, кризис.

Abstract. The article is devoted to theoretical and methodological aspects of the modern economy, being in a systematic humanitarian-civilizational, organizational-managing and financial economic crisis.

Keywords: modern economy, entropy, crisis.

Мировая и национальные хозяйственные системы в современных условиях вступили в эпоху динамично разворачивающегося, ускоряющегося и самовоспроизводящегося глобального системного финансово-экономического кризиса. Важнейшими задачами экономической науки сегодня являются исследование природы и характера глобального финансового кризиса, выявление его существенных свойств и качественных характеристик, а также определение его типа и форм проявления. Наиболее плодотворно данное исследование проводить на основе новой теоретической парадигмы, которую мы назвали субстанционально-информационной парадигмой общественного развития. Новая парадигма имеет новую интегральную методологию исследования, основу которой составляет методология системно-информационного содержательного анализа, а также требует разработки нового категориального аппарата и нового аналитического инструментария.

В рамках развиваемой нами субстанционально-информационной парадигмы общественного развития мы обосновываем положение о том, что *современный кризис — это системный гуманитарно-*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-02-00375а.

цивилизационный, организационно-управленческий, финансово-экономический кризис, в рамках которого следует говорить о кризисе старой парадигмы развития, о кризисе генотипа глобальной индустриально-рыночной системы, о качественном структурно-циклическом трансформационном кризисе мирового хозяйства, о кризисе самой модели (типа) мировой экономики, кризисе старых институтов, структур, механизмов регулирования и методов управления. В основе данного кризиса лежит комплекс глубинных противоречий, присущих ныне действующей энтропийной индустриально-рыночной модели глобальной финансово-экономической системы. Неустойчивость, несбалансированность, неуправляемость последней в настоящее время резко возросла.

Недавние потрясения на глобальных сырьевых, фондовых и валютных рынках мира и России суть проявление системного кризиса рыночной модели хозяйствования как таковой. Они сигнализируют о признаках надвигающегося глобального системного кризиса (элементом которого является мировой валютно-финансовый кризис), связанного с глобальной трансформацией индустриального общества с экономикой рыночного типа *в новую высокоорганизованную форму информационного общества с информационно-сетевой экономикой преимущественно инновационно-синергийного типа.*

Субстанционально-информационная парадигма общественного развития базируется на ряде базовых положений. В основе единства многообразной социально-экономической реальности лежит единый субстанциональный принцип бытия, реализующий свою сущность как общее информационное содержание всех многообразных явлений данной реальности. Развитием этого положения является тезис об информационном единстве мира. Главной предпосылкой является методологическое положение о том, что условиями, основой и целью развития целостно существующей экономической реальности является накопление целесообразной информации и совершенствование средств ее обработки и использования творческими субъектами-инноваторами. *Разнообразные экономические явления и процессы* (стоимость, цена, деньги, инфляция, прибыль, процент, рента и др.) имеют *информационную природу*. Когда речь идет об информации как о субстанции экономических явлений, то имеется в виду, прежде всего, выявление имманентно присущей всем разнообразным экономическим явлениям единой субстанциональной основы, которая реализуется как их общее информационное содержание.

Сегодня старые рыночные механизмы саморегулирования и глобального регулирования не работают автоматически и дают системные сбои. Поэтому их необходимо дополнять новыми инструментами меж-

государственного, государственного и общественного регулирования, основанными на *инновационно-синергичных методах управления*.

При этом решающую роль призвана играть новая методология научного исследования, основу которого составляют интегральный междисциплинарный подход к исследованию и универсальный *метод информационного содержательного анализа*. Использование универсального инструментария содержательного информационного анализа позволит выявить закономерности и особенности современного этапа социально-экономического развития и разработать целостную концепцию трансформации общественных систем с учетом реально происходящих и постепенно набирающих силу глобальных процессов эволюционной трансформации всемирного хозяйства в новую высокоорганизованную систему информационного типа.

На наш взгляд, главная проблема управления информационными процессами в обществе — это, прежде всего, проблема информационных взаимодействий (отношений) между субъектами, управляющими функционированием и развитием сложных социально-экономических систем и подсистем. При этом анализ должен быть перенесен с процессов спонтанного, стихийного проявления самоорганизации системы на *раскрытие механизмов функционально-целевого управления* этими процессами путем информационного моделирования, программирования и контроля. Особое внимание должно быть уделено исследованию причинно-следственных связей, возникающих между последовательностью и характером принимаемых соответствующими субъектами управления решений и обусловленных ими последовательностью изменений состояния, информационных параметров, меры организованности социально-экономической системы.

Развитие экономической системы представляет собой не стихийный, а программируемый и управляемый процесс. *Экономика — это всегда управляемая система*, в которой всегда есть соответствующий субъект управления. В рамках информационной парадигмы социально-экономического развития общества закономерен и логичен вывод о том, что стихийно развивающейся экономики в реальной действительности нет, а экономическая система без соответствующего субъекта управления в принципе существовать не может.

Когда речь идет о таком сложном системно организованном явлении, как современная экономика, то эффективное управление ею чрезвычайно затруднено без построения соответствующей информационной модели и ее анализа. Методы информационно-аналитического программирования позволят проанализировать будущие изменения состояния и отдельных параметров экономической системы, происходящих в результате принимаемых соответствующими субъектами

управления тех или иных решений. На этой основе могут быть разработаны *многовариантные матрицы принимаемых управленческих решений*, позволяющие выбирать наиболее эффективные варианты управления экономической системой, учитывающие возможные изменения ситуации, поведение конкурентов и максимизирующие интегральные выгоды общества с точки зрения информационного критерия.

И порядок, и хаос в социально-экономических системах всегда детерминированы действиями тех или иных субъектов управления, отношения между которыми могут быть описаны законами информации и закономерностями информационного обмена. *Мерой порядка (упорядоченности) или хаоса (дезорганизованности)* социально-экономической системы является информация в своих определенных количественных и качественных характеристиках. Положение об *информационной упорядоченности социально-экономических систем* предполагает безусловную управляемость развитием данных систем. В рамках данного подхода верно следующее положение: и порядок, и хаос в социально-экономических системах всегда детерминированы действиями тех или иных субъектов управления, отношения между которыми могут быть описаны законами информации. Мерой упорядоченности или хаоса социально-экономической системы является информация в своих определенных количественных и качественных характеристиках.

Исследование понятия «энтропийная экономика» наиболее продуктивно на основе использования интегральной методологии, центральное место в которой занимает методология политической экономии, а также энтропийно-синергийный подход к исследованию. В связи с этим вводимые нами понятия «энтропийная экономика» и «синергийная экономика» становятся новыми объектами политэкономического анализа.

Энтропийно-синергийный подход к исследованию открытых социально-экономических систем позволяет выявить причины возникновения, тип, характер развертывающегося системного мирового экономического кризиса, определить меру увеличения или уменьшения порядка в открытой социально-экономической системе, сформулировать принципы и закономерности преодоления ее энтропийного неравновесия и энтропийной деградации.

Новый методологический подход предполагает разработку и введение в научный оборот целого ряда новых экономических понятий:

- энтропийная экономика (информационно-энтропийный код и алгоритм);

- синергичная экономика (информационно-синергичный код и алгоритм);
- информационная упорядоченность экономических систем;
- информационная емкость экономических систем ;
- энергетический (ресурсный) потенциал экономических систем;
- целевая доминанта развития (целеполагание развития);
- управляемый (программируемый) экономический кризис;
- управляемый экономический рост (депрограммирование кризиса);
- синергично-информационные (интегральные) эффекты;
- энтропичная логика принятия управленческих решений;
- синергичная логика принятия управленческих решений;
- энтропичный и синергичный менеджмент;
- целевая доминанта и структурно-функциональная организация институциональной матрицы;
- институциональные пустоты, энтропично-управленческие воронки (ловушки);
- многовариантные матрицы принимаемых управленческих решений.

В рамках развиваемого нами методологического подхода существует два основных типа общественных (социально-экономических) систем: синергичного типа (синергично-инновационного) и энтропичного типа (энтропично-инерционного). *Общественная система синергичного типа* характеризуется четко заданной творческим субъектом управления целевой доминантой развития, ростом меры целесообразности и организованности, повышением уровня порядка (упорядоченности) и иерархичности, улучшением качества структурно-функциональной организации, получением положительных интегрально-синергичных эффектов, увеличением информационной емкости и энергетического потенциала данной системы в целом и всех ее элементов. Синергично-инновационная система развивается в соответствии со своей генетической природой и целевой доминантой развития (целевым функциональным предназначением). *Развитие синергичной общественной системы (синергичной экономики)* осознанно управляется творческим субъектом, посредством системно-целостной синергичной логики принятия управленческих решений реализующим выбранные и поставленные социально значимые цели и интересы, в результате чего данная система качественно совершенствуется и количественно обогащается, все более и более полно реализует свою системную целостность, устойчивость и жизнеспособность (увеличивается интегральное единство элементов) и все более и более полно реализует

свое главное функционально-целевое предназначение, все более и более соответствует своей генетически заданной природе.

Общественная система энтропийного типа характеризуется нечетко заданной творческим субъектом управления (или отсутствием) целевой доминанты развития, уменьшением меры целесообразности и организованности (ростом дезорганизованности), снижением уровня порядка (ростом неупорядоченности) и иерархичности, ухудшением качества структурно-функциональной организации, получением отрицательных интегрально-энтропийных эффектов, уменьшением информационной емкости и энергетического потенциала данной системы в целом и всех ее элементов. *Развитие энтропийной общественной системы (энтропийной экономики)* управляется творческим субъектом, посредством асистемно-фрагментарной энтропийной логики принятия управленческих решений реализующим выбранные и поставленные асоциальные (эгоистические) цели и интересы, в результате чего данная система качественно деградирует и количественно беднеет, все более и более приобретает асистемность и фрагментарность (увеличивается обособленность элементов), все более и более теряет свою системную целостность и не реализует свое главное функционально-целевое предназначение, все менее и менее соответствует своей генетически заданной природе.

Целевая доминанта развития (целеполагание развития) общественной системы бывает двух видов: *позитивное целеполагание* и *негативное целеполагание*. Творческие субъекты управления бывают двух основных типов: *синергические субъекты управления*, которые являются носителями системно-синергической логики принятия управленческих решений, и *энтропийные субъекты управления*, которые являются носителями асистемно-фрагментарной энтропийной логики принятия управленческих решений.

Современная экономическая система имеет чрезвычайно сложную структурно-функциональную организацию, в которой отдельные подсистемы и элементы приобретают все более и более черты сложного интегрального целого, что в условиях перехода к информационному обществу с экономикой знаний означает повышение роли творческой личности человека, генерирующего новые знания, роста значимости научного управления, усиление роли планирования, контроля, прогнозирования и предвидения на основе использования новых методологических подходов и инструментария экономической науки инновационно-синергического типа. С учетом всего вышесказанного логично ввести в оборот и использовать такие понятия, как «*управляемый устойчивый экономический рост*» и «*управляемый (программируемый) кризис*».

Основы теоретико-методологических подходов к исследованию *энтропийной экономики и синергийной экономики* разработаны нами в рамках информационной парадигмы и изложены в работах. На основе нового подхода нами обосновано, что нынешний мировой кризис носит системный энтропийный характер.

При структурном кризисе из нескольких возможных целенаправленно реализуемых сценариев функционирования и развития системы имеется хотя бы один, при переходе к которому данная система сохраняет свои основные признаки и функциональные особенности, т. е. происходит только ее структурная перестройка. При системном кризисе старая система разрушается, исчезает и на ее месте возникает принципиально новая система. При этом переход к новой системе — это эволюционный и революционный процессы, которые всегда основаны на технологиях управляемого хаоса.

Поведение открытых социально-экономических систем не однопредельно (однозначно), а многоальтернативно, их развитие может идти различными путями. При этом им присущи неустойчивость, неравновесность и наличие критических значений (так называемых констант пропорциональности и устойчивости) структурно-функциональных параметров.

У любой общественной системы имеется определенный уровень ее организованности, называемый критическим. На самом критическом уровне, называемом уровнем энтропийного баланса, процессы упорядочения и дезорганизации относительно уравнивают друг друга, и система временно принимает стационарное состояние.

В открытых системах возможно образование различного рода диссипативных структур. Диссипация — это диффузия, проникновение. При этом диссипация играет при образовании структур противоречивую роль. Диссипативные системы — это открытые нелинейные неравновесные системы, в которых могут возникать, благодаря притоку энергии, информации, вещества, поступающих в систему и распространяющихся в ней через диссипацию (диффузию, проникновение), новые структуры. Для того, чтобы в неравновесной открытой системе началось образование новой структуры, необходимо, чтобы внешнее влияние на систему превысило некоторое критическое значение. В сильно неравновесных, неустойчивых открытых (кризисных) системах диссипация (диффузия) всегда приводит к возникновению новой структуры. Диссипативные структуры могут быть самоподдерживающимися процессами.

Современная либерально-рыночная модель развития глобальной и российской экономики относится к экономике энтропийно-инерционного типа. *Либерально-инерционная модель рыночной эконо-*

мики имеет энтропийную природу, инфляционна по устройству и неустойчива, несбалансированна по содержанию. В этой модели изначально нарушено самое главное равновесие — равновесие между товарной и денежной массой (между реальными активами и финансово-денежными активами, деривативами). Эта основополагающая первичная деформация порождает ряд производных деформаций. Первоначальная несбалансированность реального сектора экономики (реально производимой и обращающейся величины товаров и услуг) с финансово-спекулятивным сектором (неконтролируемо эмитируемой и обращающейся массой необеспеченных денег) детерминирует вторичные несбалансированности во всех сферах и отраслях экономики, а также на всех фазах общественного воспроизводства.

Ныне господствующий тип финансово-рыночной экономики, базирующейся на необеспеченных реальными активами эмиссионных (долларовых, деривативных, фондовых) пирамидальных структурах (массивах, потоках, запасах) мы относим к *экономическим системам энтропийного типа*. На наш взгляд, основой глобального кризиса является несовершенство структурной организации рыночной системы как таковой. В основе ее строения лежат пирамидальная структура, или «пирамидальная организация» структуры рыночного хозяйства, и мировая валютно-финансовая система.

В рамках информационной парадигмы логично поставить вопрос о существовании в человеческом обществе *интегральных (синергийных) информационных эффектов* (социальных, экономических, этнокультурных и др.), которые начинают проявляться с наибольшей полнотой на информационной стадии общественно-исторического развития. Информационно-сетевые мультипликационные эффекты — это эффекты от инноваций, это *синергийно-сетевые (интегральные) эффекты*, выражающиеся в различных формах. В высокотехнологичной экономике синергийного типа возникает информационная рента, которая имеет также синергийную природу. *Информационная рента* — это важнейшая категория информационной экономики, которая может быть определена как производимая на базе нового научного знания и присваиваемая собственником капитализируемых информационных ресурсов дополнительная прибыль, которая получена в результате капитализации (разработки, внедрения, накопления, тиражирования и реализации) нововведений в экономике, прежде всего, в информационном секторе, включая научно-образовательную сферу. *Информационная рента* — это долговременный дополнительный эффект, получаемый от владения и использования информационно-интеллектуального капитала (нематериальных активов), в структуре

цены реализуемого информационного продукта (услуги) составляет довольно значительную долю получаемой собственником прибыли.

В результате инноваций повышается эффективность использования факторов производства, под воздействием ИКТ начинает действовать закон возрастающей отдачи. Если в индустриально-рыночной экономике действует закон убывающей предельной доходности, то в информационно-сетевой экономике начинает действовать *закон возрастающей предельной доходности*. Действие этого закона обусловлено целым рядом факторов: инновациями и возникновением положительных синергийно-мультипликационных эффектов.

В условиях острейшего глобального финансово-экономического кризиса возникает целый ряд диспропорций и дисфункций старых механизмов регулирования. Сегодня в России возникли *институциональные пустоты*, которые характеризуются тем, что в условиях набирающего силу острого кризиса старые институты и механизмы государственного и рыночного регулирования становятся неэффективными, а новые институты и механизмы, призванные успешно решать задачи по финансовой стабилизации и выходу из кризиса еще не созданы. Функции и качество институционально-управленческого комплекса страны обусловлены конкретными целями и функциями доминирующего института, определяющего качественную особенность всей институциональной матрицы. *Целевая доминанта и структурно-функциональная организация институциональной матрицы* обуславливает формы и направления государственного, рыночного и общественного регулирования и выработки действенных механизмов противодействия кризисным явлениям в экономике.

Современную эпоху можно назвать *эпохой постепенной трансформации* и перехода общества от традиционной рыночной системы хозяйствования, основой которой являются природные, трудовые и капитальные ресурсы, промышленные технологии и индустриальный способ массового производства товаров и услуг, к новой высокоорганизованной системе хозяйствования, основой которой являются накопленные информационные ресурсы, передовые информационно-коммуникационные технологии, инновационно-синергийный способ производства новых научных знаний и информационных продуктов и услуг. Этот переход носит глобальный характер и затрагивает основополагающие принципы системной организации большинства стран мира. Он характеризуется тем, что эпоха стихийного исторического развития человеческого общества закончилась и наступает эпоха его сознательно планируемого (программируемого) направленного устойчивого развития.

Современный мировой кризис — это в значительной степени *системный, программируемый и управляемый кризис*. Для его преодоления требуется использование методологии информационного депрограммирования кризиса и информационного программирования стабилизации экономической ситуации в целях запуска и реализации управляемого устойчивого инновационного экономического роста. В рамках развиваемой нами концепции сегодня можно утверждать о системном кризисе генетических основ рыночной цивилизации, ее закате и трансформации ее в новую социально и нравственно ориентированную информационную цивилизацию с присущими ей новым креативным мышлением, информационными законами развития, информационными технологиями управления и интегрально-сетевыми синергичными эффектами.

В книге «Конец знакомого мира» американский социолог Иммануэль Валлерстайн, исследующий социальные процессы современного мира, приходит к выводу, что сложившаяся историческая система вступила в критическую фазу, характеризующуюся системным кризисом капиталистического мир-хозяйства. По его мнению, начавшаяся в 1967 — 1973 гг. нисходящая фаза кондратьевского цикла усугубила системные противоречия капиталистического производства, которые достигли такого уровня, что уже не могут быть разрешены за счет незначительных модификаций. Проведенный анализ позволил нам еще в 2000 г. утверждать о наличии системного кризиса генетических основ рыночной цивилизации, ее закате и трансформации в новую информационную цивилизацию с присущими ей информационными законами развития и информационными технологиями и методами управления. В сентябре 2008 г., когда глобальный кризис начал делать первые шаги, когда большинство экспертов заявляли, что этот кризис локально-американский, что данный кризис не коснется России, мы сделали принципиальный вывод о системном характере развертывающегося глобального кризиса и о кризисе самой либеральной модели рыночного развития.

Подобную позицию занимает В.Т. Рязанов, который обосновывает положение о том, что наступивший кризис при всей важности его финансовой составляющей вполне оправданно трактовать в качестве *системного кризиса*. По его мнению, нынешний кризис выступает как «*кризис модели глобального либерализма*, свидетельствующий о подрыве фундаментальных оснований современного мирохозяйственного устройства и господствующих либеральных экономических теорий» [1].

Современную эпоху можно назвать эпохой постепенной *трансформации и перехода* общества от устаревшей энтропийно-рыночной

системы хозяйствования, основой которой являются экстенсивный индустриальный способ массового производства товаров и услуг и стихийное саморегулирование, к новой высоко организованной системе хозяйствования, основой которой являются накопленные информационные ресурсы, передовые информационно-коммуникационные технологии, инновационно-синергичный способ производства новых научных знаний и информационных продуктов и услуг. Этот переход носит глобальный характер и затрагивает основополагающие принципы, генетические основания организации общества и экономик большинства стран мира. Он характеризуется тем, что эпоха стихийного исторического развития человеческого общества закончилась и наступает эпоха его сознательно планируемого (программируемого) направленного устойчивого развития. Современный кризис — это кризис старой индустриально-рыночной (энтропийно-либеральной) парадигмы, идеологии, концепции, модели развития мировой системы хозяйствования, которая должна быть заменена на новую инновационно-синергичную информационную парадигму (модель) общественно-экономического развития, формирования экономики знаний, где главную роль играет высококвалифицированный специалист, носитель интеллектуального капитала и креативно-инновационных способностей.

Российская экономическая модель во многом *копирует энтропийный генотип*, неустойчивость пирамидальных структур и воспроизводит системные риски глобальной индустриально-рыночной экономики. Системный характер глобального кризиса и энтропийная модель мировой экономики являются реальной угрозой целостности российской государственности и национальной безопасности России. Реальный выход из кризиса, в котором сегодня оказалась экономика России, возможен только путем эволюционного вхождения в период глобальной трансформации общественных систем и постепенного перехода к новой информационно-сетевой модели развития, к качественно новому технологическому укладу или типу хозяйствования, который может быть обозначен как *информационно-сетевая, инновационно-синергичная экономика, или экономика новых знаний и технологий управления, направленных на получение информационно-синергичных эффектов*.

До тех пор, пока не будут устранены коренные причины сложившейся глобальной спекулятивно-финансовой системы энтропийного типа, опасность постоянного повторения, воспроизводства и интенсивности масштабных кризисов существует. Это означает, что выход из кризиса следует искать на пути радикального переустройства энтропийной идеологии, теории и модели «глобальной спекулятивно-

финансовой экономики». На основе новой методологии можно с очень высокой вероятностью спрогнозировать *закономерное наступление новых (второй, третьей и др.) волн системного кризиса мировой экономики*, постоянно ускоряющихся, усиливающихся и самовоспроизводящихся.

Постоянное воспроизводство в современных условиях кризисных явлений в глобальном масштабе — это уже не просто проявление цикличности, а системная закономерность развития мировой экономики индустриально-рыночного энтропийного типа. Данный кризис воспроизводится через энтропийный механизм необеспеченной спекулятивной эмиссии американского доллара, надувание различного рода финансовых пузырей, многократного превышения объема деривативов и финансовых суррогатов над реальными активами. *Целевой доминантой такой энтропийной либерально-рыночной модели* с соответствующим типом воспроизводственно-финансового механизма является перераспределение мирового валового продукта (мировых ресурсов, богатства) от стран-аутсайдеров, являющихся объектами управленческо-энтропийного воздействия, в пользу стран лидеров, являющихся субъектами принятия глобальных решений и реализующих свои конкурентные преимущества за счет стран-аутсайдеров.

В условиях всемерного и тотального развития ИКТ, масштабного развертывания глобализационных процессов и вовлечения в них большинства стран мира происходит трансформация мировой и национальных хозяйственных систем, резко обостряется конкурентная борьба, возникает новое явление — гиперконкуренция. Качественно меняются также основные методы, механизмы и формы регулирования экономики и гиперконкурентной борьбы на глобальном, национальном и межрегиональном уровнях. Теоретические основы, принципы характеристики глобальной гиперконкуренции разработаны и изложены нами в ряде работ.

Гиперконкуренция характеризуется постоянно нарастающим соперничеством в форме быстро появляющихся технологических, управленческих и товарных инноваций, сокращением времени НИОКР, агрессивной конкуренцией цен и компетентностей и экспериментированием с новыми подходами к сервисному обслуживанию покупательских потребностей и предпочтений. Гиперконкуренция предполагает осуществление передовыми компаниями на основе научно-технологических и организационно-управленческих инноваций гибких, интенсивных и быстрых действий против конкурентов с целью получить рыночное превосходство и разрушить преимущества своих конкурентов.

Гиперконкуренция обусловлена процессами глобализации и появлением на локальных, отраслевых, национальных и мировых рынках (как традиционных, так и виртуально-сетевых) качественно новых успешных конкурентов, которые получили название *гиперконкуренты* (*hypercompetitor*). По нашему мнению, гиперконкурентные компании (корпорации) предлагают инновационные товары, услуги, сервисы обслуживания и управления, характеризующиеся глобальной инновационностью. *Глобальная инновационность* характеризуется, прежде всего, предложением инновационных высококонкурентных товаров, услуг и сервисов, с качественно новыми функциями и потребительскими свойствами, получающими статус глобальных брендов (дифференцированных по видам и маркам), формирующими и расширяющими новые ниши на глобальных рынках и формирующими и развивающими новые потребности и предпочтения потребителей большинства стран мира.

В этом смысле более точно суть анализируемых процессов, происходящих в современной глобальной экономике, отражает вводимое нами новое понятие «*глобальная инновационная гиперконкуренция*». Глобальная инновационная гиперконкуренция представляет собой динамичный процесс инновационного (информационно-научно-технологического) соперничества на глобальных рынках между ведущими высокотехнологичными компаниями-лидерами.

В связи с этим мы вводим новое понятие «*глобальные инновационные гиперконкурентные компании или корпорации*» (ГИГК). Наибольшая концентрация ГИГК, с точки зрения юридической регистрации, в ведущих странах Запада. Однако следует иметь в виду, что в современной глобальной информационно-сетевой экономике все большая доля бизнеса ГИГК осуществляется в глобальной сети Интернет. Например, одной из ведущих компаний мира с многомиллиардной капитализацией является глобальная поисково-сервисная система Google).

Главные свойства ГИГК отражены в их названии: глобальность, инновационность, гиперконкурентность. Следует подчеркнуть особо, что ГИГК принципиально отличаются от крупных традиционных компаний (например, сырьевых), чья деятельность базируется на традиционных ресурсах и традиционных (инновационно запаздывающих) методах маркетинга, менеджмента и конкурентной борьбы. Именно ведущие мировые ГИГК обеспечивают *высокий динамизм, инновационность, гиперконкурентность, статусность и лидерство* на глобальных (мировых, национальных, региональных и глобальных) рынках.

Лидерство ГИГК, наряду с опережающими инновациями, обеспечивается сетевой интеграцией бизнеса, технологической конвергенцией и сетевой организационно-управленческой координацией деятельности

своих горизонтальных и вертикальных структур и партнеров. При этом ГИГК преодолевают ограничения, границы и барьеры национальных правительств, институтов и конкурентов, проникая, таким образом, на национальные, региональные и локальные рынки. ГИГК одновременно глобализируют данные рынки и вовлекают в глобализационные процессы соответствующие национальные, региональные и локальные институты регулирования.

Важнейшей функцией ГИГК является их способность созидательно разрушать (конкурентно трансформировать) национальные моно и олигополистические рынки. Глобальная инновационная гиперконкуренция, с одной стороны, вырастает из моно и олигополистической конкуренции, с другой стороны, созидательно разрушает и трансформирует ее как по параметрам инновационности, так и по параметрам цены, качества и прибыльности.

Именно глобальные гиперконкурентные инновационные корпорации определяют глобализационные преимущества мировых стран-лидеров (США, ЕС, Японии) в современных условиях. Именно передовые ГИГК способны обеспечить привлечение крупных инвестиций в конкурентные инновационные проекты, успешную реализацию корпоративных финансовых стратегий. Реализация этих стратегий обеспечивается как привлечением средств на фондовых и кредитных рынках, так и посредством слияний и поглощений (*mergers and acquisitions*), осуществляемых крупнейшими компаниями мира, а также посредством поддержки не только национальными государствами, но и, прежде всего, глобальными наднациональными управленческими и финансовыми структурами, которые заинтересованы в обеспечении высокого динамизма мировой экономики посредством стимулирования глобальной гиперконкуренции на мировых рынках.

Главными функциями и задачами передовых ГИГК являются создание, продвижение и реализация гиперконкуренции (*hypercompetition*), или глобальной инновационной гиперконкуренции, которая базируется на передовых информационных, научно-образовательных, ресурсно-технологических, финансово-экономических и организационно-управленческих инновациях, в конечном итоге — на технологиях глобального инновационного лидерства. Это предполагает постепенный переход от традиционной, характерной для индустриальной эпохи ценовой конкуренции к конкуренции информационно-сетевой эпохи, базирующейся на конкуренции сетевых эффектов, конкуренции новых знаний и продуктов, качества, брендов и компетентностей. Лидирующие позиции на мировых рынках сегодня обеспечиваются использованием ИКТ, интеграции, интеллектуального капитала, креативных способностей работников и менедж-

мента компаний. Следует выделить такие важные свойства гиперконкуренции, как *креативность и лидерство интеллектуального капитала и менеджмента ГИГК*.

В этом смысле передовые ГИГК — это компании-лидеры в мировой экономике, одновременно ее базисные элементы, несущие конструкции, креативные двигатели, инновационные импульсы и решающие факторы устойчивого экономического роста глобальной экономики.

Важнейшим условием глобальной инновационной гиперконкуренции является *своевременный или опережающий выход ГИГК на мировые рынки с новым знанием, интеллектуальной инновацией менеджмента, технологически передовым инновационным товаром*, что предполагает использование опережающих методов грамотного маркетинга, менеджмента и перспективное позиционирование на мировых рынках. *Целевыми характеристиками и основными показателями глобальной инновационной гиперконкуренции* выступают глобализационное статусное и технологическое лидерство, захват и удержание значительной доли мирового рынка, формирование и поддержание устойчивого повышенного спроса на производимую данной компанией инновационную продукцию, глобализационное закрепление и защита прав и границ инновационности, брендов, товарных знаков и статуса ГИГК, рассматриваемых как индикаторы экономической силы, мощи и ролевой статусности глобальной компании на мировых рынках.

Сегодня традиционные рыночные механизмы саморегулирования и методы государственного регулирования стран аутсайдеров не работают автоматически и дают системные сбои в силу того, что они основываются на энтропийной методологии управления и принятия решений. Поэтому их необходимо депрограммировать, использовать инструменты межгосударственного, государственного и общественного регулирования, основанными на инновационно-синергичных методах управления.

Сегодня необходимо теоретико-методологически обосновать и обеспечить постепенный переход к новой модели развития, которая может быть определена как *информационно-сетевая экономика с инновационно-синергичной доминантой развития*, основанной на новых знаниях, синергично-инновационных методах и технологиях управления, включающих методы информационного содержательного анализа и целевого многовариантного программирования будущих результатов (многовариантных матриц принимаемых управленческих решений).

Современный мировой кризис — это системный кризис генетических основ индустриально-рыночной цивилизации, это — программируемый и управляемый кризис, у которого есть свои субъекты управления энтропийного типа (образно выражаясь — энтропийные менед-

жеры), которые являются носителями *энтропийного способа мышления и асистемно-фрагментарной энтропийной логики (энтропийных методов) принятия управленческих решений.*

Представителями отечественной экономической школы (прежде всего, Санкт-Петербургской школы политэкономии) разработана теория персонификации общественных отношений. Кратко изложим ее суть. Степень актуализации накопленных научных знаний обусловлена духовно-нравственными и культурно-информационными потребностями общества и способностью людей осуществлять высокоэффективную жизнедеятельность. Человек не только творческий субъект, но и главный объект многогранных общественных отношений, что делает его живым персонифицированным носителем разнообразных естественно-природных и общественных качеств и свойств. Сформулируем важнейший методологический принцип, который можно назвать *принципом интегральности процессов персонификации общественных отношений*: общество как органическая целостность в процессе своего функционирования и развития постоянно соотносится с собою же, как с интегрально-дифференцированным объединением составляющих его элементов, т. е. любое общественное отношение воплощают (персонифицируют) в себе не только линейно участвующие в этом отношении субъекты, но и нелинейно — все общество в целом — и как органическую целостность, и как интегративную сумму отдельных членов, групп, коллективов. Основой этого является существование всеобщей социальной связи, взаимозависимости и взаимообусловленности всех членов общества. Данная всеобщая социальная связь есть по своей естественной природе связь духовно-нравственная, реализующаяся в разнообразных формах и видах. Эта всеобщая социальная связь и взаимозависимость выражается в том, что каждое отдельное отношение субъектами воплощается *трояко*:

- линейно воплощается (линейно персонифицируется) конкретным индивидом, непосредственно участвующим в этом отношении;
- нелинейно воплощается (нелинейно персонифицируются) другими людьми (группами людей), косвенно, опосредованно участвующими в осуществлении этого отношения и испытывающими его влияние;
- интегрально воплощается (интегрально обществофицируются) всем обществом, всеми его членами.

Принципиальным моментом здесь является то, что, с одной стороны, линейно персонифицируя отдельные конкретные отношения, индивидуумы одновременно персонифицируют нелинейно органически целостную систему взаимосвязанных отношений всего общества, а с другой стороны, общество на уровне всеобщего, обществофицируя

всю интегральную целостность отношений, в то же самое время на уровне единичного оно персонифицирует каждое конкретное отношение в каждом своем отдельном члене. Первая сторона выражает зависимость отдельного индивидуума, от общества и от каждого его члена. Вторая сторона выражает зависимость и каждого его члена от конкретного отдельного человека.

Диалектика взаимосвязи общества и индивидуума есть диалектика взаимосвязи категорий «всеобщего» и «единичного»: *всеобщее реализуется через единичное, единичное выражает всеобщее*. В этом реализуется диалектическое единство (относительная тождественность) общества и отдельного индивидуума в рамках которой индивидуум является неотъемлемым элементом общества, а общество состоит из отдельных его членов. Такова в рамках традиций политэкономических исследований диалектика взаимосвязи общества и индивидуума.

В рамках теоретического аппарата политэкономии капиталист рассматривается как персонификация капитала, а наемный рабочий как персонификация наемного труда. В рамках теории персонификации общественно-экономических отношений энтропийные менеджеры (микро-, макро- и мегауровней) являются персонифицированными носителями соответствующих энтропийных процессов. Можно поставить вопрос о двойственной природе современных управленцев национальных экономик (энтропийных национальных менеджеров, особенно стран аутсайдеров), которые объективно являются носителями и воспроизводят не только целевые ориентиры, направленные на позитивное развитие и экономический рост национальных экономик, но и являются носителями и воспроизводят энтропийную логику принятия управленческих решений, что в конечном счете приводит к деградации национальных экономических систем, уменьшению их организованности и истощению ресурсного потенциала.

Сегодня все системные проблемы мировой экономики, включая и экономики ведущих стран мира, в основном решаются энтропийными методами, главными среди которых являются масштабная необеспеченная реальными активами эмиссия мировых валют и наращивание пирамиды бюджетных и госдолгов, прежде всего доллара США и долговых обязательств казначейства США. Все эти системные проблемы энтропийной болезни ведущей экономики мира копируют большинство стран мира за редким исключением. Классические законы денежного обращения (классической политэкономии, марксистской политэкономии, неоклассиков, монетаристов и др.) субъектами эмиссии мировых валют и мировых долгов игнорируются.

При этом предельная отдача от каждой вновь напечатанной и вброшенной в оборот дополнительной денежной единицы по экспо-

ненте уменьшается. Сто лет назад для производства единицы нормального блага требовалось в тысячу раз меньше денежных ресурсов, чем сегодня. Растущая, как снежный ком, пирамида необеспеченных долларов, деривативов и долгов в скором времени должна рухнуть и ввергнуть мировую экономику в хаос. Пожалуй, одними из немногих средств хирургического лечения этой энтропийной болезни являются обнуление всех выпущенных необеспеченных денег и накопленных долгов и переход к глобальной системе электронных денег, на безналичный оборот посредством глобальных платежных систем. Но при этом в выигрыше останется небольшое количество стран — глобальных лидеров (создавших и контролирующих глобальный информационно-сетевой трафик), а большинство стран-аутсайдеров попадут в тотальную зависимость от первых. На наш взгляд, кроме этого сценария существует и другой — альтернативный первому.

Для преодоления системного масштабно развертывающегося мирового кризиса требуется использование методологии информационно-синергического содержательного анализа, депрограммирования кризиса и информационного программирования стабилизации экономической ситуации в целях запуска и реализации управляемого устойчивого инновационного экономического роста.

На наш взгляд, реальный выход из имманентно набирающего силу системного мирового кризиса, в котором сегодня оказалась вся экономика мира, а также экономика России, возможен только путем эволюционного вхождения в период глобальной трансформации общественных систем и постепенного перехода к новой информационно-сетевой модели развития, к качественно новому технологическому типу хозяйствования, который может быть обозначен как информационно-сетевая, инновационно-синергическая экономика или экономика новых знаний, креативно-инновационных методов и технологий управления, направленных на получение информационно-синергических эффектов и обеспечение устойчивого нравственно и социально ориентированного развития человеческого общества.

Литература

1. *Рязанов В.Т.* Посткризисная экономика и ее характеристики. СПб., 2009 // www.wpfdc.org/files/Prague09/panel_1/p1Ryazanov_Victor_rus.doc.

С.С. СЛЕПАКОВ

**Политико-экономические перемены — главный фактор
инновационного обновления России**

Аннотация. Статья посвящена обоснованию инновационного характера перехода к рациональному использованию в хозяйственной жизнедеятельности общества либерализма и дирижизма в качестве механизмов и инструментов, но не смыслов и силовых полюсов организации и управления хозяйственными системами. Смыслом, целевой функцией организующей и управляющей развитием социально-хозяйственной системы служит интерес, играющий доминирующую роль в ее развитии, а теоретико-концептуальную и методологическую основу экономической науки создает политическая экономия. Несоблюдение ее законов, приоритет авторитарной и безотчетной политики над экономикой выводят общество из хозяйственного процесса. Происходит интенсивное сокращение количества градообразующих предприятий промышленности и сельского хозяйства, что ведет к уничтожению средних и малых городов, сельских поселений. Решение проблемы прекращения этого процесса, ее возрождения национальной экономики видится на путях применения механизмов действия ее объективных законов в интересах и на благо общества.

Ключевые слова: либерализм, дирижизм, политическая экономия, общественный интерес, хозяйственная система, дефицит товаров и услуг, дефицит жизненного пространства, огораживание, девастация, регенерация хозяйственного развития

Abstract. The article is devoted to substantiation of innovative type in transition to the rational use of liberalism and dirigisme in society's economic vital activity as mechanisms and instruments, but not as senses and power poles in organization and management of economic systems. Interest playing dominative part in the development of social and economic system serves as a sense and purpose function organizing and managing its development, while political economics creates theoretical, conceptual and methodological basis of economic science.

Ignoring its laws, priority of authoritarian irresponsible politics over economy takes the society out of economic process. Intensive decrease in number of city making industrial and agricultural companies occurs, which results in extinction of medium size and small towns and rural settlements. Solution of the problem relating to ceasing this process and to the revival of national economy is seen on the ways of using functional mechanisms of its objective laws in the interests and for the welfare of society.

Keywords: liberalism, dirigisme, political economics, public interest, economic system, deficiency of goods and services, deficiency of vital space, enclosing, devastation, regeneration of economic development.

Прежде всего, определимся в своем отношении к альтернативе — либерализм и дирижизм.

По нашему мнению, дирижизм и либерализм не являются взаимодействующими силовыми полюсами, смыслами организации и управления хозяйственными системами. Они суть механизмы и инструменты. Дирижизм как таковой не есть ограничитель и указатель развития либерализма, в свою очередь, либерализм не доминирует над дирижизмом и не подчинен ему. Достижение экономико-хозяйственных целей, к примеру, выхода из кризиса или ускорения роста, не требует усиления либерализма или дирижизма. Дело не в их взаимоположении — противопоставлении, усилении или ослаблении, достижение цели — вопрос правильного понимания и адекватного, рационального использования данных механизмов и инструментов. Проблема не в выборе — строить «социализм (коммунизм?)» либо возвращаться в «капитализм», а рационально используя возможности того и другого, создавать оптимальные условия воспроизводства жизнедеятельности общества, реализуя, тем самым, общественный интерес в качестве доминирующего над интересами капитала и бюрократии.

В этом и видится суть инновационного подхода к «либерализму вкупе с дирижизмом». Проблемы современной России, по нашему мнению, проистекают не от недостатка либерализма или дирижизма, а от того, что их не определяют в качестве механизмов и инструментов, придавая им неадекватные, несвойственные роли целевых функций, способных обеспечить формирование эффективных хозяйственных, социально-экономических систем. Сами по себе дирижизм и либерализм не могут производить иных смыслов, кроме развития либерализма ради либерализма и соответственно дирижизма ради дирижизма. В результате — торжество глобальной финансовой системы «вкупе» с глобальной бюрократией. Этот симбиоз на протяжении XVIII—XXI вв. во всех своих частных и глобальных проявлениях препятствует смыслу и цели обеспечения условий эффективного воспроизводства жизнедеятельности общества.

Что же (если не дирижизм и либерализм) следует считать смыслом, целевой функцией, организующей и управляющей развитием социально-хозяйственной системы? По нашему убеждению, таковым служит интерес, играющий доминирующую роль в ее развитии («...если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно, значит это необходимо...» В. Маяковский). Определение субъекта интереса, выяснение

содержания общественных потребностей, диагностика состояний общества, разработка его, так называемой, «дорожной карты» — прерогативы политической экономии.

Экономика многообразна. Экономисты по своим предназначениям различаются как технологи, инструменталисты, механизаторы, систематизаторы, эконометрики, информатизаторы, бухгалтеры, отраслевиков, производственники и проч. Однако теоретико-концептуальную и методологическую основу экономической науки генерирует *политическая экономия*.

Экономической наукой обществу предписано соблюдение определенных законов, правил, императивов. Оппортунизм «властей», не признающих политической экономии, реализующих приоритет авторитарной и безотчетной политики над экономикой, ввергает общество не только в неисчислимы беды (нищету, голод, войны, экстремизм, бессмысленное, бездуховное состояние пр.). Когда процесс заходит достаточно далеко, общество «выходит» из хозяйственного процесса, оказываясь в экономическом «зазеркалье», проваливаясь в «черную дыру».

Вспомним о том, что в условиях «командной» экономики хозяйственные процессы не были наполнены необходимым экономическим содержанием, в силу чего упорно (на отрезке до 30 лет — с начала 1960-х до конца 1990-х гг.) внедряемые в практику социалистического хозяйствования товарно-денежные механизмы хозяйственной системы отторгались. Самоокупаемость, прибыль, рентабельность, материальная заинтересованность, материальная ответственность, соперничество (социалистическое соревнование), товар, деньги и прочие атрибуты рыночной экономики проявились как симулякры.

В итоге дефицит товаров и услуг породил свою противоположность — т. е. сам превратился в товар № 1, а возможность распоряжаться дефицитом — во всеобщий эквивалент. Волна непризнания значимости для экономики условий нормального производства и обмена товаров, предпочтения этим процессам длинной цепочки, по сути, натурального обмена дефицитами, в итоге, «накрыла и утопила» социализм в СССР.

Пореформенный период в России ознаменован подобным отношением власти к экономическим законам. Авторитарная власть по-прежнему демонстрирует обществу закрытость, пренебрежение, высокомерное, презрительное отношение. Обратная связь (воздействие общества на государство) не сформировалась, к ней не готовы ни власть, ни общество. Политика реализации властью и крупным бизнесом масштабных, амбициозных, далеких от интересов общества проектов при немедленном, безальтернативном закрытии всего, что не приносит

быстрой прибыли и коррупционных доходов в современной России, как и в 1990-е, определяет развитие событий.

На фоне «выдающихся свершений» (модернизационных проектов) в России интенсивно сокращается жизненное пространство. Сжатие сферы хозяйственной жизнедеятельности государства в собственных границах вследствие вывода из хозяйственного оборота прежде освоенных территорий напоминает эффект «Шагреновой кожи». В новой России с 1990 по 2010 г. количество населенных пунктов сократилось на 23 тыс. Большую их часть — до 20000 — составляют сельские поселения. По данным последней переписи населения (2010), количество городов и поселков городского типа в России сократилось на 23,2%. Больше всего пострадали регионы, в которых расположены предприятия оборонно-промышленного комплекса, шахтерские и моногорода.

Количество сельских населенных пунктов за этот период уменьшилось без малого в 1,5 раза. Больше всего населенных пунктов без жителей находятся в Костромской, Тверской, Ярославской, Вологодской, Псковской, Кировской и Магаданской областях (рассчитано по: [1]).

Отметим, что в состоянии, близком к «неэффективному», сегодня находятся малые, средние города и сельские поселения в количестве, существенно превосходящем те, что перестали существовать [2].

Россия — единственное государство, погибающее в мирное время, — утверждают ученые из Американского института предпринимательства. Профессор этого университета Николас Эберштадт в своей книге «Демографический кризис России в мирное время» пишет: «Руководство в Кремле в какой-то степени пытается бороться с частью этих проблем, но, похоже, амбициозные лидеры России еще даже не начали осознавать масштаб того, что происходит» [3].

В опустошении убыточных городов и сел президент РФ Д.А. Медведев усмотрел аналог процессу «огораживания» (см К. Маркс, Капитал, т. 1, гл. 24) и пользу, состоящую в создании стимула к массовым перемещениям населения, которые потребуют развития инфраструктуры, в первую очередь, транспортной, что должно привести к росту инвестиционных программ, сокращению безработицы и повышению занятости. Президент решительно заявил о необходимости сокращения неэффективных активов, перевода людей и ресурсов на использование в более конструктивном русле⁵ [4].

⁵ Огораживание (англ. Enclosure) — насильственная ликвидация общинных земель и обычаев в Европе раннего Нового времени. Наибольшего размаха огораживания достигли в Англии XV—XIX вв., известны также в Германии, Нидерландах и Франции (ru.wikipedia.org/wiki).

Вслед за Президентом РФ на Московском международном урбанистическом форуме 11 декабря 2011 г. министр экономического развития и торговли Э. Набиулina заявила о неэффективности и нецелесообразности бюджетной поддержки значительной части малых и средних российских городов в пользу развития мегаполисов [5].

Несомненно, в выступлениях руководителей государства транслируются фрагменты последовательно реализуемой концепции общенационального развития.

То, что перемещение населения России из умирающей провинции в Москву и другие мегаполисы не имеет ничего общего с огораживанием, очевидно. Огораживание — момент первоначального накопления капитала. Ничего подобного на опустевших и обезлюдивших пространствах России не происходит. Под продвижение пафосных проектов модернизации страна теряет города, сельские поселения и население, освобождая от него прежде освоенные территории, тем самым разрушаясь и сокращаясь изнутри. Мегаполисы же и другие крупные города, не располагающие необходимой инфраструктурой, рабочими местами, жильем, интенсивно переполняются избыточным населением, демонстрирующим оппортунистическое, часто первобытное поведение.

Прямой отказ власти от ответственности за обеспечение условий жизнедеятельности собственного населения, от восстановления разрушенной тяжелейшим, опустошительным кризисом 1990-х гг. российской провинции — новое явление в государственной политике России, которое предлагаем обозначить термином «девастация» (*devastation* — от лат. *devastatio* — разорение, опустошение, расхищение наследственного имущества душеприказчиком) [6].

При всем цинизме позиция власти в этом случае рациональна и прагматична. Высвободившиеся территории позволяют сформировать новый рынок земельных ресурсов. Видимо, в этом Президент усмотрел аналогию с огораживанием. Разница лишь в том, что в XVII—XVIII вв. в Англии в этом вопросе была ясность, высвободившиеся земли были превращены в пастбища, мануфактурам, позднее фабрикам требовалась шерсть для производства сукна. В России же в XXI в. бизнес попроще, чем в XVIII, — опустошить (освободить) землю, подкорректировать земельное право в части расширения возможностей преобразования земель сельскохозяйственного назначения и продавать их под застройку, охотничьи угодья, зоны отдыха и проч. Возможно, существует конкретика, раскрывающая, кому и под какие проекты реализуются высвободившиеся земли, но широкой общественности это пока не известно.

Таким образом, алгоритм 1990-х реализуется в новых условиях: после того как производственные объекты были приватизированы, в значительной части разорены и перепроданы, наступила очередь городов и сельских поселений разделить их участь. Без градообразующих предприятий и инфраструктуры населенные пункты не просто не эффективны (Д. Медведев, Э. Набиулина), они не жизнеспособны, а их население даже не «расходный» (человеческий капитал), а по сути, «отработанный» материал. Как люди переживут эти «объективные» процессы, судя по всему, власть не волнуется. «Спасение населения — дело рук самого населения!»

Сюжет новой интервенции Центра в провинцию прекрасно проясняет ту ситуацию, когда в России сотни миллиардов долларов вывозятся за рубеж, десятки триллионов рублей инвестируются куда угодно, только не в развитие российских городов и сельских поселений. Средства имеются, но они принадлежат узкому кругу лиц, которые не намерены дарить свою частную собственность, рисковать ею. То, что средства нажиты по правилам первоначального накопления (читай «по понятиям»), никого не смущает.

Заметим, работают не дирижизм против либерализма и не наоборот, а теория интересов.

Обратимся к механизму действия этой теории в реальной экономике. Момент социальности интересов населения (его социально-экономической адаптивности) сегодня в России реализуется через преодоление *качественно новой формы дефицита* (инновация!). Речь идет о *дефиците жизненного пространства* — территорий проживания, на которых сегодня и в стратегической перспективе существуют приемлемые условия воспроизводства жизнедеятельности населения (рабочие места, жилье, инфраструктура, безопасность, экология, рекреация и пр.).

Каков масштаб этого дефицита? По данным, представленным Э. Набиулиной, речь идет о перспективе иммиграции в ближайшие 20 лет из малых и средних в крупные города около 15—20 млн человек [5]. Иначе говоря, порядка 30% трудоспособного населения страны отправятся из провинции в мегаполисы на заработки (?), предпримут попытку составить конкуренцию тем двум третям трудоспособного населения, которые в этих мегаполисах проживают. Сколько десятков миллионов останется в хиреющих городах и селах в ожидании этих заработков бывший министр не сообщила. Общая численность граждан, обреченных на вымирание и лишения также не обнародована. Однако демонстрируется решимость власти жертвовать жизнью и благополучием, причем не своими, а десятков миллионов сограждан во имя чуждой им идеи, которая к тому же внятно не сформулирована.

В мегаполисах обострилась проблема нарастания агрессии (не конкуренции), проявляющаяся в столкновении их жителей с мигрантами. Есть все основания полагать, что нарастающий в России *дефицит жизненного пространства* составляет значительно большую угрозу для населения и государства, чем «дореформенный» тотальный *дефицит товаров и услуг*. Последний во второй половине 1980-х гг. вызвал к жизни настроения, позиции, реакции, сформировавшиеся в устойчивые общественные убеждения в справедливости требований и борьбы за кардинальные экономические перемены.

Дефицит жизненного пространства, осознаваемый многомиллионной массой населения, сегодня способен сформировать протестные убеждения и вызвать к жизни социальные реакции такой силы, что ни шестимиллионной армией «силовиков», ни военно-полицейским бюджетом власть может не спастись. Первобытное поведение, которое демонстрируют в мегаполисах приезжие в борьбе «за место под солнцем», трудно назвать экономическим. В Москве и других городах оно становится массовым явлением. Мегаполисы наводняют многотысячные массы людей, представляющие поколения тех, кто никогда не работал, не способен и не собирается работать, к тому же, не усматривающие для себя проблемы в добывании средств существования криминальным бизнесом и прямым криминалом.

Преодоление неэффективности малых и средних городов, сельских поселений методом их девакации, дискриминации провинции, превращения России в «Московию» есть аномалия, «черная дыра», поглощающая хозяйство державы.

Обращаясь к основам конструктивного подхода к решению проблемы, отметим, что не существует хозяйственных систем, развивающихся без потерь. Однако потери закономерны, если речь идет о физически и морально изношенных объектах и при стратегическом обеспечении их модернизационной компенсации, воспроизводстве необходимых условий социально-экономического развития территорий. Антитезой девакации должна выступать *регенерация* хозяйственного развития социально-экономического организма⁶.

Термин «регенерация» широко используется в медицине, биологии, в технических науках. В хозяйственной жизни практика использования данного термина и, соответственно, подхода отсутствует, но в свете современных реалий и обстоятельств учение о регенерации (восста-

⁶ Регенерация (от позднелат. *regeneratio* — возрождение, возобновление) в биологии — восстановление организмом утраченных или поврежденных органов и тканей, а также восстановление целого организма из его части. Р. наблюдается в естественных условиях, а также может быть вызвана экспериментально [7; 8].

новлении, возобновлении, возмещении) условий хозяйственной жизнедеятельности не просто имеет право на существование. Оно должно составлять одну из основ развития современной науки и хозяйственной практики, в силу чего нуждается в полномасштабной разработке.

Единственно возможный путь выхода России из исторического тупика видится в продвижении власти в поле корректных политико-экономических отношений с собственным населением, согласования интересов государства и бизнеса с интересами общества, которыми власти следует руководствоваться в своей социально-экономической политике. Освоив практику авторитарного управления (национальные проекты, фактически, не играют роли национальных, а обо всех переменнах общество, как правило, информируется *post factum*) с использованием механизмов стремительного прохождения «точек возврата», власть действует в отрыве от общества. При таком отношении со стороны власти общество, осознавшее необходимость перемен, не находит ответов на вопросы, *кто и каким образом* (даже не пресловутые: *кто виноват и что делать?*) в состоянии *регенерировать* в стране нормальную хозяйственную жизнедеятельность, справиться с монополистическим произволом, коррупцией и беззаконием. На эти вопросы не дают внятных ответов обществу ни власть, ни оппозиция.

Литература

1. Россия: в России насчитали 19 тысяч «мертвых» деревень. 2011. 19 апр. // <http://yandex.ru/yandsearch?text>.
2. Современные города неэффективны // infox.ru 05.07.2011.
3. <http://svpressa.ru/society/article/46788/>.
4. Что такое модернизация, и как ее понимает Медведев? // <http://gmeetladym.info/m33t1ady95.html>.
5. Баикатова А. Урбанистические инициативы Эльвиры Набиуллиной. На переселение жителей неперспективных городов у казны не хватит денег. 2011. 12 сент. // http://www.ng.ru/economics/2011-12-09/1_nabiullina.html.
6. <http://yandex.ru/yandsearch?text=devastation+%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4&lr=11067>.
7. <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%91%D0%A1%D0%AD/%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/>
8. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-29914.htm>.

С.Ю. РУМЯНЦЕВА

Пропорции либерализма и дирижизма при стимулировании инновационного развития с учетом карты экономической конъюнктуры

Аннотация. Статья посвящена обоснованию сочетания дирижистских и либеральных методов регулирования экономики в зависимости от фазы экономического цикла. Вводится понятие конъюнктурной карты экономики как сочетания циклов разной продолжительности. Обоснование политики экономического регулирования привязано к проблеме выбора стратегии инновационного развития России.

Ключевые слова: дирижизм, либерализм, инновационная стратегия, экономический цикл, экономическая конъюнктура.

Abstract. The article devoted to the ground of mixing of liberal and dirigist methods of economic governance according to the phase of economic cycle. The conception of conjuncture map as combination of cycles of different duration is introducing. The basis of economic governance tied to the problem of choice of innovative strategy of Russia.

Keywords: dirigism, liberalism, innovative strategy, economic cycle, economic conjuncture.

Постановка проблемы

Для России вопрос о соотношении либеральных и плановых методов управления экономикой на протяжении всей ее истории оставался критически важным. Эта дилемма стояла перед российским обществом, реализуясь в последовательной смене реформ и контрреформ, как показал В.Т. Рязанов [1, 26—52]. И в постперестроечной экономике России этот вопрос стал еще более острым. Опыт применения чисто либеральной модели управления в 1990—1999 гг. привел к разбазариванию промышленного потенциала страны, хищнической приватизации, разрушению инновационно-технологических основ экономики. Пришедшая на смену либеральной политике дирижистская модель управления страной с 1999 г. и по сегодняшнее время демонстрирует тенденцию разрастания чиновничьего аппарата при минимальных шансах обеспечить свободу и эффективность предпринимательства. Условий для инновационного предпринимательства в современной России не создано, в утверждении этого факта нет никакого открытия. Предприниматели страдают от высокого монополизма, чиновничьего произвола, бесконечных согласований технологических и инвестиционных условий своей деятельности при получении разрешений на оп-

ределенные виды деятельности, по-прежнему сталкиваются с невозможностью получить достаточные кредиты под развитие инновационного бизнеса.

При всех негативных сторонах условий для развития современного инновационного предпринимательства в России хорошо хотя бы то, что на уровне государственного регулирования все же предпринимаются попытки создать цельное видение проблемы оживления инновационного климата и предложить стратегические шаги к реализации программы инновационного развития экономики России.

Так, научное сообщество России ставит вопрос о необходимости перехода экономики России к инновационному типу развития и предлагает различные сценарии стратегий, которые обеспечили бы национальному хозяйству страны технологическое и экономическое лидерство [2—4]. В последние годы предложения ученых были услышаны, что реализовалось в Концепции долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 г. [5] и разработанной на ее основе Стратегии инновационного развития страны на период до 2020 г. [6]. Так, в Стратегии указывается, что Россия может претендовать на лидирующие позиции в производстве авиакосмической техники, композитных материалов, в разработке и применении нанотехнологий, биомедицинских технологий жизнеобеспечения, программного обеспечения, а также в атомной и водородной энергетике, отдельных направлениях рационального природопользования и экологии [6, 23]. Таким образом, в указанных документах провозглашен курс на реализацию прорывного сценария развития, основанного на стимулировании государством перехода к типу экономического роста, связанному с внедрением пакета ключевых технологий VI технологического уклада.

Перечень технологий, рекомендуемых в стратегии инновационного развития, ориентированной на сочетание лидирующего сценария на некоторых ключевых направлениях, где у России имеется технологический задел, с догоняющим развитием во всех остальных сферах экономики, соответствует списку ключевых технологий, включенных в ядро VI технологического уклада, по определению С.Ю. Глазьева [7, 337].

Главной идеей указанных стратегий является сочетание мер государственной поддержки инновационных предприятий, в том числе через прямое государственное финансирование вузовской, академической и прикладной науки, с развитием институциональной среды, стимулирующей привлекательность инвестиций в российскую экономику, в сочетании с мерами, направленными на развитие конкуренции в секторах науки и производства, прежде всего в сфере инновационного

предпринимательства. Таким образом, можно заключить, что в стратегических планах по стимулированию инновационного развития в России заложено здоровое зерно сочетания либеральных, институциональных и дирижистских начал в управлении экономикой.

Однако, как следует из анализа стратегий, все указанные меры предлагается применять как бы одномоментно. На первом этапе (2011—2013) планируется создание условий для восприимчивости бизнеса в целом инноваций путем проведения институциональных преобразований. На втором (2014—2020) — планируется повышение доли частного финансирования в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки. Высвободившиеся государственные средства при этом будут направляться на финансирование непосредственно из бюджета пилотных проектов, ориентированных на модернизацию промышленности и инфраструктуры экономики и бизнеса. Планируется создание ключевых элементов национальной инновационной системы. Наконец, на втором этапе «продолжится увеличение бюджетных расходов на развитие перспективных технологий и реализацию целевых программ технологического профиля при сокращении пропорции государственного софинансирования» [6, 27].

Таким образом, этапы проведения преобразований, заявленные в стратегиях, учитывают лишь последовательный переход от преодоления кризисной ситуации в экономике и поддержки традиционных секторов российского инновационного предпринимательства (путем институциональных преобразований) к формированию устойчивого развития отраслей, представляющих собой индустриальный потенциал экономики, путем формирования тренда догоняющего развития, и уже далее — переход к стратегии осуществления стратегии инновационного лидерства в отраслях, где у России имеются научно-исследовательские заделы.

Однако реализуемость указанных программ и действительная возможность получить в результате их реализации значимый экономический результат, который позволил бы экономике нашей страны выйти из лабиринтного пути страны с сырьевой ориентацией, напрямую зависят от того, насколько правильно будет согласовано *время* для реализации тех или иных инновационных проектов *со степенью радикальности и качественными характеристиками* этих проектов. Определить оптимальное время для реализации того или иного элемента стратегии может помочь предлагаемая нами *концепция конъюнктуры, понимаемой как процесс взаимосвязи циклов разной продолжительности*. А изучение конъюнктуры помогает понять, в какой фазе развития экономической динамики находится мировая экономическая система,

чтобы можно было принимать адекватные управленческие решения. Для этого вводится понятие *конъюнктурной карты* экономической системы, представляющей собой совокупность фазовых состояний ключевых циклов, входящих в экономическую систему. На основе соответствия типа инновации и вида экономического цикла, в рамках которого инновация может быть внедрена, формируется представление о возможных действиях либерального и дирижистского характера, которые можно применить к современной экономической системе с целью повышения эффективности работы экономического механизма.

Объективные условия преобладания политики дирижизма и либерализма на разных фазах экономического цикла

Теория экономических циклов учит нас тому, что оптимальным временем для внедрения инноваций в экономику являются стадии депрессии и раннего оживления экономических циклов. Это доказанное в целом ряде исследований положение было впервые предложено немецким экономистом Г. Меншем в виде концепции депрессии как триггера для кластера базисных инноваций [8]. Таким образом, необходимо отслеживать фазы депрессии и раннего оживления экономических циклов для того, чтобы именно на эти периоды «бросить» максимальные усилия государства по поддержке инновационных проектов. Это связано с тем, что в условиях депрессии экономических циклов степень конкуренции в экономике автоматически усиливается, поскольку как лидеры старых отраслей, так и новые агенты рынка оказываются примерно в равных условиях — либо риска банкротства и потери рыночной доли, либо риска провала инновационного проекта.

Кроме того, важно учитывать, какой именно из экономических циклов входит на определенном этапе времени в фазу своего депрессионного развития. Ведь степень радикальности инноваций, которые можно успеть внедрить в течение фазы депрессии конкретного экономического цикла, напрямую связана с продолжительностью экономического цикла.

В проведенном нами недавно исследовании удалось вычислить состав ключевых экономических циклов в мировой экономике — это цикл Китчина, Жюглара—Маркса, Кузнеца, сжатый цикл Кондратьева, цикл Кондратьева, цикл инфратраекторий и цикл Модельски [9, 9—32].

Ниже приведена табл. 1, показывающая соотношение степени радикальности инноваций, которые возможно внедрить в экономику в фазе депрессии и раннего оживления циклов в соответствии с их продолжительностью.

Таблица 1

Виды экономических циклов и инновации

Вид цикла	Тип инновации
Цикл Модельски	Глобальные социально-политические
Цикл инфратраекторий	Инфраструктурные
Кондратьевский цикл	Базисные продуктные технологические, финансовые и социальные
Сжатый кондратьевский цикл	Базисные продуктные технологические
Цикл Кузнеца	Базисные процессные
Промышленный цикл (Жюгляра)	Улучшающие продуктные и процессные
Цикл Китчина	Улучшающие процессные и псевдоинновации

Источник: [9, 190].

Как видно из табл. 1, определенный вид инноваций тяготеет к внедрению в экономическую систему в рамках временной шкалы строго определенного экономического цикла. Поэтому при проведении политики инновационного стимулирования экономики очень желательно было бы отслеживать фазовое состояние мировой и национальной экономической конъюнктуры, или, определяя это поведение по другому, *строить конъюнктурную карту* экономической динамики для наблюдения за фазовым состоянием разных по продолжительности экономических циклов с целью выяснения их фаз депрессий и раннего оживления. Отслеживание конъюнктурной карты может помочь выбрать время для реализации отдельных положений программ экономического развития национальной экономики, указывая оптимальное время для внедрения инноваций определенных видов. Ведь стимулирование внедрения инновации «не вовремя» может повлечь нерациональную растрату ресурсов, поскольку в неблагоприятные конъюнктурные периоды (например, в стадии процветания) внедряемая инновация может вызвать отторжение со стороны бизнеса, который еще не успелкупить внедренные ранее инновационно-технологические проекты.

Важно учитывать, что в фазе процветания экономических циклов обычно нарастает институциональная косность бизнеса и формируется так называемый эффект динозавра, описанный в свое время Г. Меншем. Институциональная косность бизнеса формируется за счет того, что компании, победившие в конкурентной борьбе в период предшествующей депрессии и раннего оживления, со временем захватывают все большую долю рынка, постепенно формируются олигополистические

структуры и рутинные практики хозяйствования, оказывающие сопротивление внедрению новых инновационных решений и практик⁷. Этому процессу способствуют и особенности реализации патентного права — ведь если компания победила своих конкурентов на рынке за счет внедрения значимой инновации, она была запатентована и дает своему обладателю инновационно-монопольное право на производство доминирующего продукта на протяжении ряда лет. С учетом позиции по этому вопросу К. Перес можно утверждать, что в фазах позднего оживления и всей фазы процветания в экономике формируются олигополистические и монополистические структуры. Они уже не способны к качественной конкуренции, пожинают плоды своего доминирующего положения на рынке, усложняют свою организационную структуру. В системе управления подобными компаниями возникают конфликты интересов и тенденции к приумножению доходов и преференций сотрудникам компаний, особенно высшему менеджменту. В этих условиях нарастает институциональная косность бизнеса — компании не столько занимаются разработкой новых конкурентных стратегий, сколько стремятся упрочить свое доминирующее положение на рынке. К этому добавляется увеличение времени принятия управленческих решений, возникающее в условиях усложненной организационной структуры фирмы: время прохождения рыночного информационного сигнала, а также сигнала от нижних уровней управления фирмой к высшим и обратно многократно увеличивается параллельно с увеличением звеньев управленческих цепочек в крупной корпорации — компания становится медлительной и неповоротливой, как динозавр. Таким образом, период процветания экономического цикла связан с возникновением монополистических и олигополистических структур, снижением общего уровня конкуренции в экономике.

По этой причине соотношение либеральных и дирижистских методов управления экономикой в аспекте теории цикла не должно представлять собой некий статический микс, а реализовываться как динамическая система смены преимущественно либеральных методов управления преимущественно дирижистским и чередоваться параллельно с чередованием фаз экономических циклов. Отметим, что государственное управление экономикой присутствует в экономике всегда,

⁷ К. Перес показывает, что на стадии зрелости к крупным фирмам доминирующей технико-экономической парадигмы приходит самодовольство, а социоинституциональная структура общества полностью адаптируется к условиям победившей технологической революции, в результате чего «глубокая адаптация становится преградой для появления и развития следующей технологической революции» [10, 179, 197].

не бывает полностью либеральных условий функционирования капитализма. Экономическая политика может характеризоваться как дирижистская — с жестким управлением и значительной поддержкой ключевых отраслей со стороны бюджетной системы — и как либеральная, но это тоже метод управления, основанный, например, на регулировании объема денежной массы в обращении.

В связи с этим можно вспомнить применение либералистской политики монетаризма в 1980-е гг., в период процветания и рецессии длинной волны, когда было осознано как неэффективное продолжение кейнсианских методов регулирования экономики и предложены либеральные рецепты повышения эффективности экономики. С позиций теории циклов, в частности, длинных волн экономического развития, можно указать на то, что либеральная политика управления экономикой зашла слишком далеко, захватив фазу депрессии и раннего подъема следующего, пятого, кондратьевского цикла — т. е. период, когда следовало уже обратиться вновь к политике дирижизма. Этим политическим просчетом и объясняется столь разрушительный характер экономического кризиса 2008—2009 гг., поскольку из-за продолжения либералистской политики за пределами фазовой возможности экономической системы в экономике надулся финансовый пузырь, вобравший в себя все противоречия предыдущей неразрешенной депрессии кондратьевского цикла вместе с противоречиями, характеризующими депрессионный период цикла Кузнеца и промышленного цикла, пришедшихся на указанный период. Иначе говоря, если бы переход к новому дирижизму был в полной мере осуществлен вовремя — в период 1990—2000 гг. — столь разрушительных последствий экономического кризиса 2008—2009 гг. удалось бы избежать.

В общем, с теоретической точки зрения, при высоком уровне конкуренции в период депрессии и раннего оживления, когда уровень риска в экономике высок, а уровень доходов минимален и у предприятий отсутствуют свободные резервы для осуществления инновационного предпринимательства, как раз и создается наиболее предпочтительное время для реализации дирижистских методов управления экономикой, усиления государственной поддержки бизнеса со стороны государства, вплоть до прямого финансирования инновационных бизнес-проектов и безусловной поддержки процесса трансфера технологий из академической среды в бизнес-пространство.

В фазах позднего оживления и процветания, напротив, необходимы ослабление монополизации рынков, развитие и всемерная поддержка конкурентной среды для предотвращения чрезмерно ярких проявлений в экономике институциональной косности бизнеса и эффекта динозавра, чреватых потерей национальной конкурентоспособности.

В свою очередь, фаза рецессии — это время, когда негативные эффекты от чрезмерной монополизации доминирующих отраслей уже проявили себя. Подобные рецессивные проявления надо предотвращать еще в фазе процветания, на протяжении рецессии постепенно ослабляя либеральные технологии управления и готовясь к массовой поддержке новых инноваций со стороны бюджетной системы, для того чтобы в условиях следующей депрессии (нижнего равновесия системы) будущие предприниматели-инноваторы к этим условиям подходили уже вооруженные пакетом новых технологий, готовых к внедрению.

Таким образом, универсальных рецептов преобладания дирижизма или либерализма в экономической политике нет и быть не может, особенно в России, где высочайший уровень научно-технического задела в отдельных отраслях сочетается с архаичным состоянием экономики большинства жизнеобеспечивающих отраслей. Но поскольку именно экономический цикл является двигателем экономического развития, на наш взгляд, и рецепты микширования либералистских и дирижистских методов управления экономикой должны учитывать фазы экономического цикла.

Характеристики конъюнктурной карты мировой экономики

Как оказалось, это непростая задача. Ведь циклов экономического развития существует множество, и фазы их могут накладываться друг на друга перекрестным образом. Так, фаза роста одного экономического цикла может совпадать с фазой спада другого. В этом случае, поскольку разные по продолжительности экономические циклы способствуют внедрению разных по радикальности инноваций технологического и организационного плана, экономическая политика также должна быть многоуровневой. Отслеживая динамику промышленного 10-летнего цикла, имеющего еще название цикла Жюглара—Маркса, следует формировать среднесрочные (до 10 лет) программы развития экономики. Отслеживание динамики более длинных экономических циклов — например, цикла Кузнеца или Кондратьева — должно лежать в основе долгосрочных экономических стратегий. И уже в рамках подобных стратегий можно планировать циклически соответствующие удельные веса дирижистских и либеральных рецептов в зависимости от фазы экономического цикла. Но все же подобная работа должна проводиться для определения адекватной навигации на карте мировой экономической конъюнктуры.

Для этого надо иметь представление о *карте конъюнктуры*. Отметим, что под конъюнктурой мы как раз и понимаем взаимосвязь циклов разной продолжительности [11].

В связи с этим важно сделать несколько замечаний. Во-первых, при реализации стратегии инновационного развития России безусловно необходимо учитывать фазу мировой экономической конъюнктуры, которая определяется по сей день экономикой США, подъемы и спады которой оказывают наиболее мощное влияние на тренды развития в остальных частях мира.

Во-вторых, при реализации стратегий инновационного и экономического развития России справедливо полагается, что в мировой экономике в настоящее время происходит переход от V к VI технологическому укладу [12]. Автоматически по аналогии это может привести к выводу, что, поскольку технологические уклады и технико-экономические парадигмы⁸ связаны со сменой длинных волн Кондратьева, как было показано в работах только что процитированных авторов, можно предположить, что в мировой экономике сейчас наблюдается депрессия между пятой и шестой кондратьевскими волнами. Это предположение кажется тем более рациональным, что совсем недавно мировую экономику потряс глубочайший экономический кризис 2008—2009 гг., который часто даже в СМИ сравнивается с Великой депрессией 1930-х гг. в США, также имевшей общемировое значение и в действительности пришедшейся на депрессию между третьей и четвертой кондратьевскими волнами. Таким образом, предполагается, что сейчас мировая экономика находится в фазе депрессии пятой кондратьевской волны и перехода к VI технологическому укладу. Как мы покажем, это предположение требует дополнительной проверки.

В-третьих, какими-то странными при указанном выше предположении по продолжительности выглядят тогда длинные волны — если с 1930-х по 2010-е гг. прошло всего 80 лет, то в этот период не войдут сразу две кондратьевских волны. Конечно, есть гипотеза об ускорении кондратьевских циклов [16; 17]. Однако наши исследования показали, что как такового ускорения длинных циклов не происходит, и вообще длинные циклы и технологические уклады не тождественны⁹. Ускорение НТП может тем не менее привести к тому, что в одну длинную волну может войти сразу несколько жизненных циклов доминирующих технологических укладов — так, четвертая длинная волна была

⁸ Понятие технологической парадигмы как совокупности технологически сопряженных кластеров базисных инноваций предложил в 1983 г. Дж. Доси [13]. В дальнейшем более широкое понятие технико-экономической парадигмы, включающей ресурсные, социоэкономические и институциональные факторы, было разработано в 1983 г. К. Перес-Перес [14] и уточнено ею в 2002 г. [15, 31].

⁹ Подробно о субординации понятий технико-экономических парадигм и длинных волн см.: [9, 59—61, 110—163].

основана одновременно на технологическом укладе автомобиле- и самолетостроения и технологическом укладе микропроцессорной индустрии [18]. Более того, есть вероятность, что в эпоху ускорения НТП не сами длинные волны сокращаются, а происходит передача части базовой инновационной активности от длинных волн к более коротким циклам экономического роста С. Кузнеця.

В то же время в исследованиях, посвященных длинным волнам, фаза перехода от четвертой волны к пятой была однозначно определена как период в окрестности 1990-х гг. в разных показателях, таких как движение цен и мировой инфляции [19], темпы потребления энергоносителей [20, 176], технологически-инновационные тренды и тренды движения инноваций [21, 95], демографические факторы [22; 23], в том числе в динамике военных противостояний и терроризма, рассчитанных с учетом динамики индекса покупательной способности и ВВП Т. Девезаса [24, 247]. Девезас отмечает, что пятая кондратьевская волна стартует с 1992 г. [25, 748].

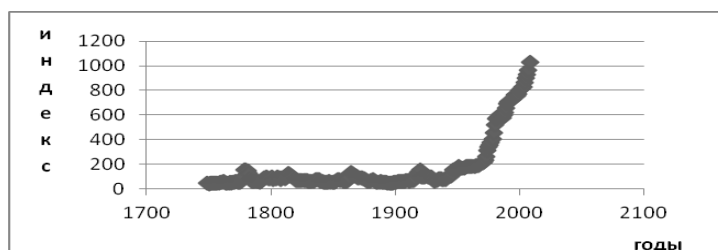
Отметим также, что еще в 1970-е г. один из ведущих представителей теории длинных волн немецкий ученый Г. Менш прогнозировал переход от четвертой к пятой длинной волне в окрестности 2000 г. [8, 73], подтвердив свой прогноз в работе 2005 г. [26, 82].

Схожую датировку обнаружил и японский ученый М. Хироока [27, 60, 62, 82, 85]¹⁰. Он показал, что четвертая длинная волна с началом в 1950-х гг. в мировой экономике и окончанием в окрестности миллениума имеет два пика с провалом в середине 1980-х гг.

Таким образом, представители школы длинных волн достаточно категорично определили фазу общемировой экономической депрессии в 1990—2000 гг. Это означает, что время для инновационного прорыва, который можно было бы осуществить в фазе депрессии длинной волны, воспользовавшись предоставляемыми ею шансами, уже пропущено. Тем не менее мировая экономика пребывает в состоянии депрессии, характеристики отношения которой к определенному виду экономического цикла требуется определить.

Для этого обратимся к данным статистики (рис. 1).

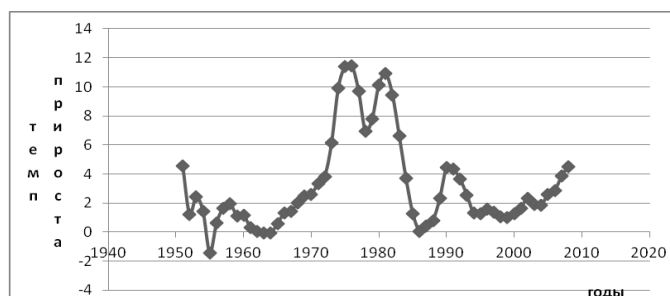
¹⁰ Отметим, что М. Хироока, кроме стандартной периодизации четвертой длинной волны в период 1939—1998 гг., показывает также и ее датировку в период 1950—2007 гг. в динамике технологической эволюции жизненных циклов технологий [27, 60—87]. С учетом того, что длинные волны в инновационном развитии обратно пропорциональны длинным волнам в экономических показателях, как показал Г. Менш, такой временной лаг возможен.

Примечание: за базовый взят 1926 г.

Рис. 1. Инфляционно-дефляционный механизм экономических циклов в XX — XXI вв.: динамика индекса оптовых цен США 1749—2008 гг. (рассчитано по: [28, 198—202; 29, 456—471; 30, 476—477; 31, 492—493; 500—503; 32, tab. 698; 33, tab. 712; 34, tab. 713; 35, tab. 721])

Как видно из рис. 1, динамика длинных волн в индексе цен проявляется достаточно четко. Отчетливо видна нулевая длинная волна с пиком в 1777 г., первая длинная волна с пиком в 1813 г., вторая — с пиком в 1864 г., третья — с пиком в 1919 г. Четвертая и пятая длинные волны на рис. 1 не видны, они закрыты инфляционной тенденцией. Устраним ее для периода 1940—2009 гг., применив расчет темпов прироста индекса цен. Мы взяли данные с 1948 г. Чтобы устранить наложение резких колебаний периода Второй мировой войны, сгладили ряд четырехлетней скользящей средней для устранения влияния цикла Китчина. Получается следующая картина (рис. 2).

Примечание: за базовый взят 1926 г.

Рис. 2. Темпы прироста индекса оптовых цен США 1949 — 2009 гг. (рассчитано по: [28, 198—202; 29, 456—471; 30, 476—477; 31, 492—493; 500—503; 32, tab. 698; 33, tab. 712; 34, tab. 713; 35, tab. 721])

На графике рис. 2 четко видна длинная волна в темпах прироста индекса цен — одного из ключевых длинноволновых показателей — с пиком в окрестности 1980 г. и минимумом в 1990—2000 гг., после чего наблюдается новая повышательная тенденция пятой кондратьевской волны, вдоль которой и осуществляется в развитых странах внедрение технологий VI технико-экономической парадигмы.

А вот в воспроизводственных показателях, в частности, в индексе прироста ВВП, длинную волну обнаружить методом обычной статистики невозможно. Это связано с тем, что длинные волны не имеют собственной воспроизводственной составляющей, принимая воспроизводственный механизм от циклов Кузнеца, входящих в состав длинных волн, о чем мы уже указывали в наших исследованиях ранее [36, 42].

Утверждение об отсутствии воспроизводственной составляющей в длинных волнах, на первый взгляд входит в противоречие с основным постулатом теории длинных волн, в котором предполагается фактическая тождественность длинных волн и технологических укладов или технико-экономических парадигм. Так, С.Ю. Глазьев, развивая концепцию технологических укладов, рассматривает систему технологически сопряженных отраслей в рамках технологической совокупности, лежащей в основе технологического уклада, формирующего по цепочкам технологических и производственных связей единый воспроизводственный контур с присущими ему уникальными межотраслевыми взаимодействиями [37, 55—70.]. Таким образом, технологический уклад представляет собой эволюционно развивающуюся воспроизводственную совокупность. На основе этого представления приводится история смены длинных волн как последовательности технологических укладов [7, 336], в соответствии с которой четвертая длинная волна продолжалась в период 1930—1980 гг., а с 1980 г. началась новая волна, основанная на микропроцессорной и коммуникационной индустрии, в фазу депрессии которой мы и попали в период кризиса 2008—2009 гг. Однако эмпирические данные (рис. 2, 5), а также расчеты длинных циклов, произведенные нами в книге [9], и список исследований, нами уже приводившихся выше, говорят о том, что в период 1990—2000 гг. реализовалась длинноволновая депрессия в ряде макроэкономических и социально-политических показателей. Указанные теоретические несостыковки носят дискуссионный характер, и они требуют своего изучения для четкого определения конъюнктурной карты развития экономики. Вполне возможно, что именно в период постиндустриализма разорвалась связь между воспроизводственной природой технологических укладов — и длинными волнами в общеэкономических показателях цен, денег, прироста ВВП. Прямым свиде-

тельством нарушения логики длинного цикла в XX в. может служить возникновение долгосрочной инфляционной тенденции в индексе цен (рис.1), что возможно, ведет к отрыву технико-технологического развития от макроэкономических трендов, искажая длинноволновую модель, что также требует дальнейшего изучения

Отметим, что, в динамике ВВП обнаруживаются циклы, по продолжительности равные циклам Кузнеца, как видно из рис. 3, где представлены данные о темпах прироста ВВП США в 1898—2009 гг., сглаженные восьмилетней скользящей средней для устранения влияния промышленного цикла. В период доминирования четвертой длинной волны четко прослеживаются ритмы продолжительностью около 30 лет: 1950—1980 и 1980—2009. Так что глубина кризиса 2008—2009 гг. отчасти характеризуется динамикой спада цикла Кузнеца.

Таким образом, уже на основании указанных данных можно обнаружить, что кризис 2008—2009 гг. был в большей степени порожден динамикой цикла экономического роста Кузнеца, фаза депрессии которого пришлось на 2008—2009 гг. и продолжается по сей день. Это означает, что стимулирование инновационного развития в указанный период должно ориентироваться на среднесрочные цели и преследовать задачи внедрения базисных процессных инноваций, которые способствовали бы внедрению и становлению новых технологических процессов, которые облегчали бы и удешевляли процесс производства базисных инноваций, внедренных в фазе прошедшей в 1990-е гг. депрессии.

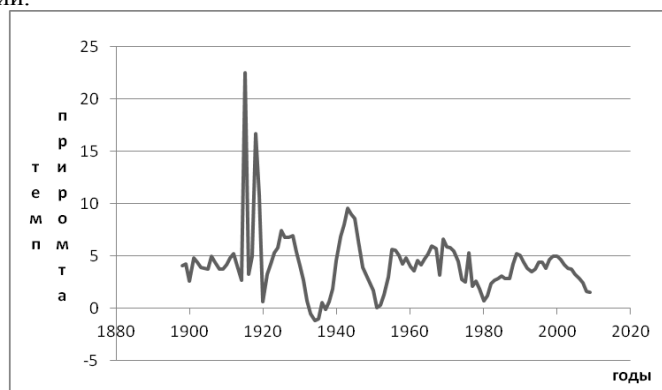

Рис. 3. Темпы прироста ВВП США в 1898—2009 гг. Восьмилетняя скользящая средняя (рассчитано по: [28, 199—214; 38, xvi; 39, xvii; 40, xix; 29, 458—471; 30, 468—469, 31, 492—493; 41, 451; 42, 435])

Поэтому ключевой вопрос экономической науки, если оторваться от теоретической привязки экономики к сугубо технологическим трендам, состоит в определении того, в какой фазе делового цикла находится современная мировая экономическая конъюнктура. Мы можем проследить характеристику ее фаз в деловом цикле, основанном также на анализе динамики ВВП, поскольку этот цикл имеет внутреннюю воспроизводственную составляющую. В динамике промышленного цикла также четко прослеживается острый спад в 2008 г. (рис. 4).

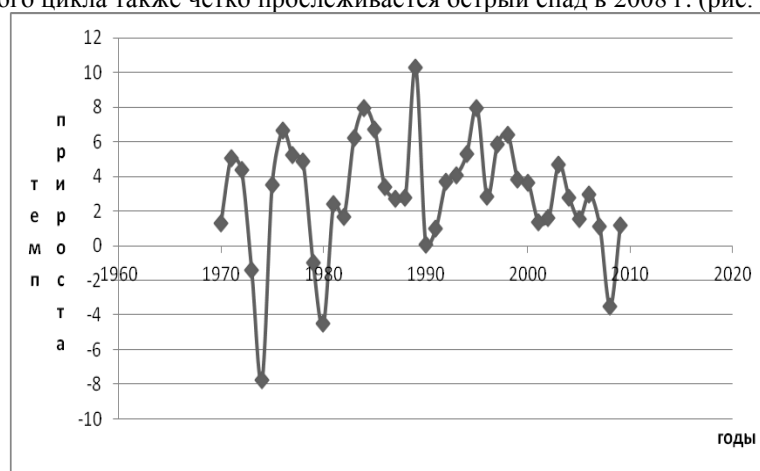
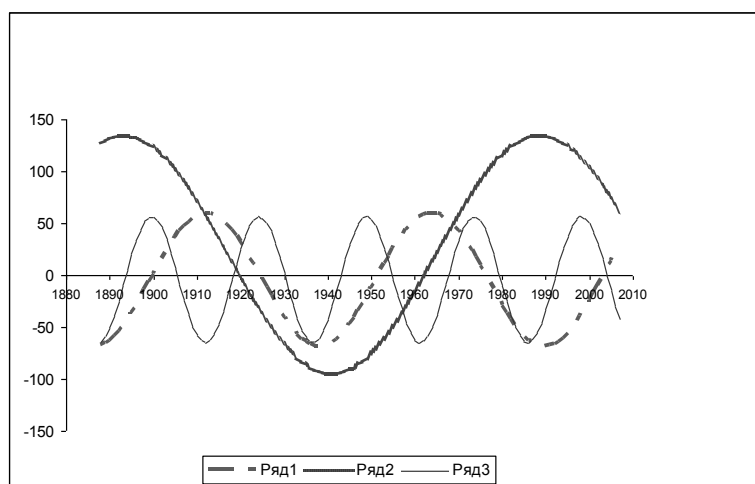

Рис. 4. Промышленный цикл в США в период 1970—2009 гг. Темпы прироста ВВП США (рассчитано по: [38, xvi; 39, xvii; 43, xix; 29, 458—471; 30, 468—469; 31, 492—493; 41, 451; 42, 435])

Таким образом, можно увидеть, что конъюнктурная карта мировой экономики складывается из фазы депрессии цикла Кузнеця, фазы депрессии промышленного цикла и фазы подъема кондратьевской волны. Еще более четко картину конъюнктурной карты мировой экономики можно увидеть, обратившись к рис. 5, где показаны отражения ведущих экономических циклов — цикла Кузнеця, Кондратьева и Модельски — на динамике ВВП.

На рис. 5 можно увидеть, что в период 2008—2009 гг. мировая экономика находится одновременно в фазе спада цикла Модельски и депрессии цикла Кузнеця. Одновременно с этим реализуется продолжающаяся фаза подъема кондратьевского цикла.

Примечание: ряд 1 — цикл Кондратьева, ряд 2 — цикл Модельски, ряд 3 — цикл Кузнеца.

Рис. 5. Соотношение между циклами Модельски, Кондратьева и Кузнеца на основе ряда ВВП США за период 1880—2007 гг. [9, 42]

Таким образом, в целом можно утверждать, что конъюнктурная карта мировой экономики, в которой лидирует экономическая система США, складывается в настоящее время из фаз спада и депрессии фактически всех экономических циклов, кроме цикла Кондратьева. Цикл Модельски находится в фазе рецессии, цикл Кузнеца — в фазе депрессии, промышленный цикл — в фазе депрессии. Этим во многом определяется затяжной и тяжелый характер последствий экономического кризиса 2008—2009 гг. Но это обстоятельство определяет и набор мер регулирующего воздействия, который можно применить к экономике в указанных обстоятельствах.

Экономические циклы и экономическая политика

Рассмотрев условия преобладания в экономике либеральных и дирижистских начал в соответствии с фазой экономического цикла и выявив особенности конъюнктурной карты в современной экономике, можно приблизительно определить совокупность разносторонних мер, которые могут быть применены в национальной экономике для стимулирования инновационного развития.

Прежде всего, необходимо учитывать фазу рецессии цикла Модельски в мировой экономике, которая связана с деконцентрацией ми-

рового экономико-политического порядка и возникновением групп новых лидеров в мировой экономике и политике. К моменту завершения этого цикла в 2020-е г. это может вылиться в массовые военные противостояния и перестройку системы политического лидерства с возможной потерей США своей первенствующей роли в мировой политике и экономике. Этот процесс будет связан с возникновением системы нового мирового экономико-политического лидерства. Отметим, что кризис 2008—2009 гг. в мировой экономике часто определяется как системный, связанный со сменой моделей мировой экономико-политической гегемонии. С учетом фазы цикла Модельски, следует уточнить, что прошедший мировой экономический кризис является лишь первым этапом системного кризиса капитализма, основные потрясения нас ждут впереди, к моменту вхождения цикла Модельски в фазу мировой войны — т. е. к 2020 г., когда окончательно сформируются основные претенденты на мировую экономико-политическую гегемонию. Поэтому в фазе рецессии этого цикла на уровне национальной экономики должно осуществляться наращивание дирижистских мотивов в управлении экономической системой для того, чтобы предотвратить автоматическое скатывание России в зону экономико-политической турбулентности периода глобальной войны и подойти к этапу мировой перестановки сил с четко определенной стратегией действий в условиях международной конкуренции. Именно в такие периоды четко выстроенная стратегия геополитической роли страны в мировом хозяйстве становится особенно необходимой.

В рамках цикла Кондратьева, который приближается к гребню (верхней поворотной точке) реализации технико-экономической парадигмы телекоммуникаций, требуется постепенная политика перехода к поддержке конкуренции и внедрению на этом сегменте рынка либералистских рецептов для ослабления тенденции олигополизации ключевых рынков доминирующей ТЭП, что позволит развиваться и далее конкуренции в области высоких технологий. Таким образом, рынки ТЭП телекоммуникаций должны по возможности регулироваться с максимальным предпочтением антимонопольной политики и стимулирования предложения со стороны новых малых компаний, несущих в себе зерно новых технологий и решений в области внедрения базисных инноваций следующего технологического уклада. Так можно опережающими темпами простимулировать внедрение базисных технологий следующего шестого технологического уклада, основанного на технологиях биоинженерии, космических технологий, nanoиндустрии и прочих элементов новой ТЭП. Таким образом, либерализм в современной экономической политике необходим. Но применять его следу-

ет точно, применительно к технологиям старого уклада, а в отношении нового уклада требуется применение дирижистских стимулирующих рецептов.

Далее, как показывает конъюнктурная карта, цикл Кузнеця и промышленный цикл находятся в настоящее время в окрестности своей депрессивной фазы. Эти циклы связаны с реализацией воспроизводственного механизма экономики. Практика, особенно в России, показывает, что в подобных условиях необходимо стимулирование развития воспроизводственных отраслей, связанных с процессами инвестирования в основной капитал промышленных предприятий. В рамках цикла Кузнеця при этом требуется стимулирование базисных процессных инноваций, а в рамках промышленного цикла — улучшающих продуктных и процессных инноваций. Это значит в аспекте дирижистских направлений в управлении экономикой, что при регулировании народнохозяйственной системы страны следует реализовывать два типа стратегий — долгосрочные, нацеленные на создание основного капитала для формирования новых отраслей в рамках нового будущего цикла Кузнеця, основанного на внедрении процессных базисных инноваций — и среднесрочных, основанных на стимулировании обновления основного капитала в существующих отраслях и связанного с внедрением продуктных и процессных улучшающих инноваций для формирования фазы оживления промышленного цикла.

В целом, как показал анализ, знание конъюнктурной карты экономической системы не позволяет утверждать однозначно о приоритете либералистских или дирижистских методов в управлении экономикой. Каждая подобная политика зависит от фазы экономического цикла. А с учетом многообразия форм экономических циклов это означает, что в каждый конкретный момент времени в стратегиях экономического развития национальной экономики должно реализовываться научно обоснованное сочетание мер прямого государственного регулирования экономики и политики стимулирования конкуренции.

Литература

1. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998.
2. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия 2050: стратегия инновационного прорыва. М., 2004.
3. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года. М., 2006.

4. *Нижегородцев Р.М.* Стратегия инновационного прорыва для России // Экономические стратегии. 2008. № 1.
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. // <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/> Дата обращения — 06.03.2012.
6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. // <http://mon.gov.ru/files/materials/4432/11.12.08-2227r.pdf>. Дата обращения — 06.03.2012.
7. *Глазьев С.Ю.* Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М., 2011.
8. *Mensch G.* Stalemate in Technology — Innovations Overcame the Depression, 1979.
9. *Акаев А.А., Румянцева С.Ю., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н.* Экономические циклы и экономический рост. СПб., 2011.
10. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. М., 2011.
11. *Румянцева С.Ю.* Эволюция понятия и методологии анализа экономической конъюнктуры // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2004. Вып. 4.
12. *Глазьев С.Ю.* Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов // <http://www.glazev.ru/scienexpert/84/>. Дата обращения — 06.03.2012.
13. *Dosi G.* Technological Paradigms and Technological Trajectories // Research Policy. 1982. № 11.
14. *Perez K.* Structural Changes and Assimilation of New Technologies in the Economic and Social System // Futures. 1983. № 15.
15. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011.
16. *Лукашевич И.В.* Теории длинных волн и проблемы научно-технического прогресса. СПб., 1993.
17. *Воронцовский А.В.* Жизненный цикл и период окупаемости вложений в новую технику в свете теории длинных волн Н.Д. Кондратьева // Экономическое наследие Н.Д. Кондратьева и современность / Под ред. Л.Д. Широкограда, В.Т. Рязанова. СПб., 1994.
18. *Румянцева С.Ю.* Динамика инноваций и фаза длинной волны // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2001. № 1.
19. *Goldstain J.S.* The Predictive Power of Long Wave Theory, 1989 — 2004 // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam, 2005.
20. *Marchetti C.* Is History Automatic and Are Wars a la Carte? // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam, 2005.

21. Metz R. Empirical Evidence and Causation of Kondratief Waves // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam, 2005.
22. Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Системный мониторинг глобального и регионального развития // Системный мониторинг / Под ред. Д.А. Халтуриной, А.В. Коротаева. М., 2009.
23. Коротаев А.В., Цирель С.В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг / Под ред. Д.А. Халтуриной, А.В. Коротаева. М., 2009.
24. Devezas T., Santos H. The Emergence of Terrorism // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam, 2005.
25. Devezas T. Crises, Depression, and Expansion: Global Analysis and Secular Trends // Technological Forecasting and Social Change. 2010. № 77.
26. Mensch G. If This Long Wave Steep-Up and Breaks: That Then? // Kondratieff Waves, Warfare and World Security. Amsterdam, 2005.
27. Hirooka M. Innovation Dynamism and Economic Growth. Cornwall, 2006.
28. Historical Statistics of the United States. Wash., 1975.
29. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1987.
30. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1990.
31. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1995.
32. Statistical Abstract of the United States. Wash., 2001.
33. Statistical Abstract of the United States. Wash., 2006.
34. Statistical Abstract of the United States. Wash., 2008.
35. Statistical Abstract of the United States. Wash., 2010.
36. Румянцева С.Ю. Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. СПб., 2003.
37. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993
38. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1973.
39. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1974.
40. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1979.
41. Statistical Abstract of the United States. Wash., 2000.
42. Statistical Abstract of the United States. Wash., 2011.
43. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1977.

Н.В. ПОЛОВИНКИНА

Методологические основы исследования координации экономической деятельности

Аннотация. В статье анализируются два направления в методологии экономического исследования — содержательное и формальное. Обосновываются приоритетное значение качественного анализа в познании сущности координации экономической деятельности и роль диалектической логики.

Ключевые слова: формальная логика, статика, неэкономические факторы, диалектическая логика.

Abstract. In the present article we consider the substantial and the formal directions of methodology of economic investigation. The priority of qualitative analysis and the role of dialectical logic in cognition of the essence of coordination of the economic activities are grounded.

Keywords: formal logic, statistics, noneconomic factors, dialectical logic.

В методологии экономического исследования на протяжении практически всей истории развития экономической мысли сосуществуют два различных подхода, два способа познания экономических отношений — содержательный и формальный. Первый включает исследование законов порождения, функционирования и развития научных теорий, природы научных понятий, принципов интерпретации исходных посылок и выводов науки, условий и критериев истинности теорий. Формальные аспекты методологии связаны с анализом языка науки, формальной структуры научного объяснения, описанием и анализом формальных и формализованных методов исследования и построения научных теорий, а также условий их логической истинности.

Формальный подход в экономических исследованиях опирается на приоритет формально-логических методов; наблюдаемые в общественно-экономической практике факты используются для иллюстрации полученных выводов. При этом, как отмечают критики данного подхода, формалисты верят в природу своих формально-логических схем «как в реальность» и утверждают их универсальное значение [1, 137]. Содержательный подход опирается на приоритетное значение в экономическом анализе фактов хозяйственной жизни.

В 1940—1960 гг. в западной экономической науке в связи с опубликованием ряда работ в области экономической антропологии развернулась методологическая дискуссия, которая в истории экономической мысли получила название «тридцатилетняя война между форма-

листами и субстантивистами». Термин «субстантивный» (от лат. *substantia* — сущность) ввел в оборот Карл Полаanyi для обозначения методологического подхода к изучению нерыночных экономик.

В 1940 г. вышла работа М. Херсковица «Экономическая жизнь примитивных народов», в которой автор с неоклассических позиций интерпретировал обширный фактический материал об экономической жизни докапиталистических обществ. Используя привычные для современной экономической теории понятия: рынок, капитал и др. — автор, однако, наполнял их специфическим содержанием, подчеркивая решающую роль в доиндустриальных обществах неэкономических мотивов хозяйственной деятельности. В этой связи в экономической науке развернулась дискуссия по поводу применимости неоклассических теорий к анализу нерыночных хозяйств. В 1950-е гг. в продолжение этой темы были опубликованы работы К. Аренсберга, Г. Пирсона и К. Полаanyi. Между тем вопросы, поднятые в ходе данной дискуссии, затрагивали более широкий круг проблем: о соотношении в экономическом развитии общих закономерностей и социально-культурных особенностей, о взаимосвязи дедуктивного и индуктивного подходов, о роли ценностей и традиций, экономических и неэкономических факторов хозяйственной жизни, о содержании предмета экономической науки.

Методология формализма базируется на принципе ограниченности производственных ресурсов и вытекающей из нее необходимости рационального выбора между альтернативными вариантами их использования. Субъект хозяйствования наделяется стремлением к максимизации материальной выгоды и способностью к оптимизирующему поведению. Соответственно методологическими предпосылками формального анализа выступают модель «экономического человека» и принцип максимизации индивидуальной выгоды. Хозяйство исследуется с позиции отдельного индивида, поэтому основополагающим принципом исследования является методологический индивидуализм.

В субстантивистском понимании ограниченность ресурсов социально обусловлена, и предпосылка о рациональном оптимизирующем поведении корректна лишь в отношении обществ с нерегулируемой рыночной экономикой. В нерыночных хозяйствах доминирующим мотивом хозяйственного поведения является соответствие нормам и традициям общества. При построении экономической теории субстантивисты исходят из зависимости человека от природы и других членов общества, поэтому основополагающим методологическим принципом субстантивистского анализа является холизм. Особый акцент в экономическом исследовании делается на взаимодействии экономической и социальной сфер, влиянии социальных институтов на процессы произ-

водства и распределения. «Отличие нашей концепции, — отмечал К. Полань, — в понимании взаимодействия производственного процесса (технологии) и институтов, а также их относительной независимости. Институционализация экономического процесса способствует его единству и стабильности. Это предполагает структуры с определенными функциями в обществе (погружение экономики в социальную сферу), что концентрирует интерес на ценностях, стимулах и политике... Человеческая экономика определяется институтами как экономическими, так и политическими. Включение неэкономических институтов очень важно. Религия и правительство также важны для функционирования экономики, как денежные институты» [1, 144]. Функцией экономики, с позиции субстантивизма, является воспроизводство общества как культурного феномена. Экономика, не подчиненная этой цели, разрушает основы общественной жизни, сохранению которых предназначена служить.

Принципиальные разногласия между формалистами и субстантивистами касаются вопроса о месте и роли экономики в обществе, о соотношении экономических и неэкономических факторов хозяйственной жизни. В рамках формалистского направления экономика рассматривается как определяющая сфера человеческой — индивидуальной и общественной — жизни. Основной постулат субстантивизма, напротив, состоит в том, что в нерыночных хозяйствах экономика представляет собой «встроенный» институт, который можно анализировать лишь в контексте всей системы социальных отношений. Экономика становится определяющим фактором общественного развития лишь при капитализме эпохи свободной конкуренции. Это связано с кардинальным изменением в ценностных ориентациях, мотивации и критериях человеческой деятельности. Следовательно, в нерыночных хозяйствах существуют иные взаимосвязи и взаимозависимости между хозяйственными субъектами, исследование которых составляет предмет экономической теории наряду с изучением законов развития рыночной экономики эпохи свободной конкуренции. В качестве предмета экономической теории субстантивисты рассматривают процесс добывания средств существования, производство материальных благ для удовлетворения потребностей.

Доминирующее неоклассическое направление современной экономической теории опирается на использование формальных методов исследования экономических явлений. Однако, по справедливому замечанию А. Пигу, «причинно-следственные связи в экономике могут составить предмет исследования только при том условии, что обстоятельства, лежащие за пределами экономической сферы, или остаются неизменными, или по крайней мере изменяются строго определенным

образом» [2, 86]. К обстоятельствам, лежащим за пределами экономической сферы, относятся культурные ценности, традиции и нормы поведения, выработанные опытом предшествующих поколений, высшие духовные ценности, определяющие смысл человеческой жизни. В соответствии с логикой формализма именно они составляют «обстоятельства второго класса», имеют подчиненное стремление к материальному обогащению значение и относятся к разряду «прочих равных».

Нереалистичность предположения о неизменности неэкономических факторов не отрицает ли практическую пользу исследований, основанных на формально-логических принципах? А. Пигу отвечает на этот вопрос следующим образом: «Я полагаю, что в странах с фундаментальной общей культурой (подобных существующим в Западной Европе) данное условие (неизменности неэкономических факторов, либо их изменения в строго определенном направлении. — *Н.П.*) реализуется настолько, насколько это необходимо для оправдания результатов экономических исследований, которые имеют приемлемо хорошую степень приближения к истине» [2, 86]. В этих словах заключается также и ответ на вопрос, каким «строго определенным образом» должны меняться ценностные ориентации хозяйствующих субъектов, чтобы результаты формально-логических построений имели приемлемо хорошую степень приближения к истине — в направлении усвоения культурных ценностей, подобных существующим в Западной Европе. Каким же ценностям западной цивилизации сторонники формального подхода придают общечеловеческий характер? К ценностным ориентациям, непосредственно определяющим поведение людей в странах Западной Европы, автор относит «причины, которые действуют через испытываемую человеком жажду богатства» [2, 86—87]. Эти мотивы человеческого поведения он называет обстоятельствами первого класса. Все остальное — причины и обстоятельства второго класса.

Вытеснение из сферы экономических исследований социально-культурных факторов хозяйственной деятельности, замещение высших духовных ценностей рыночными целевыми установками придают формальному анализу асоциальный характер. Распространение принципов рыночного поведения на неэкономические сферы общественной жизни, что в современной экономической теории получило название «экономического империализма», приводит к коммерциализации общества, когда не только материальная, но и духовная жизнь общества и личности строится по законам рыночных отношений и возмездного обмена. Неизбежными следствиями коммерциализации являются дегуманизация общества, деградация личности и природы.

Научное познание опирается на факты. Как заметил М. Пуанкаре, наука строится из фактов, как дом из камней, но простой набор фактов является наукой в той же мере, как груда камней есть дом. Научный подход реализуется в открытии законов, которые в частных фактах находят свое проявление. Открытые наукой законы не просто фиксируют общее в наблюдаемых фактах. Они являются обобщениями, т. е. мысленным переходом от фактов к выводу. Процесс обобщения связан с абстрагированием от второстепенных сторон явления и выявлением его существенных свойств и признаков. Познать закон — значит раскрыть сущность исследуемого явления. Сущность не обнаруживается в фактах непосредственно: нередко факты могут исказить сущность предмета.

На ранних этапах развития экономической науки в экономических исследованиях применялась методология традиционной формальной логики. Традиционная логика изучает законы правильного построения и сочетания мыслей в рассуждении. Позднее на основе достижений в области естествознания, прежде всего, математики сформировалась вторая ступень формальной логики — математическая логика, применяющая математические методы и специальный аппарат символов и исследующая предмет с помощью исчислений (формализованных языков).

Математическая логика, как и традиционная, формальна в том смысле, что абстрагируется от значения исследуемых понятий и судит о взаимосвязи и переходах от одних предложений (высказываний) к другим и получающемся в итоге выводе только на основании формы последовательности предложений. Формальная логика в философской литературе называется наукой о законах выводного знания, т. е. знания, полученного из ранее установленных и проверенных истин, без обращения в каждом конкретном случае к фактам, а только в результате применения законов и правил мышления. Методология формально-логического вывода заключается в исследовании общих форм умозаключений, независимо от смысла посылок и выводов. На всех ступенях своего развития формальная логика главное внимание направляет на изучение структуры знания, его «анатомирование».

Математическая логика — это логика, развившаяся в точную науку. Ее отличия от традиционной формальной логики немецкие математики Д. Гильберт и В. Аккерман выделили следующим образом: «Логические связи, которые существуют между суждениями, понятиями и т. д., находят свое выражение в формулах, толкование которых свободно от неясностей, которые легко могли бы возникнуть при словесном выражении. Переход к логическим следствиям, совершающийся посредством умозаключения, разлагается на свои последние элементы

и представляется как формальное преобразование исходных формул по известным правилам, которые аналогичны правилам счета в алгебре; логическое мышление отображается в логическом исчислении.

Это исчисление делает возможным успешный охват проблем, перед которыми принципиально бессильно чисто содержательное логическое мышление» [3, 294]. Предельное абстрагирование от конкретного содержания понятий позволяет открыть некоторые новые логические закономерности, знание которых дает возможность решать трудные логические задачи в области, прежде всего, математики, кибернетики, проектирования электронно-вычислительных машин, различных автоматически действующих аппаратов, в теории программирования.

Математическая логика обладает более разносторонним и совершенным аппаратом, чем традиционная логика. Но, как отмечает Н.И. Кондаков, «было бы неправильно и переоценивать математическую логику, приписывать ей возможность решать все проблемы мышления, как это пытаются представить некоторые представители этой дисциплины» [3, 295]. Существует множество вопросов, для решения которых недостаточно средств логического исчисления. К ним относится, прежде всего, исследование сущности понятий, природы изучаемых явлений и процессов, познавательного значения полученных на основе логических исчислений выводов. Следовательно, формальная логика не может быть единственной методологией исследования. Собственная область применения формальной логики ограничивается теми пределами, в которых понятия могут трактоваться как фиксированные, постоянные в своей основе, а потому поддающиеся формализации [3, 129]. Однако социальные явления нельзя признать статичными по природе. Поэтому особую роль в познании сущности социальных явлений играет диалектическая логика.

Диалектическая логика исследует явления, их отдельные стороны, признаки и свойства как всесторонне взаимосвязанные, становящиеся, переходящие друг в друга, исчезающие друг в друге. Основными принципами систематизации понятий в диалектической логике являются принципы взаимосвязи и развития. Экономическая система рассматривается как развивающаяся взаимосвязь категорий и законов — взаимосвязь в развитии. Каждое явление и система в целом исследуются в процессе самодвижения от одних форм и структур к другим, от старого к новому. Источником развития системы и ее элементов рассматривается внутреннее противоречие, которое Гегель называл корнем всякого движения и жизненности. Процесс развития анализируется в единстве исторического и логического методов и понимается как переход количественных изменений в качественные, как отрицание отрицания.

Ведущим методом познания диалектической логики является восхождение от абстрактного к конкретному. В этом восхождении достигается последовательное приближение теоретического знания к истине: от видимости явлений и процессов к их сущности и от нее к практике. Конкретное, с одной стороны, выступает в качестве предпосылки, исходного пункта познания, а с другой — является одним из критериев правильности абстрагирования, его адекватности развитию исследуемых объектов. Таким образом в диалектической логике преодолевается ограниченность формально-логического моделирования стационарных состояний.

Формальная и диалектическая логики не исключают, а восполняют друг друга. Между тем до сих пор диалектическая логика не освоена в полном объеме. Господствующее положение в методологии экономического исследования по-прежнему занимает формальная логика.

Доминирующее направление современной экономической теории исходит из того, что количество и качество всех ресурсов, технология их превращения в готовую продукцию, потребности членов общества, цели их экономической деятельности и т. д. являются заданными и неизменными, а конкуренция — совершенной. При таком подходе вне сферы исследования оказываются наиболее существенные вопросы о внутренних закономерностях развития капиталистического способа производства. На этот недостаток неоклассического анализа обращают внимание, в том числе, и представители неоклассического направления. Однако, несмотря на практически всеобщее признание «в высшей степени абстрактных результатов» общего равновесного анализа, за ним признается эвристическая ценность в исследовании проблем координации экономической деятельности в рыночном хозяйстве. «Абстрактно-математические разделы общего равновесного анализа, — отмечают С.В. Брагинский и Я.А. Певзнер, — играют в политэкономии ту же роль, что в естественных науках математика. Само по себе развитие математики не решает никаких прикладных проблем, не способно дать ответ ни на один конкретный вопрос. Но разработанные ею методы используются для всех прикладных расчетов...

Точно так же и абстрактные методы общего равновесного анализа должны лежать в основе всякой попытки научно решить любую конкретную политэкономическую проблему или прикладную экономическую задачу» [4, 107—108].

Думается, однако, что используемая авторами аналогия некорректна. Экономическая теория в отличие от естественных наук имеет дело не с неизменными законами природы, а с исторически изменяющимися экономическими отношениями и соответствующими категориями и

законами. Это обуславливает приоритетное значение качественного, содержательного социально-экономического анализа.

Античная философия впервые обратила внимание на взаимосвязь метода и результата познания. Ориентация исключительно на методы формальной логики предопределяет статический характер неоклассических моделей, оторванность неоклассического анализа от потребностей общественно-экономической практики.

Главной заслугой общего равновесного анализа в неоклассической теории признается «демонстрация и строгое доказательство того, что рыночный механизм (при неизменных исходных условиях и совершенной конкуренции) способен достичь оптимального... распределения ресурсов...» [4, 107]. В констатации этого вывода заключается смысл основных теорем современной теории общественного благосостояния. Однако при нереалистических и в высшей степени абстрактных предпосылках данный вывод носит сугубо идеологический характер.

Научное значение концепции рыночного равновесия состоит, на наш взгляд, отнюдь не в демонстрации способности рынка без вмешательства извне оптимально распределять ограниченные экономические ресурсы, способствуя максимальному удовлетворению потребительского спроса, а в строгом доказательстве того, *при каких условиях* рынок способен к саморегулированию. Насколько нереалистичны исходные предпосылки равновесного анализа, настолько лишен практического смысла и вывод о способности рынка к координации экономической деятельности на общее благо. Значение данной концепции для общественно-экономической практики заключается в демонстрации и строгом доказательстве того, что рыночный механизм без вмешательства государства не способен достичь оптимального распределения ресурсов. Именно в этом, на наш взгляд, главная заслуга общего равновесного анализа. Можно лишь согласиться с авторами одного из первых в российской экономической литературе системных изложений неоклассической экономической теории в том, что абстрактный анализ состояния равновесия — это лишь первая ступень [4, 108] исследования природы и механизмов координации экономической деятельности в рыночном хозяйстве. Изучение закономерностей, в соответствии с которыми обеспечивается пропорциональность хозяйства на различных стадиях общественного развития, должно вобрать в себя анализ воспроизводственного процесса и социально-культурных факторов — ценностей, мотивов, стимулов, социально-экономической политики.

Литература

1. Розинская Н.А. Введение в экономическую антропологию // Слудковская М.А., Розинская Н.А. Развитие западной экономической мысли в социально-политическом контексте. М., 2005.
2. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. 1. М., 1985.
3. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.
4. Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М., 1991.

К.В. МАРКАРЯН

Рациональная экономика: институциональный аспект

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые подходы к так называемой рациональной экономике, которая представляется автором в качестве новой экономической парадигмы, сочетающей лучшее планового и рыночного хозяйств. При этом ее основные положения не постулируются, а выводятся исходя из существующих экономических реалий.

Ключевые слова: рациональная экономика, экономика совести, Кембриджская дискуссия, структуризация хозяйства, корпоративное государство, человеческий капитал.

Abstract. The study examines several approaches to the so-called rational economy, which is presented by the author as a new economic paradigm, combining the best aspects of the command and market economies. Yet, its main propositions are not postulated, but rather are drawn from the existing economic realias.

Keywords: rational economy, conscience economy, Cambridge debate, structured economy, corporate state, human capital.

Согласно одной из гипотез, объясняющих механику общественного прогресса, его движущей силой являются два начала человеческой активности — *прообщественное* и *эгоцентричное*.

На вере в способность прообщественного начала «расшить» узкие места капитализма и обеспечить плановому хозяйству б льшую производительность труда базировался социализм. Но борьба с «гримасами» рынка путем ликвидации его основных элементов — конкурентной среды и права людей оптимизировать свои доходы — привела к снижению производительности труда. В результате, несмотря на характерные для социализма высокие инвестиции, произошло падение

объемов производства, повлекшее за собой крах плановой экономики и социалистической системы в целом.

В свою очередь приверженцы воплощенной в рыночной экономике эгоцентричной мотивации исходят из того, что естественное стремление людей к накоплению является залогом процветания общества, а занятость населения и стабильность цен наилучшим образом гарантируются отказом от государственного регулирования в экономике и установлением рыночной конъюнктуры.

В процессе их спора успех каждой из них обеспечивался не столько их собственной внутренней ценностью, сколько силой интересов и мнений, которым они благоприятствовали, и это закономерно, ибо экономическая наука неразрывно связана с судьбой политических доктрин, представляющих утвердившиеся интересы и идеологии.

Примером столкновения интересов прообщественного и эгоцентрического начал может служить теория распределения, берущая свое начало от разработанной Дж.Б. Кларком теории предельной полезности труда [1]. В основе ее лежит вывод, согласно которому спрос на факторы производства, связанный с их предложением, определяет цены на эти факторы и тем самым доходы их владельцев. Иначе говоря, утверждается, что прибыль как предельный продукт капитала создается его владельцем точно так же, как заработная плата в качестве предельного продукта труда создается человеком труда.

Этот вопрос стал темой обсуждения так называемой кембриджской дискуссии, проходившей в течение 1950—1970-х гг. между учеными английского и американского Кембриджа, ставшей известной в России благодаря работе С. Дзарасова [2].

Увы, мимо участников дискуссии прошло то обстоятельство, что экономическая теория не только не комментирует, но даже не задается вопросом о том, на каком основании всю чистую прибыль в виде своего вознаграждения получает только капитал. Ведь кроме вознаграждения он получает также и свое возмещение (амортизацию), учитываемое в составе затрат на произведенный продукт. Но с учетом того, что труд инвестируется в производство также как капитал, было бы справедливо и верно, если и труд наряду с капиталом имел бы право не только на возмещение (зарплату), но и на прибыль, обеспечивающую ему возможность не только простого, но и расширенного воспроизводства. Собственно, правильнее рассматривать здесь не труд, а человеческий капитал.

Для того чтобы определить вознаграждение (прибыль) труда и капитала, необходимо из всей суммы добавленных стоимостей в экономике страны вычесть амортизацию физического и человеческого капитала. Полученную величину условно назовем отрегулированным чис-

тым национальным продуктом (ЧНП). Вычитая из него косвенные налоги, проценты и рентные платежи, а также доход самостоятельно занятых, получаем прибыль как предельный продукт человеческого и физического капитала.

Рассмотрим, как вышесказанное будет описываться в системе национальных счетов, изменив ее так, чтобы учесть в ней амортизацию человеческого капитала, и сравним ее с традиционной (рис. 1).

		Амортизация физического капитала		Амортизация		
		Амортизация человеческого капитала			Косвенные налоги	
	Косвенные налоги					Проценты и рентные платежи
Проценты и рентные платежи	Отрегулированный национальный доход		ВНП			Прибыли
Прибыль физического капитала		Отрегулированный ЧНП		ЧНП	Национальный доход	Доход самостоятельно занятых
Доход самостоятельно занятых						Выплаты наемным работникам
Прибыль человеческого капитала						

Рис. 1

Видоизменение структуры национальных счетов никак не повлияет на величину воздаваемого физическому и человеческому капиталу

блага, ибо это было, есть и будет оставаться прерогативой рынка. Изменится лишь структура воздаваемого, иначе говоря, унифицируются его источники, откуда и тот и другой будут черпать отпущенное им рынком материальное благо.

Мы отнюдь не ставим перед собой цель доказать, что приведенная выше схема изменения национальных счетов может способствовать перераспределению национального дохода в пользу человеческого капитала, ибо последнее целиком и полностью определяется востребованностью этих двух факторов производства. Преследуемая цель более чем проста — она заключается в необходимости дать адекватный исчерпывающий ответ на один из вызовов нашего времени.

Предлагаемый в данной работе переход на позицию двух равноправных форм капитала, лишая противоречие между трудом и капиталом его главной опоры — классового подтекста и подводя черту под марксистским определением классов и классовой борьбы, наполняет новым содержанием популярную сегодня концепцию социального партнерства. Фактически оба рассматриваемых нами типа капитала — и физический, и человеческий — приобретают одну и ту же капитальную сущность, хотя свойства их во многом различны.

Не менее важен раздел прибыли между человеческим и физическим капиталом. Очевидно, он должен учитывать соотношение объемов и сроков их инвестирования.

Возвращаясь к итогам Кембриджских дискуссий, нельзя замолчать и то, что, обсуждая проблему измерения капитала, а также вопрос о том, является ли капитал всего лишь техническим фактором производства или также и общественным отношением, его участниками был незаслуженно проигнорирован третий аспект — вопрос о неравнозначности труда и капитала как факторов производства.

Этот вывод напрашивается уже хотя бы потому, что прибыль как конечный продукт капитала не может быть создана без участия труда, в то время как заработная плата как предельный продукт труда может быть создана и без участия капитала. Иначе говоря, ни одна предельная полезность не может быть создана без труда, в то время как иные предельные полезности могут быть созданы и без участия капитала. А из этого следует, что труд и капитал не могут выступать как минимум равнозначными факторами производства; ключевым из них является труд. Причем труд не косвенный, к примеру, менеджера, а непосредственный — производственного персонала. И это закономерно, ибо не обладающий производственными навыками менеджер не способен изготовить товар, несмотря на свое умение организовать его производство. В то же время не обладающий знаниями менеджера рабочий уме-

ет, объединяя старые стоимости, создать новый товар и соответствующую ему новую стоимость.

Вопрос — становятся ли труд и капитал равноправными участниками производственного процесса — перестает быть риторическим, как только мы пытаемся понять, каким образом формируется распределение дохода между трудом и капиталом. Согласно существующим в настоящее время экономическим воззрениям, цена за факторы производства устанавливается на уровне предельной производительности данного фактора. Однако подобное равноправие будет существовать только в том случае, если ситуация на рынках факторов производства близка к совершенной конкуренции. И если рынок труда в каком-то приближении можно рассматривать как чистую конкуренцию, то для рынка капитала подобная абстракция является довольно натянутой. Основное различие между трудом и капиталом состоит в том, что труд не способен концентрироваться так, как это может делать капитал.

Труд становится все более и более индивидуализированным и персонализированным. Капитал, наоборот, все более укрупняется. Фактически весь процесс развития общества говорит о том, что векторы развития у человеческого и физического капитала направлены в разные стороны. Роль человеческого капитала непрерывно растет, физического капитала — снижается. Косвенным подтверждением этому служат колебания стоимости акций на рынке. Физическая их стоимость не меняется, однако рынок реагирует именно на способность менеджмента, обслуживающего капитал, извлекать из него прибыль. Тем не менее практически никто не связывает динамику курса акций с изменением оценки применяемого человеческого капитала.

Для того чтобы пересмотреть роль человеческого капитала, поставив его на один уровень с физическим капиталом, необходимы серьезные институциональные изменения в обществе. Такую попытку в свое время спровоцировал марксизм.

Когда-то его «повивальной бабкой» стала индустриальная революция. Заводы и фабрики, сменившие ремесленников, были рассчитаны исключительно на применение наемного труда. Марксистская теория определила применение наемного труда и присвоение прибавочной стоимости капиталистом как эксплуатацию, в основе которой лежит его частная собственность на средства производства. Осознавая бесперспективность борьбы со следствием без искоренения самой причины, марксизм объявил вне закона частную собственность на средства производства, поскольку она предполагает эксплуатацию чужого труда. В то же время марксисты отдавали себе отчет в том, что развитие немислимо без индустриализации общества и что возврат к кустарям-

одиначкам не только противоречит самой логике развития общества, но и обозначает собой неизбежную его инволюцию.

Не имея возможности отказаться, с одной стороны, от индустриализации, а с другой — от тезиса о «недопустимости эксплуатации человека», социалистическая теория нашла изящный выход из этой типиковой ситуации, дополнив тезис одним словом — *человек*. Таким образом, социализм, с одной стороны, отрицал возможность эксплуатации человека человеком, а с другой — допускал ее возможность со стороны государства. Тем самым удалось убить сразу трех зайцев: во-первых, соблюсти верность идеологии; во-вторых, использовать индустриализацию как локомотив развития экономики и, в-третьих, подвести идеологическую базу под национализацию предприятий и огосударствление экономики.

Сегодня постиндустриальной жизнью востребована новая экономическая парадигма, сочетающая в себе лучшие черты планового и рыночного хозяйств и лишенная присущих им системных недостатков. Результатом такой конвергенции могла бы стать экономическая модель рациональной экономики, сочетающая макроэкономическую целевую функцию с сохранением рыночной конкуренции.

Основным императивом рациональной экономики является максимизация совокупной полезности рационализируемой экономической системы. Наглядным примером такой экономики служит экономика современных корпораций, интересы которых превалируют над интересами входящих в них предприятий.

Актуальность рациональной экономики для национального хозяйства обусловлена, по крайней мере, четырьмя факторами: во-первых, *системным кризисом рыночной экономики*, потерявшей в лице планового хозяйства своего единственного конкурента; во-вторых, *трансформацией экономической системы индустриального капитализма* в связи с вступлением общества в постиндустриальную фазу развития; в-третьих, *необходимостью сохранения государственного контроля* над национальной экономикой в условиях усиления влияния ТНК; в-четвертых, *логикой эволюции максимизирующих полезность экономических агентов*: «рациональный человек» — «рациональное предприятие» (рациональная группа людей) — «рациональная корпорация» (рациональная группа предприятий) — «рациональная экономика» (рациональная группа корпораций).

Заметив, что переход к общей модели рациональной экономики возможен только благодаря определенной институциональной реформе национального хозяйства, перейдем непосредственно к рассмотрению схемы функционирования рациональной экономики.

Представим национальное хозяйство в виде некоторого ограниченного множества взаимосвязанных элементов — предприятий f_i (рис. 2).

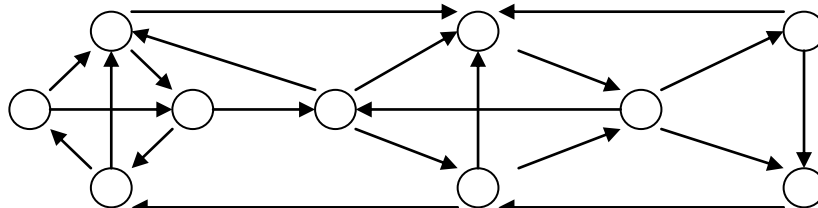

Рис. 2. Описание национального хозяйства в виде системы предприятий

Каждое из этих предприятий решает множественную задачу. Производственную, создающую материальную ценность в виде товара или услуги, производственно-экономическую, поскольку создается потребительский, или капитальный, товар, и экономическую — создающую новую стоимость, или, иначе, полезность.

Предположим, что каким-то образом всем этим предприятиям удалось бы достичь своей максимальной полезности. Однако из этого не следует, что при этом была бы достигнута также максимально возможная полезность всего национального хозяйства в целом. Дело в том, что достижение каким-либо предприятием своей максимальной полезности обуславливает, как правило, не самые лучшие условия для функционирования связанных с ним предприятий — потребителей его продукции.

Максимальная полезность всего национального хозяйства в целом достижима только тогда, когда управление каждым предприятием будет направлено не на обеспечение его обособленной максимальной полезности, а на обеспечение совокупной максимальной полезности его и его потребителей. Это утверждение вытекает из известного принципа оптимальности и является одной из возможных его формулировок.

Однако такая цель недостижима без некоего общего для всего народного хозяйства регулирования. В отличие от экономики накопления и роста, где в роли главного регулятора выступает рынок, в национальной экономике роль ведущей «скрипки» должно играть государство. Но если эта роль выльется в формирование ценовой политики для каждого предприятия, пусть даже в угоду всеобщей достаточности, это, убив конкуренцию и рынок, приведет к приснопамятному плановому социализму. Следовательно, для осуществления своей регулятивной функции не в ущерб рынку государство должно не заведовать народным хозяйством, а объединять его и направлять, так же, как

штурвал направляет влекомое парусом судно. Аналогия более чем исчерпывающая. Оно должно регулировать макроэкономические процессы и создавать правила экономических взаимодействий, и ни в коем случае не конкурировать с частными предприятиями. И не потому что, как утверждают либералы, государство является плохим предпринимателем, поскольку тратит не свои, а обезличенные общественные деньги, ибо согласно такой логике плохими предпринимателями должны быть и топ-менеджеры публичных компаний, отвечающие за деньги обезличенных акционеров, числом не уступающие населению небольших государств. Просто нельзя устанавливать правила некой «игры» и быть в то же время ее участником.

Но государство не в состоянии непосредственно взаимодействовать со всеми предприятиями страны. Возможно лишь опосредованное взаимодействие, и то после соответствующей структуризации ее народного хозяйства, снижающей степень макроэкономической детализации через укрупнение экономических подсистем и упрощающей народное хозяйство как объект моделирования и управления.

Пример итальянских национальных концернов и южнокорейских чеболей свидетельствует, что не всякое агрегирование приводит к отраслевой либо территориальной структуризации. Более того, для сокращения издержек, обусловленных структуризацией, предпочтительнее та ее модель, которая приводит к минимальному внешнему манипулированию субъектами рынка.

С целью дальнейшего развития этого тезиса представим взаимодействие предприятий в виде матрицы баланса их связей (табл. 1), в которой каждой паре предприятий f_i и f_j соответствует коэффициент k_{ij} , представляющий собой долю одного в объемах продаж другого.

Таблица 1

Матрица баланса связей предприятий

	f_1	f_2	—	f_i	—	f_n
f_1	k_{11}	k_{12}	—	k_{1i}	—	k_{1n}
f_2	k_{21}	k_{22}	—	k_{2i}	—	k_{2n}
—	—	—	—	—	—	—
f_i	k_{i1}	k_{i2}	—	k_{ii}	—	k_{in}
—	—	—	—	—	—	—
a_n	k_{n1}	k_{n2}	—	k_{ni}	—	k_{nn}

Осуществим разбиение множества предприятий f_i , иначе говоря, структуризацию национального хозяйства, на минимально связанные непересекающиеся подмножества — корпорации первого уровня. Очевидно, что для этого в подмножества-корпорации должны будут быть объединены максимально взаимосвязанные друг с другом предприятия. Назовем это структуризацией национального хозяйства по принципу минимизации внешних связей. В результате получаем возможность представления национального хозяйства в виде взаимосвязанной совокупности корпораций 1-го уровня и естественных монополий. Далее осуществим разбиение множества бизнес-групп первого ранга на минимально связанные непересекающиеся подмножества бизнес-групп второго ранга. С этой целью в них объединяются максимально взаимосвязанные бизнес-группы первого ранга. В результате получаем возможность описания народного хозяйства совокупностью бизнес-групп второго ранга и естественных монополий. После этого по тому же алгоритму производим укрупнение бизнес-групп второго ранга в бизнес-группы третьего ранга и т. д. — до тех пор, пока наблюдается сокращение числа межгрупповых связей.

Поскольку топология народного хозяйства напоминает граф, а постановка задачи структуризации — задачу упорядочивания его вершин и дуг, а также разрыва и выделения разомкнутых циклов, решение ее можно достичь методом графов и теории матриц.

Очевидно, что связи между бизнес-группами высшего ранга, равно как и другие связи, включенные в ту или иную бизнес-группу того или иного ранга, на самом деле являются производственными связями самих предприятий. Просто на каждом этапе структуризации часть из них превращается во внутренние связи бизнес-групп более высокого ранга, а другие обеспечивают их взаимодействие. Данные свидетельствуют о том, что на долю последних приходится около трети совершаемых в мировой экономике транзакций, в то время как на внутригрупповые транзакции приходится вторая их треть, и лишь последняя треть обусловлена деятельностью независимых предприятий. Именно в сочетании политики внутригрупповых трансфертных цен, а также конкуренции бизнес-групп высшего порядка и не примкнувших к ним предприятий, заключается конвергенция положительных рыночных и плановых начал как базисных ценностей достаточной экономики. Учитывая отмеченный академиком В. Ивантером феномен возникновения промежуточных монополий, дополнительным ограничением при подобной структуризации должно будет стать размещение профильных предприятий в разные бизнес-группы.

Предполагается, что ранжир национальных хозяйств не будет превышать 4. И это в какой-то мере закономерно, ибо транснациональные корпорации углубляются в своем делении на 3—4 эшелона, а плановая экономика базировалась на «четырёхзвенке»: народное хозяйство — отрасль — производственное объединение — предприятие.

Отметим, что трансфертные цены являются своего рода симбиозом рыночной и плановой цен, ибо они, во-первых, ориентируются на рыночные цены, для которых являются априори внешними, экспортно-импортными, и, во-вторых, опираются на внутренний хозрасчет, обеспечивая достаточность вышестоящей иерархии бизнес-группы. Но при этом задаваемое внешнее ограничение является абсолютным, и даже если обособленная достаточность нижестоящей бизнес-группы требует иной цены, это требование игнорируется, ибо интересы внешней бизнес-группы по определению выше интересов образующих ее бизнес-групп.

Трансфертные цены применяются сегодня и в России, хотя и в заведомо более узком смысле — с целью оптимизации налогов. В настоящей работе идея этого регулятора развивается не только дальше, но определенно и глубже.

Итак, институциональные реформы позволят преобразовать национальное хозяйство в иерархическую диверсифицированную мегабизнес-группу, каждый уровень которой будет представлять собой совокупность минимально связанных бизнес-групп, объединяющих максимально взаимосвязанные нижестоящие бизнес-группы. При этом ценно, что минимизация внешних связей, минимизируя внешнее регулирование бизнес-групп, компенсирует спровоцированную структуризацией сужение рынка. Сами же бизнес-группы будут представлять собой совокупность максимально взаимосвязанных видов хозяйственной деятельности (кластеров), концентрирующихся вокруг какой-либо ключевой деятельности, к примеру, добычи сырья.

Очевидно, что суммарная капитализация такой бизнес-группы, объединяющей экономику пусть даже небольшой страны, усиленная ее суверенитетом, позволит национальной экономике успешнее противостоять транснациональным корпорациям в условиях все усиливающихся глобальных тенденций.

Итак, внедрение принципов рациональной экономики позволяет представить национальное хозяйство в виде вертикально-интегрированной иерархической этнокорпорации, каждый уровень которой представляет собой совокупность корпораций одного порядка, объединяющих максимально взаимосвязанные нижестоящие корпорации.

Первичным объектом анализа стратегического планирования во всех корпорациях будут стратегические подразделения, объединяющие «подведомственные» корпорации и действующие на рынке как самостоятельные «центры прибыли». Важнейшей задачей стратегического планирования станет политика внутрикорпоративных цен, обеспечивающая максимальную полезность всей этнокорпорации.

Текущее планирование каждой корпорации будет основываться на показателях ее стратегического плана. С его помощью будут определяться планируемые на текущий период объемы и издержки производства, а также намеченная прибыль. Очевидно, что так называемым центром прибыли для корпораций наивысшего порядка (системообразующих корпораций) и естественных монополий должно стать само государство, которое также должно быть представлено в виде корпорации. Ибо еще Кельзен утверждал, что «государство, если рассматривать его как чисто правовой феномен, как юридическое лицо, есть не что иное, как корпорация».

И по своему генезису госсобственность похожа на корпоративную. Она та часть общенациональной собственности, которая ввиду своей неделимости передана в управление государству. А общенациональная собственность в конечном итоге является собственностью существующего поколения граждан. Преобразовав государство в свою этнокорпорацию и превратившись в его совладельцев, люди наконец избавятся от статуса налогоплательщика, веками обуславливающего унизительную для них экономическую подчиненность государству.

Тем самым будет поставлена логическая точка в миссии, начатой Французской революцией — в миссии по превращению человека из подданного в гражданина как наивысшего носителя власти в стране. При этом акционирование государства принципиально отличается от приватизации его собственности, ибо акции, в отличие от приснопахнутых ваучеров, являются финансовыми инструментами интеграции, а не диверсификации капиталов.

Литература

1. *Кларк Дж. Б.* Распределение богатства. М., 2000.
2. *Дзарасов С.* Российские «реформы» и экономическая теория // Вопросы экономики. 2002. № 7.

О.В. БРИЖАК

Российские корпорации: акторы и их интересы

Аннотация. В статье рассматриваются внутрикорпоративные экономические отношения в России. Выделяются основные акторы этих отношений и их интересы. Показываются многообразие интересов каждого из участников внутрикорпоративного процесса и специфика этих отношений и интересов их акторов в России. Автор ведет свое исследование, опираясь на системный метод, акцентируя внимание на использовании институционального и политэкономического категориального аппарата.

Ключевые слова: внутрикорпоративные отношения и их акторы, интересы агентов внутрикорпоративных отношений, специфика российских корпораций, системный метод теоретико-экономического исследования.

Abstract. The system of Russian inter-corporative relations is in the center of point of analysis of the author, who shows main actors of this relations and their interest. Author argues, that each actor has complex system of interests. This system is highly specific in Russia. This specific features are also one of the key aspects of the article. Author's analysis is based on system methodology and institutional and political economic approach.

Keywords: inter-corporative relations and its actors, interests of actors of inter-corporative relations, specific features of Russian corporations, system methodology, political economy, institutional analysis.

Превращение крупных корпоративных структур в основных агентов экономической жизни России стало фактом с началом экстенсивного экономического роста конца 1990 — 2000-х гг. Экономический кризис 2008 — 2010 гг. мало что изменил в этом положении: несмотря на значительный спад производства и еще больший — капитализации, корпорации России остаются основными игроками на ее экономическом поле.

Исследование российских корпораций ведется по многим направлениям. При этом, однако, преобладает анализ места и роли корпораций. Что касается внутрикорпоративных процессов, то здесь доминируют работы по проблемам корпоративного менеджмента или анализируются функциональные зависимости между различными параметрами и потоками ресурсов в фирмах.

Между тем российские корпорации, особенно сырьевые, приближаясь по объемам занятости и роли в национальной экономике к корпорациям развитых стран, все более превращаются в сложно организо-

ванные системы социально-экономических отношений многообразных акторов, обладающих разнообразными, взаимосвязанными, но вместе с тем в определенных случаях и противоречивыми интересами.

Кроме того, следует отметить, что наличие массы переводных работ по теоретическим проблемам корпоративного менеджмента и российских исследований, в основном воспроизводящих разработки западных коллег и дополняемых некоторыми отечественными иллюстрациями, не компенсирует минимального количества работ, посвященных специфике российских субъектов внутрикорпоративных отношений, их интересов и взаимодействий. Между тем эта специфика принципиально значима, причем в целом ряде аспектов, из которых мы выделим только наиболее важные и наименее исследованные.

Анализ специфической системы отношений и интересов, складывающихся внутри российских корпораций, причем преимущественно экономико-теоретический и даже политико-экономический и станет основным предметом данной статьи.

Система внутрикорпоративных отношений и интересов их акторов

Система внутрикорпоративных отношений отличается многоуровневостью экономических отношений, формирующих множественность экономических интересов. Основными группами носителей экономических интересов в рамках корпорации, как известно, являются собственники капитала, менеджеры и наемные рабочие. Каждая из этих групп обладает конкретным спектром базовых интересов, присущих только данной группе и вытекающих из социального статуса ее членов.

Экономические интересы основных субъектов корпорации взаимосвязаны, взаимообусловлены, находятся в постоянном, противоречивом взаимодействии. От того, какова система отношений этих субъектов, какие используются принципы и в какой пропорции делится прибавочный продукт, зависит воспроизводство экономических интересов.

В зрелой рыночной экономике интересы менеджеров корпорации связаны с самовоспроизводством своего статуса в корпорации и как особого индивида, и как особой экономически-властной группы, что в настоящее время предполагает наличие отношений участия менеджмента в прибыли как результата функционирования и развития реального капитала корпорации. В его интересы входят создание эффективной системы управления текущей производственно-хозяйственной деятельности, обеспечение наилучших условий для процветания корпорации.

Основной интерес субъектов исполнительского труда связан с эффективным воспроизводством их рабочей силы и тем самым с заключением выгодных трудовых контрактов. Им не безразлична судьба корпорации, от которой зависят их занятость, заработная плата, получение ряда социальных льгот и даже социальный престиж. Чисто дивидендный интерес мелких держателей акций в этом плане близок к «зарплатному» интересу субъектов наемного труда, выполняющих исполнительские функции.

Интерес крупных собственников акционерного капитала связан с капитализацией прибыли и ростом капитального накопления акций. Причем предметом интереса, складывающегося в сфере отношений собственности, является не реальный капитал корпорации, а лишь его фиктивное выражение — акции, т. е. ценные бумаги, свидетельствующие о внесении их владельцем определенной суммы денег в капитал АО и дающие ему право на получение ежегодного дохода из прибылей общества, а также на участие в управлении корпорацией, но не предоставляющие акционеру возможности реально распоряжаться его имуществом. Таким образом, интерес в сфере отношений собственности в рамках корпоративной формы хозяйствования проявляется двояко: с одной стороны, как стремление акционера к максимизации имеющегося у него пакета акций, а с другой — как заинтересованность в росте курсовой стоимости находящихся в собственности акционера акций на фондовом рынке.

Интересы основных групп, составляющих внутреннюю структуру корпорации, и интересы самой корпорации как особого института — не всегда совпадают. С одной стороны, корпорация является инструментом достижения ее собственниками тех или иных целей, с другой — дальнейшее развитие социально-экономического и научно-технического прогресса делают все более значительными качественные различия между интересами оптимального функционирования корпорации и имущественными интересами ее собственников [2, 211].

Корпорации обладают специфическими интересами и динамикой развития как особые экономические институты, для которых их титул собственника порой является регрессивным фактором. Так, внутренние интересы предприятия синтезируются в процессах создания новой стоимости и инновационного восстановления производственной базы. Внешний институциональный интерес состоит в сохранении общей стабильности и репутации, занятии той или иной позиции на рынке, приобретении и закреплении постоянного влияния. Принцип институциональности позволяет корпорации концентрировать и эффективно использовать интересы и возможности своих деловых партнеров, работников, инвесторов, банков, государства. Следовательно, возникает

ситуация, при которой интересы и выгоды развития корпорации ограничивают влияние имущественных интересов собственников в управлении ею. В такой ситуации можно вести речь только о совместности, а не о тождестве интересов корпорации и ее формальных собственников — акционеров [3, 65—66].

**Модификация интересов основных акторов
внутрикорпоративных отношений в России:
системные противоречия**

Специфика развития корпоративного процесса в российской экономике существенно искажает интересы основных субъектов корпоративных отношений и способы их реализации. Проанализируем содержание интересов и механизм их реализации в рамках отечественных корпораций.

Большинство российских акционерных обществ образовались не естественным путем, а в результате системной трансформации ранее существовавших форм хозяйствований (государственных предприятий, кооперативов и т. д.), что, естественно, не может не налагать свой отпечаток на характер экономических процессов в отечественном корпоративном секторе.

В российских условиях собственники акционерного капитала зачастую отчуждены от реальной экономической власти и не воплощают в себе интерес к капитализации прибыли. Это объяснимо и связано во многом со спецификой возникновения российских корпораций [1].

В процессе приватизации активы большинства российских компаний были сильно занижены. Стоимость имущества, подлежащего приватизации, исчислялась с помощью затратного метода, а рыночные оценки не применялись. В результате стоимость активов в ряде случаев оказалась на порядок ниже рыночной. Этому способствовали и политические факторы [4, 31]. Инвентаризацию и оценку имущества приватизируемых предприятий, определение начальной цены предприятий, величины уставного капитала акционерного общества оценивала администрация предприятий. Руководителям было выгодно занижать оценку активов и величину уставного капитала, так как они получали большую часть собственности.

Объективным фактором был и тот, что в процессе приватизации предложение акций превышало спрос на них, что всегда снижает цену предложения. Кроме того, стремление правительства продать как можно быстрее и больше привело к дополнительному обесцениванию имущества.

Трансформация основных акторов внутрикорпоративных отношений в России и их интересов

В период становления российских корпораций субъекты внутрикорпоративных отношений и инвариантность их интересов отличаются от общепринятой мировой теории и практики. Мажоритарные собственники-акционеры (бывшие советские директора-«временщики»), являясь ключевыми фигурами на микроуровне периода реформ, старались укрепить свое должностное положение посредством эксплуатации своего директорского статуса, а также установить контроль над предприятием как объектом собственности. Не выплачивая налоги, зарплату, просрочивая оплату приобретенных ресурсов, собственники преследовали интересы личного обогащения, временно попользовавшись обреченным предприятием, и не являлись «эффективными» собственниками.

Выросший на этой модели «реформ» корпоративный менеджмент воплощал в себе не столько техноструктуру рыночного типа, сколько прежнее административно-командное начало. Их основной интерес был связан с максимизацией своего дохода и с присвоением полномочий по распоряжению имущественным комплексом корпорации. Для таких менеджеров собственники являлись (а в ряде случаев до сих пор являются) основным препятствием в достижении поставленных целей, поэтому реализацию своего интереса они связывают с «выеданием» активов и ресурсов корпорации, созданием суперхолдингов, манипуляциями с финансами предприятия и вытеснением интереса собственников.

В процессе перехода от периода спада 1990-х к экономическому росту 2000-х гг. ситуация в российской корпоративной жизни несколько изменилась и господствующим субъектом экономической власти в корпорациях все больше становятся высший менеджмент — так называемые инсайдеры, концентрирующие в своих руках все большую корпоративную власть и получаемые на этой основе доходы. Как показано в ряде работ отечественных авторов, в руках инсайдеров сосредотачиваются такие каналы власти, контроля и перераспределения дохода, как контроль над финансовыми потоками, извлечение инсайдерской ренты и пр. [5—7].

Интерес наемных работников, формальных акционеров-инсайдеров, связан с сохранением рабочих мест даже при невыплате зарплаты, которое обеспечивает стаж и будущее пенсионное обеспечение, «получение» дивидендов, удовлетворение текущих потребительских предпочтений и пр. Способ извлечения дохода у данной статус-

ной группы возможен путем продажи акций и путем участия в прибыли через пакет социальных гарантий [8].

Интересы собственников в модели устоявшегося капитала направлены на его сохранение и умножение, получение постоянных и устойчивых личных доходов. Интересы мажоритарных собственников или контролирующих корпорацию инсайдеров, а в ряде случаев тех и других, сращенных в единую страту, преобладают над интересами корпорации как целостной системы со сложным спектром экономических отношений, включающих стратегическую стабильность этой системы, а не только интерес возвышения власти и доходов контролирующего корпорацию слоя.

Таковы основное диалектическое противоречие и рассогласование интересов, порожденных российской спецификой. Контроль над предприятием и право принимать окончательное решение со стороны собственников корпоративного капитала ведут к преобладанию субъективных мотивов в управлении корпорацией и полной отчужденности интересов лиц, контролирующих капитал, от интересов остальных собственников, менеджеров и наемного персонала.

Реализовать свой интерес контролирующие корпорацию крупные собственники и/или инсайдеры могут через контроль финансовых потоков, удержание экономической власти, захват и удержание доли на рынке, ограничение участников корпоративного процесса. Чисто финансовый интерес реализуется слабо из-за неразвитости фондового рынка, недооценки ценных бумаг российских предприятий, поэтому сделки с последними практически не проводятся [5].

Для миноритарных собственников сферы их экономических интересов распространяются на максимизацию размеров дивидендов, обеспечение прав и интересов, право участия в управлении корпорации и стабильные выплаты. Дивидендные выплаты — это, пожалуй, единственный способ получения дохода данной статусной группой.

В то же время следует заметить, что в ряде случаев новый корпоративный менеджмент стремится к социализации управления, характеризующейся высокой управленческой культурой, и имеет собственные интересы в получении максимального дохода. Они также заинтересованы в курсовом росте стоимости капитала корпорации на фондовом рынке, так как претендуют на участие в прибыли. Стремление к успеху и служебный рост, определенные привилегии, власть и независимость составляют область интересов новых управленцев. Обеспечение наилучших условий для процветания фирмы и инновационный менеджмент — все это является инструментами получения дохода (ренты) менеджера.

Устоявшийся персонал корпорации заинтересован в хороших условиях труда, надежности рабочего места, высокой и стабильной заработной плате, получении социального пакета из прибыли и даже социальном престиже. Инструментами получения дохода наемным персоналом являются эффективное воспроизводство рабочей силы на основе заключения выгодных трудовых контрактов, усиление институционализации данной социальной группы, участие в прибыли корпорации через пакет социальных гарантий [9].

В современных условиях российской национальной экономической модели любые отношения экономических акторов, в том числе внутрикорпоративные, равно как и их противоречивые интересы, не могут иметь определенной специфики. Поэтому главным становится вопрос о том, в какой мере эта специфика адекватна задачам развития российской экономики в целом и ее корпоративного сектора в частности.

Учитывая тот факт, что корпоративный имущественный комплекс создан при помощи инструментов экономической и правовой зависимости отдельных экономических субъектов, устойчивость и стабильность внутрикорпоративных отношений достигаются путем преодоления противоречий, возникающих между основными агентами в процессе корпоративного взаимодействия и совместимости их интересов.

Литература

1. Брижак О.В. Корпорация как система производственных отношений: специфика российской экономики // Горизонты экономики. 2011. № 3.
2. Ерзюкян Б.А. Современная корпорация: Институциональные особенности и перспективы развития // Институциональная экономика: Учеб. пособ. / Под ред. Д.С. Львова. М., 2001.
3. Клейнер Г. Эволюция институциональных систем. М., 2004.
4. Радыгин А.Д., Энтов Р.М. и др. Внешние механизмы корпоративного управления: Научные труды ИЭПП. 2007. № 104.
5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2007.
6. Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. Инвестиционное поведение российских корпораций в условиях инсайдерского контроля // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 5.
7. НСКУ. Национальный доклад по корпоративному управлению / Отв. ред. А.Е. Шаститко. Вып. 1. М., 2008.
8. Аукционек С., Жуков В., Капелюшников Р. Доминирующие категории собственников и их влияние на хозяйственное поведение предприятий // Вопросы экономики. 1998. № 12.
9. Блази Дж.Р., Круз Д.Л. Новые собственники (Наемные работники — массовые собственники акционерных компаний). М., 2005.

Н.М. ХАБАЛАШВИЛИ

Неадекватность применения некоторых экономических терминов и понятий в современных условиях

Мы описывали советское общество в терминах рыночной экономики и допускали его разрушение... Длительное пользование неадекватной системы понятий, даже если в условиях авторитарного хозяйства есть возможность принимать верные стратегические решения, в конце концов, ведет к поражению.

С. Кара-Мурза

Аннотация. В статье речь идет о диалектике некоторых экономических терминов и понятий, об их адекватном или неадекватном применении в экономической литературе вообще и в современных экономических условиях в частности.

Ключевые слова: стоимость, ценность, цена, потребительная ценность, свободная конкуренция, свободный рынок, рыночная экономика, послерыночная (смешанная) экономика.

Abstract. The article speaks of the dialectics of some economic terms and concepts about their adequate or inadequate application in the economic literature in General and in the current economic conditions in particular.

Keywords: cost, value, price, consumer value, free competition, free market, the market economy, the aftermarket (mixed) economy.

В экономической литературе часто и произвольно отождествляются термины «стоимость» и «ценность», «ценность» и «цена», в результате чего под стоимостью иногда подразумевают ценность, и наоборот, а под ценностью — цену, и наоборот. При этом, применяя «ценность» вместо термина «стоимость», избегают использования термина «потребительная ценность». Что же касается терминов «ценность» и «цена», то следует сказать, что они вовсе не являются тождественными понятиями, хотя и связаны этимологически, т. е. по происхождению слов. По смыслу же, семантически, они разные, как правило, легко различимые в современной языковой практике слова.

Когда речь идет о диалектике потребительной ценности и стоимости, об их применимости в экономической литературе, то следует подчеркнуть, что стоимость и связанные с ней категории и отношения, в

том числе трудовая теория стоимости и экономическая деятельность, являются исторически преходящими категориями и отношениями, связанными с зарождением и существованием товарного производства — с производством материальных благ, потребительных ценностей в качестве товаров. Ценность же и связанные с ней категории и отношения, в том числе трудовая теория потребительной ценности и хозяйственная деятельность, являясь внеисторическими, «вечными» категориями и отношениями, применялись, применяются и будут применяться всегда и во все времена — и в условиях дотоварного производства, и в условиях товарного производства, и в условиях нынешних и будущих нетоварных производств не только для обозначения материальных ценностей, но и для выражения нематериальных ценностей (духовных, культурных, национальных и т. п.). В этом отношении слово «ценность», действительно, универсально и богато смысловыми оттенками. Поэтому для различения нематериальных ценностей и материальных последние называются (должны называться) потребительными ценностями. Следовательно, когда речь идет о материальных ценностях вообще и товарных ценностях в частности, то обычно следует подразумевать потребительные ценности, а не потребительные стоимости, как обычно подразумевают в экономической литературе.

Действительно, если во внетоварном производстве отсутствует категория стоимости, то откуда же взяться словосочетанию «потребительная стоимость»? Поэтому, во-первых, не может быть потребительная стоимость (если даже подразумевать ее существование и применимость) единой для всех формаций субстанций, ибо такой единой субстанцией для всех формаций и форм хозяйствования может быть только потребительная ценность; во-вторых, поскольку стоимость — это общественно необходимые затраты абстрактного труда для производства той или иной потребительной ценности, то, как справедливо заметил П. Струве, словосочетание «потребительная стоимость» явно нелепо.

Во внетоварных производствах существуют только категории потребительной ценности, в том числе трудовая теория потребительной ценности и чисто хозяйственная деятельность. И только в условиях товарного производства неоднозначное слово «ценность», помимо своего исконного значения, приобретает и значение «стоимость». Следовательно, применение отдельно взятого русского слова «ценность» в политэкономической литературе нецелесообразно, ибо, как было отмечено, под ценностью подразумевается «потребительная ценность», а не цена или тем более стоимость, как это часто имеет место в экономической литературе, искажая тем самым содержательную сторону изучаемого материала.

В контексте диалектики потребительной ценности и стоимости уместно сказать, что в товарном хозяйстве отношение стоимости к потребительной ценности тождественно не только отношению абстрактного труда к конкретному труду, но и отношению экономического к неэкономическому. И так же, как, например, существование абстрактного труда или стоимости безразлично для конкретного труда или потребительной ценности или же существование леса безразлично для деревьев, ибо дерево может существовать без леса, так и существование экономики, экономической деятельности безразлично для хозяйства, хозяйственной деятельности, а вот «хозяйство без экономики всегда было, есть и будет “вечно”, пока существует человечество, так как нет жизни без хозяйства и хозяйствования, как и хозяйства и хозяйствования нет без жизни» (Ю.М. Осипов [1]).

Говоря о связи рыночных отношений с потребительной ценностью и стоимостью, нельзя не сказать о том, что в настоящее время, когда речь идет о рынках и рыночных отношениях, как правило, подразумевается рыночная экономика. Однако сегодняшняя капиталистическая экономика и развитых, и развивающихся стран уже не может быть рыночной по определению, притом совершенной, свободной конкуренции, ибо время рыночной экономики с ее рыночным механизмом хозяйствования — давно пройденный этап капиталистического способа производства, не считая той части современной экономики, под которой известный американский ученый Дж. Гэлбрейт подразумевал мир многочисленных мелких фирм и предприятий в различных отраслях народного хозяйства, которые, однако, в современных условиях уже не могут функционировать подобно классической конкурентной рыночной структуре.

То, что время свободной конкуренции, свободного рынка и соответственно рыночной экономики рыночного капитализма давно пройденный этап капиталистического способа производства, было известно уже на рубеже XIX—XX вв. Для передовых промышленных стран Европы 1860-е и 1870-е гг. были высшей, предельной ступенью развития свободной конкуренции, а время окончательной смены старого капитализма, капитализма свободной конкуренции, новым, монополистическим капитализмом — это именно начало XX в. Отныне монополии определяли количество производимых продуктов, устанавливали цены, делили между собой области сбыта, распределяли между собой прибыль и т. д. «Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке» [2, 22]. С ним солидарен Дж. Гэлбрейт, иностранный член АН СССР (1988), отмечая, что с конца XIX столетия гигантские корпорации становятся все более характерной

чертой делового мира. В результате, отмечает профессор Ю.М. Осипов, свободная конкуренция и свободный рынок «были отринуты развитием самого капитализма, который не мог уже свободно существовать, он нуждался в иной организации, той, которая была способна сдерживать и переориентировать конкурентную борьбу, поставить конкуренции и рынку направляющие рамки, упорядочить товарообменные и оценочные отношения, не допуская слишком больших и устойчивых превышений предложения товаров над спросом» [1, 150].

Существование рынка и рыночных отношений еще не означает существования рыночной экономики, ибо рынки и рыночные отношения существовали тысячелетиями до капитализма, и еще долго будут существовать, но без феномена пресловутой «рыночной экономики» и даже без феномена самого капитализма, капиталистического способа производства. Рыночная экономика является феноменом капиталистического способа производства, притом не всего капиталистического способа производства, а в основном его домонополистической стадии развития, в условиях которой цены на рынках в основном задавались «денежными голосами» неизвестных и свободных потребителей. Тем не менее даже сегодня на всех уровнях и по всем углам, к месту и не к месту продолжаете восхвалять рыночную экономику и ее синонима — рыночного капитализма совершенной, свободной конкуренции, несмотря на утверждения многочисленных ученых, в том числе и лауреатов Нобелевской премии, о том, что эпоха рыночной экономики давно канула в Лету, что для развитых стран XX в. был веком корпоратизации, которая началась с отделения управления от собственности. Все — разве что за исключением патологических романтиков, отмечал Дж. Гэлбрейт, признают, что наше время не является эпохой маленького человека и что самый низкий уровень развития наблюдается там, где уровень монополизации и влияния на рынок наименьший; самый высокий уровень развития там, где и то и другое характеризуются высоким развитием.

В экономической литературе, помимо термина «рыночная экономика» и его синонимов — «рыночный капитализм», «либеральный капитализм» — часто применяются термины «пострыночная экономика», «нерыночная экономика», «посткапиталистическая экономика». При этом пострыночная экономика, нерыночная экономика и посткапиталистическая экономика отождествляются и выносятся за рамки капиталистического способа производства, а под рыночной экономикой рыночного капитализма, вернее, под капиталистической рыночной экономикой ошибочно, по нашему мнению, подразумевается капита-

листический способ производства вообще, включая современный капитализм смешанной экономики, называемой нами послерыночной экономикой пострыночного капитализма, являющейся непосредственным продолжением рыночной экономики рыночного капитализма, в отличие от дорыночной экономики, предшественницы собственно рыночной экономики.

Рыночная экономика характеризовалась доминированием стоимости над потребительной ценностью, абстрактного труда над конкретным трудом, экономической деятельности над хозяйственной (неэкономической) деятельностью; трудовой теории стоимости над трудовой теорией потребительной ценности, когда продукт труда полностью облекается в «костюм» товара, а конкретный труд затмевается абстрактным трудом, хозяйственная же деятельность вуалируется экономической деятельностью. Что же касается дорыночной экономики и современной пострыночной (смешанной) экономики, то диалектическое взаимоотношение выше указанных противоположностей имело и имеет обратный характер.

В частности, современная пострыночная экономика пострыночного капитализма характеризуется доминированием потребительной ценности над стоимостью, конкретного труда над абстрактным трудом, нетоварного содержания над товарным содержанием в продукте труда, хозяйственной (неэкономической) деятельности над экономической деятельностью в хозяйственно-экономической деятельности хозяйствующих субъектов и, наконец, трудовой теории потребительной ценности над трудовой теорией стоимости, вплоть «до развития производства, где будет господствовать только потребительная ценность», а «рабочее время, которое будут посвящать производству того или иного предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета» (К. Маркс), в чем и заключается, по нашему определению, суть трудовой теории потребительной ценности, являющейся практической (физической, земной) составляющей философии хозяйства.

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Теория хозяйства. Т. 1. М., 1998.
2. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия развития капитализма. М., 1967.

И.С. ЗОЛКИН

Внешнеэкономическая безопасность России: содержание, угрозы и оценка состояния

Аннотация. В статье рассматриваются содержание и структура внешнеэкономической безопасности как особого вида национальной экономической безопасности нашего государства. Показаны основные угрозы во внешнеэкономической сфере перед окончательным вступлением России в ВТО. Представлены показатели внешнеэкономической безопасности, выявлена их динамика с 2002 г. Кратко изложены направления перехода к инновационному типу развития как основы укрепления безопасности страны во внешнеэкономической сфере.

Ключевые слова: внешнеэкономическая безопасность, структура безопасности, экспорт, импорт, угрозы, показатели безопасности.

Abstract. In article the contents and structure of the external economic safety as special look national economic safety of our state are considered. The main threats in the external economic sphere before final Russia's accession to the WTO are shown. Indicators of the external economic safety are presented, their dynamics since 2002 is revealed. The transition directions to innovative type of development as bases of strengthening of safety of the country in the external economic sphere are briefly stated.

Keywords: external economic safety, safety structure, export, import, threats, safety indicators.

В декабре прошлого года Россия официально вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО). До конца июля 2012 г. должны быть ратифицированы все соответствующие документы. Через месяц после этого нормы ВТО начнут действовать на всей территории российского государства (с учетом семилетнего переходного периода).

В той или иной степени международные правила внешнеторговой деятельности повлияют на функционирование и развитие практически всех отраслей и предприятий национальной экономики, а значит, и на все российское население. В связи с этим возникает вопрос: к каким именно последствиям для нашей экономики и общества приведет работа по новым правилам?

В литературе, экспертном сообществе нет недостатка в различного рода прогнозах на этот счет. Причем разброс мнений достаточно велик: от утверждений о полном крахе экономики и государства до предположений о закономерной адаптации национального хозяйства к жестким требованиям глобального рынка и росте конкурентоспособности России в перспективе.

Чтобы представить более или менее реалистичную картину будущего нашей страны в новых условиях, принципиально важно проанализировать состояние российской внешнеэкономической сферы в настоящее время, т. е. до окончательного вступления в ВТО. Во внешнеэкономической деятельности государства немаловажный интерес представляют вопросы неопределенности, рисков, угроз, присущих процессу усиления взаимозависимости национальных экономик, а также оценки этих угроз с целью выработки адекватных мер по их нейтрализации. Речь идет о внешнеэкономической безопасности как специфическом виде национальной экономической безопасности.

Актуализация проблемы обеспечения экономической безопасности в целом и ее внешнеэкономической компоненты в частности произошла в начале 1990-х гг., при переходе нашей страны к рынку, сопровождаемом и либерализацией внешней торговли и резким повышением степени открытости всей экономики, что привело, наряду с другими факторами, к затяжному трансформационному спаду. После проведения ряда научных исследований и дискуссий в 1996 г. была сформулирована и принята на официальном уровне «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации» [1]. Характерно, что даже спустя 16 лет проблемы внешнеэкономических угроз и их влияния на национальную безопасность, освещенные в ней: усиление топливно-сырьевой направленности хозяйства, низкая конкурентоспособность отечественной продукции, подрыв НТП и др., ждут своего решения.

Рассматриваемое явление — *внешнеэкономическая безопасность* — находится на стыке экономической науки и теории международных отношений. В историческом плане безопасность государства (национальная безопасность) понималась вначале в первую очередь как защищенность его территории и населения от угрозы военного нападения, т. е. внешней угрозы, и относилась к сфере межгосударственных (международных) отношений. Основой ее обеспечения в прошлом была военная мощь страны, ее обороноспособность. Эволюция этой категории через национальную безопасность, ее материальный базис — экономическую безопасность — закономерно привела к необходимости выделения такого вида последней, как внешнеэкономическая безопасность. Это тоже сфера международных отношений. Только теперь основой обеспечения внешнеэкономической безопасности выступает конкурентоспособная экономика страны и эффективная внешнеэкономическая политика.

Под внешнеэкономической безопасностью будем понимать такое состояние экономической системы государства, при котором обеспе-

чивается ее защищенность от воздействия угроз внешнеэкономической сферы.

Внешнеэкономическая безопасность государства — довольно сложное понятие, имеющее определенную структуру (табл. 1). Поскольку речь идет о перемещении объектов экономики — ресурсов или продукции — через границы государства, имеет смысл разграничить обеспечение защищенности ввоза (въезда) в страну — импорта в широком смысле — таких объектов и их влияния на внутренний рынок, с одной стороны, и обеспечение защищенности их вывоза (выезда) из страны — экспорта в широком смысле — и беспрепятственного представления на мировом рынке — с другой. В зависимости от типа указанных объектов следует, по нашему мнению, выделять разновидности внешнеэкономической безопасности, производные от видов национальной экономической безопасности в целом.

Таблица 1

Структура внешнеэкономической безопасности

Объект экспорта	Разновидность внешнеэкономической безопасности	Объект импорта
Сырье (включая энергоносители)	Сырьевая (включая энергетическую)	Сырье (включая энергоносители)
Продовольствие	Продовольственная	Продовольствие
Продукция обрабатывающей промышленности	Промышленная	Продукция обрабатывающей промышленности
Высокотехнологическая продукция	Технологическая	Высокотехнологическая продукция
Трудовые ресурсы (рабочая сила)	Миграционная	Трудовые ресурсы (рабочая сила)
Финансовые ресурсы	Финансовая	Финансовые ресурсы

Источник: составлено автором.

Внешнеэкономическая безопасность в области движения сырья и готовых товаров (внешняя сырьевая, продовольственная, промышленная, технологическая) охватывает производство, товарообмен и уровень обеспечения потребностей в следующих основных товарных группах: продуктов питания, промышленных товаров, высокотехно-

гической продукции, сырья. Внешнеэкономическая безопасность в области движения трудовых ресурсов (миграционная безопасность) направлена на защиту национальной экономики от утечки высококвалифицированной рабочей силы из страны и от иммиграции (в том числе и незаконной) нежелательных элементов. Внешнеэкономическая безопасность в области движения финансовых ресурсов (внешняя финансовая безопасность) охватывает процессы ввоза и вывоза капитала, взаимодействие национальной финансовой системы с мировыми финансами, а также государственный внешний долг, наличие достаточного объема золотовалютных резервов.

Угрозы безопасности во внешнеэкономической сфере как совокупность условий и факторов, оказывающих негативное воздействие на национальную экономику, принято разграничивать на *внутренние* и *внешние*. К основным внутренним угрозам экономической безопасности следует отнести институциональную незавершенность рыночной трансформации российской экономики, ее «утяжеленную» структуру, неспособность предприятий к самосохранению и саморазвитию, слабость инновационного фактора, недостаточную конкурентоспособность отечественных товаров, высокие риски ведения бизнеса в финансовой сфере и ее отрыв от реального сектора экономики, проблемы с наличием условий для реализации способностей наиболее активной части общества и т. д. Все это в совокупности снижает экспортный потенциал экономики, способствует утечке «мозгов» и вывозу необходимых финансовых ресурсов.

Внешние угрозы российской экономике можно подразделить на угрозы, обусловленные перемещением хозяйственных объектов за границу, а также угрозы самому их вывозу (в первую очередь, экспорту отечественных товаров), с одной стороны, и на угрозы, вызванные импортом в широком смысле иностранных товаров и других ресурсов, — с другой.

Начать рассматривать первую группу угроз целесообразно с угроз экспорту сырья, топливно-энергетических ресурсов. Он находится в зависимости от неуправляемых внешнеэкономических факторов конъюнктуры, увеличения предложения данного вида товаров от стран-конкурентов, политики ресурсосбережения и результативности поисков альтернативных источников топлива и энергии в странах-покупателях, а также истощения ресурсной базы. Что касается экспорта промышленных товаров и высокотехнологической продукции, то слабые конкурентные позиции на мировом рынке по ним обусловлены целым комплексом причин — нерациональной отраслевой и региональной структурой экономики, технологической отсталостью ее отдельных отраслей и предприятий, высокой материалоемкостью и энер-

гоемкостью национального производства, низкой производительностью труда и качества продукции. Не нужно сбрасывать со счетов и сопротивление (в том числе и с помощью дискриминационных мер) некоторых стран продвижению российской продукции на мировой рынок, которая может угрожать завоеванным позициям их компаниям, в том числе и ТНК, на определенных товарных нишах. Нежелательная эмиграция наиболее динамичной части трудовых ресурсов вызвана в основном экономическими и социальными факторами, не соответствующими ее растущим потребностям. Отсутствие надежных гарантий защиты собственности, зависимость бизнеса от политической конъюнктуры, а также наличие в мире разветвленной системы оффшорных зон стимулируют также нежелательный для национальных интересов России вывоз частного капитала. И в том и в другом случае происходит утрата части национальных факторов производства и подрывается экономическая безопасность страны.

Вторая группа внешних угроз вызвана, прежде всего, уязвимостью российской экономики перед иностранной конкуренцией. Экспансия более развитых экономик и транснациональных корпораций, импортная интервенция промышленных и продовольственных товаров, наукоемкой продукции приводят к доминированию зарубежных компаний на внутреннем рынке и вытеснению отечественных товаропроизводителей. Далее. Растущий поток иммигрантов — низкокачественной рабочей силы, в том числе из стран СНГ, имеющих с Россией фактически открытые границы, в значительной мере не желающих интегрироваться в культурно-правовое пространство нашей страны, негативно отражается на занятости и уровне оплаты труда россиян, на финансовой системе (переводы денег за рубеж, включая доходы от нелегальной деятельности, наркотрафика), а также на общественной безопасности (этническая преступность). Ввоз иностранного частного капитала в страну как важного экономического ресурса в принципе желателен, но нужно иметь в виду, что значительная его часть — вывезенный ранее российский капитал, в том числе и нелегальный, и «отмытый» в оффшорах. Причем определенная часть ввезенного капитала носит спекулятивный характер и при малейших рисках эмигрирует из России. Как видно из изложенного, внутренние и внешние угрозы органически взаимодействуют между собой. Для нейтрализации угроз безопасности хозяйственной системы необходимо использовать меры экономического управления, прогнозирования, планирования, методы социальной защиты и контроля. Иначе говоря, отсутствие или недостаточная эффективность и согласованность внешнеэкономической, промышленной, инновационной, аграрной, финансовой, миграционной и социальной политики являются своего рода угрозами для страны.

Предложенные различными авторами показатели, призванные измерить и оценить безопасность страны во внешнеэкономической сфере, отличаются как по набору, так и по структуре. Причем считается, что чем больше будет показателей, тем лучше. Часть предложенных показателей относится ко всей национальной экономической безопасности и даже к общим параметрам хозяйственного развития страны [2, 322—359].

Представляется, что достаточно ограниченный набор этих показателей (индикаторов) должен отражать основные угрозы именно внешнеэкономической безопасности, объективно и количественно определенно давать оценку ее состоянию.

Опираясь на предложенные выше структуру внешнеэкономической безопасности (табл. 1) и классификацию ее угроз, приведем фактические значения показателей экспорта и импорта в широком смысле России за 2010 г.

В товарной структуре *экспорта* больше 2/3 его объема составляет минеральная продукция, основную долю которой представляют топливно-энергетические товары. Для сравнения — в развитых странах и в Китае 70—80% экспорта составляет продукция машиностроения и потребительские товары. Это свидетельствует о высокой зависимости отечественной экономики от продажи минеральных продуктов и сырья, от изменчивой конъюнктуры мирового рынка, ценовой политики импортеров данной продукции. Экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья из России незначителен, что связано с недостаточным уровнем развития нашего сельского хозяйства, с отсутствием должного финансирования этого сектора экономики и грамотной аграрной политики. В российской статистике экспорта продукция обрабатывающей промышленности в структуре экспорта специально не выделяется. Поэтому приходится использовать показатель доли машин, оборудования и транспортных средств в экспорте, которая не достигает и 6%. Это недопустимо мало для страны, которая в недавнем прошлом была развитой индустриальной державой мира. Из страны эмигрировало свыше 33500 человек. Значительная часть уехавших — высококвалифицированные специалисты, ученые, преподаватели, успешные бизнесмены, не нашедшие в России достойных условий своей деятельности и оплаты своего труда. По некоторым оценкам, наша страна в результате эмиграции специалистов — «утечки мозгов» — теряет ежегодно до 1 млрд дол. Вывоз частного капитала из России составил 77 млрд дол. При острой потребности отечественного бизнеса в инвестициях экономически значимая доля всех имевшихся финансовых ресурсов выводится за рубеж, что препятствует развитию национального хозяйства.

В структуре *импорта* минеральные продукты занимали долю чуть более 2%. По-видимому, это достаточно для внутренних нужд российской экономики, поскольку она обеспечена своей сырьевой базой. Удельный вес продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в импорте составил около 16%. Что касается удельного веса импортного продовольствия во внутреннем потреблении, то она достигает 40%. Налицо импортная зависимость от этой жизненно важной для населения продукции.

О внешней промышленной зависимости национального хозяйства России свидетельствует доля машиностроительной продукции в импорте — почти 45%, причем стоимостной объем импорта машин и оборудования и транспортных средств в 2011 г. по сравнению с 2010 г. увеличился на 44,1%. В Россию въехало в 2010 г. около 200000 человек из других государств. Кроме того, в стране находится около 3 млн нелегальных мигрантов, экономический ущерб только из-за неуплаты налогов которыми составляет более 8 млрд дол. в год [3]. Наконец, о привлечении в страну иностранных финансовых ресурсов. Всего было ввезено капитала частным сектором в объеме около 16 млрд дол., что явно недостаточно для решения задач модернизации российской экономики.

Для большей наглядности сведем рассмотренные выше значения показателей внешнеэкономической безопасности в 2010 г. в табличную форму. Чтобы показать объективную динамику этих значений, приведем также данные за 2002 г. (табл. 2; 3).

Таблица 2

Показатели безопасности экспорта

Объект экспорта	2002 г.	2010 г.
<i>Сырьевая (включая энергетическую) безопасность</i>		
Минеральные продукты, % к экспорту	55,2	68,4
<i>Продовольственная безопасность</i>		
Продовольственные товары, % к экспорту	2,6	2,2
<i>Промышленная безопасность</i>		
Машины, оборудование и транспортные средства, % к экспорту	9,5	5,7
<i>Миграционная безопасность</i>		
Выбывшие из России, тыс. чел.	106,6	33,6
<i>Финансовая безопасность</i>		
Вывоз частного капитала, млрд дол. США	26,1	77,0

Источник: составлено автором по: [4; 5].

Таблица 3

Показатели безопасности импорта

Объект импорта	2002 г.	2010 г.
<i>Сырьевая (включая энергетическую) безопасность</i>		
Минеральные продукты, % к импорту	3,7	2,6
<i>Продовольственная безопасность</i>		
Продовольственные товары, % к импорту	22,5	15,9
<i>Промышленная безопасность</i>		
Машины, оборудование и транспортные средства, % к импорту	36,2	44,5
<i>Миграционная безопасность</i>		
Прибывшие в Россию, тыс. чел.	184,6	191,7
<i>Финансовая безопасность</i>		
Ввоз частного капитала, млрд дол. США	17,9	42,6

Источник: составлено автором по: [4; 5].

Что касается технологической безопасности во внешнеэкономической сфере, то российская статистика высокотехнологичную продукцию в экспорте и импорте специально не выделяет. Международная статистика рассчитывает долю России в мировом экспорте и импорте только некоторых видов высокотехнологичной продукции: офисного и телекоммуникационного оборудования, интегральных схем и электронных компонентов, информационного и коммуникационного оборудования [6]. Поэтому параметры технологической безопасности во внешнеэкономической сфере в таблицах не представлены.

В качестве дополнительных характеристик внешней финансовой безопасности следует привести значения внешнего долга Российской Федерации — на начало 2003 г. он составлял 152 млрд дол., на начало 2011 г. — 488,6 млрд дол. Последняя цифра ниже от установленного верхнего предела и опасности для нашей экономики не представляет. Золотовалютные резервы России превысили в конце 2010 г. их объем докризисного 2007 г. и достигли величины в 479,4 млрд дол., выпол-

няя функцию так называемой подушки безопасности, страхующей отечественную экономику от неблагоприятных колебаний финансовых рынков [4].

Какова динамика значений показателей внешнеэкономической безопасности России, представленных в табл. 2, 3, в рассматриваемый период?

В товарной части экспорта возростала доля минеральных продуктов, приближаясь к 70%, и снижался удельный вес продовольствия и машиностроительной продукции. Миграционный поток выезжающих из России снизился более чем в 3 раза. По-видимому, большая часть тех, кто хотел и имел возможность выехать, уже покинули нашу страну. Но этот поток не прекращается — в 2011 г. выехало еще 36478 человек. А всего за десять лет с 2002 по 2011 г. эмигрировало около 600000 человек [4]. Это большая потеря для нашей экономики. Вывоз капитала частным сектором в 2010 г. по сравнению с 2002 г. увеличился в три раза. Причем чистый вывоз капитала (разность между его вывозом и ввозом) в 2011 г. увеличился по сравнению с 2010 г. в 2,3 раза и составил 80,5 млрд дол.

Для товарной части импорта за анализируемый период характерно некоторое снижение доли минерального сырья и продовольственных товаров и рост на 12% машин, оборудования и транспортных средств. Причем совокупная доля импортного продовольствия и продукции машиностроения несколько увеличилась и достигла в 2010 г. более 60%. За это время наблюдался также рост прибывавших в Россию и объема ввоза частного капитала.

Таким образом, в России сложилась и воспроизводится модель периферийной экономики, для которой характерны усиление экспортно-сырьевой направленности, импортная зависимость от продовольствия и машиностроительной продукции, выталкивание из страны частного капитала и высококачественной рабочей силы и «всасывание» увеличивающегося количества низкоквалифицированных мигрантов. Финансовая устойчивость этой модели (сравнительно небольшой внешний долг, наличие значительных по объему золотовалютных резервов) основана на завышенных ценах на нефть, что не может продолжаться достаточно долго.

Не будет ошибкой предположить, что при окончательном вступлении России в ВТО в ближайшей перспективе в силу большой инерционности отечественной крупномасштабной экономики все выявленные процессы могут продолжиться. Переломить ситуацию может только решительный и реальный поворот российской экономики к инновационному типу развития. Основные положения программы такого пово-

рота изложены в первых указах Президента России В.В. Путина. Поставлена задача значительного увеличения общего объема финансирования государственных научных фондов и доли в ВВП внутренних затрат на исследования и разработки [7].

В целях достижения технологического лидерства российской экономики предусмотрены меры по переходу к стратегическому планированию, по развитию национальной инновационной системы, по формированию государственных программ модернизации ведущих секторов экономики и т. д. Это позволит увеличить к 2018 г. долю продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП в 1,3 раза, а производительность труда как основу конкурентоспособности экономики в 1,5 раза [8].

Таким образом, задача ускоренного инновационного развития нашей страны, а значит и снижения импортной зависимости и наращивания экспортного потенциала, прежде всего товаров с высокой добавленной стоимостью и наукоемкой продукции, ставится на практическую основу.

Литература

1. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации. Основные положения (одобрена Указом Президента РФ от 29.04.96 № 608) // <http://www.scrf.gov.ru/documents/15/23.html>.
2. Внешнеэкономический потенциал национальной экономики // Национальная экономика: Учеб. пос. М., 2009.
3. Официальный сайт ФМС России // http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=2097&sphrase_id=467774.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_11/Main.htm.
5. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации // http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=capital.htm.
6. Официальный сайт ВТО // http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2011_e/its11_world_trade_dev_e.htm.
7. Указ Президента РФ № 599 от 07.05.2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610850>.
8. Указ Президента РФ № 596 от 07.05.2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике» // <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.

Ю.С. БЕККЕР

Интерпретация понятия «социальный капитал» в современной экономической теории и социологии

Аннотация. Рассматриваются интерпретации понятия «социальный капитал», существующие в современном экономическом и социологическом знании. Наблюдаемая двойственность в анализе и интерпретации социального капитала связывается с бинарностью подходов к анализу данного явления.

Ключевые слова: социальный капитал, ресурсы социального взаимодействия, социальные сети, система социального взаимодействия, эмерджентность.

Abstract. Analyses of interpretation of the existing definition of «social capital» in the modern economic and social acknowledgement. The observable duality in the analysis and interpretation of the social capital relates to binarity of approaches to the analysis of the given phenomenon.

Keywords: social capital, social cooperation resources, social networks, system of social cooperation, emergency.

Несмотря на то, что понятие «социальный капитал» вошло в научный тезаурус социально-гуманитарного знания, ни один из видов капитала не порождает в современном научном дискурсе столь различающихся интерпретаций и методологических вопросов. На наш взгляд, это связано не только с трудностями определения его критериев и количественных показателей, но и с историческим аспектом его генезиса, связывающим социальный капитал с определенным этапом в развитии современного западного общества. Интерес к социальному капиталу возникает на «постиндустриальной волне», чьи апологеты и протагонисты в последние десятилетия XX в. обращают внимание на такие явления, как социальные сети и доверие в обществе. В немалой степени этот научный и практический интерес был связан с осознанием прибыльности и капитализации данных явлений в современном постиндустриальном обществе и «новой экономике».

Научное изучение социального капитала и разработка методологического аппарата для его исследования началась с работ П. Бурдьё, посвященных определению социального капитала как совокупности реальных и потенциальных ресурсов, к которым индивид получает доступ исходя из его вовлеченности в социальные взаимоотношения. В отличие от человеческого капитала, основным носителем которого

является человек, при рассмотрении социального капитала на первый план выходят взаимоотношения между людьми и/или группами.

Социальный капитал предоставляет индивидам возможность доступа к ресурсам социального и общественного характера, таким как поддержка, помощь, признание, знание и социальным интеракциям. Социальный капитал производится и воспроизводится путем «обмена» взаимоотношениями, как, например, обмен подарками, визитами, любезностями и т. д. Таким образом, социальный капитал воспроизводится путем его использования.

При рассмотрении данного вопроса можно отталкиваться от следующих видов капитала, влияющих на социоструктурную составляющую современного общества: экономического, культурного и социального. Также субъектом реальной и символической капитализации является индивид, что породило появление в науке категории «человеческий капитал». Благодаря работам М. Мосса и представителей структуралистского направления в этнологии и социологии возникает понимание важности символического аспекта социального обмена и, в частности, социального капитала.

Впервые понятие «социальный капитал» встречается в работах Л. Ханифан в 1916 и 1920 гг. В 1939 г. его также использует Н. Элиас, а позднее Т. Адорно. Более детальное внимание данному явлению уделяет в 1950 г. Дж. Силяе. В последующие десятилетия XX в. интерпретации и анализу данной категории посвящаются работы целой плеяды западных ученых: Дж. Джейкобс (1961), Г. Лури (1977), П. Бурдьё (1983), Р. Патнем (1993, 2000), Дж. Коулмен (1987), Т. Файст (1995), а также Н. Лин (2001) и П. Ханоут (2003—2004).

На сегодняшний день структурой, спецификой и аспектами исследования социального капитала занимаются представители преимущественно двух отраслей научного знания: социологии и экономической теории. В рамках экономического знания фиксируется рост интереса не только к теоретическому анализу, но и к практическому использованию концепции социального капитала в практике корпоративного управления.

Преобладающая в социологии точка зрения при исследовании социального капитала выводит на первый план *актора*, т. е. «действующего индивида» (актор также может быть не только индивидуальным, но и коллективным — группой, организацией и т. п.), вовлеченного в определенный социальный контекст, а также его поведение, зависящее от действующих норм, правил и обязательств. Основой доминирующего в экономической теории аспекта исследования социального действия и поведения является противоположное допущение, что акторы

достигают своих целей независимо от их социального окружения, действуя рационально и индивидуально-заинтересовано. Этот принцип действия, получивший название «*максимизация полезности*», явился основой анализа и интерпретации социального и экономического поведения в парадигме как неоклассической экономической теории, так и таких направлений социально-политического знания, как утилитаризм и теория общественного договора (*social contract theory*).

Развитие концепции социального капитала изначально балансировало между двумя существующими полярными взглядами на природу человеческого поведения. Мотивацией основоположников концепции социального капитала было построение своеобразного методологического перехода между данными точками зрения, основанного на предположении, что принцип рациональности действий необходимо рассматривать в рамках социального контекста конкретного индивида. Данный методологический консенсус пытался выстроить в своей «*теории рационального действия*» Дж. Коулмен [1, 95—120]. Появление нового подхода вызвало скепсис как со стороны представителей социологии и политологии, так и со стороны экономистов. Социологи опасаются рассматривать индивида и мотивацию его действий, исходя исключительно из их полезности и практической рациональности (интерпретируя данный методологический аспект как «*экономический империализм*»), в то время как экономисты прежде всего обозначают проблему разграничения моделирования и количественного анализа данного подхода. Однако следует констатировать тот факт, что основоположником концепции социального капитала является Дж. Коулмен, преподававший социологию в университете Чикаго.

В середине 1980-х гг. проводилось широкомасштабное эмпирическое исследование, посвященное выявлению причин оставления школы в частных и государственных школах США, в результате которого выяснилось, что квота школьников, бросивших школу в частных и в большинстве своем в католических школах, значительно ниже, чем в государственных [1, 120]. Дж. Коулмен выдвинул предположение, что причиной такого поведения является не столько более стабильное финансовое положение родителей школьников, обучавшихся в частных школах, сколько то, что воспитанники частных школ располагают большим социальным капиталом. В первую очередь, эта гипотеза основывалась на том, что у данных детей более интенсивные контакты с родителями и другими родственниками, что, возможно, с одной стороны, влечет за собой более качественную «обучающую» поддержку родителей, с другой — констатирует социальную вовлеченность роди-

телей и, соответственно, младших членов семьи — детей, в социальные группы и церковные коммуны.

Сопровождающая родительская забота, а также непрерывная трансмиссия единых ценностей представляют собой, согласно Дж. Коулмену, «формирование социального капитала на основе человеческого капитала».

Другим важным направлением развития концепции социального капитала являются работы политолога Гарвардского университета Р. Патнема. В его труде, опубликованном в 1993 г., было проведено исследование факторов, влияющих на демократию в современной Италии, а также взаимозависимость между вовлеченностью в жизнь граждан и уровнем производительности труда правительства и администрации отдельных регионов в Северной и Южной Италии (см.: 2). В качестве критериев вовлеченности граждан были взяты количество формализованных союзов и сообществ и количество членов в них. Выявилась позитивная взаимозависимость между количеством союзов и тиражом официальных газет, а также квотой участия населения в выборах и, в целом, в политической жизни региона. Исходя из исследования данных критериев и показателей, выяснилось, что Северная Италия имеет более высокие показатели социально-политической активности граждан, нежели Южная Италия. Был сделан вывод о том, что социальный капитал как способность к самоорганизации, сплочению в группы и вовлеченности граждан в социальную и политическую жизнь общества можно рассматривать как основополагающую составляющую эффективной работы правительства и администрации.

Данные, полученные в результате исследований Дж. Коулмена и Р. Патнема, дали толчок к дальнейшим исследованиям роли социальных взаимоотношений в современном обществе.

В 1950—1960-е гг. социально-гуманитарных науках господствовало представление о том, что традиционные социальные отношения являются тормозом экономического и политического развития, так как общественное развитие возможно только тогда и только в том объеме, когда и соответственно в каком объеме преодолеваются существующие традиции и зарождаются новые. Данное мировоззрение являлось отражением парадигмы Модерна, господствующей в науке и еще не подверженной рефлексии и научному скепсису.

В 1970-е гг. представители теории зависимости в экономике также скептически относились к роли социальных отношений в процессе общественного развития, однако обоснование было несколько иным, а именно: взаимоотношения между сотрудниками и работодателями, между представителями бизнеса и администрации, а также между раз-

витыми и развивающимися странами рассматривались исключительно в аспекте зависимости одной из сторон, или, другими словами, эксплуатации. И только в конце 1980-х гг. с появлением нового научного течения — коммунитаризма — значимость социальных общностей и групп, локальных организаций и администрации вновь возросла. Данный факт можно рассматривать как проявление противостояния доминирующей в то время неоклассической теории развития, которая практически не касалась аспекта социальных отношений.

В связи с созданием в середине 1990-х гг. Всемирного банка и развиваемыми направлениями его деятельности дискуссии о роли социальных отношений в борьбе с бедностью и их влиянии на дальнейшее экономическое развитие вновь интенсифицировались, что повлияло на теоретическое развитие концепции социального капитала и проведение обширных эмпирических исследований в данном направлении.

Согласно Дж. Коулмену, заслуга введения в научный тезаурус понятия «социальный капитал» принадлежит Г. Лури: «В определении, данным Lougu, под социальным капиталом подразумевается совокупность ресурсов, которая основывается на семейных отношениях в рамках социальных организаций, которые способствуют когнитивному или социальному развитию ребенка или подростка» [3, 389].

Дж. Коулмен определяет социальный капитал следующим образом: «я буду рассматривать социально-структурные ресурсы как капитал индивида, другими словами, как социальный капитал. Социальный капитал определяется своими функциями. Это не единое образование, а составленный из многочисленных формаций образ, который обладает двумя признаками. Другими словами, данные формации в той или иной мере отражают аспекты социальной структуры, а также благоприятствуют определенным действиям индивидов, которые находятся внутри данной структуры. ...В отличие от других форм капитала, социальный капитал находится внутри структуры отношений между двумя или более индивидами» [3, 302].

П. Бурдье дает следующее определение: «Социальный капитал — это совокупность имеющихся и потенциальных ресурсов, которые связаны с наличием прочных сетей более или менее институциональных отношений взаимного знакомства или признания; или, другими словами, речь идет о ресурсах, которые зависят от принадлежности к группе» [4, 190].

Нельзя не отметить следующую особенность — в интерпретациях Дж. Коулмена и П. Бурдье социальный капитал связывается с социоструктурной характеристикой общности, группы или всего общества и

является отражением его социальной морфологии и специфики локации и социального обмена значимыми ресурсами.

Согласно Р. Патнему [5, 78], родоначальником концепции социального капитала является Дж. Джейкобс, давший определение данному явлению в работе, изданной в 1961 г.: «Сети являются незаменимым городским социальным капиталом» [6, 89]. В своем социологическом анализе мегаполиса он уделяет внимание отдельным городским районам и имеющимся в них объектам городской инфраструктуры, как, например, тротуарам и парковкам.

Р. Патнем, в свою очередь, дает следующее определение: «Под социальным капиталом я понимаю особенности социальной жизни — сети, нормы и доверие, — которые позволяют участникам совместно действовать более эффективно для продвижения разделяемых целей. ...Кратко, социальный капитал основывается на социальных связях, а также действующих нормах и доверии» [5, 664]. «Социальный капитал ссылается на особенности социальных организаций, таких как доверие, нормы, сети, — что может улучшить эффективность общества при столкновении с координированными действиями» [2, 167].

Р. Патнем, в отличие от П. Бурдьё и Дж. Коулмена, акцентируется не столько на структурно-ресурсном аспекте социального капитала, сколько на интерактивном и социокультурном, выдвигая на первый план, помимо сетевого взаимодействия, такие социокультурные регуляторы, как нормы и доверие.

Взгляд на социальный капитал, выраженный в работах Р. Патнема, получает поддержку в исследованиях Д. Грюнфельда в Стэнфордской школе бизнеса и М. Пискорски в Гарвардской школе бизнеса, которые показали, что социальный капитал является мощным источником знаний, идей, возможностей, поддержки, репутации и заметности, которые важны так же, как человеческий капитал, а может быть, и более чем он.

Х. Флэп интерпретирует социальный капитал как «чьи-либо социальные отношения, которые можно описать как его социальный капитал, так как они выступают инструментом для достижения его целей» [7, 4]. Таким образом, он подчеркивает индивидуальный уровень и микро- детерминацию анализа социального капитала в обществе, сближая его понимание с формальными и неформальными ресурсами индивидуального социального взаимодействия. Помимо этого, подобная интерпретация страдает издержками методологии утилитаризма и практической рациональности, утверждая роль социального капитала как инструмента достижения индивидуальных социальных и экономических целей.

Р. Барт в понимании роли социального капитала исходит из оценки эффективности инвестиций: «...социальные сети как манифест социального капитала необходимо рассматривать как возможность доступа к определенным ресурсам», этот тезис предполагает, что «выгодой из использования данных ресурсов являются доступ к информации и возможность контроля» [8, 11—13]. В интерпретации Р. Барта мы опять же сталкиваемся со структурно-ресурсным пониманием его природы.

Таблица 1

Виды социального капитала в концепции А. Портеса

Источник	Мотивация	Эффект	Пример
Ценности	Альтруизм	Предоставление ресурсов на основе общественно-моральных императив	Подарки родителям детям
Солидарность	Альтруизм	Предоставление ресурсов, основанное на самоидентификации с группой и внутренними потребностями ее членов	Подарки внутри группы, коммуны
Взаимность	Инструмент	Предоставление ресурсов, основанное на ожидании взаимности	Советы партнерам или друзьям
Вынужденное доверие	Инструмент	Предоставление ресурсов, основанное на ожидании получения статуса внутри сообщества	Признание при предоставлении денег в долг, отказ от договорных гарантий для членов этнических или религиозных групп

Источник: [9, 15].

Американский социолог А. Портес интерпретирует социальный капитал, как «способность управлять скудными средствами путем целомудренного участия в социальных структурах. ...Другими словами, социальный капитал это результат вовлеченности» и разделяет четыре

различных вида социального капитала [9, 13—15], в основе которых лежат источники мотивации (табл. 1).

Т. Файст располагает мезоуровень социальных сетей и отношений между микроуровнем индивида и макроуровнем структур, при этом социальный капитал выступает на том же уровне, что экономический и культурный капиталы. «Социальный капитал означает способность индивидов использовать (ограниченные) ресурсы, такие как информация, контакты, деньги, так как они являются членами социальной сети и организации» [10, 4].

В связи с тем что понятие «социальный капитал» исторически независимо использовалось и изучалось как явление различными науками, в рамках определенных различающихся парадигм, мы отошли от хронологической детерминации и хронологического порядка в ретроспекции его анализа и интерпретаций.

При детализации критериев интерпретации и анализа социального капитала можно обобщить и констатировать существование четырех основных направлений в интерпретации и анализе данного явления.

1. В первом понимании на первый план выдвигается аспект социального капитала как ресурса по аналогии с человеческим капиталом, а также аспект коллективного блага. Дж. Коулмена (1988) можно назвать автором данного направления, именно он предпринял первую попытку рассмотреть социальный капитал в рамках теоретических исследований. В качестве источника он ссылается на работы Г. Лури (1977). Общественное благо как один из аспектов социального капитала берет начало именно в работах Дж. Коулмена (1991).

2. Рассматривая социальный капитал как индивидуальный ресурс, П. Бурдые предпринимает попытку построить теорию социального капитала в теорию капитала наряду с экономическим, культурным, символическим и человеческим капиталом. П. Бурдые, использующий понятие «социальный капитал» с 1972 г. в своих исследованиях, не дает ссылку на первоисточник. Дж. Коулмен в своих работах ссылается на работы П. Бурдые, однако не рассматривает детально его концепцию.

3. Р. Патнем (1993) внес значительный вклад в частом использовании понятия «социальный капитал», в особенности в рамках политической культуры. В своих работах он ссылается, наряду с Дж. Джейкобсом (1961), на труды Дж. Коулмена, однако основными источниками его исследований становятся макроэкономические аспекты социального капитала на уровне общества во взаимосвязи с политическими ценностями и вовлеченностью членов общества в общественную жизнь.

4. Целый ряд ученых, таких как Х. Флэп, Н. Лин, Т. Файст и А. Портес, акцентируют внимание на обусловленности специфики социального капитала существующей системой социального взаимодействия в обществе, поэтому большое значение придают социальным сетям, самопозиционирование в которых влияет на сознание и поведение индивида.

Обобщая подходы Дж. Коулмена, П. Бурдые и Р. Патнема, а также приверженцев теории социальных сетей, можно сделать вывод о том, что социальный капитал, с одной стороны, может рассматриваться и интерпретироваться как инструментально применимый, индивидуальный, а также определенным образом не автономный от других индивидов ресурс. В данном понимании акцентируются микрогенезис и микродетерминация данного явления. С другой стороны, Р. Патнем полагает, что социальный капитал является ценным ресурсом, имеющимся в обществе. Таким образом утверждая, что существующие в обществе сети, нормы и доверие не могут быть следствием лишь индивидуального поведения и индивидуальных свойств на микроуровне социальной и, в частности, экономической организации. На наш взгляд, подобная двойственность в анализе и интерпретации социального капитала является не столько выражением различающихся парадигм и научно-методологических подходов, сколько отражением двойственной природы самого изучаемого явления.

С одной стороны, нельзя исследовать социальный капитал в конкретном обществе вне контекста действующего индивида — актора, его социальной и экономической ситуации, индивидуального своеобразия, с другой стороны, социальный капитал не сводится лишь к совокупному комплексу индивидуальных действий и свойств и имеет скорее общественную, чем индивидуальную природу. Социальный капитал обладает системным свойством эмерджентности, т. е. несводимости свойств всей системы (целого) к набору свойств отдельных ее подсистем и элементов (частей).

Литература

1. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology.* 1988. No. 94.
2. *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993.
3. *Coleman J.* Foundations of Social Theory. Cambridge, 1990.

4. *Bourdieu P.* Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // *Soziale Ungleichheiten* / R. Kreckel (Hg.). *Soziale Ungleichheiten*, Göttingen, *Soziale Welt Sonderband 2*, 1983.
5. *Putnam R.* Bowling Alone. America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. 6, 1, 1995.
6. *Jacobs J.* *Tod und Leben großer amerikanischer Städte*. Frankfurt, 1966.
7. *Flap H.* No Man is an Island. The Research Program of a Social Capital Theory // Paper pres. Workshop on Rational Choice and Social Networks. Jan. 26 to 28, Nias, Wassenaar. 1995.
8. *Burt R.* *Structural Holes. The Social Sturcture of Competition*. Cambridge, 1992.
9. *Portes A.* Economic Sociology and the Sociology of Immigration: A Conceptual Overview // *The Economic Sociology of Immigration: Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship* / A. Portes (ed.) N. Y., 1995.
10. *Faist T.* Sociological Theories of International Migration: The Missing Meso-Link, Papre Presented at the Meeting of the Theory Group of Migration and Development (MAD) Project. Hamburg, 1995.

Е.Ю. МИРОШИНА

**Поведение потребителя:
заповеди М.В. Ломоносова в современной России**

Аннотация. В статье рассматривается актуальность идей М.В. Ломоносова применительно к поведению потребителей в современной России.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, Россия, поведение потребителя, праздность, умеренность.

Abstract. The article considers actual M.V. Lomonosov's ideas relation to consumer behavior in modern Russia.

Keywords: M.V. Lomonosov, Russia, consumer behavior, idleness moderation.

В условиях рыночной экономики потребитель — уважаемая фигура, субъект, актер, деятель рынка. Все мы являемся потребителями, т. е. принимаем решения о покупках, приобретаем, потребляем, распоряжаемся товарами и услугами. Многочисленные аспекты проблемы потребительского поведения интересовали мыслителей и ученых дав-

но. В разные исторические периоды в них обнаруживаются общее и особенное, ведь потребитель — это человек, который меняется сообразно времени, но вместе с тем остается представителем рода человеческого.

Вторая половина XVIII в., 1761 г. М.В. Ломоносов пишет письмо И.И. Шувалову, которое впоследствии получило название «О сохранении и размножении российского народа». Здесь мыслитель перечисляет актуальные для России проблемы: о размножении и сохранении российского народа; об истреблении праздности; об исправлении нравов и о большем народе просвещении; об исправлении земледелия; об исправлении и размножении ремесленных дел и художеств; о лучших пользах купечества; о лучшей государственной экономии; о сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Предлагает М.В. Ломоносов и пути их решения [1].

Начало XXI в., 2011 г. — три столетия спустя после рождения великоросса Ломоносова. Проблемы все те же. На этот факт обратил внимание профессор Р.М.-А. Гусейнов из Новосибирска в своем выступлении на научном симпозиуме «Историческая поступь великоросса. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова», состоявшемся в Центре общественных наук 15 ноября 2011 г. Действительно, что это — прозорливость гения, сумевшего заглянуть вперед, в будущее, «топтанье» России на месте или возврат в прошлое?

«Слово и смыслы — вот что покорялось провиденциально Ломоносову, укрепляло и вдохновляло его ученую, но при этом и метафизическую натуру, взывало к стойкости и вело вперед, несмотря на все органические препятствия, необязательные вредительства и естественное сопротивление окружавшего его суетного контекста», — сказал во вступительном докладе Ю.М. Осипов. И далее: «Такова она — судьба великого гения в великой России, когда два необыкновенных величия, хоть и полагают друг друга, но и вольно или невольно друг друга с неизбежностью отрицают...» [2, 12].

Наиболее серьезной проблемой сегодня, как и во времена Ломоносова, является сокращение населения в нашей стране, прежде всего из-за высокой смертности. С 1992 г. идет процесс депопуляции. Всего лишь за последние десять лет население России уменьшилось почти на 5 млн человек, и в 2009 г. составило 141,9 млн. Правда, демографическая политика, проводимая правительством в последние годы, привела к увеличению рождаемости. Кроме того, наблюдается и значительный приток мигрантов из других стран (почти 2 млн человек в 2009 г.). Результат — в 2010 г. в России проживало уже 142,9 млн человек. Но смертность в нашей стране по-прежнему остается высокой. Около

3,2% смертей ежегодно, по данным Госкомстата, происходит из-за отравления алкоголем [3]. На самом деле «вина» алкоголя в смертности значительно выше — он является провокатором многих заболеваний, осложнений, травм, преступлений, имеющих смертельный исход.

М.В. Ломоносов одну из причин смертности видел в злоупотреблении пищей и алкогольными напитками. В качестве примера он приводит поведение людей в Великий пост, когда вслед за изнурением скудной и плохой пищей следуют в праздник неводержанность в еде и питье, блуд: «готовясь к воздержанию великого поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам <...>. Разговенье тому ж подобно» [1]. Потому в потреблении необходима умеренность.

Нечто подобное мы наблюдаем и сегодня, с той лишь разницей, что постится всего около 9% россиян, но отмечают Пасху 83%. Для многих это не светлый праздник, связанный с воскресением Иисуса Христа, а очередной повод к шумному застолью — по данным социологического исследования ФОМ, около 50% респондентов приглашают к себе гостей или сами идут в гости [4].

Одну из причин праздности М.В. Ломоносов видел в нашем климате и географии. Зимой «крестьяне не имеют никакой большой работы <...>. Купцам за испорченными дорогами и распутицами почти нет проезду из города в город с товарами; нет кораблям плавания и морским людям довольного движения <...>. Итак, большая часть народа должна остаться в праздности» [1]. Посмотрим на сегодняшний день — география не изменилась, тогда зачем всячески поддерживать стремление людей к праздному образу жизни? Взять хотя бы десятидневные новогодние каникулы. Чем человеку в это время заниматься: только пить и гулять. Зато майские праздники сократили, несмотря на то, что это самый разгар посевных работ. ФОМ выяснил, как россияне относятся к таким нововведениям. Более 50% респондентов не одобрили длинные новогодние праздники, объясняя это тем, что нечего делать, усиливается пьянство (много алкогольных отравлений), появляются финансовые трудности, а также происходит дезорганизация в различных сферах (не работают поликлиники, банки и т. д.). За увеличение новогодних каникул высказались около 30% участников исследования. Они считают, что это дополнительное время для общения с семьей, возможность отдохнуть. На вопрос, что предпочтительнее — длинные новогодние каникулы или майские праздники, более половины опрошенных указали на последнее [5].

Но о каком истреблении праздности можно говорить, если у нас появляются все новые и новые праздники: те же самые фестивали пи-

ва, способствующие повышению уровня алкоголизации российского общества? А «вечный праздник», организуемый ночными клубами, настраивающими вовсе не на труд, а на постоянное развлечение в любой день недели, точнее ночь? Если в 1998 г. на душу населения приходилось около 10 л чистого алкоголя в год, то в 2009-м эта цифра увеличилась до 18 л. При этом, по данным Всемирной организации здравоохранения, 8 л чистого алкоголя в год на душу населения — это тот уровень, превышение которого опасно для жизни и здоровья человека и как следствие, ведет к деградации нации в целом [6].

Говорит М.В. Ломоносов и о медицине. Он отмечает, что среди знахарей есть те, «кои действительно знают лечить некоторые болезни, а особливо внешние, как коновалы и костоправы, так что иногда и ученых хирургов в некоторых случаях превосходят, однако все лучше учредить [лечение] по правилам, медицинскую науку составляющим. К сему требуется по всем городам довольно число докторов, лекарей и аптек, удовлетворенных лекарствами» [1].

Медицинские услуги необходимы, а во что превратились наши больницы? Нехватка лекарств, палат, устаревшее оборудование и доктора, которые рады помочь человеку, но сделать ничего не могут. А производители лекарств? Некоторые из них в погоне за прибылью выпускают на рынок подделки, по некоторым данным, около 10% лекарств в России — фальсификат [7]. Сколько еще БАДов (биологически активных добавок — в лучшем случае бесполезных), таблеток для похудения, поддержания потенции, обращающихся подчас летальным исходом?.. О том, что будет с людьми после таких лекарств, никто не думает, главное — продать.

Еще одну важную проблему поднимает М.В. Ломоносов: «Стыдно и досадно слышать, что ученики российского народа, будучи по десяти и больше лет в аптеках, почти никаких лекарств составлять не умеют. А ради чего? Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при иготе, при решете и при уголье до старости доживают и учениками умирают; а немецкими всего государства не наполнишь» [1]. Почему у нас не развивается отечественный фармацевтический бизнес? Зачем поклоняемся перед западным, кому это выгодно? Разве мы не в состоянии научиться изготавливать те же самые лекарства? Сегодня Россия поставляет сырье на Запад, хотя намного выгоднее изготавливать качественные товары самостоятельно, а не импортировать продукцию из наших же материалов.

М.В. Ломоносов призывал к умеренности. Являясь свидетелем преобразований Петра, он видел пользу для человека и государства от «окна в Европу» — знакомство со многими вещами и науками, соз-

дающими изобилие «многообразных» удовольствий. Западные ценности начинают проникать в Россию, начинается движение от аскетизма к гедонизму [8, 211]. Сегодня, с переходом России к рыночной экономике, произошли существенные институциональные изменения, сформировалось общество массового потребления. Трата денег становится значимой потребностью индивида, даже когда они еще не заработаны — есть кредит. Главное — показать свою платежеспособность, потреблять все больше и больше, покупать все новые товары и услуги. Жизнь превращается в гонку, самообман с гламуром. Потребитель видит более привлекательные объекты, чем те, которые он только что приобрел, и ради них готов на все: работать по двадцать часов в сутки, забывая о семье и друзьях; пойти на обман, не вспомнив о моральных принципах; даже совершить преступление, презрев Уголовный кодекс.

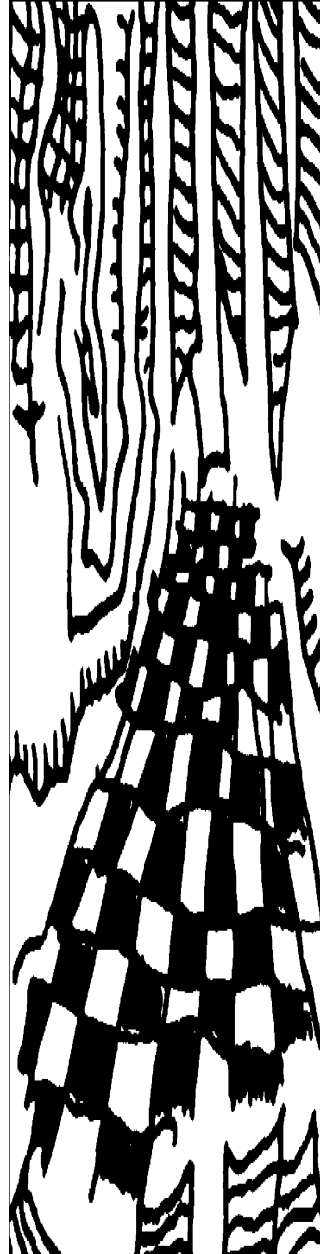
М.В. Ломоносов оставил нам указания, касающиеся того, как нужно жить, трудиться, что нужно сделать для процветания России и ее народа. Почему же мы не следуем его заветам? «Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет. И так все мои будущие и бывшие рачения тщетны» [1]. Видимо, люди у нас такие — особенные.

Литература

1. *Ломоносов М.В.* Избранные философские произведения // http://www.zasn.ru/pismo_lomonosova.
2. *Осипов Ю.М.* Историческая поступь великоросса: М.В. Ломоносов // *Философия хозяйства*. 2011. № 6.
3. Федеральная служба государственной статистики // <http://www.gks.ru>.
4. База данных ФОМ // <http://bd.fom.ru/report/map/of041402>.
5. База данных ФОМ // <http://bd.fom.ru/report/map/of050101>.
6. Потребление алкоголя в России // <http://www.dobroeslovo.ru/viewtopic.php?f=4&t=30664>.
7. Статистика по поддельным лекарствам // <http://behealthy100.wordpress.com>.
8. *Ростовцева Л.И.* Поведение потребителей и потребительская культура. М., 2002.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

К.В. ПАТЫРБАЕВА

**Макдональдизация и постиндустриализм:
противоречия современности и философия Дж. Ритцера**

Аннотация. Статья посвящена концепции макдональдизации Дж. Ритцера. Макдональдизация — особый тип рациональности, который присущ современному обществу наряду с новыми зарождающимися тенденциями (постиндустриализм, постфордизм, постмодернизм). Статья раскрывает индустриальную природу макдональдизации, причем автор предполагает, что данный феномен — попытка рынка сохранить власть в постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: рационализация, макдональдизация, постиндустриальное общество, рынок.

Abstract. The article is about G. Ritzer's theory of McDonaldization as developed kind of rationalization, which was typical for industrial society. The article shows links and differences between McDonaldization and post-industrialism and some consequences of McDonaldization. Author thinks that McDonaldization is attempt of market to take power in postindustrial society.

Keywords: rationalization, McDonaldization, postindustrial society, market.

Для обозначения одной из ключевых тенденций современности Дж. Ритцер использует термин «макдональдизация», впервые введенный им в социологическую теорию в 1993 г. Его работа «Макдональдизация общества» пережила несколько изданий и с существенными дополнениями была издана пятый раз в 2011 г. [1].

Известно, что «Макдональдс» — это сеть американских ресторанов фаст-фуд, имеющих широкую мировую известность и распространивших свою географию и свое влияние далеко за пределы Америки. Макдональдизация — это не просто распространение ресторана «Макдональдс», а превращение его функциональных принципов в базисные принципы организации современной социальной жизни, способствующей ее дальнейшей рационализации. Макдональдизация — это эволюционировавшие принципы общества модерна, индустриального общества, имеющие своими истоками рациональность бюрократических организаций, а также тейлоризм и фордизм как рациональные системы организации труда при индустриализме.

Идея все большей рационализации общества при капитализме не нова и принадлежит М. Веберу. Под рационализацией он понимает процессы, приводящие к постоянной калькулируемости и управляемости поведением индивидов и институтов. Эволюция современных обществ является, по Веберу, расколдовыванием мира — изгнанием чуда и рационализацией, связанными с ростом предсказуемости.

Дж. Ритцер использует идею рационализации и утверждает, что сегодня процесс рационализации выступает в форме макдональдизации. Как отмечено ранее, макдональдизация — термин для обозначения широкого круга социальных явлений и процессов, подчиненных принципам рационализации, подобно тем, которые имеются в ресторанах фаст-фуд сети «Макдональдс». Эта рационализация охватывает как производство, так и потребление. Хотя необходимо отметить, что, подобно Ж. Бодрийяру, Дж. Ритцер интересуется больше феноменом потребления, нежели процессом производства.

В основе макдональдизации лежат четыре принципа, а именно:

1) *эффективность*, связанная с подбором оптимальных средств достижения требуемой цели;

2) *просчитываемость* как учет лишь количественных факторов, в результате чего количество становится синонимом качества;

3) *предсказуемость*, подразумевающая, что товары и услуги будут одинаковыми, независимо от времени и места продажи, а также одинаковым будет поведение обслуживающего персонала.

4) *контроль* с помощью «нечеловеческих технологий», т. е. технологий, контролирующих людей (примерами может служить конвейер или «проездное окошко» в ресторане «Макдональдс») [1].

На подобных принципах рациональности были основаны бюрократия, а также конвейерное производство Ф. Тейлора и Г. Форда — типичные феномены индустриального типа общества. Указание на бюрократию и производство конвейерного типа как примеры индустриальной цивилизации можно найти в работах классиков постиндустриализма, в частности, в трудах Э. Тоффлера. Э. Тоффлер противопоставлял бюрократии как организационной структуре индустриальной цивилизации адхократию супериндустриального общества, а труду на конвейере — новые формы труда, включая автоматизированный труд на фабриках нового типа [2—3].

Возникает ощущение, что макдональдизация — это рудиментарным образом сохранившиеся элементы индустриализма. О родстве макдональдизации и индустриализма можно судить по сходству ее принципов (эффективность, просчитываемость, предсказуемость, контроль) и принципов индустриального общества, сформулированных Э. Тоффлером (стандартизация, специализация, синхронизация, кон-

центрация, максимизация, централизация) [2]. Дж. Ритцер также задается вопросом, каким образом соотносится макдональдизация, видимая невооруженным глазом любому обывателю, с также заметными и влиятельными новыми трендами — постиндустриализмом, постфордизмом, постмодернизмом. В своей книге «Макдональдизация общества 5» исследователь уделяет этому вопросу отдельные разделы.

Макдональдизация как стремление к предельной рационализации труда и потребления, как тенденция разложения процессов до их простейших, «атомарных» операций, подобно трудовым операциям на конвейере, реально присутствует в современных обществах. Дж. Ритцер в своих работах приводит и анализирует сотни примеров макдональдизированных социальных практик, характерных для современного образа жизни, его ритма. Эти практики быстро распространяются, принимая все новые и новые формы. Макдональдизируется пресса, досуг, образование, медицина спорт. В результате мы имеем дело с «мак-газетами», где аналитические статьи вытесняются краткой информацией, картинками и развлечениями; в сфере высшего образования появляются «мак-университеты», проверяющие знания студентов с помощью «мак-тестов», позволяющие получить минимум знаний по предмету для сдачи экзамена и снижающие до минимума творческое общение студентов и преподавателей; даже в медицине мы можем встретиться с практикой «мак-докторов», которые, подобно рабочим на конвейере Г. Форда, «обрабатывают» пациентов.

В то же время имеются и противоположные тенденции. Например, Дж. Ритцер ссылается на теорию постиндустриального общества Д. Белла, доказывающую смену фокуса с производства товаров на производство услуг, подъем новых технологий, рост знаний и средств обработки информации, рост числа ученых и инженеров и их влияние на жизнь общества, доминирование творческих профессионалов, а не рационализированных служащих. Д. Белл также использует убедительные доказательства, с которыми нельзя поспорить.

Таким образом, тенденции макдональдизации и постиндустриализации сегодня сосуществуют. Аналогично можно утверждать наряду с экспансией макдональдизации новых организационных принципов постфордизма (который, кстати, часто рассматривается как одно из следствий постиндустриализации). Система постфордизма подразумевает: снижение интереса к массовым продуктам и повышение интереса к более индивидуализированным и специализированным; особое внимание к стилю и качеству продукции; меньшую серийность производства; гибкое производство; более умелых работников; большую дифференциацию на работе, ведущую к большей дифференциации в обществе. По своей природе постфордизм — абсолютная противополож-

ность фордизма, ориентировавшегося на массовое производство гомогенных продуктов, негибкие технологии и стандартизованную рутину. Необходимость и возможность постфордизма, во многом, обусловлена требованиями и возможностями, которые перед человеком открыла автоматизация. И хотя постфордизм, по мнению Дж. Ритцера, уже себя проявляет, элементы фордизма все еще присутствуют и проявляются через гомогенные продукты и услуги, жесткие технологии, рабочую стандартизованную рутину, взаимосвязанность работников. Вывод Дж. Ритцера — фордизм жив и трансформировался в макдональдизацию (при этом и «старый» конвейер также имеет место). Таким образом, постфордизм и макдональдизация также сосуществуют в едином социальном пространстве.

Наконец, Дж. Ритцера интересует, как соотносятся макдональдизация и постмодернизм, в стадию которого, по мнению некоторых исследователей, входит современное общество. Для Дж. Ритцера важен вопрос: является ли постмодерн абсолютно новым, неизвестным ранее состоянием общества? При этом Дж. Ритцер, скорее, склонен дать отрицательный ответ на этот вопрос. Ссылаясь на Джеймсона, Ритцер видит в постмодерне лишь позднюю стадию модерна (и поздний капитализм). В этом смысле макдональдизация не противоречит постмодерну, поскольку обнаруживает с ним сходство через следующие характеристики: 1) связь с поздним капитализмом; 2) поверхностность; 3) угасание эмоций и аффектов; 4) утерю историчности; 5) репродуктивные технологии (воспроизводство того, что было произведено ранее).

Интересно, что современный отечественный мыслитель А. Дугин относит феномен постмодерна к «черным чудесам» постмодерна, называя его «храмом экстатического топоса». «Макдональдс», по А. Дугину, — один из примеров постмодернистских симулякров, сблизняющий человека «экстатический топос».

«"Макдональдс", — пишет А. Дугин, — радуется, причем на очень хороший срок. Он радуется, забавляется, развлекается и не пойми чем — еда там безвкусная, содержания никакого в "Макдональдсе" нету, витаминов тоже, но тем не менее это и есть *постмодернистическая утопия*, т. е. место, которого нет. И не случайно в нем сидит клоун, показывая, что это место ироничное, это насмешка над идеей ресторана, еды, пиццы, это псевдосакрализация еды, туда люди приходят, действительно, не пойми зачем, и так возникает некое "чудо"... "Макдональдс" — это тоже пример черных чудес, потому что ни причинной, ни целевой нагрузкой он не несет» [5, 113—114].

Закончив сравнение макдональдизации с постфеноменами — постиндустриализмом, постфордизмом, постмодернизмом, Ритцер делает

вывод, что макдональдизация демонстрирует черты как модерна, так и постмодерна.

По нашему мнению, Дж. Ритцер прав, когда говорит о сосуществовании в современном социуме макдональдизации как развившихся принципах индустриального общества и новых, выводящих за ее пределы, включая прежнюю рациональность, трендах (постиндустриализм и пр.).

Что-то новое всегда рождается через диалектическую борьбу низшего с высшим, старого с новым. Новая рациональность рождается из противоречий, которые возникают в современном социуме, в том числе борьбы макдональдизации и постиндустриализации. «Иррациональность рационального» (оборотная сторона макдональдизации, по Ритцеру) как одно из центральных противоречий макдональдизации также должна привести, согласно диалектическим законам, к ее трансформации — либо постепенному сглаживанию противоречий (естественному «отмиранию» макдональдизации), либо к революционному скачку в новое состояние.

Макдональдизация, по нашему мнению, является также одной из попыток рынка «самосохраниться», «адаптироваться» к новой, постиндустриальной, среде. Упор на количественные показатели, в частности, на более рациональное использование рабочего времени как основу стоимости (товара или услуги) — базовые принципы рынка (и рыночной стоимости), которые, как показано, например, В.В. Орловым, перестают работать в постиндустриальных отраслях, где абстрактный труд как основа стоимостного отношения отходит на задний план [6].

Макдональдизация, успешно «эксплуатируя» принцип предсказуемости, как бы психологически помогает человеку в быстро меняющемся современном мире — «текучей современности» (термин З. Баумана), вызывающей «шок будущего» (термин Э. Тоффлера) вследствие неспособности и неумения человека адаптироваться к новой реальности. Предсказуемость предполагает, что товары услуги будут одинаковыми, независимо от времени и места, когда и где они предлагаются. Успех принципов работы ресторана быстрого обслуживания и макдональдизированных отраслей в целом (например, «Диснейленд», магазины «Икея» и пр.) состоит в том, что люди испытывают комфорт, что в столь хаотичном мире на его локальном уровне есть фактор порядка — здесь так мало сюрпризов.

Макдональдизация, возможно, есть попытка дать новое дыхание, новую жизнь абстрактному труду, попытка распространить рыночные принципы даже на нерыночные сферы — образование и медицину. Это, на наш взгляд, одно из самых опасных, самых дегуманизирующих

последствий макдональдизации. Хотя вся макдональдизация в целом, как убедительно проиллюстрировано Дж. Ритцером, является дегуманизирующей (и в этом одно из проявлений ее иррациональности). Макдональдизация предлагает человеку обучаться в мак-университетах, где знания контролируются тестами, общение студентов с профессорами максимально сокращается, и вообще посещение лекций перестает быть необходимым — можно купить готовые лекции и готовые курсовые работы. Преподавателей в мак-университетах, согласно ключевому — количественному — принципу макдональдизации, начинают оценивать через рейтинг, индексы цитирования и т. п. Его величество Количество пытается оценить интеллектуальный вклад ученого через безликую и равнодушную к качеству рейтинговую оценку.

Проникнув в медицину, макдональдизация стремится и ее подчинить рынку, навязать ей свои принципы рациональности. Медицина превращается в конвейер. В качестве особо поразившего медицинского конвейера Дж. Ритцер приводит пример Московского НИИ микрохирургии глаза, где делают двадцать операций за час и каждый врач-рабочий (мак-доктор) имеет лишь три минуты, чтобы выполнить свою часть операции. Целями в мак-медицине, так же как и в мак-университете, являются количественные показатели и количественно измеряемая эффективность.

Негативные последствия макдональдизации таких в принципе рыночных по своей природе отраслей, как образование и медицина, на наш взгляд, очевидны.

Макдональдизация — образный и яркий термин для обозначения противоречащей постиндустриализму тенденции, попытки индустриальной системы и ее детища — рынка — сохранить и продолжить свое влияние в нарождающемся новом обществе. Дальнейшее сохранение и распространение макдональдизации, по нашему мнению, возможны лишь в некоторых сферах — прежде всего, традиционных для индустриальной системы, где возможны пооперационное дробление труда, разделение труда на умственный и физический, измерение результатов труда затраченным трудовым временем. Некоторые отрасли уже сейчас, в принципе, оказываются неподвластными макдональдизации — труд ученых (как бы не хотелось, но процесс совершения научных открытий не может быть подчинен принципам макдональдизации, а ценность научного открытия не может быть измерена в терминах рыночной стоимости); труд программистов — центральных субъектов постиндустриального общества; труд работников многих творческих профессий; труд «протребителей» (термин Э. Тоффлера) [2—4], «креативных профессионалов» (термин Р. Флориды) [7] и «свободных агентов» (термин Д. Пинка) [8], составляющих сегодня значительную часть

неучитываемой, неофициальной экономики (подробно последствия распространения «экономики протребления» рассматривает в своих работах Э. Тоффлер).

При этом число подобных, в принципе «немакдональдизирующих» отраслей, по нашему мнению, будет возрастать по мере движения в постиндустриальное общество¹.

Литература

1. *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5. М., 2011.
2. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002.
3. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2003.
4. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. М., 2008.
5. *Дугин А.* Радикальный субъект и его дубль. М., 2009.
6. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Философия экономики. Пермь, 2006.
7. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.
8. *Пинк Д.* Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М., 2005.
9. *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
10. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 2006.
11. *Кравченко С.А.* Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. М., 2010.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Отчуждение (тезисы)

Аннотация. Анализируется феномен отчуждения. Подчеркивается его отношенческая сущность, рассматриваются проекции отчуждения на типологические уровни отношений.

Ключевые слова: отчуждение, бездушие, отношения, социум, капитализм.

Abstract. The phenomenon of alienation is analyzed. Its essence as the relationship phenomenon is emphasized. Projections of alienation on typological levels of relations are analyzed.

Keywords: alienation, callousness, relations, society, capitalism.

¹ См. также [9—11].

1. Отчуждение — атрибутивная форма деградации (распада) отношений.

2. Отчуждение есть состояние отношений, возникающее при их рассогласованности. Иначе говоря, отчуждение — это показатель дисгармонии в отношениях.

3. Поскольку отчуждение является отношенческим феноменом, оно свойственно исключительно людям. У животных его нет. В их взаимодействиях друг с другом могут иметь место агрессия, страх и другие эмоциональные комплексы, внешне напоминающие реакции отчуждения и обусловленные наличием у животных инстинктов. Но не отчуждение.

4. Термин «отчуждение» применим главным образом к отношениям между людьми и лишь косвенно (метафорически) — к представляющему собой проекцию этих отношений взаимодействию между людьми и внечеловеческими феноменами (например, отчуждение работника от результатов его труда, гражданина от управления государством и т. п.).

5. Утверждение об абсолютной деструктивности отчуждения является неверным, поскольку отчуждение представляет собой не только способ разрушения отношений, но и способ их обогащения в том случае, если конструктивная сторона отношений — освоение — преобладает над отчуждением.

6. Отчуждение возникает при несоблюдении меры освоения, т. е. при недостаточности либо избыточности меры освоения. Если она не соблюдена, актуализируется отчуждение.

7. Как видим, чрезмерное сближение — тоже форма отчуждения. Например, в любви психическая сторона гармонирует с телесной. Нарушение этой гармонии приводит к отчуждению. Возможны две формы такого отчуждения. При явном преобладании психической стороны над телесной любовь превращается в отчужденность, при почти абсолютном — в аскетизм. При явном преобладании телесной стороны над психической любовь превращается в развращенность, при почти абсолютном — в извращенность.

8. Недостаток интимности в отношениях есть отчужденность, избыток интимности — пошлость. Поэтому, например, для достижения высокого художественного уровня любовной лирики необходимо соблюдение меры интимности в описании любви. Нарушение этой меры порождает пафос отчужденности, полюсами которого являются лирическая закрытость и лирическая развязность (пошлость). Недостаток интимности оборачивается лирической закрытостью, избыток — лирической развязностью (пошлостью).

9. Сексуальные отношения без любви представляют собой проявление отчуждения, а именно, деградацию межличностных отношений по вектору общественных.

10. Отношения либо являются любовью (высшей формой психического освоения), либо производны от нее. Поэтому они представляют собой либо любовь, либо ее подобию, которые располагаются в диапазоне между любовью и отчуждением.

11. Главная цель существования человека — стать человеком, т. е. стать счастливым (обрести смысл жизни). Все остальные цели его существования являются необходимыми, но второстепенными и представляют собой стадии отчуждения от человечности, т. е. от смысла жизни.

12. Сущность отчуждения состоит в отделенности от смысла жизни, конкретнее — в отделенности от любви и познания. Однако, поскольку подавляющее большинство людей — обыватели, или носители коллективного бессознательного, они отчуждены тотально: и от себя, и друг от друга, и в общественных отношениях.

13. Поскольку отчуждение является социальным феноменом, у него имеется психологическая проекция — бездушие. Бездушный человек таков прежде всего потому, что он находится в деструктивном конфликте с собой, с собственным бытием. В конечном итоге бездушие оказывается реакцией на отсутствие смысла жизни, точнее, на неспособность строить смысл жизни.

14. Бездушие, или отчуждение от себя, разрушительно не только для своего носителя, но и для окружающих. Распространяя бездушие по отношению, человек умножает глупость и, следовательно, зло. Происходит это потому, что причиняющий зло другому является тем, кто уже причинил зло себе, повредил себя злом.

15. Отчужденные друг от друга люди страдают от одиночества. Но они ищут упрощенный выход из этого положения: ждут организующей их отношения инициативы от противоположной стороны и тем самым проявляют инициативу по организации отношений на принципах власти.

16. То, чем сильнее всего уничтожаются отношения, — властность — избирается носителями коллективного бессознательного (обывателями) в качестве спасения от отчуждения и одиночества. В итоге образуется замкнутый круг: предпринимается заведомо бесплодная попытка построить отношения тем средством, которое разрушает их до основания.

17. Выбраться из ловушки отчуждения весьма сложно. Цивилизованный (буржуазный, особенно постмодерновый) обыватель находится внутри отчуждения. Он и борется с отчуждением средствами отчу-

ждения, и рассуждает об отчуждении на языке отчуждения. И тем самым только усугубляет сложившуюся ситуацию.

18. Преодолеть отчуждение возможно исключительно духовным методом — при помощи познания. Но этот метод находится вне зоны досягаемости для подавляющего большинства людей, в результате чего с ходом истории отчуждение множится и разнообразится. В социоцентрическом социуме (в среде носителей коллективного бессознательного) даже понимание отчуждения не избавляет никого от повсеместного и повседневного столкновения с ним.

19. Понимающий отчуждение в награду за свое понимание попадает в ситуацию «горе от ума». А к этой ситуации применимо такое высказывание: посеешь чувства — пожнешь сочувствие, посеешь мысли — пожнешь отчуждение и сопряженное с ним одиночество.

20. Отчуждение не является формой отношения, навязанной человеку социумом. Оно представляет собой форму отношения, при помощи которой обнаруживается, что душевная (не духовная!) близость есть близость на основе витальных потребностей. По мере эволюции социума их удовлетворение в нарастающей степени происходит опосредованно, через общественные, а не через межличностные, отношения, что и приводит к усилению отчуждения.

21. Причина отчуждения состоит в том, что носители коллективного бессознательного (обыватели) нуждаются друг в друге только как в средстве удовлетворения витальных потребностей. Стадией развития социума, на которой эта закономерность обнаруживается явно, является капитализм.

22. Чем более витально богатым является человеческое сообщество, тем ниже в нем степень единения людей и, соответственно, тем в этом сообществе сильнее отчуждение и тем прочнее в нем блокируется смысл жизни.

23. В патриархальном (первобытнообщинном, рабовладельческом и феодальном) социуме залогом существования (выживания) людей служат слияние индивида (обывателя) с человеческой массой и уподобление ей. Отчуждение в патриархальном типе социума наличествует, однако оно находится в «неразвернутом» состоянии, хотя и неуклонно усиливается по мере приближения к капитализму.

24. В цивилизованном (буржуазном: модерновом и особенно постмодерновом) социуме индивиды (обыватели) уже достаточно витально богаты для того, чтобы не сливаться с человеческой массой и не уподобляться ей. В этой ситуации отчуждение становится явственным и вместе с тем не прекращает постоянно усиливаться.

25. В обоих названных социоцентрических типах социума, патриархальном и цивилизованном, не соблюдается мера главного отношения — отношения к себе. В патриархальном социуме отношение к себе

растворено в общественных и межличностных отношениях; в цивилизованном — гипертрофировано, поскольку оно отчуждено от межличностных и общественных отношений и зафиксировано на уровне индивидуальной человеческой психики, т. е. не выведено на уровень сознания. В результате в том и другом социоцентрическом типе социума блокируется возникновение отношенческой надстройки — самопознания (самосознания), а с ним и достижение смысла жизни.

26. Отчуждение цивилизованных (существующих в условиях капитализма) обывателей от смысла жизни не образует ментальной вакансии, а означает их приверженность к деньго- и финансоверию, которые выступают катализаторами эскалации отчуждения и бездушия.

27. Капитализм, особенно постмодерновый, представляет собой апофеоз отчуждения. Более того, отчуждение в его постмодерновой форме является предельно возможным.

28. В процессе отчуждения отношения упрощаются и трансформируются в коммуникацию, а общение превращается в информирование.

29. У обывателей сущностью отношений является инструментальное (отчуждающее) использование человека. Поэтому они стремятся развивать социум по капиталистическому вектору, наиболее благоприятному для инструментального (отчуждающего) использования человека.

30. Инструментальное (отчуждающее) использование человека неизбежно, однако чревато колоссальными проблемами. В условиях Постмодерна постоянно возрастающая технико-технологическая оснащенность обывателей не просто является средством отчуждения, но создает угрозу примитивизации и уничтожения отношений. А вместе с ними, разумеется, — и опасность самоликвидации человечества.

31. Чтобы такой сценарий не стал реальностью, необходимо противопоставить эскалации отчуждения высшую (духовную, гносеологическую) форму освоения действительности — строительство смысла жизни.

М.А. ЗУБАНОВ

Постсовременность как новая стадия развития личного потребления

Аннотация. В статье, основанной на материалах трудов философов и социологов постмодерна, анализируются особенности постсовременного общества как новой стадии развития личного потребления,

связанной с процессами дереализации мира вещей, а также симуляцией их значений и самолегитимацией знаковых смыслов.

Ключевые слова: постсовременность, общество спектакля, дереализация, симуляция.

Abstract. In article based on materials of works of philosophers and sociologists of a postmodern, features of a postmodern society as new stage of development of the personal consumption, connected with processes of derealization of the world of things, and also simulation of their values and self-legitimation of sign senses are analyzed.

Keywords: postmodern, society of the spectacle, derealization, simulation.

Формирующиеся на наших глазах новые формы непосредственной жизнедеятельности человека обычно связывают с комплексными изменениями, произошедшими в сфере нематериального производства. В свою очередь, отмеченные трансформации традиционного образа жизни закономерно выводятся из особенностей нового типа общественного устройства, обозначаемого либо экономико-социологическим термином «постиндустриальное информационное общество», либо другим близким ему по смыслу социально-философским понятием — «постсовременное общество» («общество постмодерна»).

Об обществе постмодерна написано большое количество трудов самого разного объема, содержания, формата и значения. Однако в этом обширном ряду выделяются ставшие уже классическими труды теоретиков постмодерна, обратившихся к особенностям данного типа социального устройства с точки зрения изменений, произошедших в сфере личного потребления. К их числу, прежде всего, относятся исследования Эрнста Ги Дебора и Жана Бодрийяра.

Главный труд основателя ситуационистского интернационала Ги Дебора «Общество спектакля» состоит из девяти глав, объединенных общим авторским замыслом, упрощенная суть которого заключена в идее зрелищной дереализации современного общества. В современном обществе реальность, по мнению Ги Дебора, выступает в качестве псевдомира, суть которого заключена в нагромождении спектаклей. Спектакль как удвоение действительности, одновременная цель и средство не стремится ни к чему иному, кроме себя самого. В этом смысле в спектакле реальное «иметь» заменяется социально престижным «казаться». Таким образом, современный спектакль, считает Ги Дебор, представляет собой тоталитарный общественный механизм, порожденный разделением деятельности и превращенный ею в свою противоположность, т. е. в бездеятельность [1, 15].

В онтологическом плане истоками спектакля, по Ги Дебору, являются утрата единства мира и одновременно возникновение новой формы отчуждения. Отчуждение зрителя в пользу созерцаемого объекта выражается следующим образом: чем больше он созерцает, тем меньше он живет. Внешний характер спектакля по отношению к действующему человеку проявляется в том, что его собственные поступки принадлежат уже не ему самому, но другому — тому, кто ему их представляет [1, 18].

Спектакль, говоря словами теоретика ситуационизма, — это непрерывная «опиумная война», которая ведется с целью уничтожить даже в мыслях людей различия между товарами и жизненными ценностями, между развлечениями и выживанием. Например, для того чтобы автоматика не уменьшала времени, затрачиваемого обществом на какой-либо труд, следует создавать новые рабочие места. С этой задачей прекрасно справляется сектор услуг, который мобилизует на создание и удовлетворение искусственных потребностей всех, кто не занят в реальном производстве товаров [1, 24].

Далее Ги Дебор называет ряд новых тенденций, возникших в экономике потребления. Во-первых, это тенденция к непрерывному снижению потребительной стоимости, в результате чего реальное минимальное потребление (питание, жилье) становится лишь каплей в иллюзорном мире растущих потребностей. Во-вторых, товар превращается в реально существующую иллюзию, а спектакль становится манифестацией этой иллюзии. Потребительная стоимость становится эксплицитной, а потому псевдожизнь сверхразвитой товарной экономики требует псевдооправдания в форме спектакля. В-третьих, спектакль становится новой личиной денег. В этом качестве спектакль — это деньги, на которые можно лишь любоваться, поскольку реальное потребление заменено псевдопотреблением. В-четвертых, накопление капитала происходит повсюду, а не только в бывших центрах цивилизации. В эпоху экономического изобилия результаты труда становятся видимыми всем и подчиняют всю реальность этой видимости [1, 25—26].

Прогнозируя будущее общества потребления, Ги Дебор утверждает, что торжество автономной, самодостаточной экономики неминуемо обернется ее последующей гибелью, поскольку экономическая необходимость подменяется гедонистической жадью бесконечного экономического роста. Удовлетворение основных человеческих потребностей превращается в непрерывное создание новых псевдопотребностей, которые, в свою очередь, служат единственной цели — торжеству самодостаточной экономики. В конце концов нужда в автономной экономике постепенно перестает быть фундаментальной потребностью

человеческого общества. «Вся эта монструозная сила, — пишет Ги Дебор, — которая постоянно возрастала до тех пор, пока не добилась абсолютного господства над миром, по мере своего высвобождения, теряет все свое могущество и власть. То, что ранее было экономическим Оно, теперь должно стать Я. Но как будет выглядеть этот новый субъект? ...В одном случае, нас ожидает... мир, где трудящиеся смогут контролировать все сферы своей собственной деятельности. В другом — ...общество спектакля, в котором товар созерцает сам себя в им же созданном мире» [1, 27].

Характеризуя, качественные изменения, произошедшие в сфере потребления, Ги Дебор отмечает, что удовлетворение, которого уже невозможно достичь потреблением избыточного товара, теперь найдено в признании ценности товара как такового. При этом потребитель, по словам Ги Дебора, исполняется религиозного благоговения по отношению к полновластной свободе товара. Волны энтузиазма по поводу того или иного продукта молниеносно разносятся и поддерживаются средствами массовой информации. Наконец, когда товарная масса начинает стремиться к необычности, отклонению от нормы, само отклонение становится особым товаром [1, 35].

Отдельно останавливаясь на феномене престижного потребления, Ги Дебор отмечает, что продукт становится престижным лишь тогда, когда его помещают в центр общественной жизни, нарекая конечной целью всего производства и развития. Покупая новый товар, — пишет философ, — человек на короткий срок впадает в иллюзию счастья. Эта иллюзия должна со временем разоблачить себя, замещаясь новой иллюзией. Каждая новая ложь рекламы — это также признание ее предыдущей лжи [1, 36].

Тем самым спектакль, декларирующий товарное равенство, провозглашает видимость социального единства. Однако на самом деле классовое разделение в обществе спектакля никуда не исчезает. То, что связывает людей, одновременно и отдаляет их друг от друга. То, что призывает к торжеству рационального, на деле содействует иррациональности иерархической эксплуатации и подавлению. То, на чем основывается власть в обществе, обуславливает и его конкретную несвободу.

Новым продолжением идей, высказанных в «Обществе спектакля» Ги Дебора, стал труд «Общество потребления» Ж. Бодрийера. Отталкиваясь от мечты о «золотом веке», Бодрийер подробно рассматривает особенности и мифологию современного «общества потребления». Признаками общества потребления как действительного, а не иллюзорного изобилия Бодрийер считает: отсутствие собственности; отсутствие привязанности к вещам; отсутствие дома как привилегированно-

го места для жизни; отсутствие принудительного труда; отсутствие запасов; пребывание в неразделенном (работа, отдых) времени; веру в бесконечность природных благ; дарение и символический обмен как основу «экономических» отношений; бесконечный обмен ценностей, а не вещей, что ведет к безграничному изобилию.

Какие же мифы общества потребления прежде всего разоблачает Бодрийяр?

Консьюмеристская (потребительская) мифология, в интерпретации Бодрийяра, функционирует как система взаимодополнительных и взаимореферентных идеологем, призванных легитимировать существующий «порядок вещей». Например, миф о счастье является именно тем мифом, который воспринимает и воплощает в современных обществах миф Равенства. Как это ни парадоксально, сама мифология эвдемонизма, являясь в современных обществах проводником мифа Равенства, несет на себе идеологическую функцию обоснования и легитимации «эгалитаризма потребления».

Таким образом, Ж. Бодрийяр, как и Ги Дебор, с разных социальных позиций анализируют один и тот же принципиально новый феномен, сформировавшийся в процессе взаимоналожения двух культурно-исторических мифов: экономикоцентристского *мифа благосостояния* и антропологического *мифа потребностей*. Оба этих мифа в действительности реализуют скрытую идеологическую функцию по размыванию и устранению объективных социальных и исторических различий, существующих в принципиально «неэгалитаристской» системе социальных отношений. Натуралистическая антропология консьюмеризма, очерчивая и одновременно ограничивая структуру субъектных потребностей, артикулирует специфическую среду социально принятых и одобряемых целей. Всеобщее равенство в «обществе потребления» — это равенство перед потребностью и перед принципом удовольствия, ибо, как утверждает Бодрийяр, «все равны перед потребительской ценностью вещей и благ». В отношении к потребительской ценности товара или услуги оказываются нивелированы классовые и иные стратификационные различия.

Зрелое «общество потребления» — это общество, реализующее стратегию последовательного роста потребления. Рост же потребления в представленной системе значений и есть рост реального благосостояния. По мнению Бодрийяра, экономический рост (как в системе производства, так и потребления) не только не гарантирует в будущем достижение «эгалитарного социального порядка», но, напротив, субстанциально зависит от существующей системы социальной дифференциации. Для Бодрийяра одинаково неприемлемыми оказываются позиции как сторонников роста, так и его противников. В сущности, это ложная дилемма эгалитарного и неэгалитарного роста. Либо рост

производит неравенство, либо рост способствует достижению пресловутого социального равновесия.

Перед нами, как утверждает автор, в равной степени утопичные социальные схемы. Фактически в истории человечества никогда не существовало ни «обществ изобилия», ни «обществ нищеты». Всякое общество, каким бы оно ни было, и какой бы ни была величина произведенных благ или имеющегося в наличии богатства, основывается одновременно на структурном избытке и на структурной нищете. Структурный избыток, который в разных смысловых контекстах определяется как сакральная жертва, расточительный расход, прибавочная стоимость, статусная экспектация, престижный бюджет, определяет в той же степени как величину богатства общества, так и его социальную структуру. Именно существование роскоши в качестве «структурного избытка» является необходимым для воспроизводства «неэгалитарного социального порядка», а следовательно, и любой существующей социальной структуры.

Иными словами, всегда существует достояние привилегированного меньшинства, которое конституируется как роскошь или «структурный избыток». Его функция — воспроизводство привилегии касты или класса. В этом смысле Бодрийяр убежден, что социальная депривация постоянна и неизбежна, в то время как социальное равновесие — это миф. В социологическом плане здесь нет и не может быть равновесия: «Равновесие — это идеальный фантазм экономистов, который противоречит если не самой логике общественного состояния, то, по крайней мере, всюду уловимой социальной организации. Всякое общество производит дифференциацию, социальные различия, и такая структурная организация основывается, между прочим, на определенном использовании распределения богатств...» [2, 59].

Подводя итог сказанному, можно констатировать следующее. Несмотря на внешнюю разнокачественность новых явлений, характерных для «общества спектакля» и «общества потребления», объединяющая их консьюмеристская ориентация массового сознания свидетельствует о наличии однотипных качественных изменений, произошедших в самой культуре постмодерна. Суть этих изменений, нагляднее всего отраженных в мифологии общества потребления, обусловлена изменением самого характера предметно-знаковых отношений, составляющих суть любой знаково-символической программы.

Литература

1. *Ги Дебор Э.* Общество спектакля. М., 2011.
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

Н.Н. РОСТОВА

Концепт антропологического хаоса в двух философских манифестах России XX века

Аннотация. В статье вскрывается философский смысл двух знаковых произведений русской литературы XX века — новеллы 1930 г. Сигизмунда Кржижановского «Красный снег» и рассказа-исповеди 1938 г. Георгия Иванова «Распад атома». По мнению автора, оба произведения суть два философских манифеста, провозглашающих новый взгляд на человека. Помещая героев в мир без Другого, они манифестируют о том, что изначальное состояние человека — это хаос, который предшествует рефлексии, сознанию и субъектности.

Ключевые слова: человек, Другой, сознание, рефлексия, смысл, Г. Иванов, С. Кржижановский.

Abstract. In article the philosophical sense of two sign products of the Russian literature of XX centuries — short stories of 1930 with Sigizmund Krzhizhanovsky «Red snow» and the story-confession of 1938 of George Ivanov «Atom disintegration» is opened. According to the author, both products an essence two philosophical manifestos, proclaiming a new view on the person. Placing heroes in the world without Another, they demonstrate that the primary condition of the person is a chaos which precedes a reflection, consciousness and the subject.

Keywords: the person, Another, consciousness, a reflection, sense, G. Ivanov, S. Krzhizhanovsky.

Русской литературе первой половины XX в. принадлежат два произведения, которые невозможно рассматривать в отрыве друг от друга. Это новелла 1930 г. Сигизмунда Кржижановского «Красный снег» и рассказ-исповедь 1938 г. Георгия Иванова «Распад атома». У каждого произведения есть художественный, социально-политический, исторический, экзистенциальный смыслы. И в этих измерениях тексты перекликаются. Они существуют как литературные братья. Но что еще более существенно, эти тексты параллельны друг другу на метафизическом уровне, который отсылает к предельному вопрошанию о человеке и его основаниях. «Красный снег» [1] есть развитие, контрапункт логики, положенной в основу «Распада атома» [2].

Оба произведения суть два философских манифеста, провозглашающих новый взгляд на человека. Помещая героев в мир без Другого, они манифестируют о том, что изначальное состояние человека — это хаос, который предшествует рефлексии, сознанию и субъектности. Другой — это поставщик готовых смыслов и контекста восприятия и

опыта. В мире без Другого человек обнаруживает отсутствие изначальной целостности. Он распадается на фрагменты чувствований и мыслей, ставя перед собой главный вопрос: есть ли что-то, что могло бы связать его в органичное единство?

Георгий Иванов: распад атома

Текст Георгия Иванова — это текст интимный. Его интимность связана не с присутствием в нем эротизма, а с его исповедальностью. «Распад атома» — попытка исповеди, т. е. речи вне поля зрения Другого. Другой — это похититель личных смыслов, тот, кто лишает тебя непосредственности. В речи, обращенной к себе, а не к Другому (так неодобрительно встреченной В. Ходасевичем [3, 414 — 418] и В. Набоковым [4, 593]), Г. Иванов пытается высказать сокровенное о человеке, и этим сокровенным оказывается парадоксальное представление о человеке как о бесконечно делимом атоме.

Что такое человек? Обычно человек мыслится как часть, которая принадлежит целому — природе, космосу, социуму, бытию. Человек — часть, мир — целое. Но трагедия человека, скажет Г. Иванов, заключается как раз в том, что он изъят из мира, он есть изъян мира, вывих, уродство. Бесчеловечный мир прелестен, одушевленный — уродлив. «Чистейший саван зимы», «Рождество на северном полюсе», «сиянье и снег»². Гармония. Лад. И на фоне бесчеловечной прелести человеческого мир уродства — «взволнованная одинокая душа», «банки с раковыми опухолями», «бледные выкидыши в зеленоватом спирту». Человек только жаждет лада, красоты, но не есть их часть.

Человек не есть и атом в составе социального целого. Что такое атом? Атом — это далее неделимое, неразложимое целое, монолит. Что значит быть атомом в составе социума? Это значит получить от целого характеристики, которыми ты прежде не обладал, получить место в составе целого, опереться на культурные механизмы. Быть социальным атомом — значит быть тождественным своей социальной роли, быть тем, что не имеет внутреннего, но исчерпывается внешним. Например, быть представительным. Г. Иванов скажет: «Этих благополучных старичков, по-моему, следует уничтожать. — Ты стар. Ты благоразумен. Ты отец семейства. У тебя жизненный опыт. А, собака! — Получай. У господина представительная наружность. Это ценится. Какая чепуха: представительная. Если бы красивая, жалкая, страшная, какая угодно. Нет, именно представительная. В Англии, говорят, даже существует профессия — лжесвидетелей с представительной наружностью, внушающей судьям доверие. И не только внушает доверие,

² Цит. по: www.lib.ru.

сама неисчерпаемый источник самоуверенности. Одно из свойств мирового уродства — оно представительно». Что такое представительность? Это то, что существует в порядке представления, и то, чего нет в порядке бытия. Это поза, мимика, жест. Социальный покров. И только. И это есть уродство.

Представительность — как фотография. На фотографии мы видим человека. Но *«фотография лжет»*. Почему? Потому что фотография — это воплощение взгляда Другого. В отличие от живописи и иконы, она внутреннее редуцирует ко внешнему. На ней нет человека, который видит себя изнутри. На ней есть только тело и лицо. Глаза и руки. На ней мы видим ничего не значащую поверхность. Даже распоротый живот на изображении не заставляет содрогнуться. *«Человеческий документ заведомо подложен»*, — скажет Г. Иванов. Лицо, тело, поза, социальный камуфляж — лишь оболочка, за которой не видно *«сути вещей»*.

Но порою человек обнаруживает свое внутреннее. Г. Иванов пишет: «Я испытываю по отношению к окружающему смешанное чувство превосходства и слабости: в моем сознании законы жизни тесно переплетены с законами сна. Должно быть, благодаря этому перспектива мира сильно искажена в моих глазах. Но это как раз единственное, чем я еще дорожу, единственное, что еще отделяет меня от всепоглощающего мирового уродства». Искжая перспективу, в которой видится мир, глядя на него нутряным взором, асоциальным взглядом сумасшедшего или спящего, человек являет свою свободу. Переплетая законы жизни и законы сна, он выражает свое превосходство над мировым уродством. Спрашивая «нужна или не нужна жизнь, умно или глупо шумят деревья, наступает вечер, льет дождь?», он отводит миру место «трагической подмалевки», на фоне которой разворачивается история души, он обнаруживает, что «часть все, целое ничто». Нужно, скажет Г. Иванов, суметь «пройти над жизнью, как акробат по канату, по неприглядной, растрепанной, противоречивой стенограмме жизни». Нужно понять, что ты — это не часть целого, не атом, что целый мир таится внутри, казалось бы, неделимого целого. Г. Иванов пишет о «догадке, что огромная духовная жизнь разрастается и перегорает в атоме, человеке, внешне ничем не замечательном, но избранном, единственном, неповторимом».

Внутреннее, асоциальное и антисоциальное человек обнаруживает в любви. Вот, скажет Г. Иванов, министр, подписавший версальский договор. Он увидел девочку и на старости лет проворовался из-за нее. Вечность дохнула ему в лицо, и он опозоренный умирает на тюремной койке. Атласные коленки и блаженство оказались дороже чести. «Если тьма донесет его в конце концов к подножью престола, — пишет Г.

Иванов, — он не скажет Богу: «Германия должна платить». «О ты, последняя любовь...» — растерянно пролепечет он». В любви обнажаются корни вещей, и «ледяная вершина мировой прелести» вдруг освещается «беглым огнем». Атом рассыпается. Обнаруживает свою изнанку.

Атом обнаруживает свою изнанку в момент, когда эпоха, к которой он принадлежит, начинает разлагаться. Когда вещи сдвигаются со своих мест и не на что становится опереться, когда культурные механизмы перестают за тебя работать, лишая тебя привнесенных качеств, и сам атом становится невозможным, ибо целого уже нет.

Но обычно атом спит. Сверху он гладкий, спокойный, неприметный, представительный, создающий иллюзию упорядоченности и стройности. «Все гладко замуровано, — пишет Г. Иванов, — на поверхности жизни не пробьется ни одного пузырька. Атом, точка, глухонемой гений...». Но что там? За этой оболочкой? Какая суть скрывается в глухонемом гении? Что есть он сам по себе, если лишить его привнесенных характеристик? Г. Иванов предлагает нырнуть в самую глубь жизни, «ковырнуть» атом, «Пошевелить его спящую суть. Зацепить, поколебать, расщепить. Пропустить сквозь душу миллион вольт».

И тогда, распадаясь, атом обнаружит хаос и бесосновность, которые прежде были им сокрыты. Атом — это временная кажимость порядка и прочности. Лишить человека этой оболочки — значит, до времени обнаружить эту временность, оставить человека в растерянности, ибо у человека нет внеположенного упорядочивающего ядра. Г. Иванов пишет: «Человек, человек, ноль растерянно смотрит перед собой. Он видит черную пустоту, и в ней, как беглую молнию, непостижимую суть жизни. Тысяча безымянных, безответных вопросов, на мгновение освещаемых беглым огнем и сейчас же поглощаемых тьмой. Сознание, трепеща, изнемогая, ищет ответа. Ответа нет ни на что. Жизнь ставит вопросы и не отвечает на них. Любовь ставит... Бог поставил человеку — человеком — вопрос, но ответа не дал. И человек, обреченный только спрашивать, не умеющий ответить ни на что. Вечный синоним неудачи — ответ. Сколько прекрасных вопросов было поставлено за историю мира, и что за ответы были на них даны...». Но нахождение в ситуации этой растерянности — привилегия человека. Ибо в этой растерянности, в этих вопросах человек впервые встречается с собой. В них рождается осознание того, что «ясность и законченность мира — только отражение хаоса в мозгу тихого сумасшедшего». Что есть только хаос и сумасшедшие, которые видят в этом хаосе порядок. Мир неясен. Незакончен. И человек неясен, незавершен. Помещение себя в ситуацию изначального хаоса, в котором отсутствуют

утвердительные и отрицательные положения, в котором ни на один вопрос нет ответа, и есть то, что называется началом истории души.

Под треснутой оболочкой атома скрываются язвы и боль, страдания и мечты, непрерывная мысль о Боге, черная дыра одиночества. Под ней таится «бессмыслица жизни, тщета страдания, одиночество, мука, липкий тошнотворный страх». Разбить атом — значит высвободить несоциализируемое пространство человеческого, стиснутое социальным. И тогда из-под «непроницаемого ядра одиночества» проступит «бесконечная нелепая сложность, страшная взрывчатая сила, тайные мечты, едкие, как серная кислота».

Эта «бесконечная нелепая сложность» находится по ту сторону «грязи, нежности и грусти». «Грязь, нежность и грусть» по сравнению с этой сложностью лишь поверхность, под которой скрываются более фундаментальное различие и более мощный диапазон человеческого, ибо он впитывает в себя мельчайшие проявления человека и реабилитирует их в своей значимости. Что это значит? Это значит, что душа человека бытийствует в отсутствие иерархии. К поверхности ее жизни, как к морю волны, прибиваются переживания, эмоции, восприятия — калейдоскоп чувствований, пучок перцепций, связанных случайными, алогичными связями. Г. Иванов пишет: «Я иду по улице. Я думаю о различных вещах. Салат, перчатки... Из людей, сидящих в кафе на углу, кто-то умрет первый, кто-то последний... Я думаю о различных вещах и, сквозь них, непрерывно думаю о Боге... Я иду по улице, думаю о Боге, всматриваюсь в женские лица». Мир человека раскрыт, как лоскутное одеяло, на единицы внутренних и внешних чувствований. Если пытаться переводить эти восприятия на язык живописи, то это будет даже не мир Кандинского или Клее, ибо у Кандинского и Клее присутствует гармония цвета, формы, единство настроения. Г. Иванов рисует субъективность как такую сложность, в которой сочетается несочетаемое, в которой одновременно уживаются пласты боли, равнодушия, исповедальности, житейского любопытства, чепухи, фантазии, наблюдательности, сновидений и бреда: «Человек, — пишет Г. Иванов, — бродит по улицам, думает разные вещи, заглядывает в чужие окна. Его воображение работает помимо него. Он не замечает его работы. Он сидит в кафе, пьет пиво и читает газету. Прения в палате депутатов. Автомобили в рассрочку. Он дремлет, ему снится чепуха. Чернило пролилось на скатерть. Рыба проплыла — чернило исчезло. Надо закрыть дверь, но ключ не лезет в скважину. Общественное мнение Англии. Циклон. Оказывается, рыба и есть ключ, оттого-то он и не подходил. Спящий вдруг просыпается. Ни рыбы, ни общественного мнения». Г. Иванов развенчивает представление об од-

номерности и линейности человека. Человек многомерен. Он вмещает в себя одновременно чувство цвета, любование формой, вопрошание о смысле жизни, впечатление от прошедшей мимо хорошенькой бледной девчки. Эти события душевной жизни соприкасаются друг другу, между ними нет отношений субординации, они лишены иерархии. Это отсутствие иерархии делает возможным то, что одни состояния оказываются не связанными с другими. Не связанные друг с другом состояния сочетаются по законам хаоса. Человек в этом случае оказывается распавшимся на фрагменты.

Вот эта фрагментарность, нецельность человеческого существа ставит под сомнение возможность говорить о человеке «самом по себе», который может противостоять миру, ибо последнее предполагает как раз представление о человеке как целом. Первичный антропологический хаос представляет собой скорее водоворот субъективной жизни, которая тяготеет к пассивным состояниям, когда человек мало отличается друг от друга состоянием сна и бодрствования, когда его жизнь протекает скорее по законам «работающего помимо него» воображения. «Душа, — скажет Г. Иванов, — как взбаламученное помойное ведро — хвост селедки, дохлая крыса, обгрызки, окурки, то ныряя в мутную глубину, то показываясь на поверхность, несутся вперегонки». Душа оказывается подобной вместилищу неотфильтрованных состояний.

Но в хаосе невозможно развитие истории души человека. Хаос не дает возможности человеку сделать какой-либо шаг, ибо любой из них не будет связан с последующим. т. е. будет ничем среди нагромождения перцепций. Атом распадется до конца. В нем не останется того, что могло бы объединить его чувствования и переживания. Останутся ничего не значащие, пустые единичные мгновения, уходящие в забвение. И тогда нужно признать, что должно быть что-то, что увяжет состояния в одну связку. Соберет их в одно ядро. То, что удержит существование не атомов без изнанки, но антропологических миров.

А потому в человеке трепещет желание порядка — частицы мировой прелести. Как скажет Г. Иванов, «В сущности, я счастливый человек. т. е. человек, расположенный быть счастливым. Это встречается не так часто. Я хочу самых простых, самых обыкновенных вещей. Я хочу порядка». Счастье — это всего лишь порядок. Порядок — это самое простое, самое необходимое условие того, чтобы что-то было возможно, чтобы хаос приобрел очертания. Желание порядка, основной в человеке так сильно, что он мерещится даже там, где его нет, он, как несбывшееся, настигает тебя на каждом шагу. Г. Иванов пишет: «Фанфары. Утро. Великолепный занавес. Никакого занавеса нет. Но

желание прочности, плотности так властно, что я чувствую на ощупь его затканый толстый шелк». Зыбь ищет прочности, структурирующего начала.

Но что может послужить источником этого порядка? Где «человеку-канатоходцу» взять канат, по которому можно было бы пройти над жизнью? Если атом — это некое условие целостности, псевдоцелостность, т. е. хаос, являющий себя как целостность, то о каком единстве может идти речь, если атом разбит? Если одушевленный мир уродлив как раз своим псевдопорядком, отсутствием внутреннего порядка, если внешнее социальное упорядочивание призрачно, то должна быть какая-то внутренняя доминанта, которая внесет структуру в плавающую субъективность.

Присутствие доминанты связано с присутствием смысла. Смыслы бывают личностные и бывают — надличностные, принадлежащие единому множеству, например, традиция, религия, идея. Условием личных смыслов являются надличностные смыслы. Ибо только надличностная структура может внести ориентиры для конечных существ в бесконечности и сделать возможным их сосуществование за счет единства этих ориентиров для всех. Г. Иванов повествует об истории души, развертывающейся во время тектонических сдвигов смыслов. Когда одни смыслы изношены и утрачены, а новые еще не созданы. Душа в таком случае оказывается помещенной в ситуацию изначального хаоса, присущего ей. Но в каком-то смысле она обречена на этот хаос, ибо личных усилий по извлечению порядка априори недостаточно. Г. Иванов скажет: *«Не моя вина, что порядок разрушен»*. Эту ситуацию П. Флоренский и Н. Бердяев называли сумерками. Современный философ В. Мартынов видит безвременье в сегодняшнем мире — ситуацию, когда старые смыслы стерты, и вот-вот должны из хаоса народиться новые. Но пока смена смыслов не произошла, душа обречена на неприкаянность. Она может выстроиться уходящими смыслами, но тогда человек, живя в настоящем, помещает себя в прошлое. Он перестает быть современником. Его строй обречен на нецелостность. Ибо уход смыслов и есть утрата ими своей полноты и универсальной понятности. «Блаженны спящие, — скажет Г. Иванов, — блаженны мертвые. Блажен знаток перед картиной Рембрандта, свято убежденный, что игра теней и света на лице старухи — мировое торжество, перед которым сама старуха ничтожество, пылинка, ноль. Блаженны эстеты. Блаженны балетоманы. Блаженны слушатели Стравинского и сам Стравинский. Блаженны тени уходящего мира, досыпающие его последние, сладкие, лживые, так долго баюкавшие человечество сны».

Но тот, кто не может тешиться «отцветшими мировыми идеями», тот принужден столкнуться с бессмыслицей и абсурдом.

Уходящий мир уносит с собой свои смыслы. Бессмыслица пронизывает душу. Бессмыслица изливается в мир. Перефразируя слова новобрачного Толстого, Г. Иванов скажет о жизни: «Это было так бессмысленно, что не может кончиться со смертью». Человек без доминанты, о котором говорит Г. Иванов, запутавшийся в своей «постылой сложности», в клубке своих ощущений и мыслей, все еще пытается нанизать их на одну нить. Нить смысла. Для того, кто разбил оболочку своего атома и проник вглубь, становится ясно, что хаос, обнаруженный на дне души, может организовать только сверхсмысл. Кто это понял, потянулся «штопором, штопором» к Богу: «Наши одинаковые, — пишет Г. Иванов, — разные, глухонемые души — почуяли общую цель и — штопором, штопором — сквозь видимость и поверхность завинчиваются к ней. Наши отвратительные, несчастные, одинокие души соединились в одну и штопором, штопором сквозь мировое уродство, как умеют, продираются к Богу». Но Бог молчит. Или человек стал так слаб слухом, что не слышит его. Г. Иванов пишет: «...Спираль была закинута глубоко в вечность. По ней пролетало все: окурки, закаты, бессмертные стихи, обстриженные ногти, грязь из-под этих ногтей. Мировые идеи, кровь, пролитая за них, кровь убийства и совокупления, геморроидальная кровь, кровь из гнойных язв. Черемуха, звезды, невинность, фановые трубы, раковые опухоли, заповеди блаженства, ирония, альпийский снег. Министр, подписавший версальский договор, пролетел, напевая “Германия должна платить”, — на его острых зубах застыла сукровица, в желудке просвечивал крысиный яд. Догоняя шинель, промчался Акакий Акакиевич, с птичьим профилем, в холщовых подштанниках, измазанных семенем онаниста. Все надежды, все судороги, вся жалость, вся безжалостность, вся телесная влага, вся пахучая мякоть, все глухонемое торжество... И тысячи других вещей...». Закинута в вечность, спираль оказывается закинутой в никуда. Ответом герою является не бог, не смысл жизни, но «дорогое, бессердечное, навсегда потерянное... лицо» воображаемой возлюбленной, к которой он обращается на протяжении всей исповеди. Смыслы покинули человека. Кажется, что они лишь болезненно грезятся ему, подобно тому, как грезится любящему «навсегда потерянное» лицо возлюбленной.

Человек без доминанты принужден двигаться в мире по логике своих чувствований и чувств. Он лишен того, что могло бы связать их в целостность. Единственное, что у него остается, это сознание того, что эта целостность должна быть. Именно это и является тем, что свя-

зывает «пучок перцепций», — боль от сознания отсутствия единства. Это и есть то «невозможное», вокруг которого вьется его «колеблющаяся, зыблущаяся, музыкальное, онанирующее сознание», то, чем оно себя осуществляет.

Сигизмунд Кржижановский: пятна субъективности

Если Г. Иванов пишет историю о распаде атома, то С. Кржижановский повествует о распавшемся атоме. Для Г. Иванова любопытен человек в ситуации утраты Другого, для С. Кржижановского представляет интерес человек без Другого.

Героем новеллы является некий Шушанин. О нем нам известно то, что он занят безработицей, т. е. ничем не занят. Он выпал из социального порядка, и смотрит на мир асоциальным, не заданным целью взглядом. Асоциальная оптика работает, как увеличительное стекло. Она обнаруживает ту бессмыслицу, которую пытаются стянуть организационные силы социума. Мир перемен, окружающий Шушанина, в котором каждый чувствует себя, как пень на месте срубленного леса, а философы просят подаяния на философему, накладывается на частный случай выпадения из мира, наделенного смысловыми ориентирами.

Шушанин — это человек, в структуре субъективности которого отсутствует фигура Другого. Его субъективность не просто репрессирует Другого, но вынуждена радикально отказаться от него. Мир без Другого лишен готовых смыслов, он теряет обжитость и узнаваемость. Вещи утрачивают названия и назначения, границы и не видимые с одной точки зрения стороны. Другой — это великий страховщик. Он берет на себя все риски незнакомого, невидимого. Он видит то, что не видишь ты. Он знает то, что не знаешь ты. Без Другого мир проваливается, и человек в этом мире принужден ходить на ощупь, как в темноте. История героя новеллы — это и есть история о человеке, движущемся в мире на ощупь, «с видом неопытного привидения, по ошибке забредшего в дневной свет»³.

Повествование охватывает один день из жизни Шушанина. Герой просыпается, совершает «экзерцис» в покорности судьбе, прислонившись к стене в «позе предельной покорности», и выходит на улицу. Дальнейшую историю мы видим глазами героя. Обрывки впечатлений, увиденного и услышанного, мыслей и слов сменяют поочередно друг друга. Сюжет новеллы не передается пересказу, ибо его вовсе нет. Есть лишь стенограмма образов жизни субъективности Шушанина.

³ Цит по: www.Magazines.russ.ru.

Новелла неявно разбита на две части — историю бодрствующего героя и историю его сна, однако это деление заметно лишь при внимательном чтении. В стиле повествования, в самом герое, в логике его поведения при переходе от одного сознания к другому не происходит видимых перемен. Бодрствующее сознание ничем не отличается от сознания спящего. И в том, и в другом случае оно предстает как несвязность, бессмыслица, алогичность. Мир «дневной» так же, как и мир «ночной» оказывается непредсказуемым, опасным, не обжитым. В нем герою остается полагаться только на случай, а это страшно. Герой постоянно обнаруживает свой страх. Но этот страх более чем предметный страх и вытекающее из него чувство покорности, более чем страх «красного снега» и «окна», но страх как таковой. Шушанин представляет из себя чистую эмоцию беспредметного страха, ибо оказался в мире тотальной неизвестности.

В жизни своей субъективности, не застрахованной присутствием всевидящей фигуры Другого, он предельно непосредствен. Он видит только то, что видит. Он знает только то, что знает. Он видит перед собой не объявления, но «бумажные квадратики, белеющие то тут, то там со стены». У него нет готовых трафаретов, которые позволяют иметь дело с заданными целостностями и различиями. В мире Шушанина вещи не отличаются от людей, а люди — от вещей. Он «натывается на вынырнувшие из тумана слова», навстречу ему «надвигается знакомый хмурый контур с чинным гранитом ступеней, вводящих в него», дверь, распахнувшись, «выбрасывает вскрик “ты у меня ног не соберешь!”», стена близится к глазу, крыльцо вышагивает тремя ступеньками на тротуар, а скамья «подставляет холодную спинку». У людей нет глаз, но есть «желтое двуглазие» у метнувшегося из-за угла автомобиля. В его мире говорят не люди, но головы, шеи, наушники, портфели, шапки, кепки, спины, плечи, «истертый жухлый плюш», английский драп, усы, воротники и шубы. На вопрос «толстой шубы с воротником, встопорщившимся вокруг донца шапки»: «Будьте любезны, эта очередь зачем?», — из воротника «прогугнило»: «За зачем». Над тарелкой как вещи одного порядка стоят «пар и гомон голосов». В мире Шушанина смеется не человек, но сам смех: «за узкой доской взорвался веселый смех». Говорит не человек, но голос: «из-за вазона с бумажной пальмой бубнил мутный голос». В то время, как стулья «скребя ножками о пол» сами отодвигаются. Это мир вывернутый, бездушный. Для Шушанина нет проблемы Другого. Другой как субъект, отличный от него, отсутствует для его восприятия.

Шушанин, репрессировавший Другого, не представляет однако из себя субъекта. Субъектом может быть назван тот, кто целен и активен.

Но Шушанин пассивен и пластичен. Он идет туда, сам не зная куда, и думает то, сам не зная что. «Кружение колес» загоняет «его шаги на выгнутый белый обод бульвара». В голове его пребывает «нитонисетина». Спускаясь по лестнице, он размышляет о следующем: «если для того, чтобы собрать две ноги, нужно “х” времени, то осьминогу, чтобы собрать восемь ног, или вот тысяченожке...». Его голова, как пустая корзина, в которую попадают откуда-то извне обрывки чьих-то разговоров. Сидя в столовой, он «старается сосредоточить слух на стуке ложки о глину, но голоса соседей назойливо лезут в уши». Он, как комната с распахнутыми окном и дверью, пропускает через себя сквозняк чужих слов, движений и «хмыканей», делая тщетные «усилия выдернуться ушами из гомона». О себе он говорит: «наметет в голову всякого».

Его мысли — это не более чем облеченные в слова впечатления. Глядя на окно напротив, он раздражается, что оно «то квадратится красным светом, то погаснет», думая при этом: «Как испорченная зажигалка». Наблюдая, как борода поднимающегося по ступенькам «втуманивается в туман» и как «с каждым шагом он втаптывается все ниже и глубже в камень», ему «вскальзывается в мысль»: «Хватит его до входа или не хватит?».

Сложно говорить и о наличии «я» в структуре субъективности Шушанина. Обычно «я» мыслится как содержательное или как пустое. Содержательное «я» — это «я», на место которого встал Другой. Этот случай олицетворяют головы с «опечатанным мышлением», повсюду встречающиеся Шушанину: попрошайка, вывинчивающий свою голову, как лампочку, прохожий, заявляющий о том, что его из собственной головы выселили, как из квартиры, человек с тесным шнуром поперек «костистого лба» и пломбой «на короткой свеси». И та очередь писак и философов, стоящих с талонами за логикой. Но фигура Шушанина не подходит под эти категории: он не есть содержательное «я», но он также не есть пустое «я». Пустым «я» его сложно назвать, ибо у него нет внутреннего. «В Москве ведь ни души», — скажет один прохожий о смутном времени вокруг. Душ нет ни у кого. Но нет души и Шушанина. Душа — это внутреннее, имеющее объединяющее звено. Но внутренне Шушанина никак себя не обнаруживает. Кроме эмоции страха нет ничего, что могло бы претендовать на это внутреннее. У Шушанина нет ни души, ни мыслей, ни смыслов. В нем есть только страх и желание одиночества, одиночества не как собственного странства, приюта или метафизической родины, но как забвения: «скорее бы к себе, — думает он, идя по улице, — защелкнуть свет и лицом в подушку».

Про Шушанина трудно даже сказать, что у него есть сознание. Ибо сознание претендует на единство. Его сознание — это пятна субъективности, случайно подобранные впечатления, окрашенные в настроение: «Семь поворотов лестницы, ржавый всхлип дверной пружины, двор, длинный сводчатый проход из двора в двор, ворота, улица»; закат, который горит «навстречу его шагам» «гигантскими желтыми кострами» и «стая черных картавых вороньих клякс» «на закрючинах ветвей». Или «знакомые кварталы», которые «странно длинятся, растягиваясь, как резина» и «магазин с игрушками», который «казалось, уже пройден — и вот он опять лезет крашеной пестрядью в зрачки».

Однако Шушанина не справедливо было бы описывать и в терминах внешнего. Шушанин не телесен. Его тело словно не поспевает за движениями его субъективности. Оно как случайный спутник приключений героя. Шушанин, например, обнаруживает, что он ничего не ел с утра только в тот момент, когда его ноги начинают подкашиваться от бессилия и, чтобы не упасть, ему приходится схватиться за столб. Шушанин — это не сумма оттисков телесных ощущений, ибо его состояния продиктованы не телом, но страхом. Страх — это тот функциональный орган, которым он видит. Мир для Шушанина — это то, что теснит его, наваливается на него и в отношении чего он избирает стратегию убегания. Вернувшись домой, он «слабеющими мыслями» попытается «развязать и сбросить с себя день». «Тесный день» продолжает охватывать его мозг, за стеной «трутся голоса соседей» и все же возможным оказывается «хоть одним ухом в глухую подушку и сверху прикрыться тьмой». Не имея внутреннего и не принадлежа внешнему, Шушанин является как бы гранью двух миров. Не имея глубины, он, однако, трансцендентен миру, ибо представлен своей субъективностью — чувством страха.

Резюме

В чем заключается суть двух философских манифестов?

1. Если попытаться помыслить антропологическое пространство во всей его чистоте, провести эксперимент и редуцировать фигуру Другого, то в результате человеческим перед нами предстанет не рефлексия, не сознание, не субъектность, но то, что вернее всего было бы назвать пятнами субъективности.

2. Пятна субъективности — это не что иное, как хаос чувствований, нерелекторных реакций, в которых человек представлен как раздробленность. Предельный вариант этой раздробленности мы видим у Шушанина, о котором сказано, что голова его подумала, «рука упала, ноги досчитали ступеньки». Эта раздробленность говорит о том, что

руки человека существуют сами по себе, ноги сами по себе, зрение само по себе, а мысли и чувства сами по себе. У В. Хлебникова в пьесе «Госпожа Ленин» эта раздробленность становится наглядной, благодаря тому что героиня представлена в ней как ряд действующих лиц — голос Зрения, голос Слуха, голос Рассудка, голос Внимания, голос Памяти, голос Страха, голос Осязания, голос Воли. Госпожа Ленин — пациентка сумасшедшего дома, хотя на ее сумасшествие указывает лишь ее «многоипостасность». Фигура Шушанина как распавшейся единицы говорит нам о том, что в каждом человеке дремлет сумасшествие.

3. Пятна субъективности не описываются ни в терминах поверхности, ни в терминах глубины. Это трансцендентная миру реальность, поскольку ее бытийствование продиктовано не телом и не логикой мира, но алогичностью и бессмыслицей, источник которой можно приписать лишь антропологическому.

4. Внутренним это антропологическое не позволяет назвать тот факт, что оно разворачивается не как единство, не как история или картина, но как отдельные мгновенные, не отсылающие друг к другу впечатления. Все внутреннее в предельном варианте, как в случае с Шушаниным, оказывается сведено к чувству страха — первой эмоции человека.

5. Можно сказать, что беспредметный страх — это антропологический минимум, т. е. то первичное и необходимое, что нам позволяет зафиксировать человека. Страх — это порог внутреннего, то, от чего оно берет начало в бесконечности хаоса субъективности.

6. Поскольку субъективность изначально предстает как прерывистость, ибо ей не предшествует ничего, что могло бы ее связать, постольку гештальт-представления о рефлексорном стремлении человека к завершенности во впечатлениях и жизненном опыте в целом [5, 31], об активности в структурировании и редактировании впечатлений [5, 33 — 34], о наличии контекста при восприятии с отсылкой к структуре «фон-фигура» [5, 31, 33], поставлены под вопрос. Человеку не предшествует направляющее его впечатления начало, и хаос субъективности логически предшествует упорядоченности и единству сознания. В ином случае, при отсылке на природу, рефлекс, фигуру Другого придется отказаться от идеи антропологического.

6. Сознание учреждается внутренней доминантой, или смыслом, в форме которого могут выступать Бог и традиция.

7. Доминанта мыслится как двухуровневое образование — на уровне надчеловеческом и уровне человеческом. Личная доминанта оказывается возможной при наличии надличностной доминанты. Превраще-

ние субъективности в сознание — это путь, посредством которого надличностная доминанта усваивается как личная.

8. Доминантой может выступать Другой, социум. Однако эта доминанта не решает проблемы структурирования несоциализируемого — эмоций, снов, предчувствий, метафизического одиночества, предельного опыта смерти, вопрошания о Боге, мечтаний и капризов.

Литература

1. *Кржижановский С.* Красный снег // Октябрь. 2006. № 1.
2. *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1994.
3. *Ходасевич В.* Распад атома // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996.
4. *Набоков В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2003.
5. *Польстер И., Польстер М.* Интегрированная гештальт-терапия: контуры теории и практики. М., 1999.

А.С. НИЛОГОВ

Проблема различения свободы мысли и свободы слова

Аннотация. В статье рассматривается фундаментальная проблема текущего момента российской мысли — как теоретической, так и практической. От решения этой проблемы зависит будущее нашего человеческого достоинства. В преддверии новых поправок в Конституцию России пора обсудить вопрос демаркации между свободой мысли и свободой слова.

Ключевые слова: свобода мысли, свобода слова, свобода воли, Конституция РФ, антиязык, чтение мыслей.

Abstract. The fundamental problem of contemporary Russian thought is considered in this article — both theoretical, and practical. The future of our human dignity depends on the solution of this problem. On the threshold of new amendments in the Constitution of Russia it is time to discuss a question of demarcation between freedom of thought and a freedom of speech.

Keywords: freedom of thought, freedom of speech, freedom of will, Constitution of the Russian Federation, antilanguage, thoughts reading.

Демократическая Конституция России извода 1993 г., ознаменовавшая философско-правовой рубеж президентства Б.Н. Ельцина (1931 — 2007), предопределила новую концептуальную парадигму отечест-

венной мысли. Речь, прежде всего, идет о 29 статье Конституции, посвященной таким фундаментальным понятиям, как свобода мысли и свобода слова. Прочитируем данную статью Конституции:

Статья 29

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.
2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.
3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.
4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.
5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Как известно, указанная статья Конституции стала популярной благодаря п. 5, в котором впервые после распада СССР была запрещена цензура, однако проблема цензорства, на наш взгляд, оказалась заложницей п. 1, согласно которому «каждому гарантируется свобода мысли и слова». Таким образом, «ельцинская Конституция» поставила перед отечественной правовой мыслью поистине философскую сверхзадачу, от решения которой сегодня зависит либерализация всего российского законодательства, о чем неоднократно настаивал бывший президент Д.А. Медведев. Например, самым болезненным частным случаем такого неразграничения является пресловутая 282-я статья УК РФ, которая практически всегда используется для ущемления свободы мысли и свободы слова, балансируя на грани возвращения в стране института цензорства.

Вкратце суть отмеченной проблемы можно сформулировать следующим образом: на каком правовом уровне следует разграничивать такие основополагающие понятия человеческой личности, как свобода воли, свобода мысли и свобода слова? Другими словами, каков их онтолого-правовой статус в обеспечении неотчуждаемых прав человека (в отличие от конституционных прав гражданина)?

Постановка проблемы

Казалось бы, Конституция РФ, принятая при непосредственном участии президента Б.Н. Ельцина, бросила мощный идейный вызов русской философии, который при правильной парадигмальной на-

стройке помог бы избавиться от призраков диамата и истмата, до сих пор бродящие (а кое-где уже «перебродившие») в российской мысли. Однако отечественная философия права (и философия конституционализма) никак не отреагировала на данный вызов времени, предпочтя его бремени собственного (не)существования.

А между тем проблема неразличения свободы мысли и свободы слова может быть названа самой насущной проблемой современной мировой философии, стоящей перед новыми идеологемами — политкорректностью и толерантностью. Несмотря на то, что проблема неразличения свободы мысли и свободы слова демонстративно замалчивается в СМИ и академической науке, а в качестве ее репрессивного суррогата почти всегда преподносят пугало цензуры (обратите внимание, как зачастую свобода мысли и свобода слова перечисляются через запятую, а нередко свобода мысли вообще нивелируется до голой свободы слова, понимаемой исключительно наперекор цензуре: что на уме *(или выдаваемом за ум)*, то и на *(как правило, лживом)* языке)⁴, нами предпринята попытка такого принципиального разграничения свободы мысли (а также свободы воли) от свободы слова (причем не в ущерб столь разным свободам).

Приведем правовое толкование понятия «свобода слова».

«Свобода мысли — естественное состояние человека, связанное с определением жизни человека, своего отношения ко всему окружающему, со свободным формированием собственных убеждений относительно всего происходящего; это основа духовной жизни человека, возможность осуществлять работу собственного сознания и подсознания без внешнего контроля и воздействия со стороны государства, общества и отдельных лиц. Свобода мысли тесно связана с идеологической свободой. В гражданском обществе, основанном на свободе идеологий, никто не может навязывать человеку какие-либо мысли и желания помимо его воли.

Мысль как результат, продукт мышления человека отражает познание им окружающего мира и самого себя в этом мире и воплощается в его представлениях, взглядах, мнениях, убеждениях. Мысль не может проявляться свободно, если невозможно ее свободно высказать. Если свобода мысли не может быть ограничена никакими законными способами, то некоторые ограничения свободы слова допускаются в инте-

⁴ Например, в «Википедии» свобода мысли переключена на общую статью «Свобода совести» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Свобода_совести). Получается, что единственным контекстом применения свободомыслия является мышление о самой свободе, от определения которой ставится в зависимость свобода мысли.

ресах охраны конституционного строя, защиты прав и свобод человека и гражданина. Принуждение к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них направлены на подрыв стабильности государства, грубые нарушения прав и свобод человека и гражданина, поэтому они влекут уголовную и иную ответственность. Некоторые ограничения свободы слова, установленные уголовным и административным законодательством, заключаются в недопустимости публичных призывов к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти или насильственному изменению конституционного строя, возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды, призывов к развязыванию агрессивной войны. Уголовная ответственность также может наступить за клевету и оскорбление, административная — за мелкое хулиганство, выразившееся в нецензурной брани в общественном месте. Возникает вполне резонный вопрос: чем можно гарантировать свободу мысли? Прежде всего наличием демократического режима в стране, исключающего целенаправленное воздействие на сознание и подсознание человека, недопущение монополии на информацию, идеологического прессинга на человека. Кроме того, свобода мысли должна гарантироваться строгой правовой регламентацией использования технических средств (например, детектора лжи) или иных способов (например, гипноза), способных проникнуть в мыслительные процессы и воздействовать на них. Запрет принуждения к выражению своих мнений и убеждений и отказа от них — частное проявление права каждого на свободу слова. Российское законодательство не допускает ни прямого принуждения, ни косвенного, заключающегося в предоставлении льгот и преимуществ или установлении ограничений в зависимости от убеждений человека. Каждый человек может иметь те или иные убеждения и свободен в их выражении устно, письменно или через средства массовой информации» [1].

Общественный резонанс проблемы

На наш вопрос: «возможно ли провести точный водораздел между свободой воли, свободой мысли и свободой слова на законодательном уровне?», независимый политолог И.И. Джадан дал следующий развернутый ответ: «Когда речь идет о юриспруденции, нам больше всего дорога недвусмысленность. К примеру: согласно Конституции РФ, каждому гарантируется свобода мысли и слова (гл. 2 ст. 29 п. 1). Однако далее (ст. 29 п. 2) запрещаются некоторые виды пропаганды и агитации, в том числе пропаганда “языкового превосходства”». Таким образом, если исходить из постулата о недвусмысленности и непротиворечивости текста Конституции, получается, что все мысли и слова разрешены. И если следовать тексту дословно, получается, что запре-

щена пропаганда «языкового превосходства», но только, когда она выражена без слов...

Теперь давайте вспомним, что в одной из модных современных теорий — теории антиязыка — утверждается превосходство антиязыка над обычным языком. Адепты этого направления даже для наглядности изображают антиязык в виде подводной части айсберга, превосходящего по своей длине «надводную часть». Другой пример: в философской логике метаязык стоит над предметным языком; значит, и тут можно усмотреть пропаганду языкового неравенства. Получается, что некоторые формы философской мысли, в том числе и достаточно устоявшиеся, и широко известные, на территории России являются «антиконституционными». Если это не цензура мыслей, то что тогда?..

С «волей» вообще все очень «хорошо»: известно ведь, что только за одно намерение совершить преступление можно реально попасть за решетку, и не только в России. Таким образом, помыслить преступление формально разрешено в силу свободы мысли, но иметь соответствующие намерения — уже чревато.

Как это возможно и возможно ли вообще? Давайте представим субъекта, который, просматривая голливудский фильм, представляет себя на месте преступника. Если он себя этим преступником всего лишь «мыслит», то, согласно российским законам, не совершает ничего противозаконного. Однако если он имеет аналогичные «намерения» — он совершает преступление, и полиции остается лишь собрать доказательства и передать дело в суд.

Сегодня полиция только взламывает личные компьютеры, чтобы найти свидетельства «недобрых намерений». Думаю, что дело на этом не остановится, и с развитием техники прочтения мыслей в общественных местах появятся «мыслеридеры» и «различители намерений». Если это удастся, преступников начнут ловить и сажать задолго до совершения ими какого-либо противозаконного действия или даже еще раньше: до того, как те успеют осознать свои истинные намерения».

В самом деле — именно с обозначенной выше проблемой столкнулся известный русский националист К.А. Крылов, против которого возбудили уголовное дело по 282-й статье УК РФ. Причем по реакции самого Крылова стало очевидно, что играть на противоречиях неразличения свободы воли, свободы мысли и свободы слова может только философски-некомпетентный человек, для которого мышление всегда синонимично языку, а ведь Крылов позиционирует себя без малого настоящим русским философом-зороастрийцем.

В этой связи хотелось бы провести небольшой интеллектуальный эксперимент с обвиняемым, заочно задав ему несколько неудобных вопросов, поднимающих обсуждаемую проблему.

Вспоминая знаменитую статью немецкого философа Георга Гегеля «Кто мыслит абстрактно?», хочется поинтересоваться, мыслили ли вы абстрактно или конкретно, произнося лозунги наподобие «Хватит кормить Кавказ!»?

Понимая ту тонкую грань, которая разделяет свободу мысли от свободы слова, позвольте узнать, отважились бы вы озвучить все свои неполиткорректные и нетолерантные мысли, перформативная вербализация которых влечет за собой нарушение уголовного законодательства России сразу по нескольким статьям?

Додумали ли вы все свои уголовно-наказуемые мысли до конца или все-таки отчаялись мыслить дальше того, что составляет ваш стереотип мышления? Другими словами, предали бы вы свою свободу воли перед свободой мысли, отыграв назад в революционизировании собственного философствования?

Если бы вам было обещано оправдание в ответ на максимальное ментальное опустошение, не считающееся ни с какими юридическими запретами, то отважились бы вы на такой поступок (при учете сложно-разрешимой когнитивной проблемы разграничения воления от мышления и последнего от вербализации)?

На каких законодательных уловках ваши защитники пытаются контрабандой оправдать вас, обвиняемого по 282-й статье? Можно ли считать наличие такой статьи в российском уголовном праве философским камнем преткновения в решении проблемы границы между свободой воли, свободой мысли и свободой слова, а также единственной статьей, изобличающей реальные намерения человека в противовес его риторически-софистическим приемам манипулирования личным и общественным сознаниями?

Считаете ли вы философию самым экстремистским видом духовного творчества?

Можно ли считать настоящего философа подлинным врагом любого народа?

Заключение

Проиллюстрированная проблема неразличения свободы мысли и свободы слова прописалась в Конституции России неслучайным образом. Даже профессиональные философы-правоведы мало заботятся о том, чтобы начать обсуждение столь скандальной постановки вопроса, чей корень лежит в изначальной греховности человека.

Тем временем неразрешенная проблема отнюдь не рискует обзавестись современным контекстом, связанным с будущей технологией чтения мыслей во всем комплексе контроля над ментальными преступлениями (о чем Голливуд снял уже несколько фильмов — например, «Особое мнение», «Последний монтаж», «Немыслимое» и др.⁵).

Несмотря на то, что проблема разграничения свободы мысли и свободы слова недостаточно артикулирована и тем более отрефлектирована (ведь зачастую эти свободы перечисляются через запятую как равнозначимые, причем приоритет отдается исключительно свободе слова), мы настаиваем на обязательном растождествлении данных понятий о свободах. В противном случае нам придется окончательно смириться с тем, что за ограничением, налагаемым на свободу слова, автоматически следует запрет мыслить неммыслимое, т. е. прямое табу на философскую практику вопрошания о неммыслимом; другими словами, косность мышления может являться не только причиной косноязычия, но и наоборот — в случае действующих законодательных за-

⁵ Самым карикатурным ее решением стал английский фильм-антиутопия 2009 г. «Изобретение лжи».

«Изобретение лжи» (англ. *The Invention of Lying*) — фильм-фантастика, первый полнометражный фильм комика Рики Джервэйса, действие которого происходит в мире, где никто не знает, что такое ложь. Но ситуация складывается таким образом, что главный герой Марк Беллисон произносит первую ложь. За нею — вторую... И жизнь его изменилась навсегда.

Действие фильма разворачивается в мире, где нет лжи, и люди говорят то, что думают, и им даже в голову не приходит сдерживать свои комментарии. Особо драматической выглядит реклама, в которой нет преувеличений и гиперболизации, а художественные фильмы в этом мире представляют собой чтение перед экраном сценариев.

Марк Беллисон (Рики Джервэйс) — неудачник-сценарист, которому то и дело повторяют, что он — жирный лузер. Такого же мнения и Анна Макдуглас (Дженнифер Гарнер), согласившаяся на свидание с Марком.

На следующий день Марка увольняют с работы как самого неудачного сценариста. А тут еще нужно оплатить аренду квартиры, а на счету в банке всего 300 дол. Марк приходит в банк снять остаток со счета и тут ему в голову приходит мысль сказать, что на счету у него 800 дол. В мире, где никто не лжет, к человеку доверия больше, чем к технике, поэтому запрашиваемую сумму Марк получает в тот же момент.

Освоив элементарные навыки обыкновенной лжи, Марк начал совершенно новую жизнь: он пишет сценарий, который на студии признают лучшим, он развивает отношения с Анной, которая дает ему второй шанс. А у кровати умирающей матери Марк, чтобы облегчить ее страдания, рассказывает о благах, которые можно обрести после смерти. Таким образом, вчерашний неудачник-сценарист становится основателем новой религии» [2].

претов, касающихся действия института свободы слова⁶ (наличие того или иного запрета в отношении свободы слова влечет симметричные запреты в области мышления, нивелирующие человеческую личность до уровня примитивной идеологической пропаганды).

Постулируемый нами кардинальный переход от философии языка к философии антиязыка призван не только заострить проблему дистинкции (различения) свободы мысли и свободы слова, но и предложить варианты ее решения в плане актуализации таких областей бытия, которые остаются за пределами естественного человеческого языка, а ни в коем случае не мышления.

Осознание всей мощности невербальной коммуникации, одним из примеров которой можно назвать телепатию, не сводит антиязыковые явления к тому, что противопоставлено языку, но напротив — способствует увеличению объема понятий «свобода мысли» и «свобода слова», а в целом — ведет к прогрессу человеческой свободы в истории, обеспечивая тем самым смысл существования всему человечеству. Ибо мыслить свободно — значит мыслить вопреки отчуждению собственно человеческого в ту или иную пользу — будь то государство, природа, техника или язык.

Воля мыслить неммыслимое — то, что еще недоступно человеческому познанию, всегда придавала особый смысл человеческому существованию, борясь с предрассудками и стереотипами и расширяя горизонты нашего сознания. От способности к свободному мышлению, а не только к свободному словоизъятию рабских мыслей, зависит судьба всей нашей цивилизации.

⁶ Ср.: Д. Агамбен: «Аналогичным образом и язык держит человека под своим запретом, потому что, будучи говорящим, он уже вошел в него, не имея возможности отдать в этом отчет. Все, что предполагается о языке (в формах невыразимого, невыразимого, и так далее), не является ничем иным, как предпосылкой языка, которая как таковая поддерживается в отношении с ним самим, поскольку исключается из него. Малларме выражал эту самопредпосылающую природу языка, когда писал, пользуясь гегелевской формулой, что “логос это принцип, который разворачивается посредством отрицания любого принципа”. В действительности как чистая форма отношения язык (как суверенный запрет) с самого начала уже предполагает себя самого в виде несоотносимого, и невозможно вступить в отношение или выйти из отношения с тем, что принадлежит самой форме отношения. Это не означает, что говорящему человеку запрещается доступ к не-языковому, но он сможет его достичь не в форме ни с чем не связанной или невыразимой предпосылки, а скорее, напротив, в форме самого языка (говоря словами Бенямина, лишь “совершенное уничтожение невыразимого в языке” может подвести к “тому, что отказывается быть выраженным словом”») [3, 69—70].

Литература

1. <http://www.gorlib.ru/info/pravo/slovar/s/svmislova.php>
2. http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%E7%EE%E1%F0%E5%F2%E5%ED%E8%E5_%EB%E6%E8
3. *Агамбен Д.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

В.А. КУТЫРЁВ
Бытие или Ничто*

Аннотация. В интервью с доктором философских наук, профессором В.А. Кутырёвым рассматриваются актуальные вопросы современной русской философии, особенно в ракурсе ее приложения для решения глобальных проблем человеческой цивилизации.

Ключевые слова: современная русская философия, глобальный кризис, массовая философия, смерть Человека, постчеловеческая цивилизация.

Abstract. The Doctor of Philosophy, Professor V. A. Kutyryov mentioned that topical issues of modern Russian philosophy, especially in a foreshortening of its appendix for the solution of global problems of a human civilization, are considered in this interview.

Keywords: modern Russian philosophy, global crisis, mass philosophy, death of the Person, posthuman civilization.

Владимир Александрович, достаточно ли у современной философии интеллектуальных сил для влияния на умы элит?

Ваш вопрос отражает представление о роли философии, которое мне не нравится, кажется узким — «интеллектуальных сил для влияния на умы элит». Я бы сформулировал старомодно: «духовной силы для влияния на общество». Духовное включает в себя, наряду с интеллектом, способность верить, любить/ненавидеть и действовать, что для влияния очевидно необходимо. И отвечу так: философия — часть духовной силы общества и ее всегда достаточно, сколько есть, столько и есть. Каждый народ достоин той философии, которую имеет. Но это будет очень «по-философски», фаталистично, безответственно, нет энергии заблуждения (веры). Специальные носители этой силы — философы *ex professio* — должны, оправдывая свое существование, стараться влиять на общество. Изю всех своих духовных сил. А главное — правильно их прилагать. В таком случае можно сказать, что делается это, в сравнении с тем, как бы надо, плохо. Слишком заняты

* В.А. Кутырёв, русский философ, автор восьми книг. Книга «Бытие и Ничто» (СПб., 2010) стала своеобразной философской суммой автора. Готовится к изданию третий том книги «Кто делает философию в России» (составитель А.С. Нилогов), в котором примет участие В.А. Кутырёв.

внутрицеховыми проблемами и увязли в наукообразии и методологизме, который нынешней конструктивистской технонауке не особенно нужен. Экранируются от болевых точек жизни, закрывая глаза на угрозы прогресса, которые нависли над «прогрессивным человечеством», рост опасного знания и без(д)умие гонки постчеловеческих технологий. Рефлекс на них, рассказы о них, а не рефлексия над ними. Страусы. А ведь хотим быть «успешными», чуть ли не преуспевающими, пользуясь при этом влиянием не философствования, а как «деятели»! Пустое это. Философию олицетворяет сова. Сократ в Афинах был осой и плохо кончил. А эмблемой философии надо бы сделать кентавра — сову с осиным жалом.

Можно ли считать русскую философию избыточным продуктом русской литературы?

Может быть, не избыточным, а органически сопутствующим, что связано с особенностями исторического развития русской культуры. Поскольку образование у нас долгое время было воспитанием и осуществлялось в лоне церкви, светская духовность нашла выражение в художественных жанрах. Отсюда особенности русской философии — как оригинальная она не научная, а бытийная, экзистенциальная, учительная, социально-нравственная. Это не лучше и не хуже, это своеобразие.

Как следует относиться к такому феномену, как популяризация философии в рамках массовой культуры?

С опаской. Как известно, именно на Западе появилась поп-философия в рамках поп-культуры. Упрощение культуры дошло до самых тонких ее форм — на всю глубину. На такую оценку можно возразить тем, что поп-культуру быстрее забудут, так как она окажется невостребованной.

Таково общее трагическое положение человеческого духа в обществе потребления и превращения культур в глобальную цивилизацию. Вместо народной и высокой культуры — масс-культ в масс-медиа и высокие технологии. Как умирать культурам — в борьбе или гламурно? Путем эвтаназии?..

Философия сопротивления, которую я, как бы ис(про)поведую, не может быть «поп». «Уж лучше голодать, чем есть, что попало». Да вряд ли серьезная философия вовсе исчезнет. Человечество ждет не увеселения, а потрясения. И в такие времена тяга к мировоззренческим размышлениям усиливается. Помните, у Александра Пушкина пир во время чумы был философским. И будет. Даже если культурные регуляторы жизни (грех, честь, совесть, долг) полностью будут вытеснены «гуманитарными технологиями» (наблюдение, контроль,

фиксация мыслей и прочие достижения в становлении принудительной честности в New brave world), то первыми жертвами станут сами технократы, а не философы. Презумпции невиновности и права быть личностью лишают, а стали проверять на детекторах лжи прежде всего полицейских и госслужащих.

Что вы можете сказать о современной русской философии?

Современники всегда жалуются на отсутствие среди себя значительных фигур, которые потом обнаруживаются в прошлом. Сколько было разговоров о философской бедности советской эпохи, а теперь видим, что не все так однозначно.

Основные мировые тенденции проявляются везде, только в специфическом терминологическом облачении. Диалектика в принципиально-спекулятивной форме говорила все, что потом открыли в синергетике. Идеи постмодернизма, деконструкции и грамматиологии, быть может, наиболее фундаментально в Европе культивировались в мыследеятельном движении Г.П. Щедровицкого. А ответ на вопрос: «кто сегодня делает философию в России?», по-видимому, вы знаете лучше всех.

Если серьезно, то знакомство с двумя томами вашего проекта заставляет думать, как много у нас глубоких, интересных и умных людей. Умных даже слишком. Наряду с огромными достоинствами — эпатаж и сплошное самовыражение; если говорят, то непременно оригинальное, хотя кто-то великий говорил, что великие мысли слишком важны, чтобы быть новыми. Вы...бываются. Не хватает историзма в оценке прошлого, заботы о существе дела, судьбе страны и человечества.

Думаю, что нынешнее время будут вспоминать как золотой век в истории российской философии, имея в виду бурную жизнь рядовой философской мысли: философское общество, философские «пароходы» и «поезда», многочисленные конференции, журналы, регулярные конгрессы. Появилось больше свободы, но сузилась философская сфера в образовании, а мы за нее еще не заплатили. Дальше будет хуже. Пресловутый «болонский процесс» такого философствования не предполагает. Через него запускается процесс постепенного уничтожения образования, прежде всего, смыслового, и замена его формализацией и об-программированием. Компьютерно-электронное образование, в конце концов, означает его автоматизацию и переход к «управлению знанием» — под таким заголовком уже выходят журналы. Другими словами, управлению по(со)знанием. В насаждении тестирования, которое с очевидностью примитивизирует человеческое мышление и прямой антипод философскому образу мысли, виноваты не тупые чиновники (они функция), а

универсализация технизма. Сказав «А» — понаставив везде компьютеров, говорите «Б» — так, чтобы машины вас «при(по)нимали».

Вот, где бы философам разьяснять ситуацию, бороться с машинной экспансией, отстаивать нишу для человека и понимающего сознания. Спротивляться! А что мы видим: жертвы прогресса за доблесть считают, что бегут впереди его паровоза, радостно крича сначала о «расчеловечивании», а потом «усовершенствовании» — так называемой киборгизации. Клялись гуманизмом, но без сомнений и печали отказались от него и стали транс-гоманистами. Сущее отождествляют с должным. Забыли все разговоры о свободе, поголовный фатализм, особенно у либералов. Соблазняют эвтаназией. О чем можно говорить с самоубийцами. Теперь надо хотя бы успеть, пока эта «философия» не стала насаждаться в обязательном порядке.

Как сегодня проявляется противостояние столичной и провинциальной философии в России? Как вы в целом оцениваете уровень так называемой вузовской философии, занятой по преимуществу воспроизводством самой себя?

Как говорится, «есть ли жизнь за МКАДом»? Если вот-вот (для увеличения финансирования исследований) ее «найдут» даже на Марсе, то, конечно, есть. Разумеется, общий уровень мысли в столице(ах) выше, а автор(ы)итеты известнее. Но вряд ли кто осмелится сказать, что там рождается больше талантов. Они туда приезжают. Да и у обычных больше возможностей: личные контакты, журналы, масс-медиа, раскрутка. Если общий уровень воды выше, то все плавающее на ней тоже выше. Возникает эффект эмерджентности, которого в провинции нет. Думаю, что это противоречие постепенно сгладится и не только из-за роста доступности информации. Жизнь в столицах начинает быть внутренне неплодотворной, так как суета захлестывает даже сильных пловцов.

После философского конгресса в Новосибирске я занимался пропагандой идеи «Совет Федерации — в Сибирь», выступая с ней в составе делегации Центра общественных наук при МГУ в комитете Совета Федерации. Вышел оттуда без травм, обсуждение было заинтересованным (особенно депутатами восточных регионов). Очевидно, что если у власти не хватает стратегической воли (по)мыслить о переносе столицы, то идея «распределенного управления» не требует необычайного мужества. Оно напрашивается, если сами повели речь об «электронном правительстве». Но, увы, дело пошло по пути расползания центра в кляксу, закладывания в жизнь города всех проблем чудовищных мегаполисов типа Мехико.

Вообще нормально, когда страна любит свою столицу. Когда нет, надо озаботиться — почему. Столичный эгоизм, идейный секонд-хенд и снобизм в отношении остальной России — все это связано с характером не только власти и проводимой ею политикой, но и (без)ответственностью так называемой элиты.

Что касается уровня вузовской философии, то он не так уж плох. Философия в вузах сохраняется во многом благодаря поддержке студентов и аспирантов. Если философию в вузах задушат или окончательно «загестируют», то для «души» студенты пойдут в религию и эзотерику. Судя по полкам книжных магазинов, это уже происходит. К носителям вузовской философии я отношусь с сочувствием. Сам такой.

Кто из великих в истории философии вам ближе всего?

В далекой истории, на Востоке, даже в Греции и Средневековье фигуры философов уже легендарные. Может быть, там остались недостижимые вершины. Но они не воспринимаются, по крайней мере, мной — лично. Только Новое время. Это Геге, Маркс, Хайдеггер. Гегелевский антиредукционизм и защита им качественных характеристик бытия сейчас спасительная необходимость. Методологическая глубина и социальная ответственность марксистской мысли имеют непреходящее значение. Фундаментальность и (с)охранительный дух хайдеггерианства нужны как никогда. И Ницше вряд ли кого может оставить холодным.

А из наших отечественных современников?

А.Ф. Лосев, М.А. Лифшиц, Г.П. Щедровицкий. Опять разные и трудно совместимые фигуры. Но это не значит, что у каждого надо все принимать однозначно. Например, Г.П. Щедровицкий идейно мне враждебен, но каковы острота и бескомпромиссность его мышления! При чтении М.А. Лифшица возникает подлинное «удовольствие от текста» — его честной ясности. А.Ф. Лосев — последний из могикан великой классической философии, ее русской традиции в XX в. Кстати, свою преподавательскую работу он начинал в Нижнем Новгороде в открытом в 1919 г. университете.

Каково ваше отношение к фигуре М.К. Мамардашвили — сегодня наиболее цитируемому у нас философу?

Зря вы меня об этом спросили, еще больше зря, что буду отвечать. Если только в плане особенностей его рецепции людьми разных взглядов. Чаще всего его представляют как феноменологически и персоналистски ориентированного автора — своего рода художника мысли. Мне это кажется не главным. По идейно-образовательному генезису все советские философы вышли из гегелевско-марксистской шинели, включая тех, кто отрекся от нее. В самой ясной, на мой

взгляд, изначальной своей работе «Формы и содержание мышления» Мамардашвили вырывался из этой бытийно-содержательной онтологической философии действительного мира на кантианско-формалистическую линию потенциализма и нигитологии, на базе которой возникло постметафизическое теоретизирование, перерастающее теперь в когнитологию. Его представление о философии как «мышлении о мышлении» в сущности гуссерлевское, опоздавшее в борьбе с «естественной установкой», которая утверждала объективное существование нашего предметного мира и нас самих, на 50 лет. Это преодолевавший тяжесть бытия в пользу ничто, обремененный пережитками антропологического философствования, и самостоятельно открывающий (создающий) трансценденталистский подход постмарксистский гуссерлианец периода строгой науки. Интеллектократ. Следовательно, мне, как феноменологическому реалисту и консерватору, он не близок.

Что касается «массового цитирования», то это в некотором роде социальный феномен, не обязательно связанный с действительным значением автора и его вкладом в философию. Особенно «удобны» для моды непонятно (о чем) пишущие. Их можно, благодаря непониманию, приспособлять куда угодно.

Можете ли вы назвать новые категории и понятия, которые ввели в современный философский дискурс?

Какие-то свои понятия вводит каждый, кто профессионально пишет и более или менее активно публикуется. Другое дело, как их принимают, замечают, используют или они просто остаются личным измышлением. Некоторые близкие по смыслу понятия рождаются сразу у многих авторов, как друг за другом расцветают сады, когда приходит весна. И возникает перекрестное опыление. Из-за этого споры о приоритетах. Здесь важны фигура автора и его социальный статус. Обладающий статусом может, сам того не желая, «присваивать» авторство. Ему его приписывают, а первооткрывателя не замечают. Победитель получает все. Например, понятие «универсальный эволюционизм» вместо глобального и противопоставление им обоим идеи коэволюции вводились мною в статье «Универсальный эволюционизм или коэволюция?» в журнале «Природа» в еще 1980-е гг. Рекомендовавший ее в печать член редколлегии этого журнала академик Н.Н. Моисеев в порядке дискуссии через полгода опубликовал статью «Универсальный эволюционизм и коэволюция», совершенно открыто и подробно предварив ее указанием, что это ответ В.А. Кутырёву. Тем не менее в литературе понятия универсального эволюционизма и коэволюции в

их мировоззренческом смысле считаются введенными Н.Н. Моисеевым.

Лучше судьба некоторых других понятий. Например, «постчеловек», которое я использовал опять в журнале «Природа» в 1989 г. в статье «Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания». Оно сейчас стало банальным и как бы «ничьим». Понятие «софиотерапии» как терапии мудростью в качестве философско-русского аналога логотерапии Виктора Франкла предлагалось мной в книге «Естественное и искусственное: борьба миров» в 1994 г. Оно также используется, даже со ссылкой на автора. В тех или иных контекстах «гуляют» слова, которые употреблялись, может быть и впервые, но это надо специально обосновывать. Например, «тектура» и «текстурбация», для обозначения того, во что превращаются культура и искусство в современном мире; «интеллагент» как обозначение того, во что превращаются интеллигенты и интеллектуалы в компьютерном мире; «трансмодернизм» как именование эпохи «после постмодернизма». Ее другое название — «иное» («инонизм»), которому предшествует «нигиология» и концепт «Деррилез» или даже «Щедерлез», указывающие на идейных отцов этих течений.

Термины «эстология», «эпоха *mortido*», «трансгоманизм» и «транснонизм» вводились как попытка критического обозначения тенденций техногенного развития нашей цивилизации и одновременного противостояния им. А также разные сочетания, типа: субстанция-феномен, смерть искусственному, инопланетяне среди нас, структурно-лингвистическая катастрофа и т. п.

И последний вопрос. Нуждается ли современная философия в пришествии новой метафизики?

Нуждается, если под метафизикой будем понимать любую не суженую до методологии и рациональности философию.

Научная философия, выросшая из прежней метафизики, пришла к тому, что потеряла мир, в котором живет, вернее, готова сказать жил — человек. На передовом крае науки и философии науки стоит, с небольшой разноголосицей, дружный небытийный крик, что мир, в котором мы живем и сами кричащие с их криком (!), — иллюзия. *На самом деле* «нет ничего кроме кривизны и кручения пространства», «существует только время», «реален квантовый микромир, а макромир его проекция», все есть «галактические информационные поля» и «алгебраическая решетка». Наконец, «число» и «цифра», а более конкретные авторы называют его/ее: 1 (единица). Совсем смелые утверждают, что 0 (ноль). Пустота. Пробел. «Все есть ничто». Постнеклассическая наука ведет слепую борьбу с бытием на его у-

ничто-жение. Но это не чистая деконструкция и нигилизм. Предлагается и позитив: иное (другое) бытие. Оно уже не иллюзия, а чаемая реальность.

Вот, куда нас привело недоверие к органам чувств — борьба с «вторичными качествами». К отказу от человека и его жизненного мира. Не без боязни опять напомним о Мартине Хайдеггере (его, задушив в объятиях, сделали приставным носом к чему угодно), но он эту «вину» метафизики видел и считал, что современной онтологией может быть только феноменология. Феноменология, разумеется, не гуссерлевская, не трансцендентальная, а реалистическая: феноменологический реализм как философия жизненного мира людей. Истоком, к которому надо возвращаться после любых научных походов в ту или иную зону смерти, должен быть мир в нашем измерении. Со-раз-мерный с человеком.

Предпосылкой развертывания «обновленной метафизики» и консервативного философствования должно стать противостояние неограниченной экспансии научной, особенно когнитивной философии, общее сопротивление новационной истерии и гонке постчеловеческих (чтобы не понимать суть дела, их называют «высокими») технологий, в которую впала наша цивилизация. Конечно, в ней есть и идеи выживания (самосохранения), но они либо извращаются, как, например, «устойчивое развитие», либо ославлены как фундаменталистские, традиционалистские, реакционные. Во всем этом надо разбираться, оценивать, соотносить с перспективами человека, а кто против него, тех называть своими именами. Сколько тут лжи и самообмана, циничных умолчаний, соблазнов «улучшениями» и «бессмертием»! Другие, внутренне роботизированные, больше не скрывают своей антропофагии. Живым людям надо выбирать свое место и определяться, хотят ли они бороться за себя, чтобы остаться людьми, или хотят превратиться для начала в «undead», мысляще-бытующих, особенно в виртуале и технопарках «слабых» зомби; будут ли они отстаивать нишу своего существования или сдавать ее технократам и чем скорее, тем лучше. Все больше людей, чье сознание похищено силами иного. В нашем мире развертывается борьба миров! Вот, где нужна новая метафизика, вот — поле для за(ра)боты философского духа: «Sic Rodos, sic salta!».

Беседовал А.С. Нилогов

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Невесомость гранита*

Аннотация. Попытка объяснить смысл книги Ю.М. Осипова «Обретение», огромный диапазон возможностей ее практического применения. Книга как знак и надежда пребывающего в кризисе человечества.

Ключевые слова: метафизика, деградация человечества, эволюция жилого пространства, генеральный план.

Abstract. The attempt to explain sense of Yu.M. Osipov book «Finding», great possibilities' choice of practical using, the book as sign and hope of crisis living mankind.

Keywords: metaphysics, mankind degeneration, living space evolution, general plan.

Когда я впервые держал в руках книгу Ю.М. Осипова «Обретение», я испугался. Метафизика бытия и мысли... замахнуться на такое, замахнуться не ради красного словца, застолбив скудную делянку научного пропитания, замахнуться по-настоящему, по-русски... Я знал, что замах будет именно такой, богатырский, знал и переживал. Когда с метафизикой играют по-серьезному, она отвечает, и предсказать ответ, его последствия невозможно.

Нравственная деградация человечества, культивируемая и прикармливаемая, преградила доступ к пониманию мироустройства и могуществу человека. Не желая превращения в героя сказки, люди бегут в стойло говорящих животных, да и говорить хочется все меньше, живое слово вытесняют кнопки компьютера и социальные сети...

Ох уж этот русский язык, язык правды и метасмыслов! Действительно, сети — опутывающие человека, превращающие его в легкую добычу электронного монстра. Давать самоуничтожающимся людям Знание Высших Сил — дело разрушительное и запретное, ускоряющее исход человечества. А тут метафизика: от науковедения до геополитики, от истории до мирового хозяйства и... квартирного ремонта. Последнее обстоятельство меня сильно раздосадовало! Почему я сразу не схватил эту книгу, сколько сил, времени и денег смог сэкономить на ремонте собственной квартиры?!

Незначай высказанная автором идея эволюции жилого пространства и принципиальной невозможности дизайнера воплотить

* Впечатления от: *Осипов Ю.М.* Обретение. — М., ТЕИС, 2011. — 590 с.

индивидуальную ауру семейного очага — что может быть практичнее для современного обывателя? «Бывает противен правильный, но почему-то мертвящий душу постмодернистский евроремонт совсем не по-дизайнерски подновляемому; но отчего-то животворно благодатному традиционному жилью» (с. 5).

Вот так запросто, экспромтом, сформулирована методология новомодного стиля эклектики пространства, объяснение скрытого чувства досады, охватывающее при виде отремонтированного жилья (все хорошо, но чего-то не хватает), — тут и открывшийся простор для изменения работы дизайнера, и новые возможности самой технологии отделочных работ, и миллиарды экономии вполне практических рублей.

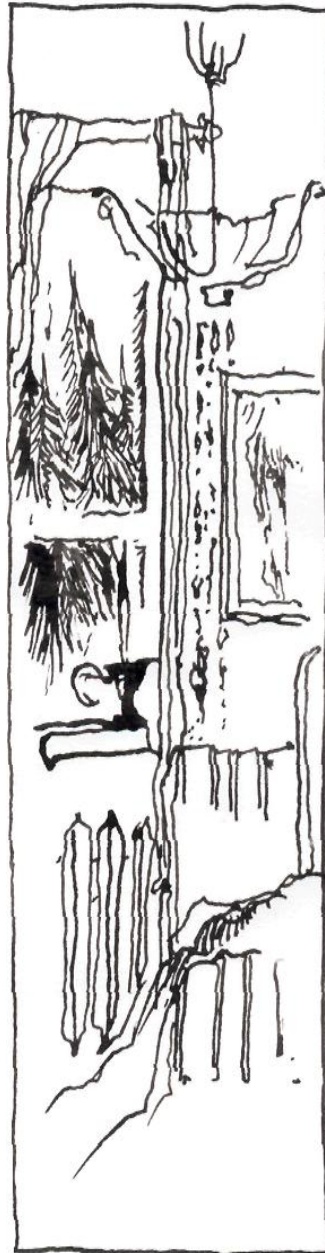
Лишь понимание, что журнал «Философия хозяйства» — не гламурное издание «Идеи вашего дома», вынуждает прекратить обсуждение данной проблематики. Не правы Вы, Юрий Михайлович, совсем не правы, утверждая, что вышли в книге за пределы практического знания. Просто осмысление идей книги требует сотен томов прикладных разработок и десятилетия труда.

И написали Вы вовсе не книгу, а руководство к действию, ее нельзя просто прочесть, подчеркнуть несколько интересных мыслей и поставить на полку. Ее нужно перечитывать, вдумываться, по ней, как по генеральному плану, нужно работать, она, как противная сирена воздушной тревоги, не дает успокоиться и заставляет созидать.

Созидать, вопреки механистической логике Падшего Времени, в вере и надежде на лучшее. Сотни блестящих, оригинальных идей, высказанных автором, не могут принадлежать одному человеку — чтобы до такого додуматься, пяти жизней не хватит! В этой книге с нами разговаривает не автор, с нами разговаривает Вечность. И раз этот разговор состоялся, значит, не все так безнадежно в этом мире.

Много званых, да мало избранных. Молчат телеканалы, игнорируют газетчики, и тираж в сотни раз меньше, чем у Донцовой. Вечность разговаривает с нами, мы уклоняемся, бежим в суете от Разговора. Вечность не хочет нашей гибели, заботливо наставляет нас... Спасибо, Юрий Михайлович, за *Наше Обретение!*

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

24—26 мая 2012 г. в г. Ростове-на-Дону на базе Южного федерального университета состоялась II Международная научно-практическая конференция «Глобальный мир: антикризисные императивы, модернизация, институты», на которой на пленарном заседании с докладом «Вызовы мировой экономической турбулентности и модернизация России» выступил директор ЦОН Ю.М. Осипов.

В рамках конференции прошло заседание секции «Философия хозяйства: перспективы современного мироустройства» (ведущий — Ю.М. Осипов), в котором приняли участие действительные члены АФХ А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), В.Т. Рязанов (СПб.), А. Новак (Варшава, Польша), П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), В.М. Белоусов (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), В.В. Кашицын (Новороссийск), В.К. Королев (Ростов н/Д), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), Е.С. Зотова.

* * *

28—29 мая 2012 г. в г. Ирпень (Украина) на базе Национального университета государственной налоговой службы Украины (ректор — профессор П.В. Мельник) состоялись V Международные философско-экономические чтения «Философия финансовой цивилизации: человек в мире денег», организованные Львовским институтом банковского дела совместно с Центром общественных наук при МГУ.

На пленарном заседании с докладом «Философия хозяйства как просвечивание реальности» выступил директор ЦОН Ю.М. Осипов.

В рамках чтений под руководством Ю.М. Осипова состоялся круглый стол «Интеллект и социум: час неоднозначных перемен», в котором приняли участие доктор наук В.В. Ильин (Киев, Украина), А.А. Гриценко (Киев, Украина), И.Ю. Фомичев (Тюмень), В.Г. Бодров (Киев, Украина), С.В. Синяков (Киев, Украина), З.Э. Скрынник (Львов, Украина), Н.С. Кораблева (Харьков, Украина), кандидаты наук Л.С. Воробьева (Ирпень, Украина), А.А. Шморгун (Киев, Украина), О.В. Бойко-Бойчук (Киев, Украина), И.В. Назаров (Киев, Украина), Н.Г. Филиппенко (Киев, Украина), О.И. Жилинская (Киев, Украина), И.И. Бегий (Львов, Украина), Е.С. Зотова, М.В. Ситницкий (Киев, Украина), Н.В. Фесенко (Киев, Украина), В.В. Липов (Харьков, Украина).

* * *

В мае 2012 г. диплом Почетного члена Академии философии хозяйства вручен профессору П.В. Мельнику (Ирпень, Украина). Дипломы действительных членов АФХ — Л.С. Воробьевой (Ирпень, Украина), О.И. Жилинской (Киев, Украина), Л.Н. Фоменко (Киев, Украина); члена-корреспондента АФХ — П.В. Скотному (Дрогобыч, Украина).

* * *

14—15 июня 2012 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Философско-хозяйственная мысль: София, софийность и софиология (к 100-летию выхода в свет классической работы С.Н. Булгакова “Философия хозяйства”)), организованная Центром общественных наук и лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, на которой с докладами выступили доктор наук Ю.М. Осипов, Ф.И. Гиренок, М.Ю. Лачаева, Р.М. Нижегородцев, В.Т. Рязанов (СПб.), А.И. Филипенко (Киев, Украина), Н.Б. Шулевский, кандидаты наук Т.В. Гайдай (Киев, Украина), П.П. Жуликов, Е.В. Косов, И.В. Назаров (Киев, Украина), А.А. Погребняк (СПб.), С.Ю. Румянцева (СПб.), А.А. Соболевская, В.А. Ушанков (СПб.), Г.В. Фадейчева (Владимир), Е.В. Шелкопляс (Иваново), соискатель И.И. Рудяк.

В рамках конференции состоялся круглый стол «С.Н. Булгаков: стол лет одиночества...», в котором приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, В.Н. Катасонов, А.И. Субетто (СПб.), Н.Б. Шулевский, кандидаты наук Е.В. Косов, Н.В. Кравчук (Киев, Украина), И.В. Назаров (Киев, Украина), А.А. Погребняк (СПб.), Д.Л. Родзинский, В.А. Ушанков (СПб.), Е.В. Шелкопляс (Иваново), соискатель И.И. Рудяк, преподаватель Г.П. Киселев.

Ю.М. ОСИПОВ

О Софии

Аннотация. Феномен Софии как Софии Премудрости Божией, его особое значение для русской философии и отечественной философии хозяйства. Раскрывается тезис о русской софийной философии, обосновывается возможность софиасофии.

Ключевые слова: философия, философия хозяйства, София, софийность, софиология, софиасофия.

Abstract. The phenomenon of Sophia as the Wisdom of God, its special significance for Russian philosophy and for the national philosophy of economy. Thesis of Russian Sophian philosophy is raised, the possibility Sophiasophy is proved.

Keywords: philosophy, philosophy of economy, Sophia, sophistics, sophiology, sophiasophy.

Конференция, прошедшая через горнило содержательной, напряженной и острой дискуссии, вышедшей за пределы дружелюбного обмена мнениями, выявила, с одной стороны, огромную важность софиологической проблемы для нынешнего познающего и размышляющего сознания, во-вторых, полярно-неоднозначное отношение к софиологической проблеме и к приемлемому для светского мыслителя, предстоятельному, скажем так, или же подходному, ее трактованию. Сам феномен Софии никем из участников дискуссии не отрицался: такое отрицание для глубоко и серьезно мыслящего сознания, прекрасно отдающего себе отчет в производности, вторичности и «нижести» себя самого в составе мироздания, просто невозможно. Но вот трактование Софии и софийности было не только различным, что вполне объяснимо, но принципиально и априорно полярным и не в силу неодинакового субъективного понимания предмета разговора, что тоже вполне объяснимо, а по причине сугубого отнесения проблемы к уже имеющемуся своду знаний — христианскому слову, а потому и соответствующему сему факту запрета на какое-либо осмысление проблемы не только вне, но даже и в рамках уже состоявшегося знания. Что ж, свой резон во всей этой своеобразной конспирологии, ибо с Софией не шутят, есть, но ведь непосредственное обращение к Софии любого глубокого и серьезного мыслителя так или иначе неизбежно, ибо он не может не задаваться вопросами, не находящими ответа вне, если так можно выразиться, софийного дискурса, того самого, что выше, сокровеннее и, при случае, откровеннее любого другого (в общем-то — обыденного) дискурса. Задумывается откровенческий философ-метафизик над феноменом Софии или нет, но ясно, что он имеет дело так или иначе с Софией, либо, на крайний случай, с софийностью — мира, человека, вообще любого предмета. Но бывают ситуации, когда мыслитель не может не обращаться именно к Софии как к мудрости, превышающей любую сотворенную им мудрость, как к мудрости мудрости, в любом варианте предшествующей и опережающей его собственную мудрость. Нет, конечно, не для того, чтобы раз и навсегда разгадать Софию — это для смертного невозможно, а всего лишь для того, чтобы, признавая и осознавая Софию, расширить, углубить и возвысить свое размышление, обогатить его, обострить, «опроникновентить», как раз для того, чтобы искать познавательный, рассудительный и проективный адекват как собственно реальному миру, так и миру сознанием чаемому. И почему же такой предельно уважительный и ответственный выход к Софии должен быть под запретом? Да, для вульгарного, симуляционного и карнавализованного сознания (лучше бы сказать — бессознания) подобный выход недопустим (впрочем, и попросту невозможен), но для воистину мудрствующего

сознания — подготовленного, зрелого, возвысившегося — он просто необходим и, увы, неизбежен. Обсуждение софийно-социологической проблемы вовсе не есть само по себе реальное взаимодействие с Софией, творческий с ней контакт, хотя и это, в общем-то, возможно, но зато это здесь есть признание Софии и выражение ей признательности, причем не просто Софии, а Софии Премудрости Божией (!), что означает для человека руководство не только чувственными, невропсихическими, физическими, как и ближайшими, хоть и выраженными в слове, идеальными, воспроизводственными критериями бытия, но и критериями метафизическими, сверхсознательными, метасмысловыми, которые не сводимы к текущей обыденности с ее потребностями, пользой, выгодой, а, реализуясь через обыденность, выходят за ее пределы, служат метаобыденному и улавливаются как раз осознанно софийным сознанием. Никто не сомневается, что София выражена прежде всего в религии, в христианстве, в Библии, что она представлена Церковью, но ведь вокруг идет, даже и в самой Церкви, каждодневная жизненная реальность, ежемоментно приходящая из неизвестного будущего и уходящая не в досконально известное прошлое, и эта-то реальность требует постоянного реалистического, но в то же время и метареалистического, осмысления, которое более всего удастся при сотрудничестве добросовестного мыслителя с Софией, которая, конечно, может и не открыться сыну человеческому, но которая может и до него снизойти, разумеется, не воплощаясь в нем как в Христе, но объемля его своим метасмысловым свечением. История, как и мир, не стоит на месте, она идет, и идет в изменяющемся мире, сама при этом мир и изменяя, но изменяясь и от него, а потому осмысление всего происходящего — не на поверхности, даже не в какой-то там глубокой глубине, а попросту где-то внутри, в толще процесса, в смысловой сердцевине — это бесспорно метафизическая задача, а в своей крайности — софиологическая. Софиология не столько само учение о Софии — что может человек смертный сказать *такого* о вечной Софии? — сколько софийностное постижение реальности, включая и всю ее ирреальность, трансцендентность, иномирность. А ведь все это ирреальное, трансцендентное, иномирное не где-то там, хотя и там тоже, а непосредственно здесь, в явленной неявленности и неявленной явленности. Сколько есть срока человеческой явленности, столько срока есть и у человеческого восприятия Софии. Сознание и София, как и София и сознание, нерасторжимы, хотя сознание человеческое временно и сопряжено с бренным телом, а София свободна от телесности и временности. И как же человеку мыслящему не обращаться к Софии, ежели само это сознание есть порождение и проявление Софии, пусть и по воле Божией, пусть и по воле Святой Троицы — триипостасного Бога.

Утверждение, что «Вера в Софию есть неверие во Христа» — не просто неверно, а прямо-таки абсурдно, ибо в Христа и в самом деле надо верить, а вот София ни в какой в себя саму вере не нуждается, ибо она просто есть, и ее остается только признавать, ибо в противном случае, откуда же тогда и из чего вышло мироздание, природа, все живое, человек со всей своей сугубо человеческой и всего более софийной (близкой к Софии) атрибутикой: сознанием, словом, языком, смыслами, мыслями, воображением, творчеством, проектированием? Весь тварный мир софиен, а человек — активно софиен. Да, София — безусловный атрибут Бога Творца, Его эманация и Его творение. Это и замысел Бога относительно тварного мира, его смысловое предвосхищение и даже предпроект, а также непосредственное присутствие Бога в тварном мире. Что-что, но высшая, иномирная, предтварная мудрость Бога, его изначальная Премудрость, не может никак успешно оспариваться убогим сознанием человеческим, а потому высокое сознание рано или поздно признает Божию Премудрость, стремится с нею плодотворно взаимодействовать. Ни одно христианское сознание не оспаривает той христианской премудрой очевидности, что Христос есть София, а София есть Христос, но с тем все-таки допущением, что София и Христос все-таки не одно и то же, как, к примеру, ум и мысль или слово и мысль тоже ведь не одно и то же. Обращение к Софии есть, конечно же, обращение к Богу и ко Христу, но лишь с целью познания, овладения смыслом и смысловой же направленностью человеческих деяний. У Софии, грубо говоря, своя миссия пред человеком — смыслово-познавательско-ориентированная, коль скоро человек обладает софийным свойством смыслознания и смыслоизъявления. И нет никакой нужды в «убойном» противопоставлении Софии и Бога, Софии и Христа, как и в их механическом слиянии. Нет, разумеется, и никакой нужды объявлять Софию ипостасью Бога, да еще и личностной ипостасью, да еще и ипостасью женской. Проблема вовсе не в этом, не в трактовании Софии как божественного феномена, да еще и в ее предстоятельном взаимоотношении с Богом и со Христом, а в том, чтобы, если так можно выразиться, учитывать в размыслительном и деятельском процессах, в миропонимании, в жизнеотправлении, в хозяйствовании, в творчестве, опять же, если так позволительно выразиться, софийный фактор, сам факт иномирного наличия Софии и ее сеюмирного присутствия. Да, построив софиологию, возможно залезть, как говорится, не туда, можно что-то неправомерно исказить, совершить концептуальную ошибку, наконец, попытаться что-то из сакрального задиристо оспорить, а то и вовсе отвергнуть. Все это возможно, но это не значит, что к Софии, софийности и софиологии нельзя вообще обращаться, тем более что корректировочным критерием

здесь является в чем-то и предупреждающее утверждение, что София есть Бог, есть Святая Троица, есть Христос, особенно важное для бодрствующего человеческого сознания, ибо Христос есть еще и воплощенный в человека Бог — Богочеловек! Софиология — дело в первую очередь богословское, но не только — и философское тоже. Любой метафизический философ не может пройти мимо Софии, причем как именно Софии Премудрости Божией, но столько для того, чтобы умно порассуждать о Софии, как ею — Софией!.. утилитарно воспользоваться (прошу прощения за эти низкие словечки!), поднимаясь в своем философствовании до софийных уже высот, ежели, конечно, сама София это позволяет, а не назидательно отказывает, а то и беспристрастно наказывает — со всей, знаете ли, карающей строгостью. София не для обыденного, а возвышенного (опять же простите за ходячее словцо) утилитаризма, вполне и благородного. В случае выхода философствующего сознания, скажем так, на софийностный уровень, обогащенное Софией философствование обретает характер *софиасофии*. Можно оспаривать этот тезис, а можно, знаете ли, и согласиться, в особенности, если бросить восхищенный взгляд на достижения жреческой и иной древней мировоззренческой мысли-мудрости; на Библию, преподносящую до сих пор не одну божественную мудрость, но и демонстрирующую идейно-духовную, не говоря о событийном, матрицу человеческого бытия (никакое и ничье писание не говорит о человеке и его реальности откровеннее, правдивее и непредвзятое, чем Библия); на писания титанов мысли-мудрости всех времен, народов и краев, включая и Россию — историческую и современную. Вряд ли целесообразно отводить размышляющее человеческое сознание от Софии — Софии Премудрости Божией, хотя вполне оправдано тут стремление к соблюдению меры, подсказываемой не только Богом, Святой Троицей и Христом, но и самой Софией. Логос божествен, это тоже эманация Бога, но Логос... не София, ибо мудрость не вся в слове, хотя без слова ее вроде бы и нет, ибо мудрость... засловна, а может, и дословна, во всяком случае, София первичнее и основательнее Логоса. София и Логос нерасторжимо связаны, это два начала в одном целом, но София это... София, а Логос... это Логос, хотя и в Софии есть место Логосу, а в Логосе присутствует София. Логос ближе к разуму, рассуждению, а София — нет, не к чувству, а к откровению, сверхсознанию, метасмыслу. София ближе к русскости, чем Логос, и русскость ближе тяготеет к Софии, чем к Логосу. Логос более там — на Западе, а София более здесь — в России. Запад весь от мира сего, для него важны сеюмирное бытие и имманентное ему хозяйствование с его словом, пользой, расчетом, а Россия (не Восток, а именно Россия) вся... не от мира сего, она вся тяготеет к иномирию, и бытие ее

какое-то трансцендентное (непонятное, безрассудное, чуть ли не безумное), а уж хозяйствование... что говорить!.. совсем не рациональное, даже не умственное, а само-собой-текущее, стихийное, какое-то «авосьное». Не устраивается до логосного уровня русский человек в этом мире, а чаёт все какого-то *иного* мира, сопрягаясь более не с Логосом, а с Софией. Вот и слово русское более софийное, чем логосное, и литература, и философия. Для западного мыслителя никакой особой и тем более содержательной философии в России нет, ибо нет в такой вот философии ни законченной системы, ни целостного набора предельных категорий, ни специфически философского языка. Русской философии, если она есть, достаточно обычного языка, размытых понятий, неопределённых высказываний, она более сориентирована на вчувствование, вдумывание, вслушивание, как и внезапное откровение. Более намекает, чем утверждает, более молчит, чем говорит, более манит, чем указывает. Какая-то прямо-таки нечеловеческая философия, не словесная, не умственная. Верно, это все на Руси возможно, и не философия в обычном понимании, а... софиасофия, во всяком случае, ежели это все же философия, то софийная философия — *русская софийная философия*, в среде которой и *русская философия хозяйства*, она же попросту *философия хозяйства*, разумеется, *софийная философия хозяйства*. О-о, сколько поднялось возмущённых голосов по поводу этакого русо-философского самозванства: мало того, что никакой дельной философии нет, так еще и бездельную философию свою (псевдофилософию, лжефилософию) софийной решили обозвать! Какой-такой автовыход на Софию, какая-такая самобытная софийная философия?! Ату их, ату ее! Еретики, вольнодумцы, самозванцы! Не философия, а бред, не мысль, а чушь, не открытие, а блуд. И полилось, да не так из-за границы, как от своих — что западников, поклонников Логоса, что от православных, сторонников Христа и чуть ли не противников Софии. Порицания, обвинения, насмешки, ругань. А что, собственно, произошло? Почему такая нервная и даже злая реакция? Что случилось? Уж не то ли, что русскость заявила о себе наконец-то по-философски, но сделала это не по-ихнему, и не ученически, а по-своему — уже учительски? Русскость почему-то (уж не вследствие ее неотмирности?) принято порицать, обвинять, ругать (за отсталость, за неумелость, за непозволительную особость, за мракобесность, за саму... русскость, наконец) — и хорошо, когда русскость лишь учится, кому-то подражает, чему-то внешнему следует, смиренно молчит, усиленно кается, но совсем плохо, когда она вдруг начинает говорить — о себе, о человеке, о мире, о Боге. Нельзя! Истина не в русскости вовсе, где только ложь с недоразумением, а там, как раз *вне* русскости. И хотя сама русскость не против ни западного Логоса, ни

домашнего Православия, более того, она и в самом деле многое взяла от того и другого, но вот говорить о себе от себя самой она никак почему-то не может — гордыня, видите ли! Смирись, русскость, и помалкивай! Но что поделать, ежели русскость вступила на путь уже нововременского самосознания, и хорошо осознавая острейший кризис Нового времени (или Модерна), взяла да и развернулась вполне сознательно в сторону Софии — Софии Премудрости Божией, стремясь что-то важное понять как для себя, так и для всех — что архаиков, что прогрессистов — вступивших вольно или невольно в великое апокалиптическое время — эпоху Постмодерна, когда «Последние времена» не логосная метафора, а уже вполне софийная данность!

Анонсы

VII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

Публичная коллективная лекция профессоров
Ю.М. Осипова, Н.Б. Шулевского и Л.А. Тутова

на тему:

Философия хозяйства: вводный абрис
К 100-летию выхода в свет классической работы
С.Н. Булгакова «Философия хозяйства»

Почему возникла философия хозяйства? В чем ее главный смысл? Каковы концептуальные основания философии хозяйства? Зачем нужна философия хозяйства, что она дает мыслящему и действующему человеку?

13 октября 2012 г., в 11 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

***«Актуальное интервью: Н. Ленин (Вл. Ильин).
Империализм, как новейший этап капитализма.
Петроград, 1917***

К 95-летию выхода в свет классического труда
В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия
капитализма»

Написанная в свое время и для этого времени работа В.И. Ленина в основе и многих чертах не теряет актуальности, более того, получает смысло-концептуальные подтверждения. Не все сегодня так, как помышлял когда-то Ленин, но вряд ли все новое современное можно счастливо осмыслить без обращения к замечательному ленинскому труду. Слово Ленину! Ленинское слово, историческое слово, но и наше слово — слово нынешнее.

13 ноября 2012 г., в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**Постреформизм на службе России:
вырыв к развитию**

Что бы ни говорили сегодня о завершении реформирования России, ее общества и экономики, реформный воз и ныне там — в реформировании, пусть и не столь масштабном, дерзком и безответственном, как в лихие 1990-е, но не менее, а даже более необходимом для вроде бы уже пореформной страны. Реформа завела Россию в тупой, но зато прочный и комплексный тупик: глобальной зависимости от внешнего контекста (и от глобализма как такового тоже), энерго-сырьевой флюсовости «нацхозяйства», физического и морального старения всего и вся, непроизводительности и неразвиваемости. Любой стандартный ход, иной раз и экстравагантный, лишь усугубляет смертельно аномальную ситуацию. Требуется что-то экстраординарное — и не от кого-то, а от самой российской власти, которая пока лишь признает назревшие проблемы, но бежит упорно от их разрешений. Впереди — новая реформа, причем совершенно уже иная реформа, совсем не реформная, а постреформная. Впереди — неординарная экстраординарность, влекущая невозможный вырыв из постигнутого Россию тупика и возможный прорыв к всестороннему развитию!

Секции:

1. Российская аномалия в острокризисном общемировом контексте.
2. Зарвавшийся экономизм: триумф, кризис, преодоление.
3. Научно-техническое инновирование: цели, возможности, средства, последствия.

5—7 декабря 2012 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2012 г.

Тексты статей до 0,33 п. л. принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2013 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 15 ноября 2012 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183,
пн., чтв. 13.00 — 19.00.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

УСИК НИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики и финансов, заместитель декана по научной работе, факультет экономики и экологического менеджмента, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (*nius50@yandex.ru*).

ЯКОВЕЦ ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА,

действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева (*tzag@mail.ru*).

СОБОЛЕВСКАЯ АЛИСА АЛЕКСАНДРОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН (*a-kporov@yandex.ru*).

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт (г. Киров) (*rektor@vsei.ru*).

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по качеству образования, Смольный институт (г. Санкт-Петербург) (*subal1937@yandex.ru*).

ХРИСТОКИН ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философии и политологии, Национальный университет государственной налоговой службы Украины (г. Ирпень, Украина) (*christokin_gena@mail.ru*).

ВОРОБЬЕВА ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА,

действительный член АФХ, к.ф.н., профессор, заведующая кафедрой философии и полиологии, Национальный университет государственной налоговой службы Украины (г. Ирпень, Украина) (*lubava_61@mail.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московская финансово-промышленная академия (*Orient-express@rambler.ru*).

ЗОЛИН ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ,

д.и.н., профессор, кафедра экономики и финансов, Государственная полярная академия (г. Санкт-Петербург) (*Zpm123@mail.ru*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.полит.н., профессор, Кемеровский государственный университет (*birs.07@mail.ru*).

КАЗАКОВА СВЕТЛАНА КОНСТАНТИНОВНА,

к.искусствовед., член Ассоциации искусствоведов (*svka@inbox.ru*).

СИДОРОВА АЛЛА ЭДУАРДОВНА,

к.т.н., старший научный сотрудник, кафедра биофизики, физический факультет МГУ (*a.e.sidora@mail.ru*).

ТВЕРДИСЛОВ ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.-м.н., профессор, заведующий кафедрой биофизики, физический факультет МГУ (*tverdislov@mail.ru*).

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,

вице-президент АФХ, действительный член АГН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*v.rjazanov@mail.ru*).

ДЯТЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (*sdyatlov@mail.ru*).

СЛЕПАКОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономики и управления на предприятии, филиал Северо-Кавказского государственного технического университета (г. Пятигорск) (*sslepakov@yandex.ru*).

РУМЯНЦЕВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА,
к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Санкт-Петербургский
государственный университет (*liakra3@mail.ru*).

ПОЛОВИНКИНА НАТАЛИЯ ВИКТОРОВНА,
к.э.н., доцент, докторант, кафедра мировой экономики и бизнеса, эконо-
мический факультет, Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (*NataliyaPolovinkina@gmail.com*).

МАРКАРЯН КАРЕН ВАНИКОВИЧ,
д.э.н., профессор, директор, Научно-исследовательский институт гло-
бальной экономики (*mark-aren@mail.ru*).

БРИЖАК ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА,
к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Кубанский государст-
венный технологический университет (г. Краснодар)
(*brizhak71@mail.ru*).

ХАБАЛАШВИЛИ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ,
к.э.н., сотрудник МГУ.

ЗОЛКИН ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ,
соискатель, кафедра мировой экономики, Московский государствен-
ный университет (*i.s.zolkin@mail.ru*).

БЕККЕР ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА,
аспирант, кафедра экономической теории, Московский государствен-
ный институт международных отношений (университет) Министерст-
ва иностранных дел РФ (*pr-lastochka@yandex.ru*).

МИРОШИНА ЕВГЕНИЯ ЮРЬЕВНА,
аспирант, Российский государственный торгово-экономический уни-
верситет (*Evgeniya-1808@yandex.ru*).

ПАТЫРБАЕВА КСЕНИЯ ВАДИМОВНА,
к.ф.н., докторант, кафедра философии, Пермский государственный
национальный исследовательский университет; старший преподава-
тель, кафедра философии, Пермская государственная сельскохозяйст-
венная академия им. Д.Н. Прянишникова (*philosmatem@mail.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,
действительный член АФХ, старший преподаватель, кафедра русской
литературы, Белорусский государственный университет (г. Минск,
Белоруссия) (*sansanytch08@mail.ru*).

ЗУБАНОВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

аспирант, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (*zubanov2001@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

НИЛОГОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета (г. Абакан) (*NILOGOV1981@yandex.ru*).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (*kut.va@mail.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*managerial@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2012 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.